

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт философии

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2014 году

Выпуск

2

Минск
«Беларуская навука»
2015

УДК 1(082)

Второй выпуск сборника научных трудов «Философские исследования» посвящен актуальным проблемам социальной философии, аксиологии, национальной философии, философским проблемам науки и техники. В него включены статьи известных философов и ученых Беларуси, России и Украины. Основной целью сборника является актуализация, анализ и решение спектра проблем указанных областей философского знания.

Рассчитан на ученых-философов, преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся проблемами философской культуры, развития современного общества и человека, методологии науки.

Ежегодный сборник научных трудов «Философские исследования» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по философской отрасли науки (Приказ Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь № 156 от 19.06.2015 г.).

Рекомендовано:

Ученым советом ГНУ «Институт философии НАН Беларуси»,
протокол № 8 от 18 июня 2015 г.

Редакционная коллегия:

Т. И. Адуло (главный редактор), доктор философских наук, профессор;
А. Л. Куши (зам. главного редактора), кандидат философских наук, доцент;
А. О. Карасевич (ответственный секретарь), магистр психологических наук;
П. Ганчев, доктор философских наук, профессор (Болгария);
Л. Ф. Евменов, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук;
А. А. Лазаревич, кандидат философских наук, доцент;
И. Я. Левяш, доктор философских наук, профессор;
В. А. Максимович, доктор филологических наук, доцент;
О. П. Пунченко, доктор философских наук, профессор (Украина);
Э. М. Сороко, доктор философских наук, доцент;
А. И. Субетто, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
Д. И. Широканов, академик НАН Беларуси, доктор философских наук

Рецензенты:

Е. М. Бабосов, академик НАН Беларуси, доктор философских наук;
С. П. Винокурова, доктор философских наук, профессор

© ГНУ «Институт философии НАН Беларуси», 2015
© Оформление. РУП «Издательский дом «Беларуская
навука», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	7
-------------------------	---

ОТ РЕДАКЦИИ

Адуло Т. И. Философско-теоретические основания понимания сущности идеологии и идеологических процессов	9
---	---

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Титаренко Л. Г. История модернизации: восточноазиатские модели	24
Старжинский В. П., Мушинский Н. И. В поисках справедливости: конструктивно-феноменологический подход к построению социальной онтологии.....	33
Лазаревич А. А. Приоритеты и факторы постиндустриальной модернизации	52
Плебанек О. В. Родимые пятна общественных наук: специфика конституирования и пределы возможностей.....	64
Каракo П. С. Экологическая этика: сущность и социальная выраженность.....	76

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ

Крюков В. М. Философия как механизм ценностной и мировоззренческой ориентации в обществе знаний.....	90
Лойко А. И. Модернизация и устойчивое развитие в контексте ценностной проблематики	102
Куксачёв Н. Н. Сострадательность как черта русского национального характера.....	113

НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

Левко А. И. Духовно-нравственный потенциал личности и национальная культура: социально-философский анализ	121
Максимович В. А. Национальная традиция в укреплении мировоззренческих и духовно-нравственных основ современного общества.....	135
Яскевич Я. С. Философская рефлексия в осмыслении геополитических рисков и практик: национальное и глобальное	146
Земляков Л. Е., Шерис А. В. Религиозный фактор национальной безопасности Республики Беларусь: политико-правовые аспекты	159

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Осипов А. И. Формы философской рефлексии над наукой	171
Пунченко О. П. Становление и развитие интеллектики как формы философской рефлексии.....	182
Кикель П. В., Сороко Э. М. Эпистемология на изломе времен: системоцентризм versus логикоцентризм	191

Павлюкевич В. И. Эпистемологический статус логических отношений классической пропозициональной логики	209
Жукова Е. А. Химеры хайтека	220
Капитонова Т. А. Интегральная парадигма в исследованиях искусственного интеллекта: проблемы и перспективы.....	229
Спасков А. Н. Новая онтология квантовых состояний в модели расслоенного времени ...	237
Колесников А. В. Синергетика и история материи.....	254
Куиш А. Л. Научная теория в свете интертеоретических связей.....	260

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Адуло Т. И. Философия истории в творчестве профессора Ю. А. Харина	274
Куиш А. Л. В поисках философской истины (к 75-летию Э. М. Сороко).....	281
Мякчило С. А. На пути к гармонии интеллектуальной культуры. Философский диалог ученых и богословов.....	285
Сведения об авторах	292
Информация для авторов	294

CONTENTS

To the reader	7
----------------------------	---

FROM THE EDITORS

Adoulo T. I. Philosophical and theoretical comprehension of ideology and ideological processes.....	9
--	---

PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF SOCIAL DYNAMICS

Titarenko L.G. History of modernization: East-Asian models	24
Starzhinsky V. P., Mushinsky N. I. Searching for justice: structural-phenomenological approach to social ontology building.....	33
Lazarevich A. A. Priorities and factors of post-industrial modernization.....	52
Plebanek O. V. Birthmarks of social sciences: specifics of institutionalization and limits of possibilities.....	64
Karako P. S. Ecological ethics: essence and social expressiveness.....	76

AXIOLOGICAL ASPECTS OF SOCIAL BEING

Kryukov V. M. Philosophy as the mechanism of values and worldview orientation in the society of knowledge.....	90
Loiko A. I. Modernization and sustainable development in the context of value problems.....	102
Kuksachev N. N. Compassion as a feature of the Russian national character.....	113

NATIONAL PHILOSOPHICAL THOUGHT

Levko A. I. Spiritual and moral potential of personality and national culture: social and philosophical analysis.....	121
Maksimovich V. A. National tradition in strengthening the worldview and moral foundations of the modern society.....	135
Yaskevich Y. S. Philosophical reflection in understanding of geopolitical risks and practices: national and global aspects.....	146
Zemlyakov L. E., Sheris A. V. Religious factor of national security of the Republic of Belarus: political and legal aspects.....	159

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Osipov A. I. Forms of philosophical reflection over science.....	171
Punchenko O. P. Formation and development of intellectics as a form of philosophical reflection.....	182
Kikel P. V., Soroko E. M. Epistemology on the time break: system-centrism vs. logic-centrism	191
Pavlyukevich V. I. Epistemological status of logical relations of classical propositional logic....	209

Zhukova E. A. Chimeras of High-Tech	220
Kapitonova T. A. The integrated paradigm in artificial intelligence research: problems and prospects	229
Spaskov A. N. New ontological interpretation of quantum states in the fiber time model.....	237
Kolesnikov A. V. Synergetics and history of matter	254
Kuish A. L. Scientific theory in the context of inter-theoretical relations	260

SCIENTIFIC LIFE

Adoulo T. I. Philosophy of history in the works by professor Yu. A. Kharin.....	274
Kuish A. L. Searching for philosophical truth (to E. M. Soroko's 75-th anniversary).....	281
Myakchilo S. A. Towards the harmony of intellectual culture. The philosophic dialogue of scientists and theologians	285
Information about the authors	292
Information for authors	294

К ЧИТАТЕЛЮ

Второй выпуск ежегодного сборника научных трудов Института философии НАН Беларуси «Философские исследования» приобрел новый статус: ему присвоен международный идентификационный библиографический код ISSN. Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь сборник включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по философской отрасли науки. Считаю, что пройдены важные вехи и нужно двигаться дальше – к более глубокому научно-теоретическому уровню осмысления современных проблем в области философии и социальной практики, к более широкому признанию нашего издания в среде философской и научной общественности.

Включенные в сборник работы охватили основные разделы современной философской науки. В этом издании по сравнению с опубликованным первым выпуском значительно больше внимания уделено социально-философской проблематике. В частности, проанализирован круг вопросов, связанных с пониманием сущности идеологии и современных идеологических процессов – раскрыта диалектика объективных (историческая эпоха, общественно-политическая ситуация и др.) и субъективных (личность идеолога, мотивы деятельности и др.) факторов, влияющих на процесс выработки идеологии, представлены базовые методологические принципы, обеспечивающие ее системность. Ряд статей посвящен выявлению и анализу факторов постиндустриальной модернизации, а также философско-теоретическому осмыслению ее восточноазиатской модели. При этом осмысление модернизации проводится с учетом ее экологической и аксиологической экспертизы. В сборнике отведено значительное место философско-антропологической теме. Выясняются различные факторы, способные оказывать позитивное влияние на духовное состояние общества, развитие его интеллектуального потенциала, анализируется процесс разработки в современных условиях высоких социогуманитарных технологий (Hi-Hume), предназначенных для манипуляции сознанием (реклама, PR, управление персоналом и знаниями и др.). В издании осуществлен философский анализ геополитических рисков и практик. В этом плане раскрывается роль национальной традиции и религиозного фактора в укреплении мировоззренческих и духовно-нравственных основ современного общества, упорении национальной безопасности Республики Беларусь.

К читателю

Авторами статей исследуются также проблемы логики и методологии науки: уточняется теоретико-методологическая значимость понятия логической формы; осуществляется аналитическая систематизация логических отношений, в ходе которой построен ряд вариантов такой систематизации и реализованы возможности минимизации базиса данного рода систем; предлагается модальная интерпретация логических отношений. В сборнике получили освещение и такие актуальные проблемы междисциплинарных исследований, как синергетика, искусственный интеллект и др.

В разделе «Научная жизнь» помещены материалы о юбилеях Ю. А. Харине и Э. М. Сороко, а также обзор международной научной конференции «Святой князь Владимир и Крещение Руси: цивилизационный выбор восточнославянского мира», организованной Институтом философии НАН Беларуси совместно с минскими духовными школами и прошедшей в семинарии при Свято-Успенском Жировичском монастыре 14–15 мая 2015 г.

Редколлегия приветствует участников второго выпуска и приглашает к сотрудничеству отечественных и зарубежных философов и ученых. Условия нашего сотрудничества указаны в разделе «Информация для авторов», который размещен в конце данного издания.

Редколлегия

ОТ РЕДАКЦИИ

УДК 316.75:1(476)

ФИЛОСОФСКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОНИМАНИЯ СУЩНОСТИ ИДЕОЛОГИИ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Т. И. АДУЛО

На основе обобщения социально-философских источников, осмысления исторического процесса и современной социальной практики раскрыты понятие, сущность идеологии и идеология белорусского государства как специфические социальные феномены, выявлены исторические этапы их становления и развития, механизмы функционирования, воспроизведена диалектика объективных (историческая эпоха, общественно-политическая ситуация и др.) и субъективных (личность идеолога, мотивы деятельности и др.) факторов, влияющих на процесс выработки идеологии, представлены базовые методологические принципы, обеспечивающие ее системность.

Идеология – один из ключевых факторов общественной жизни. Пронизывая сознание больших масс людей, она оказывает активное влияние на все ее сферы. Вполне объяснимо поэтому столь пристальное внимание политиков к данному феномену. Но идеология не в меньшей степени, чем политики, интересует и ученых-гуманитариев, поскольку понимание ее сущности и механизмов функционирования позволяет им более глубоко уяснить динамику и логику общественных процессов, источники общественного развития, степень возможного влияния человека на ход событий. Применительно к белорусскому обществу большой научный интерес представляет исследование и самой идеологии, и особенно идеологии белорусского государства.

К настоящему времени в этой области в Беларуси уже проделана значительная работа в теоретическом и в практическом плане. Можно выделить три этапа.

Первый этап (первая половина 1990-х годов) был периодом переосмысления прошлого опыта в области идеологии. Он был самым противоречивым. С одной стороны, в ту историческую эпоху к идеологии относились чрезмерно негативно практически все политики и исследователи гуманитарного профиля. Понятие «идеология» отождествлялось, как правило, с понятием «коммунистическая идеология». Сама же коммунистическая идеология трактовалась как доктрина, обеспечивавшая в СССР диктатуру одного класса, одной политической партии со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. С другой стороны, активный подъем национального самосознания, а за-

тем образование национальных государств на базе бывших республик СССР объективно вели к утверждению на постсоветском пространстве национальной идеи в ее различных модификациях, определявшихся этническими особенностями главных субъектов формирующихся государств и интересами их политиков, которая-то и выступила в роли идеологии, хотя ее субъекты не говорили, а возможно, даже и не подозревали об этом. Эта идея имела питательную почву. Строительство суверенных государств предполагает наличие сформированного национального сознания. Титульным нациям образовывавшихся государств следовало отграничить себя от других наций – отыскать в себе то уникальное, которое присуще только ей одной и никому другому. Именно национальная идея предстала в качестве идеологии, то есть в виде своего рода программы практических действий политиков и граждан.

Наряду с национальной идеей в общественном сознании граждан, преимущественно в рядах интеллигенции, стали активно формироваться идеи национализма. В отдельных постсоветских государствах национализм был возведен в ранг идеологии государства. Он предстал теоретической основой построения мононациональных субъектов международного права. Однако концепция «национальной идеи» в ее гипертрофированной форме и уж тем более национализм, положенные в основу идеологии государства, на практике объективно вели к доминированию титульной нации во всех сферах общественной жизни. Они не объединяли в одно целое различные этносы, проживавшие вместе на протяжении многих лет на данной территории, а наоборот, их разъединяли и не способствовали упрочению государственных устоев. Внутри только что образовавшихся суверенных государств возникали острые противоречия на межэтнической почве, межнациональное противостояние нередко доходило до вооруженных столкновений.

Второй этап (вторая половина 1990-х годов) характеризовался постепенным осознанием политическими лидерами постсоветских государств необходимости идеологии. Была поставлена задача разработки на профессиональной основе идеологии и Республики Беларусь. Важной вехой в этом плане стала научная конференция «Идеология белорусской государственности: проблемы теории и практики», проведенная в Минске на базе НАН Беларуси 12 ноября 1998 г. [1]. Она позволила ученым обменяться мнениями, представить на обсуждение разнообразный спектр подходов к идеологии, наметить основные пути дальнейших исследований, а также практических действий в идеологической сфере. Следует отметить то, что в докладах и выступлениях была четко обозначена идея необходимости идеологии. В итоге господствовавшая в общественном сознании в начале 1990-х годов идея «деидеологизации» участниками конференции не была поддержана.

Содержание опубликованных докладов участников конференции свидетельствовало о том, что научно-теоретическое осмысление идеологии как социального феномена и идеологии белорусского государства находилось на на-

чальной ступени. Подтверждалось это разбросом мнений относительно самого понятия «идеология», не говоря уже о путях разработки концепции идеологии белорусского государства. В частности, использовались такие термины, как «государственная идеология», «идеологии белорусской государственности» и др. Но больше всего разногласий выявилось при трактовке самой идеологии: одни докладчики, вслед за немецким социологом К. Манхеймом, представили ее в виде частичных, локальных и глобальных идеологий, другие – в виде отечественной истории, третьи – в виде либеральной экономики. Неслучайно поэтому отдельные выступающие в качестве важнейшей задачи на ближайшее время поставили задачу *философско-теоретического* осмысления феномена идеологии [1, с. 80].

Подводя итог дискуссиям 1990-х годов относительно идеологии и ее места в жизни белорусского общества, можно отметить следующее. Политологами и обществоведами Беларуси уже в тот период были представлены различные варианты предварительных набросков идеологического проекта. Но для большинства из них характерны недостатки *логико-методологического плана*: к идеологии подходили не как к *системе знаний*, дающей ответ на запросы социальной практики, а по преимуществу как к *идеям, способным активизировать, увлечь массы*. Был взят на вооружение известный принцип «движение – всё». Приоритет в этих концепциях отдавался должному, а не сущему. Они напоминали в какой-то степени социальные утопии Т. Кампанеллы, Р. Оуэна – в них осуждалась наша реальность как неразумная и в противовес ей выдвигались различные привлекательные, идеальные социальные модели, но все они представляли собой логически не обоснованные и неаргументированные конструкции, то есть мифы. Поставленные обществоведами в 1990-е годы проблемы национальной идеологии в указанный период не получили научно-теоретического обоснования. Их осмысление было продолжено уже в начале XXI в.

Третий этап (с марта 2003 г.) характеризуется формированием идеологии белорусского государства на основе решений семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов, который работал в городе Минске 27–28 марта 2003 г. [2]. Идеологическая работа стала обретать более четкие ориентиры и в плане теории, и в плане практики. За относительно короткий по меркам истории срок в области идеологии были разработаны две учебные программы, подготовлены в соответствии с ними лекционные курсы, изданы учебники и пособия [3], выдвинуты и апробированы различные теоретические концепции, опубликованы научные работы, защищены диссертации. Однако, несмотря на активно предпринимаемые усилия со стороны ученых-гуманитариев, идеологическая доктрина белорусского государства пока не выкристаллизовалась в стройную теорию.

Одной из причин сложившейся ситуации является то, что отдельные исследователи преломляют проблемы идеологии через призму прежних своих

теоретических наработок из области истории, права, эмпирической социологии, политологии. Нам же представляется, что идеологию следует разрабатывать, опираясь на знания, касающиеся механизма функционирования общества, динамики теоретического и массового сознания и других проблем философии истории. Поэтому в процессе разработки идеологии следовало бы отдать предпочтение философам, специализирующимся в области социальной философии.

Еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание, – это отсутствие системности в разработке идеологии. И дело вовсе не в плюрализме мнений, порой взаимоисключающих концептуальных подходах к проблеме, а в том, что предложенные идеологические доктрины носят налет эклектичности. Серьезность ситуации состоит еще и в том, что разработчики зачастую ограничиваются лишь чисто теоретическими конструкциями и не пытаются их соотносить с реальной жизнью нашего общества. В этой связи представляется целесообразным обратить внимание на отдельные проблемные вопросы, возникающие в процессе разработки идеологии белорусского государства. Именно о них и пойдет речь дальше.

Первое, с чем приходится сталкиваться при более глубоком ознакомлении с содержанием публикаций по идеологии белорусского государства, – это непонимание отдельными авторами конкретно-исторического содержания понятия «идеология», впрочем, как и других философских категорий. Здесь четко прослеживается влияние герменевтики и постмодернизма, в особенности его французской школы.

Общеизвестно, что в процессе жизнедеятельности человек (человечество в целом) познает окружающий его мир и самого себя путем постижения объективно существующих взаимосвязей и взаимоотношений между предметами и явлениями и их фиксирования в словах-понятиях. Но поскольку познающий субъект в теоретически-практической деятельности охватывает своей мыслью новые, более глубокие пласты окружающего мира, то уже известные слова-понятия, зафиксировавшие социально-исторический опыт предшествующих поколений, наполняются новым содержанием. Формируются и новые понятия, аккумулирующие социально-исторический опыт новых поколений, представляющие собой ступеньки выделения человека из окружающей среды и его возвышения над нею.

Таким же путем шло развитие понятия «идеология». Являясь производным понятием от понятия «идея» (гр. *ἰδέα*), выработанного древнегреческой философией для обозначения мира лишенных телесности идеальных сущностей (Платон), оно в различные исторические периоды претерпевало существенные изменения, наполнялось новым содержанием, пока не обрело с конца XIX в. современную трактовку.

Как же представлено понятие «идеология» в современных публикациях? На наш взгляд, не совсем верно. Все исследователи за отправную точку бе-

руг работы французского мыслителя Дестюта де Траси, который первым ввел в научный оборот понятие «идеология». Это действительно так. Это тот редкий случай, когда имеешь дело с истиной в последней инстанции.

Но вопрос заключается в другом. Расхождение с позицией многих авторов начинается тогда, когда начинаешь выяснять подлинную трактовку содержания данного понятия французским исследователем и осмысливать сущность решаемой им задачи. Многие авторы экстраполируют современное понимание политической идеологии на работу Дестюта де Траси «Элементы идеологии», что с научной точки зрения совершенно недопустимо. Получается, будто бы французский ученый конца XVIII – начала XIX в. мыслил категориями XX столетия. На самом деле Дестют де Траси и группа его единомышленников – К. Ф. Волней, П. Ж. Кабанис и другие, – получившие название «идеологов», никакого отношения к современной трактовке феномена идеологии, а тем более к идеологии белорусского государства, не имеют. Они решали полученную еще в наследство от Дж. Локка и Э. Б. Кондильяка важную гносеологическую проблему – пытались выяснить и «окончательно достроить» механизм превращения эмпирического материала, полученного посредством органов чувств, в мыслительный материал, представленный в совокупности различных комбинаций идей. В свое время Дж. Локк предложил свою довольно-таки развернутую концепцию классификации идей. И все же для метафизического материализма той эпохи процесс образования понятий остался глубокой тайной. Ее-то и пытались постичь французские «идеологи» во главе с Дестютом де Траси. Что касается негативного, критически-скептического отношения окружающих, и прежде всего Наполеона Бонапарта, к деятельности названной группы исследователей, то тут тоже много надуманного. Наполеон как представитель и выразитель духа новой исторической эпохи – активный, целеустремленный субъект политики и истории – не мог равнодушно созерцать на теоретиков и уж тем более защитников прошлой эпохи. Именно поэтому он дал столь нелестную оценку «идеологам», которую многие современные исследователи восприняли за оценку самой идеологии в ее нынешнем понимании.

Исследователи единодушно выделяют в качестве важного этапа формирования содержания понятия «идеология» творческую деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса. Ученые солидарны в том, что К. Маркс и Ф. Энгельс продолжили «негативную линию» оценки идеологии, начавшуюся с Наполеона, – так же, как и французская общественность, считали идеологию иллюзорным, ложным сознанием. В том, что в «Немецкой идеологии» – первом крупном совместном произведении К. Маркса и Ф. Энгельса – идеология представлена как ложное сознание, сомневаться не приходится. Но в очередной раз возникает вопрос о том содержании, которое вкладывали немецкие исследователи в данное понятие. Как и в первом случае, многие авторы, особенно разработчики учебных пособий, при разъяснении взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса пытаются трак-

товать содержание понятия «идеология» в современном его значении. Это неправильно. К. Маркс и Ф. Энгельс жили в совершенно иную историческую эпоху и решали конкретные задачи применительно к той конкретной эпохе. Они считали наиболее важным в тот исторический период дать решительный бой своим оппонентам, которые с идеалистических позиций трактовали человеческую историю. К. Маркс и Ф. Энгельс к тому времени фактически выработали новое мировидение – подошли к анализу исторического процесса с материалистических позиций. Термином «идеология» они обозначили все ненаучные трактовки природы и общества. В орбиту жесткой критики попали не только их недавние «братья по цеху» – младогегельянцы А. Руге, М. Штирнер и другие, но и представители мелкобуржуазного «истинного социализма». В поисках ответа на вопрос, почему все наличные социальные теории, концепции, идеи, то есть все теоретическое сознание, являются ложными, К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к следующему заключению. Они считали, что в эксплуататорском обществе, когда господствуют отчужденные формы социальной жизни, идеи не могут воспроизводить мир адекватно. Истинность они способны обрести лишь в том случае, если будут привязаны к интересам иного класса – не эксплуататорского. Таким классом, интересы которого совпадают с ходом человеческой истории, К. Маркс и Ф. Энгельс признали рабочий класс.

Понимая, что в силу объективных обстоятельств рабочий класс не в силах выработать доктрину – то теоретическое оружие, с помощью которого он смог бы осознать самого себя как политическую силу, идейно вооружиться, организовать и добиться политической власти, К. Маркс и Ф. Энгельс осознанно приходят ему на помощь и ставят перед собой конкретную задачу создать такую теорию, способную стать для пролетариата программой революционно-практической деятельности. «Я оставил общество и званые обеды, портвейн и шампанское буржуазии, – отмечал Ф. Энгельс, – и посвятил свои часы досуга почти исключительно общению с настоящими рабочими; я рад этому и горжусь этим» [4, с. 235].

Разработанную доктрину К. Маркс и Ф. Энгельс называли теорией научного социализма. Она была призвана, как считал Ф. Энгельс, теоретически обеспечить пролетарскую революцию. Он подчеркивал: «Совершить этот освобождающий мир подвиг – таково историческое призвание современного пролетариата. Исследовать исторические условия, а вместе с тем и самую природу этого переворота и таким образом выяснить ныне угнетенному классу, призванному совершить этот подвиг, условия и природу его собственного дела – такова задача научного социализма, являющегося теоретическим выражением пролетарского движения» [5, с. 230]. Таким образом, разработанная доктрина служила одновременно и теорией исторического процесса, и программой практически-политической деятельности пролетариата. В отличие от младогегельянцев К. Маркс не абсолютизировал роль идей (духа) в жизни общества, но в то же время и не отвергал их значимости, в том числе в ра-

дикальном преобразовании существующего общественного строя. «Оружие критики, – отмечал он, – не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [6, с. 422].

В тот исторический период для К. Маркса и Ф. Энгельса было важно «развести» собственные взгляды на человеческую историю, как научные, и взгляды на нее представителей различных идеалистических течений, как не научные. Для обозначения концептуальных взглядов последних они и использовали термин «немецкая идеология». Таким образом, термин «идеология» применен К. Марксом и Ф. Энгельсом для обозначения всей совокупности ненаучных, иллюзорных идей, в первую очередь – левогегельянцев, «этих овец, считающих себя волками» [7, с. 11]. Однако цель «Немецкой идеологии» сводилась не только к критике идеалистической философии младогегельянцев, представлявшей собой «борьбу с тенями действительности», и немецкого мелкобуржуазного социализма, но и к разработке основ материалистического, то есть *научного* понимания истории, к поиску действительного оружия против «убожества немецкой действительности», к замене «точки зрения старого материализма в виде «гражданского общества» точкой зрения нового материализма в виде «человеческого общества» [7, с. 11]. Именно поэтому столь много интеллектуальных сил и энергии было отдано «Немецкой идеологии».

И в более поздних своих работах К. Маркс и Ф. Энгельс разграничивали научную теорию социализма и идеологию. Термином «идеология» они по-прежнему обозначали ложные идеи, ложное сознание.

Но вот в конце XIX – начале XX в. произошла метаморфоза. Термином, которым К. Маркс и Ф. Энгельс обозначали ложное, иллюзорное сознание, социал-демократы обозначили само их учение. Для этого были основания. К. Маркс и Ф. Энгельс создавали доктрину для рабочего класса. Поскольку созданная теория одновременно являлась и программой практически-политической деятельности этого класса, то она фактически являлась его политической идеологией. Поэтому Г. В. Плеханов и В. И. Ленин называют учение К. Маркса и Ф. Энгельса не только научным социализмом, но также и *идеологией рабочего класса, идеологией пролетариата, пролетарской идеологией*. В. И. Ленин приходит к выводу о существовании лишь двух идеологий – коммунистической, защищающей интересы трудящихся, и буржуазной, выражающей интересы эксплуататоров. Мировое сообщество оказалось разделенным на два огромных лагеря, которые руководствовались противоположными по своему содержанию, а также по своим субъектам идеологиями. Правда, в философско-политической литературе встречаются и иные названия этих двух противоположных идеологий. Например, А. А. Зиновьев определяет их как коммунистическую идеологию и идеологию западнизма [8, с. 293].

В работах политологов активно используются теоретические наработки в области идеологии немецкого исследователя К. Манхейма, но, порой,

без должного их критического переосмысления. Как известно, проблемы идеологии занимают значительное место в трудах немецкого социолога. В процессе анализа «социологии знания» и выяснения механизма функционирования мышления, идей как «орудия коллективного действия» он опирался на фундаментальное положение К. Маркса о зависимости различных форм общественного сознания от экономических отношений и стремился «понять мышление в его конкретной связи с исторической и социальной ситуацией, в рамках которой лишь постепенно возникает индивидуально-дифференцированное мышление» [9, с. 11]. Но в отличие от К. Маркса считал, что взгляды (сознание) различных социальных групп определяются не бытием, то есть не их социальным положением, а их *интересами*. Поэтому история общественной мысли была представлена К. Манхеймом в виде сталкивающихся друг с другом классово-субъективных мирозерцаний, названных им *частичными идеологиями*. Все они ложны, являются «более или менее осознанным искажением действительных фактов» [9, с. 56]. Господствующий класс с целью сохранения существующего порядка вещей (существующего строя) осознанно создает апологетические концепции, которые в искаженном виде отражают социальную действительность. Но и оппозиционные социальные слои в своей политической деятельности руководствуются такими же необъективными, пристрастными идеями (утопиями). В случае прихода к власти они превращают свою утопию в идеологию, которая, как и предшествующая, оказывается такой же ложной. Наряду с «частичными», по К. Манхейму, существуют «тотальные» идеологии, под которыми он понимал идеологии эпохи или социального класса, имея в виду «своеобразие и характер всей *структуры сознания* этой эпохи или групп» [9, с. 57]. К. Манхейм не признавал «групповой идеологии» в качестве самостоятельной идеологии и считал, что «пребывающие в одной группе индивиды обычно реагируют однородно» [9, с. 52]. Социолог также не проводил резкой грани между частичной и тотальной идеологиями, полагая, что они «теперь всё более сближаются» [9, с. 52]. Таким образом, концепция идеологии К. Манхейма достаточно противоречива и не может служить теоретической основой идеологии белорусского государства.

Исходя из имеющихся теоретических наработок идеологию можно определить как *систему идей, выражающих интересы и цели различных субъектов политики и служащую орудием сохранения либо, наоборот, разрушения существующих властных институтов, отношений и замены их новыми*. Иными словами, суть идеологии сводится к *системе идей*. Что касается чувств, верований, убеждений и тому подобных элементов, то это уже область, связанная с механизмом функционирования идеологии, способами ее трансляции и формами ее утверждения в массовом сознании. Этот механизм практически один и тот же и применим для разных идеологий.

Идеологию, на наш взгляд, следует рассматривать как отличный от обыденного, повседневного сознания (социальной психологии) феномен. При этом

«отделение» идеологии от общественной психологии не означает их противопоставления. Идеология – продукт духовного производства. Она органично связана с познавательной деятельностью человека, механизмом включения человека в мир духовной культуры.

В структурном плане идеология содержит в себе в качестве важнейших элементов философско-мировоззренческие, политические, экономические и другие теоретические идеи. Все они в своей совокупности и составляют единую систему. Именно в таком виде идеология способна выполнять конструктивно-созидающую функцию. Ведь идеология вырабатывается не ради нее самой, а с целью обеспечения стабильного развития общества в случае прихода к власти ее субъекта. Она не только определяет настоящее, то есть теоретически обеспечивает реальную жизнь общества, но и работает на его будущее – осмысливает его историческую перспективу. Идеология органично связана с мировоззрением, но по своему содержанию и по своей ориентированности отличается от него. Мировоззрение представляет собой систему воззрений на мир в целом, в то время как идеология ориентирована прежде всего на систему властных отношений в том или ином конкретном обществе.

Язык идеологии такой же строгий, как и других социальных дисциплин. Социальное бытие она осмысливает и воспроизводит посредством предельно общих, фундаментальных философских, экономических, социологических, политологических понятий. В их числе – бытие, законы, экономические отношения, исторический процесс, цивилизация, политические отношения и др. Однако в идеологии используются и специальные понятия: идеолог, идеологическая программа, идеологический процесс, идеологическая деятельность, типология идеологий и др. На уровне обыденного сознания, в агитационно-массовой работе идеологи применяют язык политических символов, ценностей и смыслов (например, красный или иной цвет флагов, различные лозунги, специально написанную музыку и т. п.). Ведь идеология органично связана с политикой.

Еще одна характерная особенность идеологии состоит в том, что она столь же органично связана со своим субъектом. Субъект выступает и как «заказчик» идеологической доктрины, и как ее носитель, активно внедряющий ее в жизнь. В качестве субъекта идеологии способны выступать различные социальные общности, начиная от небольших групп людей, объединенных общими политическими интересами, и заканчивая социальными классами. Таким образом, идеология уже с момента ее формирования ориентирована, как правило, на политическую власть, то есть является инструментом завоевания политической власти.

Как специфический социальный феномен идеология сформировалась в эпоху буржуазных революций, хотя ее предпосылки в виде мифов, правовых норм, нравственных, религиозных установок и предписаний, представляющих собой своего рода регуляторы общественно-политической жизни, сло-

жились в более ранние эпохи. Именно формирующейся буржуазии как новому социальному классу в его политической борьбе с дворянством и церковью – духовным оплотом дворянства – потребовалась новая философско-теоретическая доктрина, обосновывающая ее *законное* право на власть. Первые идеологические доктрины и были направлены на теоретическое обеспечение (оправдание) политической власти буржуазии как самостоятельного социального класса. Важно обратить внимание на то, что онтологическим основанием формирующихся новых идеологий выступают наличные социально-экономические связи и отношения. Как отмечал Г. В. Плеханов, «возникновение новых экономических отношений необходимо должно вести за собою появление новых идей, соответствующих изменившимся условиям жизни, и если тому или другому гениальному человеку пришла в голову та или другая новая социально-политическая идея; если он *увидел*, например, несостоятельность *старого* общественного порядка и необходимость замены его *новым*, то это произошло не “случайно”, – как представляли себе это дело социалисты-утописты, – а в силу вполне понятной исторической необходимости. И точно так же *распространение* этой новой социально-политической идеи, ее *усвоение* сторонниками гениального человека вовсе не может считаться случайным: она распространяется потому, что соответствует новым экономическим условиям, и распространяется как раз в том классе или в том слое населения, который больше всех других испытывает невыгоды устарелого общественного порядка» [10, с. 47].

В целом механизм формирования идеологии можно представить таким образом. Политики, осознавшие исторически назревшую потребность социальных перемен, привлекают теоретиков для осмысления происходящих общественных процессов и выдают им «задание» на разработку новой доктрины. Такого «задания» со стороны политиков может и не быть, поскольку сама жизнь – социальная практика – подталкивает теоретиков к активной работе мысли. Например, деятельность французских просветителей XVIII в. была обусловлена острыми социальными противоречиями – различными формами несвободы, характерными для той исторической эпохи. Формами выражения и закрепления содержания разработанных идеологий являются социально-политические учения (совокупность теоретических положений), доктрины (систематизированные идеологические учения), концепции (точки зрения) и теории (высшие формы научного знания). Одновременно формируются и субъекты политики (политические партии, общественные движения и т. п.), которые берут на вооружение разработанное социально-политическое учение (доктрину) и стремятся с его помощью привлечь на свою сторону как можно больше граждан с целью взятия в свои руки политической власти мирным или вооруженным путем. Политическая власть – цель субъектов политики и ориентир любой идеологии. В данном случае речь шла о *политической идеологии*.

Иное содержание вкладывается в понятие «*идеология государства*». В отличие от понятия «идеология» («политическая идеология»), содержание кото-

рого четко сориентировано на завоевание (сохранение) политической власти тем или иным субъектом политики, понятие «идеология государства» в содержательном плане означает внутривнутриполитическую и внешнеполитическую стратегию государства как субъекта политики. По объему своего содержания это понятие гораздо шире понятия «политическая идеология». И не только по содержанию. Если говорить об идеологии государства как социальном феномене, то есть теоретическом сознании, воплощенном в социальную практику, то оно гораздо шире политической идеологии и по своим функциям. Идеология государства направлена не на завоевание, а на сохранение наличной политической власти, на осмысление процесса функционирования государственного механизма и его возможную корректировку (в случае необходимости) с целью недопущения сбоев в его работе в области внутренней и внешней политики. Несомненно, государство берет в качестве базовой какую-то одну идеологическую концепцию (в данном случае речь идет о политической идеологии), выражающую интересы подавляющей части своих граждан. Но оно вынуждено считаться при этом и с другими существующими в обществе политическими идеологиями, за которыми также стоят люди. По этой причине идеология государства как бы возвышается над всеми существующими в данном государстве идеологиями, аккумулируя в себе их позитивные, жизнеспособные стороны и выступая в виде их результирующей. Этим специфическим свойством – своей ориентированностью (целеустремленностью) на защиту (сохранение) существующей системы политической власти – идеология государства отличается от других форм теоретического сознания – философии, религии, искусства, науки.

Идеология государства и политическая идеология обладают различными носителями (субъектами). Субъектом идеологии государства является само конкретное государство, нация, в крайнем случае – подавляющая часть граждан государства. Субъектом же политической идеологии – лишь часть граждан государства, часть нации. Ведь в любом государстве существует множество политических партий, добивающихся политической власти. В этом плане те дефиниции идеологии, в которых в качестве ее субъекта представлены, наряду с политическими партиями, общественными движениями, *нации* и *государство*, требуют уточнения. Если идеологию рассматривать как общее понятие, характеризующее механизм функционирования политической сферы жизнедеятельности общества в целом, то в данном конкретном случае с подобными определениями идеологии можно согласиться. Если же мы выделяем и анализируем различные структурные элементы политической сферы общества, то нам необходимо различать государство и политические партии – видеть в них самостоятельных субъектов политики, являющихся носителями определенных идеологий (политических доктрин).

Отличен и механизм функционирования идеологии государства и политической идеологии. Идеология государства проводится в жизнь через мощную

разветвленную систему различных государственных институтов и учреждений. При этом, как отмечает известный российский философ А. А. Зиновьев, «апологетика общественного строя не есть нечто сугубо негативное, достойное морального осуждения. Это есть вполне естественное средство самосохранения общества, подобное с этой точки зрения правовым нормам, судам, полиции, армии, бюрократии» [8, с. 293]. Политическая идеология, пока она не стала господствующей, не обладает столь мощными средствами для распространения своих идей, идеалов и ценностей. Таким образом, идеология государства и политические идеологии находятся в неравных условиях. Но ситуация может измениться. Политическая партия, руководствующаяся той или иной доктриной, способна добиться политической власти мирным или же революционным путем, и ее идеология будет способна выступить уже в ином качестве – в виде идеологии государства. При этом она наполнится новым содержанием и новыми функциями.

Политическая идеология и идеология государства отличаются по своим *идейным истокам*. Идеология государства органично «привязана» к конкретному государству, нации, базируется, как правило, на национальных традициях. Именно этим обеспечивается ее устойчивость. Политические идеологии, наоборот, в состоянии пересекать государственные границы (например, либеральная идеология, консервативная идеология и др.). Они способны активно «подпитываться» извне как теоретически, так и материально (скажем, идеология вырабатывается теоретиками одного государства, а ее практическая реализация осуществляется совсем в другом).

Анализируемые идеологии имеют различные *исторические предпосылки*. Идеология государства складывается в процессе формирования самого государства. В какой-то мере ее функции (скажем, консолидирующую функцию) выполняли мифология и религия, особенно на ранних этапах развития государства. Можно согласиться с точкой зрения известного историка философии В. В. Соколова, считавшего, что еще в странах Древнего Востока имела место религиозно-мифологическая идеология. Она была «самой влиятельной, массовой и распространенной формой идеологической жизни древних классовых обществ» [11, с. 9]. Политическая идеология разрабатывается на более высокой ступени общественного развития – в условиях выхода на политическую арену мощных социальных классов, претендующих на власть.

Убедительным аргументом в пользу того, что идеология государства и политическая идеология – не одно и то же, может служить такой факт. В США на выборах практически поочередно одерживает победу одна из двух ведущих политических партий – либо демократическая, либо республиканская. Но идеология государства практически не изменяется, то есть не зависит от победившей на выборах партии.

Любая политическая идеология служит мощным орудием, с помощью которого осуществляется либо сохранение, упрочение существующей системы

власти, либо, наоборот, ее разрушение. Например, в Российской империи в XIX в. господствующей, официально-охранительной политической идеологией, выступавшей одновременно и идеологией государства, являлась разработанная М. П. Погодиным, С. П. Шевырёвым и их сторонниками теория «официальной народности» («православие – самодержавие – народность»). Она выражала мировоззрение, интересы, идеалы дворянства как социального класса и до определенной поры сохраняла устои государства и сложившиеся формы власти, которые базировались на соответствующем экономическом базисе. Но наряду с идеологией господствующего класса в России постепенно формировались новые идеологии (народническая, социал-демократическая, анархистская и др.), детерминированные объективно происходившими социально-экономическими изменениями в обществе и имевшие своих субъектов, которые ставили цель разрушить утвердившуюся политическую идеологию, обретшую статус идеологии российского государства, утвердить в общественном сознании, мировоззрении людей *свои* идеологические доктрины и в конечном счете взять политическую власть в свои руки. В итоге идеология «официальной народности» не смогла устоять. И сама идеология, и политические субъекты, интересы которых она выражала и защищала, были отвергнуты гражданами России.

Политические идеологии, принимаемые на вооружение различными субъектами, способные обеспечить им политическую победу, – не какие-то случайно откуда-то привнесенные в данное общество разрозненные идеи, а системно оформленные теоретические построения применительно к реальной (прежде всего социально-экономической) почве конкретного государства. Это отнюдь не означает сугубо «ведомственного», национального характера идеологий. Идеологии способны приобретать интернациональное лицо (например, либерализм, консерватизм, социал-демократизм и др.) в силу общности (универсальности) законов общественного развития. Конкретно-историческое понимание сущности идеологии объясняет, почему этот феномен в системном виде предстал перед взором европейцев лишь в XVII–XVIII вв., то есть тогда, когда сформировались самостоятельные государства и мощные социальные классы, сложились соответствующие институты властных отношений.

Идеология – одна из форм теоретического сознания. Она разрабатывается специально подготовленными людьми умственного труда – идеологами, способными к осмыслению социального бытия на уровне понятийно-категориального мышления, или, как отмечал И. Кант, на уровне познания общего *in abstracto*, в ситуации, когда «кончается *обычное* применение рассудка и начинается *спекулятивное*, или где обычное познание разумом становится философией» [12, с. 334]. Не все (лучше сказать, очень немногие) идеологии представляют собой системное теоретическое знание. Отдельные из них – лишь своего рода социальные утопии – научно не обоснованные проекты общественного строя (например, идеология анархизма М. А. Бакунина и др.).

К тому же идеология не сводится только к систематизированному теоретическому сознанию – теоретически обоснованным положениям, идеям, выводам: в процессе функционирования она способна включать в себя убеждения и элементы веры (верований). Однако какой бы внешне заманчивой и привлекательной не выглядела идеология (хотя для практической реализации это немаловажный момент), она не воплотится прочно в жизнь, будучи ложной, то есть такой, которая в теоретической форме не воспроизводит реальное бытие со всеми его коллизиями, не превосхищает ход истории. Ложная доктрина движет общество не вперед, а напротив, вспять. Важно обратить внимание и на то, что идеологическая доктрина (сама теория) и доктрина, воплощенная в жизнь, не тождественны. В процессе объективации (внедрения в жизнь) в выработанную теоретиками систему идей привносятся те или иные изменения. Идеология – не мертвая схема, в конкретно-исторических условиях она вынуждена наполняться новым содержанием, в противном случае оторвется от жизни и не будет в состоянии выполнять свою основную миссию по обеспечению устойчивого состояния общества. Исторические рамки конкретных идеологий, как и типов общества, ограничены. Исторически исчерпали себя идеология официальной народности, консерватизм и либерализм. На смену им пришли неоконсерватизм, неолиберализм, марксизм, анархизм, глобализм, ноосферизм и др. Логично предположить, что в перспективе человеческая мысль предложит формирующимся новым политическим субъектам еще не одну оригинальную идеологическую доктрину.

Подводя итог изложенному, хотелось бы подчеркнуть, что вне философского осмысления идеологии как социального феномена и тем более без непосредственного участия философов не представляется возможным выработать системную идеологию белорусского государства, охватывающую все основные сферы жизнедеятельности нашего общества, являющуюся основой осмысления прошлого и настоящего, а также прогнозирования нашего будущего.

Литература

1. Идеология белорусской государственности: проблемы теории и практики : материалы науч. конф., 12 ноября 1998 г. – Минск : ИСПИ, 1998. – 132 с.
2. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию : материалы постоянно действующего семинара рук. работников респ. и местн. гос. органов. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2003. – 191 с.
3. Основы идеологии белорусского государства : учеб. пособие для вузов / Т. И. Адуло [и др.] ; под общ. ред.: С. Н. Князева, С. В. Решетникова. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2004. – 491 с.; Идеология и молодежь Беларуси : пособие / Л. С. Аверин [и др.] ; под ред.: Л. Е. Землякова, С. Д. Лаптенка ; Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь. – Минск, 2005. – 387 с.; Основы идеологии белорусского государства: история и теория / под ред.: С. Н. Князева, И. В. Чешова. – Минск : УП «ИВЦ Минфина», 2005. – 312 с.; Бабосов, Е. М. Идеология белорусского государства: теоретические и практические аспекты / Е. М. Бабосов. – Минск : Амалфея, 2008. – 488 с.; Мельник, В. А. Основы идеологии белорусского государства : учеб. пособие / В. А. Мельник. – Минск : Выш. шк., 2010. – 343 с.; Адуло, Т. И. Философские основа-

Философско-теоретические основания понимания сущности идеологии...

ния идеологии государства : учеб.-метод. пособие / Т. И. Адуло. – Минск : Право и экономика, 2011. – 210 с. и др.

4. Энгельс, Ф. Положение рабочего класса в Англии / Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения : в 50 т. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. – Т. 2. – С. 231–517.

5. Энгельс, Ф. Развитие социализма от утопии к науке / Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения : в 50 т. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1961. – Т. 19. – С. 185–230.

6. Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения : в 50 т. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. – Т. 1. – С. 414–429.

7. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения : в 50 т. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. – Т. 3. – С. 7–544.

8. Зиновьев, А. А. Запад. Феномен западнизма / А. А. Зиновьев // Запад / А. А. Зиновьев. – М. : ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. – С. 7–448.

9. Манхейм, К. Идеология и утопия / К. Манхейм // Диагноз нашего времени : пер. с нем. и англ. / К. Манхейм. – М. : Юрист, 1994. – С. 7–277.

10. Плеханов, Г. В. Предисловие к третьему изданию произведения Ф. Энгельса «Развитие научного социализма» / Г. В. Плеханов // Избранные философские произведения : в 5 т. / Г. В. Плеханов. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1956–1957. – Т. 3. – 1957. – С. 31–57.

11. Соколов, В. Философия древности и средневековья / В. Соколов // Антология мировой философии : в 4 т. – М. : Мысль, 1968. – Т. 1, ч. 1. – С. 8–68.

12. Кант, И. Логика. Пособие к лекциям 1800 / И. Кант // Тракаты и письма / И. Кант. – М. : Наука, 1980. – С. 319–444.

PHILOSOPHICAL AND THEORETICAL COMPREHENSION OF IDEOLOGY AND IDEOLOGICAL PROCESSES

T. I. ADOULO

Summary

The author reveals the essence and explains the notion of ideology and Belarusian ideology as peculiar social phenomena, describes the historical steps of its development and its functioning mechanisms, basing at generalization of socio-philosophical sources, comprehension of the historic process and modern social practice. The findings contain the dialectics of objective (historical epoch, social and political situation, etc.) and subjective (personality of the ideologist, his/her motives, etc.) factors, which influence on ideology elaboration. The article describes basic ideological principles, providing consistency.

Дата поступления статьи в редакцию: 05.07.2014

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

УДК 94(5)

ИСТОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ: ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЕ МОДЕЛИ

Л. Г. ТИТАРЕНКО

В статье дается анализ восточноазиатской модели модерна, разработанной исландским социальным философом и историческим социологом Йоханом Арнасоном. Данный тип модерна объединяет японский, китайский, вьетнамский, южнокорейский варианты, которые имеют как общие, так и специфические черты, обусловленные их историей и культурой. Раскрыты особенности советской модели модерна, выявленные исследователем в ходе сравнительно-исторического анализа советской и китайской версий «коммунистического модерна» и используемые при описании других моделей незападного модерна.

Острота современной социально-экономической и политической ситуаций в мире, проявляющаяся в целом ряде глобальных «вызовов», требует адекватных «ответов» на эти вызовы и от Республики Беларусь. Избранное республикой направление следования по пути устойчивого развития общества и построения постиндустриального общества, нахождение Беларуси в ЕАЭС – Евразийском экономическом союзе с Россией, Казахстаном, Арменией и Киргизией, диктуют необходимость реализации комплекса мер по синхронной модернизации экономики, продвижению новых технологий и инноваций, без которых страна может замедлить свое развитие и отставать от соседей и партнеров на постсоветском пространстве. В этой связи понятен и оправдан теоретический интерес к концепциям и моделям модернизации, активно разрабатываемым за рубежом с середины XX в., но имеющим гораздо более длительную историю.

Исторически сначала речь шла об универсальной модели модернизации, образцом которой известный теоретик середины XX в. Т. Парсонс считал США [1]. Позднее, в последней трети XX в., появились концепции, исходящие из множества вариантов модернизации, а следовательно, и обществ, идущих по пути модерна, с учетом конкретно-исторических и социокультурных особенностей того или иного региона. Концепция множественности модернов не означает, что нет общих закономерностей процесса модернизации, она лишь отвергает доминирование одной (западной) модели и допускает разные схемы и пути продвижения к модерну. Для того чтобы осмыслить тот путь, по которому может успешно развиваться наша страна (как и вся Восточная Европа), надо исследовать другие известные варианты модернизации, коих разные

авторы предлагают в настоящее время немало. Возможно, на этом пути особый интерес могут представлять успешные паттерны модерна, которые складывались не на Западе, а в других регионах мира, с учетом их культурной специфики и истории. Рассмотрение этих концепций, конечно, имеет больше теоретический, методологический смысл, нежели прикладной: мы не можем копировать чужие модели, но можем их изучать, анализировать историю их развертывания, чтобы лучше понять свой собственный путь развития. Ведь история – это не только факты и мысли об этих фактах, но и память об этих мыслях, и как *все это меняется во времени* [2]. Этот тезис подходит и для нынешнего переосмысления «фактов и мыслей» о разных формах модерна применительно к Восточной Европе (включая Беларусь). Нынешняя ситуация в регионе и мире ставит Беларусь перед необходимостью переоценки модели дальнейшего развития страны, перехода к иной, более эффективной модели, адекватной для новой ситуации. С этой точки зрения мобилизация может стать стимулом для ревизии прежнего опыта и уточнения приоритетов нынешних трансформаций.

Проблема дальнейшего развития постсоветского пространства не теряет актуальности со времен распада СССР. Она постоянно находится в центре научных и публичных дискуссий в России, переосмысливается и уточняется [3, 4]. В других странах восточноевропейского региона ученые также обращают внимание на прошлое, чтобы в глубине веков найти и затем привнести в современность некие важные «базисные» черты, своего рода константы, на основе которых страна могла бы успешно развиваться и сегодня. Например, в Украине «общим местом» стало обращение к казачеству как истокам современного развития и был сделан акцент на «особой» траектории современного развития в сторону Запада [5]. В России разработаны теории колеи, path dependency, институциональных матриц (см. [6, 7]). Не прекращаются также попытки объяснить нынешнее состояние постсоветских стран и определить паттерны их дальнейшего развития на основе сравнения с иными моделями, причем обращаются как к западным образцам [8], так и восточным [9, 10]. Эти сравнения могут быть весьма продуктивными. В последнее время ввиду быстрого подъема на международной арене азиатско-тихоокеанского региона много внимания уделяется Китаю и тем модернизационным процессам, которые в нем осуществляются. Известный российский социолог Н. И. Лапин предлагает взять китайскую модель модернизации для измерения уровня и динамики модернизации разных регионов России [11], тем самым признавая китайскую модель более адекватной, чем западные модели модернизации, будь то старые варианты, связанные с именем Т. Парсонса [1], или новые, фигурирующие в международных проектах, зарубежных учебниках [12–14].

В связи со сказанным представляется резонным обратиться не только к модели китайской модернизации, но и ознакомиться с модернизационным развитием других стран Восточной Азии. О модернизационных моделях раз-

вития последних, возможно, не так много известно в Беларуси, однако эти модели давно изучаются учеными других стран. Среди зарубежных авторов одно из ведущих мест сегодня принадлежит социальному философу и историческому социологу Йохану Арнасону.

Несмотря на то, что Й. Арнасон родился на самом краю европейской ойкумены, в Исландии, его профессиональная жизнь и творчество непосредственно связаны как с Европой, где он учился и получил ученую степень, так и с Австралией, где исследователь проработал более 20 лет в университете Мельбурна, был редактором международного журнала «Thesis Eleven». Сегодня, будучи маститым ученым и покинув Мельбурн, Й. Арнасон преподает в Пражском университете, активно участвует в международных конференциях, пишет новые работы.

В российской общественной науке получила определенную известность советская модель цивилизации модерна, подробно проанализированная Арнасоном вскоре после распада Советского Союза и охарактеризованная им как «имперская модернизация» [15]. Однако в настоящее время исследователь больше известен как автор, разрабатывающий сравнительный цивилизационный подход [16] и концепцию множественности модернов¹. Данная концепция появилась еще в 1980-е годы и сегодня имеет широкую поддержку среди ученых всего мира (см. [17]). Как утверждает американский автор Х. Казанова, эта концепция дает «более адекватную концептуализацию и прагматическое представление о современных глобальных тенденциях, чем концепции космополитизма или столкновения цивилизаций» [18, с. 259]. Согласно концепции множественности модернов, этот тип общества развивается в разных странах и регионах и везде имеет некоторые общие черты, отличающие его от традиционного типа цивилизации (например, принцип суверенитета народов, признание автономии и ценности каждого индивида и др. [19, с. 4]). По этой причине можно говорить о существовании «цивилизации модерна». Однако единой модели модерна не существует, поскольку «общие черты модерна, или принципы, принимают множественные формы и разнообразные институционализации в различных исторических контекстах. Более того, многие из этих разнообразных институционализаций являются непрерывными или совпадающими с традиционными историческими цивилизациями [18, с. 259]. Поэтому, как утверждает Й. Арнасон, «вопрос о реальных параллелях или сходстве между разными трансформациями является очень трудным и до сих пор широко дебатруемым» [20, с. 59].

Постулирование существования многих моделей модерна заставляет ученых обращаться к изучению каждого общества как особого паттерна и тщательно его исследовать, не пытаясь подогнать под «единый образец». Именно

---

¹ В данном случае приоритет Ш. Айзенштадта неоспорим, однако Й. Арнасон нашел собственные стороны в дальнейшем анализе модерна, то есть работал в рамках данной концепции независимо от Айзенштадта.

такой подход, по мнению Арнасона, был присущ израильскому социологу Ш. Айзенштадту в анализе японского общества. Книгу Айзенштадта о Японии исландский ученый назвал «лучшим из известных в науке кейс-стади» [21, с. 403]. Такой же тщательно выверенный историко-сравнительный подход применил и Арнасон в исследовании Японии [22], а также истории становления и причин упадка советской модели модерна в глобальном контексте [15, 23].

Взгляды Й. Арнасона на советский модерн в свое время были на Западе не популярны, потому что, в отличие от большинства советологов, он признал советское общество вариантом модерна, а не «тотальным отрицанием модерна, сменившимся полным распадом» [24, с. 61]. Исследователь утверждал, что цель его книги о падении советской системы состояла в том, чтобы разработать интерпретативную рамку, нежели объяснительную модель. Эта рамка не может принимать форму общей и систематической теории обществ советского типа. Результатом его работы стало соединение теоретического и исторического подходов, что, по мнению ученого, является единственно адекватным путем исследования избранного предмета [15]. Советский модерн был представлен как многосторонние «претензии на то, чтобы превзойти западный модерн», соединенные с имперскими и глобальными амбициями [23, с. 20]¹.

Однако считать, что Й. Арнасон фокусируется на советской модели цивилизации, несмотря на тот факт, что он время от времени возвращался к этой теме [15, 24], было бы неточным. В фокусе внимания исследователя к цивилизации модерна находится и всегда находились ее восточные варианты. Проживая в Австралии, Арнасон поневоле был вынужден серьезно изучать соседние страны. В анализе этих стран он и развил свой цивилизационный сравнительно-исторический подход.

В центре сравнения разных стран ученым – власть и культура, которые являются центральными категориями для пересмотра и советского, и японского типов модернов, что делает сравнительный подход единственно возможным [25]. Как поясняет данный подход австралийский социолог Д. Смит, соединение в историческом анализе власти и культуры означает, что «власть и культура не просто конституируют объекты исторического анализа; они релятивизируются в этом взаимно зависимом формировании, и таким способом... они концептуализируются» [26, с. 232].

Первоначально внимание Й. Арнасона привлекла Япония. Как и Ш. Айзенштадт, он тщательно изучил японскую цивилизацию в сравнительно-исторической перспективе – от ее феодальной истории до наших дней. Социолог рассмотрел дуальность японской цивилизации: Япония как образец для подражания и Япония как имперский центр силы, стремящийся к региональному первенству (колонизации). Огромное влияние этой страны как образца

---

¹ В русскоязычной литературе концепция советского общества Арнасона была проанализирована М. Масловским, который стал и первым переводчиком его статей о советском модерне.

на весь восточноазиатский регион заметно прежде всего, по мнению Арнасона, на примере Южной Кореи и Тайваня. Имперский характер японского модерна, проявившийся уже на первой ступени его формирования, привел общество к существенным проблемам в середине XX в., оставив Японию региональной и даже периферийной формой глобального модерна [27].

Исследование особого пути Японии к модерну пробудили интерес ученого к изучению более широкого понятия – конфуцианского типа модерна, а также к межстрановым сравнениям Китая, Японии и других государств данного региона. Поэтому вполне логичен был переход автора к исследованию других стран Восточной Азии. Сначала это был Китай, интересовавший Й. Арнасона и сам по себе, и как альтернатива советской модели внутри коммунистического типа модерна, а также как успешный гибридный тип модерна, сформированный в результате «выхода из коммунизма» [21, с. 404].

Разрабатывая эти проблемы, ученый указал на принципиальные различия между Китаем и СССР. Так, он нашел различия во взаимоотношениях этих «альтернативных типов коммунистического модерна» с окружающими странами. Арнасон подчеркивает, что китайская версия модерна не имела обширной внешней периферии: в случае Китая другие «однопартийные государства» Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Северная Корея) «не находились под китайским контролем» [15, с. 219]. В случае советского модерна наличие стран-саттелитов во многом привело к распылению сил и разрушению центра. К тому же советский модерн выстраивался, не имея примеров для подражания, тогда как китайская модель пыталась соединить свой собственный прежний имперский опыт развития с уже существующим коммунистическим опытом, почерпнутым из советской модели коммунизма. Это тоже дало Китаю большие преимущества. Наконец, Китай более бережно относился к собственным традициям и более умело комбинировал их, продемонстрировав «смесь социальной революции и реставрации империи, идеологической парадигмы и геополитической стратегии» [21, с. 405].

На примере Китая Й. Арнасон акцентирует возможности ассимиляции отдельной незападной цивилизацией «чужих» (чаще всего западных) механизмов и институтов при сохранении своего собственного сущностного содержания. Таким путем инкорпорирования чужих механизмов в свою модель развития, по его мнению, долгое время шло развитие в Китае, и именно этот путь оказался успешным для сохранения Китаем собственного «коммунистического» варианта модерна. Углубляясь в эту тему, ученый подчеркивает: «Специфически китайские факторы сыграли роль в том, как были восприняты и решены проблемы, возникшие в ходе применения советской модели» [21, с. 407].

Последовательно расширяя исследовательский горизонт, Арнасон от Японии и Китая перешел к анализу остальных стран восточноазиатского региона и региону в целом, рассмотрев общие и особенные черты тех разных форм цивилизации модерна, которые здесь образовались. По сути, он раскрыл

содержание и дал серьезное аналитическое описание новому, иному типу модерна, названному им восточноазиатским. Раскрывая специфику данного феномена в рамках сравнения регионов (европейского и азиатского), автор пишет: «Восточноазиатский паттерн модерна характеризуется явно контрастирующими между собой вариантами модерна, и эта доминирующая тенденция была вызвана к жизни комбинацией факторов, происходящих как изнутри, так и извне региона» [21, с. 400]. К внутренним факторам Арнасон относит ту особенность, что в нем развились самостоятельные от Запада варианты раннего модерна, что привело к появлению там инноваций, не уступавших Западу, но возникших самостоятельно от него (например, китайская письменность). К важным внешним факторам он относит то, что данный регион был совершенно не затронут западной колонизацией вплоть до позднего времени. Важная региональная особенность состоит также в том, что вся история данного региона была более непрерывной, чем история развертывания западных вариантов модерна.

В исследовании восточноазиатского типа модерна ученый опирался на два ключевых понятия: «модерн» и «регион», «соединенные в интеллектуальном контексте» [21, с. 395]. Используя сравнительно-исторический подход, он также вводит в этот контекст анализа понятия цивилизации, альтернативных и глобальных модернов. По мнению Й. Арнасона, в рамках концепции множественных модернов имели место «процессы модернизации, которые разворачиваются одинаково в рамках восточноазиатского региона, и такие, которые вводят новые траектории дифференциации внутри региона», – это и Япония, и коммунистический Китай, и Вьетнам [21, с. 398]. Он анализирует специфику переплетения внешних и внутренних факторов развития, которая в середине XX в. привела к конструированию в регионе «новых линий геополитической демаркации», одновременно ставших «границами взаимно несовместимых проектов модерна» [21, с. 399].

Тщательно исследуя избранную тему, автор не только показывает глубокую историческую «укорененность» восточноазиатских типов модерна в местный контекст (исторический регион), но и поясняет, какие уровни цивилизационного анализа необходимы для сравнительно-исторического рассмотрения того или иного общества в данном регионе, что общего и различного имеют между собой (включая и прежние эпохи, описываемые им) китайский, японский, другие восточноазиатские типы модерна. При этом цивилизация – лишь один из уровней анализа модерна, наиболее абстрактный, тогда как содержательные детали развития рассматриваются в рамках региона и конкретной страны.

Постоянно возвращаясь к сравнению восточноазиатских типов модерна с западными, Й. Арнасон отмечает неприложимость к первым тех схем и последовательностей развития, которые были разработаны для вторых, то есть западных типов модерна [28]. И японский, и китайский модерны, как пишет

исландский социолог, «вряд ли можно понять в терминах макроперехода от либерального к организованному модерну», то есть в рамках схемы развития западного типа модерна, предложенной немецким социологом П. Вагнером [21, с. 402]. И в то же время Арнасон утверждает, что в Восточной Азии имеет место своя последовательность фаз развития модерна. Таким образом, модерн остается «открытым проектом» и дает перспективы развития разным типам обществ в разных исторических регионах.

В заключение хотелось бы еще раз остановиться на некоторых важных особенностях китайской модели, поскольку именно на нее всё чаще обращают исследовательский интерес российские модернизаторы. Выводы Й. Арнасона о Китае, возможно, можно экстраполировать и на другие страны, которые захотели бы активно использовать его модернизационный опыт. Так, описывая китайские перспективы на глобальное доминирование, ученый очень осторожен. По достоинству оценивая умелые китайские трансформации, он в то же время отмечает невозможность довести эти трансформации китайского (гибридного) типа модерна до логического конца, так как поддержание (пусть даже внешнее) революционной легитимности руководства не позволяет ему открыто провозгласить свои новые стратегические (капиталистические) цели. Поэтому Китай сохраняет этот компромисс. «Необходимый минимум идеологического содержания обеспечивается за счет использования ключевых слов и формул из конфуцианских источников, сокращенных до самых общих указаний и оторванных от интерпретативных конфликтов традиции» [21, с. 408], тогда как «его главная цель состоит в поиске способов нейтрализовать конфликт между привнесенными извне образами модернизации». Несмотря на этот опыт и признание «растущей мощи Китая», влияющей на соседние страны и весь мир, автор утверждает, что глобальное будущее китайского модерна «будет зависеть от сложного взаимодействия на мировой арене» [21, с. 408].

Таким образом, Й. Арнасон дал образец анализа незападных моделей модерна в регионе Восточной Азии, причем как моделей, непосредственно являющихся коммунистической альтернативой Западу (Китай), так и иных альтернатив (Япония, Вьетнам, Южная Корея). Тем самым его работы существенно расширили анализ множественных версий модерна, начатый Ш. Айзенштадтом.

Исландский социолог своими сравнительно-историческими цивилизационными исследованиями внес вклад в анализ всего нынешнего восточноевропейского (а не только советского) региона. Интерпретационный эвристический потенциал концепции модерна, развиваемой Й. Арнасоном, может быть релевантным для анализа нынешнего цивилизационного состояния Беларуси, России, других постсоветских стран. Принятие идеи исторического региона как весьма удобного теоретического конструкта для рассмотрения проблем развития позволит иначе подойти к выделению исторических регионов, в которые может быть включен, например, Евразийский союз, как в свое время «экспансия коммунистической версии модерна» привела в сере-

дине XX в. к созданию никогда прежде не выделявшегося нового целостного региона Восточной Европы [21, с. 398], или позволит поменять исследовательские акценты, найти такие новые комбинации механизмов, ценностных образцов из разных типов модерна, которые «приживутся» в странах восточноевропейского региона, и не разрушает базовую историческую основу этих стран.

Речь не идет об имитации и подражании чужим образцам развития, однако игнорирование их ценного опыта и отказ от его переосмысления в контексте собственной истории были бы неоправданными.

Литература

1. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 270 с.
2. Эткинд, А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. Эткинд. – М. : Новое лит. обозрение, 2013. – 448 с.
3. Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / под общ. ред. Т. И. Заславской. – М. : Аспект Пресс, 1995. – 508 с.
4. Куда пришла Россия? Итоги социальной трансформации / под общ. ред. Т. И. Заславской. – М. : МВШСЭН : Интерцентр, 2003. – 408 с.
5. Куценко, О. Д. Украина в трансформационных процессах. Quo Vadis? / О. Д. Куценко // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2007. – № 1. – С. 18–32.
6. Кирдина, С. Г. Институциональные матрицы и развитие России / С. Г. Кирдина. – М. : ТЕИС, 2000. – 213 с.
7. Розов, Н. С. Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке / Н. С. Розов. – М. : РОССПЭН, 2011. – 735 с.
8. Инглхарт, Р. Модернизация, культурные ценности и демократия: последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. – М. : Новое изд-во, 2011. – 464 с.
9. Вэймин, Ту. Подъем «конфуцианской» Восточной Азии: истоки и исторический смысл / Ту Вэймин // ПОЛИС. – 2012. – № 1. – С. 7–25.
10. Вэймин, Ту. Множественность модернизаций и последствия этого явления для Восточной Азии / Ту Вэймин // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред.: Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М. : Моск. шк. полит. исслед., 2002. – С. 236–250.
11. Лапин, Н. И. Измерение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии / Н. И. Лапин // Социол. исслед. – 2012. – № 9. – С. 4–23.
12. Beck, U. Risk Society. Toward a New Modernity / U. Beck. – London : Sage, 1992. – 272 p.
13. Смелзер, Н. Социология. / Н. Смелзер. – М. : Феникс, 1994. – 688 с.
14. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М : ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 603 с.
15. Arnason, J. P. The future that failed. Origins and Destinies of the Soviet model / J. P. Arnason. – London : Routledge, 1993. – 256 p.
16. Arnason, J. P. Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions / J. P. Arnason. – Leiden ; Boston : Brill, 2004. – 380 p.
17. Ben-Rafael, E. Comparing Modernities: Pluralism versus Homogeneity / E. Ben-Rafael, Y. Sternberg. – Leiden : Brill, 2005. – 744 p.
18. Casanova, J. Cosmopolitanism, the clash of civilizations and multiple modernities / J. Casanova // Current Sociology. – 2011. – Vol. 59. – P. 252–268.
19. Eisenstadt, S. N. Multiple Modernities / S. N. Eisenstadt // Daedalus. – 2000. – Vol. 129, N 1. – P. 1–29.

20. Arnason, J. P. The Axial Conundrum: between the historical sociology and the philosophy of history / J. P. Arnason // *Comparing Modernities: Pluralism versus Homogeneity* / eds.: E. Ben-Rafael, Y. Sternberg. – Leiden, 2005. – P. 57–82.

21. Arnason, J. P. East Asian Modernity Revisited / J. P. Arnason // *Essays in honour of Irmela Hijiya-Kirschner on the occasion of her 60th birthday*. – München, 2008. – P. 395–408.

22. Arnason, J. P. Social Theory and Japanese Experience: the Dual Civilization / J. P. Arnason. – Melbourne : Format: Book, 1997. – 320 p.

23. Арнасон, Й. Коммунизм и модерн / Й. Арнасон // *Социол. журн.* – 2011. – № 1. – С. 10–36.

24. Arnason, J. P. Communism and modernity / J. P. Arnason // *Multiple modernities. Spec. Iss.* – 2000. – Vol. 129, N. 1. – P. 61–90.

25. Arnason, J. P. The Cultural Turn and the Civilizational Approach / J. P. Arnason // *Europ. J. of Social Theory*. – 2010. – Vol. 13, N 1. – P. 67–82.

26. Smith, J. C. Theories of State Formation and Civilisation in Johann P. Arnason and Shmuel Eisenstadt's Comparative Sociologies of Japan / J. C. Smith // *Critical Horizons: A J. of Philosophy and Social Theory*. – 2002. – Vol. 3, N 2. – P. 225–251.

27. Arnason, J. P. The Peripheral Centre: Essays on Japanese History and Civilization / J. P. Arnason. – Melbourne : Trans Pacific Press, 2002. – 234 p.

28. Wagner, P. A Sociology of Modernity. Liberty and Discipline / P. Wagner. – London : Routledge, 1995. – 158 p.

HISTORY OF MODERNIZATION: EAST-ASIAN MODELS

L. G. TITARENKO

Summary

The author characterizes Eastern-Asian model of modernity developed by Icelandic social philosopher and historical sociologist Johan Arnason. This type of modernity unites Japanese, Chinese, Vietnamese, South-Korean versions, that have both common and specific features determined by their history and culture. The article describes peculiarities of the soviet model of modernity discovered by Arnason during his comparative-historical analysis of the soviet and Chinese versions of the “communist modernity” and used in his description of other models of non-Western modernity.

Дата поступления статьи в редакцию: 16.10.2014

В ПОИСКАХ СПРАВЕДЛИВОСТИ: КОНСТРУКТИВНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОСТРОЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ

В. П. СТАРЖИНСКИЙ, Н. И. МУШИНСКИЙ

В статье описывается специфика конструктивной методологии. Выявляются интенции конструктивно-феноменологической концепции справедливости: принцип согласования интерсубъективных миров; «отрицание» объективной справедливости и ее конструирование в системе ценностных координат. Показывается неизбежность перехода от субъективного чувства справедливости к конструированию «объективной» социальной онтологии. Рассматривается справедливость в аспекте самоидентификации конфликтующего сознания. Анализируются принципы конструирования справедливости в гражданском обществе: насилие и милосердие. Показывается, что справедливость является конструктивной основой взаимопонимания.

Развитие техногенной цивилизации в начале 3-го тысячелетия тесно связано с осмыслением проблемы справедливости. Предоставляя человечеству разнообразные жизненные блага и в то же время порождая косвенным образом глобальные кризисные явления, дальнейший технический прогресс непосредственно зависит от создания гармоничной и упорядоченной модели мироустройства, реализующей фундаментальные принципы социальной справедливости и способствующей творческому самовыражению человеческой личности. Успешность технического прогресса в не меньшей степени обусловлена умением совместными усилиями, на основе справедливого участия и взаимного доверия осуществлять охрану окружающей природной среды, преодолевать трудности ускоренной глобализации, бороться с проявлениями терроризма во всех его проявлениях. Ряд влиятельных направлений западной и отечественной философской мысли заняты осмыслением этих вопросов, в тех или иных своих аспектах затрагивая проблему справедливости. В частности, *философская феноменология* еще в первой половине XX в. начала углубленно исследовать специфику творческого сознания, которое служит движущей силой современной науки и технологии. Ее представители продолжают эту работу и в настоящее время. Однако за их абстрактными теоретическими рассуждениями зачастую теряются прикладные аспекты, связанные с проблемами становления техногенного общества и реализацией социальной справедливости. Экспликация роли *конструктивно-феноменологического подхода* в процессе конструирования социальной онтологии на основе принципа социальной справедливости – цель данной статьи.

Конструктивная методология

Термин «конструктивная методология» [1, с. 206] вводится для того, чтобы дифференцировать методологию в сфере познания (объяснения) и проектирования (созидания). Конструктивная методология – это методология созидательной деятельности, которая отличается от когнитивно-научной по многим параметрам. Отметим, на наш взгляд, основное различие – праксеологическое и логико-гносеологическое основания этих подходов. Наука (классическая) имеет в качестве основания субъект-объектное отношение, которое разрешается с позиций классической рациональности. Конструктивная методология основывается на проектировании, конструировании своего объекта и предполагает неклассическую рациональность, в которой субъект конструирует объект. Именно это конструирование и составляет праксеологическое основание методологии. Логико-гносеологическое основание следующее: если объяснительный подход основывается на понятии как логической форме и процедуре определения, то в качестве процедуры, обобщающей, синтезирующей объяснительный и деятельностный подходы, используется построение модели. Модель рассматривается расширительно как когнитивный артефакт – не только отражение или копия некоторого состояния дел, но и репрезентация будущей практики.

Следует подчеркнуть, что понятия как формы мышления могут быть определены, наряду с описательным дескриптивным способом, конструктивно точным описанием строения соответствующего объекта. Так, дескриптивное определение окружности заключается в формулировке «геометрическое место точек, равноудаленных от центра». Конструктивное же определение можно сформулировать, указав способ построения. Например, «окружность – линия, построенная при помощи циркуля». Дескриптивные определения могут описывать бессмысленные или несуществующие объекты: социальные утопии, вечный двигатель и т. п. В отличие от них конструктивное определение объекта – это одновременно и доказательство его существования или реальной осуществимости. В современной науке все основные задачи, стоящие перед людьми, можно интерпретировать как преобразование дескриптивных определений в конструктивные.

Конструктивная методология применяется во всех сферах практики, где осуществляется так называемый процесс преобразования действительности. Этот процесс понимается в широком смысле и представляет собой переход от состояния «сущее» к состоянию «должное». В такой интерпретации объект конструктивной методологии значительно расширяется, ибо она охватывает не только познавательную сферу, но и деятельностную, преобразующую.

Преобразование действительности следует понимать как конструирование, созидание нового, причем в результате данного процесса создаются новации, которые характеризуют развитие культуры в форме инновационных

процессов. Конструктивная методология не представляет собой систему регулятивов в сфере «чистой мысли», она включает в себя регламентацию преобразований во всех сферах человеческой культуры, начиная с инженерно-конструктивного процесса и заканчивая педагогическими, психологическими и другими духовно-практическими преобразованиями.

Анализ развития современной науки позволяет сформулировать основной принцип методологии неклассической науки – конструктивность. Центральным вопросом этой методологии является вопрос о конструировании онтологии. В процессе познавательной деятельности и попытки построения динамических моделей объектов микро- и мегамира, а затем гуманитарной и социальной сфер сформировалась методология, которая не только отражала реальный мир, но и создавала его. Конструктивная методология возникла одновременно в сфере инженерной деятельности, а также неклассической науке в целом. Иными словами, конструктивная методология регламентировала принципы построения преобразовательной деятельности во всех сферах культуры.

Оказалось, что свойства объекта, которые обнаружены в процессе познавательной деятельности, всегда относительно к информационно-познавательной среде, в которой объект находится. Данный вывод подтверждает неклассическая наука – физика, социология, юриспруденция и др. С точки зрения неклассического типа рациональности познающий субъект не только отражает реальный мир объекта, но и конструирует его. При объяснении и обосновании конструктивной методологии мы сталкиваемся с фундаментальными философскими проблемами: проблемой существования и проблемой бытия, которые трансформируются в проблему объяснения и понимания онтологии, объективной реальности, а также роли субъекта, который своей деятельностью созидает объект. С позиций конструктивной методологии объект существует лишь тогда, когда задан алгоритм или способ его построения. Это означает, что данный объект конструируется в ситуации, связанной с субъектом, а описывается в объектных формах практики. Непросвещенное сознание всегда волнует вопрос: как же на самом деле? В сфере действия конструктивной методологии этот вопрос не имеет смысла, так как налицо попытка получить знание в «чистом виде», без учета способов и условий его осуществления, то есть вне практики. Другими словами, знание – это ответы, полученные на конкретные вопросы в конкретных исторически обусловленных формах практики.

Умеренный конструктивизм находит все большее распространение. Известный французский философ Гастон Башляр в книге «Новый рационализм» утверждает, что основная задача его философии, которую он называет «прикладной рационализм» или «технический материализм», состоит в том, чтобы найти новую методологию, которая отвечала бы требованиям неклассической теории. Зададимся вопросом: что было главной темой в классической методологии и ее классической схеме – субъект-объектном отношении? Проблема

объективности знания. Познавательное отношение субъект-объект было таковым, что давало возможность получения объективного знания, исключив всякую «субъективность». Новая методология основной задачей рассматривает проблему объективации или конструирование онтологии. Ученый придерживается однозначной позиции, что научный мир есть наша верификация (опытное подтверждение). Естественно, что данное высказывание выражает установку жесткого конструктивизма. Г. Башляр является одним из родоначальников неклассической методологии, сфера применения которой распространяется на любые виды деятельности творческого сознания, в том числе конструирование социальной онтологии. Новая методология имеет целью проект (классическая – знание) и не просто отражает мир объективно, а строит его согласно замыслам посредством человека.

Французский философ пишет, что «по ту сторону субъекта, по эту сторону объекта современная наука базируется на проекте. Истинная научная феноменология есть в сущности своей феноменотехника. Она обучается на том, что конструирует. Наука рождает мир не посредством магических импульсов, имманентных реальности, а посредством импульсов рациональных, имманентных духу. Сформировав в итоге первоначальных усилий научного духа основу для изображения мира, духовная активность современной науки начинает конструировать мир по образцу разума» [2, с. 37]. Новую конструктивную методологию Г. Башляр называет философией несубстанционализма, так как в ее основе лежит не субстанция (материя), а рациональная человеческая деятельность.

Заметим, что появление нового типа науки, которая получила название постнеклассической, а также новой рациональности осуществляется одновременно со следующими преобразованиями:

- 1) наука переходит от дисциплинарной организации к проблемной;
- 2) происходит синтез фундаментальных и прикладных исследований в единую научно-технологическую инновационную деятельность;
- 3) наука переходит к описанию саморазвивающихся человекообразных систем (экологические, информационные технологии, человек – машина);
- 4) в научном исследовании идеал объективно истинного ценностно-нейтрального знания меняется на ценности культуры, включающей субъекта.

Основными задачами методологии классической науки был анализ средств, операций, которые осуществляются с объектом, то есть анализ объектных структур деятельности. Конструктивная методология требует учитывать особенности субъект-субъектных коммуникаций: цели и ценности деятельности, соотношение конкретных видов деятельности с доминирующими ценностями определенных видов культуры. Конструктивная методология характеризует не просто познавательную деятельность и относится не только к науке, а к культуре в целом. Поиск методологии неклассической науки, рефлексия ее оснований означает не только рационализацию деятельности,

но и выявление ее человеческих мотивов, нравственных и ценностных регулятивов. Таким образом, широко понимаемая методология – неклассическая, конструктивная – своим объектом имеет деятельность человека как культуро-созидающего творящего существа, или *культуротворчество*.

Конструктивная методология использует два типа моделей: инструментальную и концептуальную. Концептуальная модель решения проблемы представляет собой особый вид описания состояний проблемного поля в двух аспектах: сущего – того, что имеется в наличной реальности, и должного – того, что должно быть по замыслу проектанта в реальной действительности как результат реализации проектно-конструктивного подхода. Концептуальная модель строится как понятийная сетка отношений посредством формулировки проблемы и способов ее разрешения. Зачастую она представлена в виде семантически упорядоченных «ключевых слов». Например, для создания концептуальной модели решения проблемы справедливости необходимо выявить и сформулировать проблему, для разрешения которой и было создано (изобретено) данное понятие. Это может быть достигнуто, как уже отмечалось, путем построения сетки отношений таких понятий, как «требование соответствия между деянием и воздаянием», «трудом и вознаграждением», «преступлением и наказанием», «конфликтом интересов» и т. д. Другими словами, понятие «справедливость» возникает для решения проблемы поиска критериев должного при разрешении названных коллизий.

Проблемой является то, что концептуальная модель в виде системы понятий содержит в себе интенцию разрешения и выступает в качестве теоретического обоснования инструментальной модели, поскольку от идеи (идеальной модели) субъект должен перейти к построению реальных способов решения проблемы справедливости в конкретной историко-культурной сфере. Инструментальная модель выступает как дополнительная к концептуальной и представляет собой систему конкретных процедур деятельности по переходу от сущего к должному. Именно поэтому концептуальная модель является теоретическим обоснованием инструментальной модели, что позволяет проектно-конструктивные действия по построению желаемого будущего оценивать на предмет морально-правовых и социально-политических нормативов общественного и индивидуального сознания.

Интенции конструктивно-феноменологической концепции справедливости

Следует заметить, что методология концептуального и инструментального моделирования используется в данной статье лишь как метод реконструкции философских и частично морально-правовых аспектов проблемы справедливости. Дело в том, что в реальном бытии чувство справедливости имплицитно присуще субъекту деятельности, который интуитивно

и спонтанно пользуется данным регулятивом на уровне феноменов сознания и апплицирует их на внешний мир. Тем не менее конструирование онтологии относительно различных субъективных горизонтов сознания в качестве интенциональных объектов позволяет понять (построить) культуро-созидающую роль принципа справедливости как конструктивно-феноменологического. Причем реконструкция решения проблем справедливости осуществляется с позиций феноменологии не в явном виде, а опосредованно – в форме ангажированности, мотивации и других ценностных компонентов сознания.

В этих своих аспектах она непосредственно связана с проблемами современного техногенеза, которые не могут оптимально решаться без выявления конструктивного смысла социальной справедливости. Данная позиция изоморфна способам решения этих проблем представителями *феноменологического направления*. Аналитический подход к феноменам техногенного конструктивного сознания имеет две стороны:

1) поскольку техника дает человечеству множество реальных жизненных благ, целесообразно выявить ту творческую способность, которая позволяет находить новые технические решения, изобретать что-то, чего не было ранее;

2) побочные последствия технического прогресса, такие как загрязнение окружающей природной среды, резкое изменение общественных отношений в направлении антагонизма и т. п.

В условиях необходимости решения возникающих техногенных проблем человек не может полагаться на привычные решения, ему приходится самостоятельно по-новому осмысливать каждую конкретную ситуацию. И в первом, и во втором случаях творческая способность, выраженная в феноменах сознания, имеет первостепенное значение.

Данная способность носит прикладной конструктивный характер, она не является абстрактной теорией. В этом находит свое выражение *первый аспект* техногенеза, требующий постоянного приращения инженерно-технических инноваций в рамках технического прогресса как целостного явления: «Технические задачи требуют своего разрешения; и дом, и машины должны быть построены. Поэтому техник как практик выносит иные решения, чем естественнонаучный теоретик. От этого последнего он заимствует учение, из жизни же – “опыт”...» [3, с. 169]. Феноменология считает, что подлинное творческое сознание должно быть очищено от уже известных ранее теоретических конструкций, в каждой отдельной ситуации оно должно полностью выявить свою новаторскую специфику. Вместе с тем в процессе феноменологической редукции «опыт» тоже «выносятся за скобки», в человеческом сознании исследуются его чистые априорные формы. В повседневной жизни «опыт» заставляет человека отказаться от истины в пользу сиюминутной выгоды, поэтому он не может лежать в основе творческого сознания, служить основой для создания феноменологической концепции справедливости.

Справедливость как регулятив согласования intersубъективных миров

Этико-философский аспект глобальных проблем техногенеза в наибольшей степени раскрывается применительно ко *второму аспекту*, обусловленному наличием негативных последствий технического прогресса, которые не предвиделись заранее. «Но в чем же заключается “проблема” техники? – спрашивает один из видных представителей феноменологического направления. – В чем она может заключаться при том, что каждая из технических вещей, существование которых основывается на конструировании... свободна от проблемы с точки зрения обозримости плана своей конструкции... Может показаться, что проблема техники является результатом суммирования проблем, связанных с *побочными* воздействиями технических достижений...» [4, с. 71]. Но не само по себе загрязнение природной среды акцентирует проблемный ракурс технического прогресса, а неспособность человеческого сознания творчески преодолеть эти вредные последствия, найти конструктивное решение на основе принципов справедливости; «проблема техники имеет существенное отношение к *ответственности* человека в истории» [4, с. 76], она лежит в области этики, а не механистической технологии. Люди продолжают загрязнять природу не потому, что не могут изобрести фильтрующую установку и тому подобное, а по причине своей разобщенности, когда в ситуации взаимного недоверия они затрудняются *справедливо* распределить между собой финансовые затраты, необходимые на техническую реализацию подобных охранных проектов.

Немецкий философ Эдмунд Гуссерль объясняет конструктивную роль сознания в проектировании, созидании бытия путем построения трансцендентальной философии, в частности трансцендентальной феноменологии. Он называет интенциональную феноменологию дескриптивной психологией, поскольку последняя имеет дело и описывает не объекты реального мира, а феномены сознания, представленные в виде интенциональных объектов. Далее, придается различный статус существования – аподиктический (несомненный, точный) и проблематический (сомнительный, требующий обоснования) двум видам объектов соответственно – феноменам сознания, и в частности интенциональным объектам, и объектам физического мира. Сущность интенциональных объектов по Гуссерлю состоит в следующем. Всякий акт человеческого сознания характеризуется интенциональностью, то есть направленностью на объект, причем этот объект является составной частью этого акта. Заметим, что речь идет не о физическом объекте, а объекте интенциональном, который построен в нашем сознании, феномене сознания. Объективный физический объект трактуется ученым как трансцендентальная по отношению к сознанию реальность, которая определенным образом конструируется субъектом в виде intersубъективной реальности, «жизненного мира» субъекта и последующей коммуникации как поиска согласованности этих миров.

Интенциональные объекты принадлежат миру человеческого сознания, в их существовании нельзя сомневаться – они представляют собой аподиктическое знание. Согласно Гуссерлю, чтобы получить знание, имеющее свойство аподиктичности, его следует подвергнуть испытанию методом феноменологической редукции. Это означает, что необходимо осуществить воздержание от суждений о существовании всего того, в чем можно усомниться. Воздержание от суждения (эпохе) состоит в том, чтобы поочередно «вынести за скобки» все классы предметов, существование которых может быть подвергнуто сомнению.

«Интерсубъективность» – понятие, которое конструирует Э. Гуссерль для объяснения существования человеческого сообщества, а также природы, которые существуют аподиктически, то есть как феномены сознания человека. Очень важно для понимания решения проблемы конструирования онтологии учение немецкого философа о конституировании интенциональных объектов, онтологическом статусе интенциональных объектов и трансцендентальном сознании. Э. Гуссерль вводит понятие жизненного мира как мира людей и предметов, непосредственно окружающих человека в течение его жизни, который конструируется как интерсубъективный мир и может быть представлен в виде концентрических окружностей.

Итак, категорию справедливости можно интерпретировать как феномен сознания, который служит регулятивом процесса упорядочивания, согласования этих миров. Подчеркнем, что Э. Гуссерль не отрицает физикалистскую парадигму, то есть существования мира самого по себе. Вопрос лишь в том, что его существование является проблематичным. Как уже отмечалось, аподиктический статус существования обретают интенциональные объекты в качестве феноменов сознания, и в частности системы ценностей. Справедливость приобретает элемент аподиктичности с позиций феноменологии и может быть проинтерпретирована как регулятив согласования «жизненных миров».

Феноменологическое «отрицание» объективной справедливости

Справедливость не должна редуцироваться к объективности и поиску единственно истинного решения, поскольку его просто не существует, так как творческое (творящее) сознание находится под напряжением морального выбора и конструирования. Этот нравственно-этический аспект вполне отчетливо прослеживается в феноменологии Э. Гуссерля (см. [5]). Может показаться, что вся духовная культура человечества исчерпывается совокупностью исторически ретранслируемых от одного поколения к другому готовых концепций или ценностных презумпций, программ деятельности, а также непосредственными, чувственно обусловленными, инновационными действиями, когда, сталкиваясь с возникающей конкретной проблемой, субъект ощущает эмоциональный дискомфорт и, соответственно, начинает искать ее решение. Если это так, то последовательно проведенная *феноменологическая редукция*

лишила бы теорию справедливости какого бы то ни было объективного содержания. На самом деле все, разумеется, обстоит иначе. Немецкий ученый, поясняя проблему вычленения в феноменах сознания творческого аспекта рассудочной активности, указывает: «Это универсальное лишение значимости (“сдерживание”, “вывод из игры”) всех точек зрения... или... это феноменологическое “эпохе”, заключение в скобки (здесь и далее в цитате курсив наш. – Авт.) объективного мира вовсе не оставляет нас ни с чем. Напротив, то... что таким путем приобретаю я, размышляющий, есть... универсум феноменов в феноменологическом смысле» [6, с. 347]. Выявление такого рода творческих инноваций сознания составляет суть конструктивно-феноменологического подхода к проблеме справедливости, когда вневременная, физикалистская парадигма объективности подвергается отрицанию конструктивно-ценностной парадигмой в универсальном общечеловеческом смысле, отягощенной моральным выбором.

Пояснить сказанное можно следующим примером. Каждый человек в процессе воспитания и своего личностного становления получает какие-то представления о справедливости, принятые среди окружающих, характерные для его исторической эпохи и социальной среды. Однако если он ограничится их некритическим восприятием, то окажется беспомощен при резком изменении внешней обстановки, с появлением новых проблем, обусловленных, в частности, ухудшением экологической ситуации, неупорядоченным природопользованием, насилием как способом разрешения противоречий и т. п.

Вместе с тем повседневный «опыт» подсказывает субъекту, что «добром» для него является по преимуществу получение максимального количества жизненных благ. Поэтому при возникновении их недостатка он может считать «справедливым», опираясь на «право первого» или «право сильного», не думая о последствиях, как можно больше захватить из их оставшегося количества. К примеру, в условиях экологического кризиса некоторые страны, пока есть возможность, стараются ускорить темп освоения оставшихся природных ресурсов, расположенных на их территории либо принадлежащих более слабым в военно-политическом отношении сопредельным регионам. Разумеется, это ухудшает общую негативную обстановку, усугубляет кризисные явления.

Конструирование объективной справедливости в системе ценностных координат

Человечество вынуждено задуматься, рационально оценить возникающие риски, принять коллективные решения по их преодолению на основе конструктивных критериев справедливости. Однако «опыт» ничего не может подсказать по поводу этих критериев, ведь возможное в будущем дальнейшее ухудшение ситуации еще не наступило, его еще нельзя наблюдать в реальной действительности. Можно только заранее предвидеть общую тенденцию, используя ресурсы интеллекта, а это относится не к чувственному «опыту»,

а к трансцендентальным способностям человеческого разума. В этом смысле «естественная почва бытия по своей бытийной значимости вторична, она всегда предполагает трансцендентальную; и поскольку именно к ней приводит нас фундаментальный феноменологический метод трансцендентального “эпохе”, он носит название трансцендентально-феноменологической редукции» [6, с. 348]. Именно подобный метод и позволяет осмыслить понятие «справедливости» в соответствии с конструктивными требованиями созидющего сознания, абстрагируясь от привычных предрассудков и сиюминутной выгоды.

Истинное познание имеет характер интуитивного озарения, «при феноменологическом постижении сущности (курсив наш. – Авт.) открывается... такая наука, которая в состоянии получить массу точнейших... познаний без всяких косвенно символизирующих и математизирующих методов, без аппарата умозаключений и доказательств» [3, с. 174]. Появляется возможность спонтанного поиска конструктивных новаторских решений, выраженных актом *интенциональности*, направленности сознания на какой-либо конкретный предмет. Если в качестве этой предметности выступают техногенные проблемы современности, то феноменологический метод позволяет стимулировать процесс интуитивного постижения их сущности и причинности, найти способы их преодоления на основе объективно существующих критериев справедливости.

Понятие *интенциональности* приобретает в рамках конструктивно-аксиологической интерпретации справедливости основополагающее значение. Оно обладает сложной структурой; как указывает Э. Гуссерль, «в потоке сознания мы имеем двойную интенциональность. Или мы... всматриваемся в первичный ряд переживаний... Или мы направляем взгляд на интенциональные единства... тогда перед нами объективность в объективном времени, собственное временное поле в противоположность временному полю потока переживаний» [7, с. 135]. Тем самым в актах интенциональности диалектически соединяются субъективное чувство справедливости и ее реальное содержание, в современных условиях обусловленное необходимостью эффективного решения глобальных проблем техногенеза, включая морально-нравственные коллизии.

Посредством интенциональности от возможных предположений отделяется «ясность», «очевидность» как осознание того, что в производимых действиях реализуются подлинные цели и соответствующие им ценности, в том числе «справедливость» в ее аксиологическом выражении. Происходит «прямое схватывание» ценностей, проявление их в структурных феноменах человеческого сознания. В актах интенциональности, направленных, в частности, на постижение справедливости, Э. Гуссерль видит выражение сущности человека, в отличие от животных, которые в своем поведении руководствуются привычными по форме, неосознанными инстинктами и рефлексам. Конструктивная интенциональность по сути есть «стремление предполо-

жить в разумном самосхватывании “истинное” в соответствующих отношениях –... истинная или подлинная ценность или добро – в котором простые суждения получают нормирующий их масштаб справедливости и несправедливости» [8, с. 125]. Совершая акт интенциональности и опираясь в дальнейшем на операцию эпохе, познающий субъект оценивает и конструктивно преобразует себя и свой мир практически в соответствии с нормами разума и принципами справедливости.

От субъективного чувства справедливости к конструированию «объективной» социальной онтологии

Точку зрения Э. Гуссерля развивает в дальнейшем немецкий философ и социолог Макс Шелер, который тоже трактует способность интуитивно и спонтанно отличать справедливость от несправедливости как выражение сущности человека. Стремясь спроектировать конструктивную универсальную этику ценностей, он пытается «объяснить специфические *монополии* (курсив наш. – *Авт.*) Homo sapiens (среди них – язык, постоянное прямохождение, религия, наука, изготовленный... инструмент... чувство справедливости...))» [9, с. 27]. В работе «Формализм в этике» М. Шелер непосредственно затрагивает конструктивно-аксиологический аспект справедливости. В русле феноменологического подхода он отдает приоритет не столько «витальным» актам и функциям человека, сколько «чистым феноменам» творческого сознания, обладающим собственной закономерностью. Тем самым область духовных ценностей в качестве конструктивного модального единства отграничивается от «ценностей жизни», обусловленных сиюминутной выгодой, примитивным «опытом». Среди универсальных духовных ценностей, обладающих указанными качествами, особо выделяются «ценности “справедливого” и “несправедливого”, предметы, которые... образуют последнее феноменологическое основание идеи объективного *правопорядка*» [9, с. 326]. Таким образом, раскрывая через понятие «ценности» аксиологический смысл справедливости, ученый акцентирует конструктивно-феноменологический статус указанной категории, непосредственно связанный с решением глобальных проблем современности.

Если обратиться к двум уже обозначенным аспектам интенциональности (субъективному и объективному), то необходимо особым образом подчеркнуть, что именно их диалектическая взаимообусловленность создает возможность конструктивно-аксиологической интерпретации справедливости. Посредством творческого разума все духовные ценности, в том числе справедливость, выстраиваются в стройную систему, обладающую *объективированным* статусом существования. Ориентируясь на нее, субъект обретает свое нравственное оправдание, более того, он находит самооправдание будущим поступкам, то есть обосновывает их не только «задним числом» (*post factum*), но и в долгосрочном последующем соответствии общечеловеческим кри-

териям справедливости. Тем самым осознается ответственность за свои поступки и формируется моральная совесть; несовпадение реальных действий с ее требованиями порождает субъективный психологический дискомфорт. Признавая наличие своих разумных способностей, обусловленных применением творческого конструктивно-феноменологического метода в контексте конкретных жизненных ситуаций, «человек... осознает себя вследствие этого ответственным за справедливость и несправедливость во всех своих действиях... Там, где они не выдерживают проверки на справедливость... там он себя порицает, там он недоволен собой» [8, с. 128]. Это касается как сферы познания, так и оценки, а также поступков, направленных на реальные результаты. Подобная социально-этическая мотивация инспирирует конструктивные желания, направляет волевые усилия к разумному саморегулированию, обладающему универсальными характеристиками. В *субъективном* смысле реализованная в нравственных действиях «воля к справедливости» служит основой чистой и устойчивой духовной удовлетворенности.

Как видно из сказанного, в рамках акта интенциональности субъективные и объективные аспекты справедливости диалектически переплетаются, поэтому интерпретировать феноменологическую концепцию справедливости только в субъективистском смысле, как это зачастую делается, было бы неправильно. «Принимая интенциональность сознания за основу, Гуссерль исходит не из субъекта... а из субъекта сознания, который способами своего сознания сущностно интенционально отнесен к реальному существу» [10, с. 130–131]. Именно эта связь с реальной действительностью позволяет конструктивно использовать априорную идею справедливости при решении *конфликтно-техногенных* проблем современности.

Справедливость и самоидентификация конфликтующего сознания

Интенциональность не исчерпывается субъективным «чувством справедливости»; она целенаправленно продуцирует соответствующие переживания, выраженные в феноменах морального сознания, на основе творческого осмысления реальных трудностей, порожденных издержками неупорядоченного прогресса науки, техники и социальных отношений. Ее объективное содержание обусловлено необходимостью решать эти проблемы, опираясь на противоборствующие усилия разнообразных геополитических, хозяйствующих и конфликтующих субъектов. Поэтому нравственное сознание вынуждено акцентировать такие критерии справедливости, которые в силу своего объективированного статуса устраивали бы всех без исключения, несмотря на многовекторность единичных нравственных приоритетов и ценностей, многообразии конкретных жизненных обстоятельств.

Конструктивный характер идеи интенциональности проявляется в процессе решения проблемы согласования жизненных миров, выступающих

в образе «Чужого», или «Другого». С точки зрения творческой новизны сама постановка этих вопросов, поиск такого рода «парадоксов» обладают самодостаточной ценностью, свидетельствуют о проделанной умственной работе, независимо даже от того, будут ли они впоследствии решены позитивным образом. Сама по себе новизна той или иной более современной трактовки справедливости, наличие противоречия, которое по-новому актуализировалось в иных обстоятельствах, несет конструктивную нагрузку.

Примером может служить «мотив Чужого», «парадокс Другого», которые играют очень важную роль в рамках феноменологической концепции справедливости. В эпоху мировых войн и взаимной конфронтации человечество пыталось на основе военно-промышленного превосходства с позиции силы навязывать ту или иную субъективную трактовку справедливости более слабым. Каждая из противоборствующих сторон выступала под лозунгом «защиты» и «восстановления справедливости». У каждого была своя «справедливость», диаметрально противоположная мнению любых оппонентов, при этом более убедительной считалась та позиция, которая опиралась на более мощные социально-идеологические и военно-технические ресурсы в конкретных политических обстоятельствах. История безуспешно и неоднократно демонстрирует бесперспективность подобного пути, его опасность в глобальном масштабе. Назрела необходимость найти более адекватное выражение справедливости, отказаться как от излишнего объективизма, так и от субъективного самомнения, необоснованного чувства собственного превосходства (националистские и нацистские интенции) над окружающими. Однако здесь возникают принципиальное непонимание Другого (Чужого), парадокс, основанный на его неидентичности. По мнению французского философа Эммануэля Левинаса, «взятию на себя судьбы Другого предшествует справедливость... Именно здесь кроется необходимость теории, здесь рождается забота о справедливости, которая предполагает оценку и сравнение того, что в принципе несравнимо, поскольку каждое бытие уникально; любой Другой уникален. В этих необходимых рассуждениях возникает идея о справедливости, лежащая в основе теории» [11, с. 128–129]. Уже сама подобная постановка вопроса, необходимость самоидентификации себя с кем-то совершенно посторонним, выработки на этой основе конструктивного понятия справедливости, позволяющего совместными усилиями успешно решать глобальные техногенные проблемы, – все это непосредственно актуализирует конструктивные возможности феноменологического метода в современных условиях.

Следует «взять на себя судьбу Другого», попытаться увидеть его Лицо, ощутить свою ответственность за его жизнь и смерть. Стремясь построить на этой основе конструктивное «ощущение» справедливости, субъект вынужден так или иначе осуществлять операцию эпохе, реализовывать интенциональность своего творческого Эго, сопереживать и критически мыслить;

из глубины изначального сострадания рождается философия как мудрость. В рамках феноменологического редукционизма уже сам процесс подобного философствования обладает конструктивной, нравственно очищающей силой, наполняет понятие справедливости объективным общезначимым смыслом, позволяет на его основе решать конкретные проблемы человеческого существования, конструктивно соотнося личностные и общезначимые, общечеловеческие смыслы бытия.

Справедливость в гражданском обществе: насилие и милосердие

Но не только философствование как процесс занимает последователей феноменологического направления в их попытках на основе идеи общечеловеческой справедливости постичь «мотив Другого». Важна также актуализация справедливости в повседневных реалиях бытия, которые могут отражаться в феноменах человеческого сознания, составлять их непосредственное содержание. В частности, исходя из необходимости защитить Другого и самого себя от проявлений несправедливости Э. Левинас допускает наличие ответственности, выраженной насильственными средствами. Актуализация идеи справедливости, ее правовых аспектов, не возможна без построения социальных институтов по ее реализации: «Существует определенная мера необходимого насилия, обусловленная справедливостью; если же мы говорим о справедливости, то надо признать и судей, и все институты... ведь мы живем в гражданском обществе... Государство... связано с насилием, но оно может нести в себе и справедливость» [11, с. 130]. При этом в рассуждении появляется фигура Третьего: Другой имеет к Вам отношение даже опосредованно, когда кто-то Третий причиняет ему зло и таким образом порождает необходимость справедливо рассудить притязания обеих сторон; в результате субъект нравственно-правовых отношений вынужден применить насилие в справедливых целях.

Конструктивный характер носит реализация идеи справедливости и в рамках транснационального регулирования. Положительно оценивая фактор репрессивного законодательства как средство утверждения справедливости, ученый опирается на традиционные ветхозаветные ценности иудаизма. Он считает, что в современных условиях эта конфессия преодолевает свою национальную ограниченность, приобретает актуальность в общечеловеческом масштабе. Решить глобальные проблемы техногенной цивилизации можно, только осуществляя справедливое управление, в случае необходимости – насильственными средствами. В иудаизме же именно идея всемогущества грозного карающего Бога как гаранта правовых и государственных отношений является определяющей. Если, как указывает Э. Левинас, говорить языком Талмуда, то «Бог – это Бог справедливости» [11, с. 132]. Уже в глубокой древности, делая особый акцент на строгом и безусловном выполнении обрядовых предписаний Торы, ортодоксальные иудеи считали, что Бог не примет при-

ношение из рук совершивших несправедливость. «Справедливость к другому, к ближнему более всего приближает меня к Богу. Эта близость столь же интимна, как молитва и литургия, без справедливости ничего не значащие... Набожный – значит справедливый. Иудаизм предпочитает термин *справедливость* другим словам, более взывающим к эмоциям. Ведь даже любовь требует справедливости... Третий – тоже мой ближний. Ритуальный закон иудаизма устанавливает суровую дисциплину, ориентированную на справедливость» [12, с. 336]. В настоящее время, делает вывод Э. Левинас, выраженный в ветхозаветных библейских текстах религиозный первопринцип, конструктивно скорректированный в духе диалектической антитезы Другого (и Третьего), мог бы значительно облегчить взаимопонимание между людьми в масштабе всего человечества, помочь популяризировать идеи справедливости, направить необходимые ресурсы на охрану окружающей природной среды и т. п.

Вместе с тем выраженное в раввинской экзегезе понимание Бога как строгого, но справедливого отца не является исчерпывающим. Согласно Библии, попытка Вечного (Элохим) создать мир, опираясь только на справедливость, не увенчалась успехом. Дальнейшее повествование ссылается на эмоциональные принципы любви, сострадания и милосердия. Справедливость и милосердие могут показаться чуждыми друг другу, если рассматривать их в некой последовательности: сначала – одно, потом – другое. В действительности же они взаимодополнительны; как считает Э. Левинас, «справедливость рождается из милосердия. Справедливость и милосердие... не отделимы друг от друга и возникают одновременно» [11, с. 131]. Ссылаясь на поэтику Ф. М. Достоевского, он указывает, что все люди ответственны за других, и каждый из них – в особенности; при этом ригоризм справедливости, понимаемой как строгая ответственность, может обернуться против возвышенных духовных идеалов, ведь предоставленная самой себе политика имеет собственные детерминанты. Поэтому «любовь всегда должна присматривать за справедливостью» [11, с. 131], в этом состоит их конструктивная диалектика в условиях обострения глобальных проблем техногенеза.

Идеи Э. Левинаса о связи справедливости с более глубинным миром эмоций в контексте постижения Другого поддерживает М. Мерло-Понти (см. [13]). Здесь появляется феноменологически интерпретированный аспект телесности. Современная техногенная наука исказила и абсолютизировала изначальное предназначение разума. Она погрузила его в мир абстрактных вещей, существующих и самовоспроизводящихся «сами для себя», и в этом бесконечном саморазвертывании подчиняющих себе человека, заставляющих его видеть в Другом потенциального конкурента в достижении новых материальных благ, тем самым ставящих морального субъекта в отношении конфронтации и несправедливости.

Преодолеть это отчуждение можно только одним способом: надо, чтобы научное мышление вернулось к реальным жизненным ценностям, связанным

с первичным чувственным восприятием, с ощущением нашей телесности, переместилось в изначальное «есть», обратилось к реальному природному (не искусственному) миру, каким он существует для нашей жизни (а не к «героической смерти» в бесконечной борьбе за все новые потребительские возможности). Подобная жизнеутверждающая установка творческого сознания позволит ему обрести эмоциональное ощущение Другого: «Необходимо, чтобы вместе с моим телом пробудились и ассоциированные тела – “другие”... вместе с которыми я осваиваю единое и единственное, действительное и наличное Бытие» [14, с. 11]. Именно сопереживание Другому, ощущение его телесной самоидентичности в границах естественного природного мироздания, первичного жизненного мира должно стать основой *подлинной справедливости*, позволяющей совместными усилиями защитить эту первичную бытийную конструкцию от опасностей неуправляемого техногенеза.

Справедливость как конструктивная основа взаимопонимания

Одна из основных трудностей феноменологического обоснования справедливости состоит в поиске принципов согласования «жизненных миров» как соприкосновения двух типов интенциональности, относящихся к своему собственному и чужому миропониманию. Необходимость установления конструктивного диалога предполагает соотнесение личной точки зрения с чужими притязаниями, что неизбежно предшествует любому партнерству. Своеобразие чужого притязания выражается в том, что в нем переплетаются две взаимообусловленные формы: с одной стороны, это призыв, который направлен *к кому-то*, с другой – претензия, которая распространяется *на нечто*.

Каждая попытка морального обоснования того или иного поступка заранее предполагает фактические претензии, становящиеся тем самым чем-то большим, чем простые факты. Мораль обнаруживает здесь своего рода лакуну: «Вопрос о том, справедливо притязание или нет, предполагает, что претензия уже предъявлена. Мы достигаем, таким образом, точки *по ту сторону добра и зла, по ту сторону справедливости и несправедливости*» [15, с. 132]. Соответственно, и *ответ* тоже принимает дуалистическую форму. Исходя из теории речевых актов, ответ-answer адекватен фактической претензии «на что-то». Но существует еще и личностная претензия «ко мне», на которую дается ответ-response. К примеру, на вопрос можно ответить, сообщив требуемую позитивную информацию, а можно – встречным вопросом, ничего не сообщив, но высказав тем самым свое отношение к вопрошающему. Только учитывая все эти нюансы, считают последователи феноменологии, можно достичь конструктивного диалога на основе универсальных критериев справедливости. Человек – это не только существо, обладающее разумом, но и «существо, которое отвечает». Подобная дефиниция по-новому отражает различие как между человеком и животным, так и между человеком и маши-

ной: «Здесь “справедливость” – ценность акта личности, нравственная ценность» [16, с. 403]. В диалогической вопросно-ответной форме проявляется во всей своей неоднозначности «мотив Чужого», позволяющий в итоге частично приблизиться к конструктивно-феноменологическому истолкованию справедливости.

Рассматривая приведенные примеры, приходится признать, что именно использование конструктивной методологии, выявление с ее помощью ценностных аспектов справедливости позволяет успешно решать техногенные проблемы, обострившиеся в современных условиях. За абстрактно-теоретическими рассуждениями Э. Гуссерля и его последователей скрываются вполне отчетливые практические проблемы: стремление инициировать творческие феномены человеческого сознания и ускорить с их помощью дальнейший прогресс науки и техники; опасение, что неумение понять интересы другого человека, четко обозначить общечеловеческие ценности приведет техногенный разум в тупик эгоцентризма, создаст ситуацию, при которой побочные негативные последствия развития техники станут преобладать над ее положительными результатами, планируемыми изначально; желание выявить универсальный аксиологический аспект справедливости, разработать конкретные способы ее реализации в структуре техногенного социума. Таким образом, *конструктивные* методы имплицитно присутствуют в рассуждениях наиболее известных представителей феноменологического направления, позволяют им сделать особенно важные выводы касательно нравственно-философского содержания понятия *справедливости*, приобретающие особую актуальность в начале 3-го тысячелетия в условиях дальнейшего обострения техногенных проблем современности.

На основании изложенного можно сделать следующий вывод: кризис и гражданская война в Украине связаны не только с проблемой несправедливого (олигархического) государственного устройства и глобальных геополитических противоречий, но прежде всего с насильственным решением моральных коллизий индивидуального сознания в поисках справедливости. В самом деле, конструктивно-феноменологический подход к проблеме экспликации истоков украинского конфликта заставляет исследовать не контекст реальных действий и событий, с неизбежностью приведший к сползанию в пучину братоубийственной войны, а анализ феноменов сознания в виде установок лидеров украинского государства на подавление с позиции силы противостоящих им самопровозглашенных республик. Насилие приняло предельную форму в виде смерти противника и вызвало ответное насилие. Негативные ценностные установки сознания завели противоборствующие стороны в тупик самоуничтожения и чреватые мировыми глобальными последствиями. Непосредственный горизонт событий объясняется, с одной стороны, необходимостью сохранить целостность страны, с другой – стремлением к обретению большей степени свободы. Однако этими благими намерениями вымо-

цена дорога в ад войны вследствие конструирования социальной онтологии на основе принципа справедливости, попирающего универсальные общечеловеческие ценности. Украинский способ реализации справедливости основывается на образе «врага», праве силы, оправдания убийства более высокими ценностями, нежели жизнь человека. Вследствие этого конфликт исчерпает себя лишь тогда, когда будет найден принцип согласования «жизненных миров» как соприкосновения двух типов интенциональности, относящихся к своему собственному и чужому миропониманию, когда милосердие станет выше справедливости.

Таким образом, современные конфликты актуализируют конструктивные возможности феноменологического метода, когда жизненным императивом становится необходимость человека взять на себя судьбу «Другого», ощутить свою ответственность за его жизнь и смерть. Субъект конфликта вынужден будет реализовывать интенциональность своего творческого сознания в форме сопереживания и критического осмысления личностных и общечеловеческих смыслов бытия.

Литература

1. Старжинский, В. П. Становление конструктивной методологии / В. П. Старжинский // Философия и социально-культурное развитие : материалы круглого стола, посвящ. II Международ. дню философии в ЮНЕСКО. – Минск, 2004. – С. 206.
2. Башляр, Г. Новый рационализм / Г. Башляр. – М. : Прогресс, 1987. – 376 с.
3. Гуссерль, Э. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – Новочеркасск : Сагуна, 1994. – 357 с.
4. Блюменберг, Х. Жизненный мир и технизация с точки зрения феноменологии / Х. Блюменберг // Вопр. философии. – 1993. – № 10. – С. 71.
5. Donohoe, J. Husserl on ethics and intersubjectivity: from static to genetic phenomenology / J. Donohoe. – Amherst ; N. Y. : Humanity Books, 2004.
6. Гуссерль, Э. Логические исследования / Э. Гуссерль. – М. : АСТ, 2000 – 752 с.
7. Гуссерль, Э. Собрание сочинений / Э. Гуссерль. – М. : Гнозис, 1994. – Т. 1 : Феноменология внутреннего сознания времени. – 162 с.
8. Гуссерль, Э. Статьи об обновлении / Э. Гуссерль // Вопр. философии. – 1997. – № 4. – С. 125.
9. Шелер, М. Избранные произведения / М. Шелер. – М. : Гнозис, 1994. – 490 с.
10. Херрманн, Ф.-В. фон. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля / Ф.-В. фон Херрманн. – Минск : ПроPILEI, 2000. – 192 с.
11. Философия, справедливость и любовь (Беседа с Эмманюэлем Левинасом) // Философ. науки. – 1991. – № 6. – С. 128–129.
12. Левинас, Э. Избранное: Трудная свобода / Э. Левинас. – М. : Рос. полит. энцикл., 2004. – 752 с.
13. Gordon, H. Maurice Merleau-Ponty's Phenomenology of perception: a basis for sharing the earth / H. Gordon. – Westport, CT : Praeger, 2004. – 160 p.
14. Мерло-Понти, М. Око и дух / М. Мерло-Понти. – М. : Искусство, 1992. – 63 с.
15. Вальденфельс, Б. Мотив чужого / Б. Вальденфельс. – Минск : ПроPILEI, 1999. – 175 с.
16. Гартман, Н. Этика / Н. Гартман. – СПб. : Владимир Даль, 2002. – 708 с.

**SEARCHING FOR JUSTICE: STRUCTURAL-PHENOMENOLOGICAL APPROACH
TO SOCIAL ONTOLOGY BUILDING**

V. P. STARZHINSKY, N. I. MUSHINSKY

Summary

The article describes the specifics of the design methodology. Identify intentions structural-ly-phenomenological concept of justice: the principle of consistency intersubjective worlds; “denial” objective justice and its construction in the value system of coordinates. Shows the inevitability of the transition from the subjective sense of justice to the design of “objective” social ontology. Discusses justice in the aspect of self-identification conflicting consciousness. Examines the design principles of justice in civil society: violence and mercy. It is shown that justice is constructive mutual understanding.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.11.2014

ПРИОРИТЕТЫ И ФАКТОРЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

А. А. ЛАЗАРЕВИЧ

Рассматриваются особенности постиндустриальной модернизации общества, ее интегральные характеристики, ключевое значение среди которых принадлежит науке и инновациям. Раскрываются функции информационно-коммуникационных технологий в процессах производства и социализации знаний. Исследуется феномен деэпистемологизации современной коммуникативной практики в контексте сопоставления репрезентативной и социально-конструктивистской концепций знания.

Сегодня достаточно много говорится о различных стратегиях социальной модернизации, о приоритетах и факторах инновационного развития, в том числе и Республики Беларусь. Экстенсивный индустриальный формат социально-экономического развития себя фактически исчерпал, привнеся в общественную эволюцию ряд издержек экологического, научно-технологического, социально-культурного и духовно-нравственного порядков. Сегодня нужна новая парадигма общественного прогресса, соразмерная императивам сохранения природы и создания нового качества жизни, достойного человека разумного, образованного и высоконравственного. Решить эту задачу путем обращения только к традициям национальной и даже мировой культуры едва ли представляется возможным. Достижения культуры, пусть даже высокой, всегда должны дополняться творческим поиском новых границ и способов гуманного человеческого бытия, сопряженного с кристаллизацией неизвестного ранее опыта и знаний. Собственно, в этом и заключается смысл инновационной стратегии жизни как сочетания продуктивных функций традиции и новых качеств культуры человечества. Новые качества в данном случае следует понимать не как рекомбинацию существующего уклада жизни, а как создание принципиально новых форм и способов жизнедеятельности общества. Например, когда мы говорим об инновационной модели развития белорусского общества, едва ли следует понимать под этим некую реконструкцию традиционной индустриально-технологической схемы социально-экономического развития. Во внимание необходимо принимать задачу создания принципиально иных, постиндустриальных, структур экономики и социально-культурной сферы, которые олицетворяли бы собой новую тактику и стратегию общественного прогресса.

Ценности индустриализма заслуживают внимания в контексте решения первичных задач общественно-экономического развития, связанных с достижением преимущественно «материальных» идеалов человечества,

относя сюда представления о хорошем жилье, пище, сравнительно обустроенном быте, достойной заработной плате и т. п. Но даже первичные для человека вещи индустриализм все же отодвигает на второй план. На первом месте для него – рост индустриального производства, промышленности, технико-экономические показатели в целом. На этот недостаток указывали все известные теоретики индустриального общества, например А. де Сен-Симон, Э. Дюркгейм, М. Вебер и др. Они, в частности, говорили о том, что индустриальное общество «заботится лишь о производстве» (Сен-Симон), что в нем «экономическая система отделена от семейных уз, рабочее место – от домашнего очага» (Дюркгейм), «во всем обществе распространяются единая этика и стиль жизни: они становятся деперсонифицированными нормами» (Вебер). Всё это так. В результате за промышленным ростом потерялся сам человек, став действительно совокупностью общественных (производственных) отношений. Кроме этого, следует говорить и о других издержках индустриализма, например экологического характера, что угрожает уже отторжением человека как вида со стороны природы. Существуют еще и так называемые проблемы технократизма, который по-прежнему безудержно делает ставку на индустриально-технические ценности, не замечая при этом, что понятие «ценность» имеет абсолютно гуманитарный смысл и вне человеческой добродетели теряет всякое значение.

Если оценивать суть социально-экономического кризиса последних лет, уместно подчеркнуть, что это кризис индустриальных ценностей, от которых с трудом отказываются даже те страны, которые значительно раньше вступили на путь постиндустриальной модернизации. Наиболее пострадавшими оказались как раз сектор крупного промышленного производства, энергозатратные отрасли экономики. Кризис показал, что мировая экономика в целом пока функционирует на основе «индустриального мировоззрения», приведшего к перепроизводству и затовариванию материальных благ в одних регионах мира и отсутствию этих благ (или средств их приобрести) – в других. Безудержное материальное производство и, соответственно, потребление – это рецидивы идеологии индустриализма. Поэтому индустриальный формат жизни себя практически исчерпал, поставив человечество перед необходимостью поиска новых сценариев развития. Такие сценарии разрабатываются, конституируя в своей целостности идеологию современных постиндустриальных реформ общества. И дело здесь не в терминах: возможно, одним нравится слово «постиндустриальное», другим – «неоиндустриальное», третьим – «информационное» и т. д. Речь идет о том, что должно прийти и что придет на смену современной индустриально-техногенной цивилизации.

Постиндустриальный тип развития буквально можно понимать как такой, который следует за индустриальным, то есть приходит ему на смену. В социально-экономическом и духовно-культурном отношении речь идет о переходе к новым базовым принципам развития, которые строятся на мак-

симальной реализации так называемого третичного сектора общественно-го производства – сферы услуг, или социального сервиса, с изменением при этом структуры социальной стратификации. Речь идет о перераспределении областей занятости людей в сторону обслуживания самих себя: торговля, финансы, транспорт, здравоохранение, индустрия отдыха, наука, образование, управление. Ни индустриальное производство, ни сельское хозяйство при этом никуда не исчезают, как иногда пытаются скептически представить постиндустриальную теорию ее оппоненты. Реальный сектор экономики существует, интенсивно развивается на высокой технологической базе, но приобретает подчиненный характер по отношению к смысложизненным ценностям человека. В постиндустриальном обществе на первом месте находятся человек, его духовно-культурный, образовательный и интеллектуальный потенциалы, а не промышленное предприятие, станок, валовые показатели, производство ради производства и т. п.

Теоретико-методологическую основу постиндустриального развития составляют разработки западных социологов, философов и экономистов. Истоки теории связаны с критическим анализом в начале XX в. возможностей капиталистического роста и оценкой перспектив социалистической идеи. В конце 30-х годов XX в. К. Кларком обоснована возможность концептуального построения динамики социальных трансформаций исходя из выделения и эволюции трех основных секторов общественного производства: первичного (добывающие отрасли и сельское хозяйство), вторичного (промышленное производство) и третичного (сфера услуг).

Наибольший вклад в систематизацию и развитие идей постиндустриализма внес Д. Белл, сформулировавший его основные признаки: создание обширной экономики услуг, резкое увеличение слоя квалифицированных научно-технических специалистов, центральная роль научного (теоретического) знания как источника инноваций и социально-политических решений, возможность самоподдерживающегося технологического роста, создание новой «интеллектуальной» техники и др. Основной смысл постиндустриальной теории заключается в обосновании возможностей преодоления проблем технико-экономического роста и перехода к развитию культуры и человека, стимулированию духовно-гуманистической составляющей жизни.

Если говорить об основных предпосылках перехода к постиндустриальному развитию, то их много, но главной является, по сути, одна, которая прошла апробацию высокоразвитыми индустриальными странами Запада в начале 1960-х годов. Научно-технический и технологический прогресс в этих странах привел к сокращению числа людей, занятых в сельском хозяйстве и промышленности, снижению себестоимости соответствующей продукции при одновременном росте, это следует подчеркнуть, благосостояния народа. Все это вызвало огромный спрос на различного рода услуги – медицинские, образовательные, научно-технологические, торговые, финансовые, бытовые,

транспортные, дало мощный толчок раскрепощению человеческой креативности, перекалфикации людей с учетом новых предпринимательских интересов, стимулированию инновационных решений. Именно по этим тенденциям социально-культурной и интеллектуальной динамики и были зафиксированы первые признаки перехода к постиндустриальному развитию.

Говоря о постиндустриальных трансформациях общества, нельзя не сказать об инновационных механизмах этих трансформаций, которые появились в связи с активным развитием информационных технологий и интенсивной социализацией на этой основе информации и знаний. Отсюда, кстати сказать, и происходит новая идеологема постиндустриального вектора развития современной цивилизации – становление информационного общества, или общества, основанного на знании. Классический постиндустриализм и теория информационного общества – это разные сценарии общественного развития. Постиндустриальная концепция строится на основе широкой реализации возможностей третичного сектора хозяйственной и социально-культурной деятельности. Информационное же общество следует рассматривать через призму активизации так называемого четвертичного сектора – информационного, имея в виду сферу развития рынка информационных и телекоммуникационных услуг и технологий, соответствующих программных продуктов, компьютерных новаций и т. д. Во многих развитых постиндустриальных государствах именно этот сектор сегодня приносит основной доход в структуре ВВП. Это чисто экономический подход к определению информационного общества. Вообще же оно (информационное общество) определяется системой других показателей, например политикой информатизации, которая связывается с комплексом организационных мероприятий государства и институтов гражданского общества по созданию условий генерации интеллектуально-информационного ресурса и обеспечению заинтересованных субъектов достоверными и своевременными сведениями во всех видах человеческой деятельности на основе, естественно, новейших информационно-коммуникационных технологий. Кроме этого, во внимание следует принимать и другие особенности информационной цивилизации, например высокую степень коммуникационной активности и культурной интеграции. Особенно следует подчеркнуть высокую наукоемкость как экономической, так и социальной сфер. В информационном обществе информация и знания рассматриваются в качестве важнейшего фактора инновационного развития. При этом во внимание принимается не любое знание, а прежде всего теоретическое, что особым образом актуализирует роль и значение фундаментальной науки.

Активное развитие информационного сектора составляет основное содержание современных процессов информатизации, которые кардинально затрагивают экономику, образование, культуру, стратификацию общества, его социально-психологические и коммуникационные основы. С развитием компьютерных технологий и совершенствованием механизмов функционирова-

ния информации и социальной коммуникации оказалось возможным иначе оценить целостность и единство человеческой цивилизации, принципы самоорганизации людей на основе широкого доступа к информационным ресурсам, деструктуризацию традиционных систем управления в зависимости от расщепления информационных ресурсов в локальных подсистемах общества, наконец, организацию власти, которая ориентирована на профессиональные и интеллектуальные ценности. Особо в этой связи следует выделить коммуникационную природу информационного общества и соответствующую сущность информации, выступающую не противопоставлением и отрицанием ее экономико-производственной сущности в концепции постиндустриального общества, а дополнением. В информационном обществе не теряет своего значения важнейший тезис постиндустриальной доктрины о том, что информация и знания выступают не только главной ценностью, но и особым товаром со всеми его производственно-экономическими характеристиками. Последнее обстоятельство особенно ярко демонстрируют современные тенденции развития рынка информационных услуг и ресурсов, включая сферу информационно-компьютерных технологий.

Для того чтобы информационное общество действительно стало обществом знания с широкими социально-культурным и гуманитарным горизонтами, важно вовремя обратить внимание на ряд противоречивых тенденций, которые имеют место при его становлении. В истории развития человеческого общества доминирующую роль играл процесс производства и накопления знаний. Именно на этой основе были в общих чертах созданы те системы объяснения реальности, которые с небольшими изменениями дошли до нашего времени и играют по-прежнему основную роль в процессе накопления объективной информации об окружающем мире. Принципиальное отличие современной эпохи заключается в ином – сейчас неизмеримо больше коммуникаций, строящихся в основном на процедурах передачи информации. Тиражирование, но не создание интеллектуального продукта, передача сведений о нем посредством печатных изданий, радио, телевидения, лекций и семинаров в рамках системы образования, а теперь еще и Интернет – вот что отрицательным образом влияет на становление современного информационного общества и демонстрирует сущность предпосылок деперсонификации знаний. За словом «знание» сегодня все чаще скрывается понятие «информация» как необязательно рефлекслируемое человеческим сознанием (пониманием) сообщение, передаваемое (принимаемое) с помощью технологий социальной коммуникации. Особенность этих коммуникаций такова, что их информационная основа не содержательна («знание») и не предметна («продукт»). Информация в структуре подобных коммуникаций операциональна.

В традиционном обществе информация никак не могла претендовать на ту роль, что играет теперь. Только как коммуникация, а не как знание, информация способна вызывать новые операции. Люди действуют, используя информацию,

а коммуникационные потоки не только не поглощаются как ресурс деятельности, подобно сырьевым или энергетическим ресурсам, а напротив – умножаются и ускоряются. Это происходит потому, что информация не столько интеллектуально-знаниевый ресурс, сколько стимул (мотив) деятельности. «В организованном подобным образом информационном потоке, – пишет Д. В. Кузнецов, – на первое место выходит не передача данных о свойствах товара или услуги, т. е. рациональная денотация объекта, а создание его образа, мобилизующего скорее аффективные коннотации. Именно образ приносит прибыль в современной экономике и стимулирует развитие рекламного бизнеса. Не за монополию на передачу сведений воюют владельцы СМИ, а за создание выгодного им или их заказчикам образа событий» [1, с. 96]. По меткому замечанию М. Мак-Люэна, сделанному еще в 60-х годах XX в., действительным содержанием сообщения является сам сообщающий [2].

Иначе говоря, одной из характерных сторон современного информационно-коммуникативного процесса является тенденция дистанцирования от его эпистемологической адекватности. Получается, что не в знании, а в создании привлекательных образов заключается сила современного субъекта социального действия. Оценивая данную ситуацию, А. Турен, видимо, не случайно пытается избежать терминов «информация» и «знание», когда пишет, что в постиндустриальную эру социальные конфликты возникают по поводу «символических благ» [3].

То что коммуникация как создание образов играет в современном обществе важнейшую роль, подтверждает и концепция нынешнего лидера теоретиков информационного общества М. Кастельса. Он обосновывает тезис о переходе от капитализма к информационализму, в условиях которого успех зависит в первую очередь от способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях. Однако, наряду с этим утверждением, анализ новых форм экономики и культуры вынуждает автора все же опираться на понятия «коммуникационная система», «сетевое общество», «образы» и т. п. [4].

Критическая оценка сложившейся ситуации в отношении феномена де-эпистемологизации современной коммуникативной практики может быть дана в контексте анализа наметившегося когнитивно-эпистемологического поворота, основанного на сопоставлении так называемой классической (репрезентативной) и социально-конструктивистской концепций знания. Согласно первой из них, знание есть ментальное представление, логико-теоретическая репрезентация объективного мира. Вторая концепция (новый когнитивизм) акцентирует внимание на знании-представлении, где представление служит выражением и субъекта, и объективного мира, являясь продуктом их отношений. Суть поворота заключается в отказе от теории знания как репрезентативного феномена и переходе к его пониманию в рамках теории социального конструктивизма. Одно из следствий данной теории связывается с тем, что

истина перестает быть «чистым» аналогом эмпирической достоверности, а конституируется в том числе в социально и культурно значимых коммуникативных практиках. То есть знание в данном случае следует рассматривать как форму социального дискурса.

Известный французский психолог С. Московичи показал, что когнитивные системы, упорядочивающие образ мира, социальны как с точки зрения своего генезиса, так и в содержательном отношении. Основные понятия, которые их составляют, берут начало в повседневной межличностной коммуникации. Тем самым когнитивный и коммуникативный аспекты представлений неотделимы друг от друга. Исходной идеей новой версии знания является тезис о том, что социальное «измерение» не добавляется постфактум к когнитивным моделям, а органически в них вплетено.

В отличие от постмодернизма, заменившего изучение психологических процессов (смерть автора) анализом дискурсивных практик участников лингвистической деятельности, новейший когнитивизм (позиция С. Московичи) пытается преодолеть крайности репрезентативной и постпозитивистской (языковая игра) концепций знания. Данный подход признает относительную автономию социальной реальности и ее влияние на индивида, но в то же время внимание акцентируется на тех процессах, посредством которых психологические феномены продуцируют эту реальность, оставаясь ее продуктами [5, с. 101].

Несмотря на ряд издержек и противоречий, информационное общество представляет собой новую самостоятельную стадию социально-экономического, научно-технологического и духовно-культурного развития постиндустриального мира. Эта стадия связана с переходом к четвертичному (информационному) сектору хозяйственно-экономической и социально-культурной деятельности. Указание на самостоятельность (собственную состоятельность) информационного общества, его нетождественность классической версии постиндустриального общества может следовать также из наметившихся сегодня тенденций информатизации индустриальных государств, таких, например, как Беларусь, Россия и др. В этих государствах активно развиваются процессы компьютеризации, формируются телекоммуникационные сети с выходом в мировое информационное пространство. К примеру, в России в последние пять лет отрасль связи и информации выступает лидером среди наиболее динамично развивающихся отраслей. По темпам роста она опережает нефтедобывающую, газовую и пищевую промышленности. По итогам анализа параметров так называемого индекса электронной готовности Всемирным банком был сделан вывод о том, что Беларусь находится на первом месте среди стран СНГ по степени готовности к информационному обществу.

Наглядным показателем процесса информатизации в глобальном масштабе служит статистика роста количества пользователей Интернета и мобильной связи в мире за последние 5–8 лет. Так, рост интернет-аудитории составил 268 %, рост числа абонентов подвижной сотовой связи – почти 310 %, в том числе

Приоритеты и факторы постиндустриальной модернизации

абонентов широкополосной мобильной связи (широкополосного доступа в интернет с мобильных устройств на базе сетей 3G и 4G) – 782 % (рис. 1, 2). В 2010 г. количество интернет-пользователей в мире превысило 2 млрд человек. Траектория развития пространства электронных сетевых коммуникаций такова, что не менее важным показателем, нежели количество участвующих в сетевых взаимодействиях людей, является количество подключенных к локальным и глобальным сетям автономных устройств, которые, по сути, также уже являются «равноправными» участниками сетевых взаимодействий, способными оказывать заметное влияние на сознание и поведение участников – людей. Уже в 2008 г. количество устройств, подключенных к Интернету и функционирующих без непосредственного вмешательства человека, превышало количество людей на Земле.

Рис. 1. Динамика количества пользователей Интернета в 2005 – начале 2013 гг., млн чел. (источник: ITU World Telecommunication/ICT Indicators database)

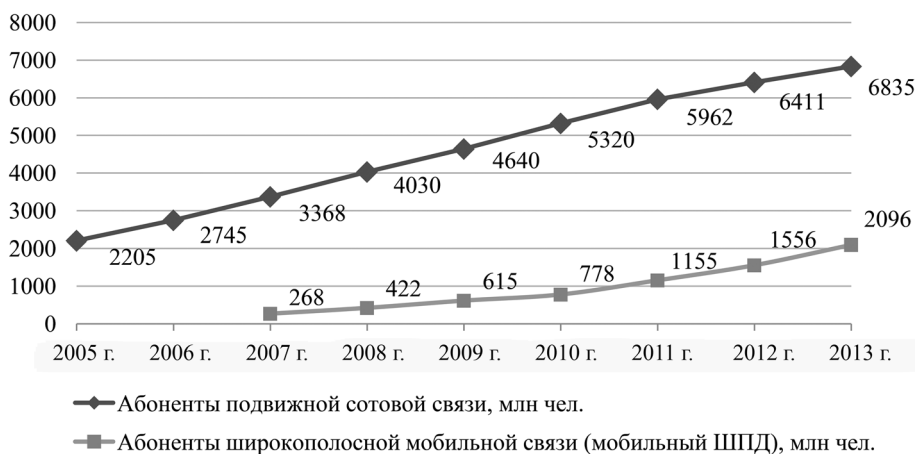

Рис. 2. Динамика абонентской базы мобильной связи в мире в 2005 – начале 2013 г., млн чел. (источник: ITU World Telecommunication/ICT Indicators database)

Однако это лишь частичные успехи. Необходимо создавать политические, правовые, социально-экономические предпосылки информатизации общества и развития его информационной культуры как в рамках национальных, так и международных проектов. В настоящее время оставляет желать лучшего гуманитарная составляющая информационной политики большинства государств мира, слаба ее правовая и законодательная обеспеченность. Процессы информатизации в ряде современных индустриальных государств представляют собой скорее социокультурное явление, нежели закономерные социально-экономические преобразования, которые лежат в основе серьезных социальных трансформаций, обуславливающих переход к новому типу организации общества.

Механизмы такого перехода неразрывно связаны с интенсивной кристаллизацией научно-инновационной среды. Именно поэтому понятие инновации является ключевым в рассмотрении вопросов трансформации индустриального общества в постиндустриальное и информационное. При этом важно заметить, что данное понятие имеет смысл применительно лишь к вполне конкретным сферам деятельности. Инновации, в принципе, возможны везде и в такой своей универсальности всегда будут приветствоваться. Постиндустриальное и информационное общества основываются на реализации пятого и шестого технологических укладов. Поэтому все инновационные сдвиги в экономике, технике и технологиях, социальной и гуманитарной сферах, которые приближают или формируют названные уклады, могут считаться инновациями постиндустриального типа. Важнейшее же значение здесь принадлежит, естественно, науке.

Научный фактор социальных инноваций является доминирующим и существенно определяет реализацию других условий социокультурной динамики. Именно наука формирует цели и приоритеты развития различных сфер общественной жизни, занимается систематизацией и оценкой средств их достижения. Такая ее функция сохранит свое значение и в будущем, ибо основополагающей компонентой в теоретических реконструкциях постиндустриального общества, как уже было отмечено, выступают представления об особом статусе информации и знаний, роли и месте науки в развитии социума вообще. Кстати, во многом уязвима с точки зрения гуманистических ценностей индустриальная эпоха также обязана прежде всего науке, и поэтому вместе с критикой в адрес индустриализма в разряд отверженных нередко попадают и наука, и научно-рациональная методология в целом. Следует подчеркнуть, что к ряду негативных черт индустриального общества справедливо относят факты неудачной эксплуатации научных знаний в сугубо производственных интересах, попытки использования императивов науки в политических и идеологических целях, конструирование всеохватывающих методологических приемов, в основу которых помещается безукоризненность, полнота и завершенность научных доказательств. Поэтому с отвержением принципов индустри-

стриализма следует отвергать не науку, а великую претензию на ее использование в качестве завершенных решений многих проблем, в том числе и социального характера.

Приходящие на смену индустриальному типу развития новые постиндустриальные модели основную ставку делают все же на науку. Если индустриальное общество основывается, главным образом, на машинной технологии, то ценности постиндустриального мира связываются с технологией интеллектуальной. И если капитал и труд – главные структурные элементы индустриального социума, то информация и знания – основа общества постиндустриального. При этом, как считают теоретики постиндустриализма, информация выступает основным производственным ресурсом постиндустриального общества, тогда как знание остается внутренним источником его прогресса.

Осознание науки в качестве важнейшей производительной силы общества возникло, естественно, не сегодня. Но если в период индустриализма социально-производственная ценность научного знания проявляется опосредованно, через его преимущественное воплощение в технологиях и соответствующих материальных объектах, то в постиндустриальном мире, кроме этого значения знания, открываются по меньшей мере две его исключительно нетрадиционные функции: способность непосредственно выступать самостоятельным интеллектуальным товаром, имеющим собственную стоимость, и способность кардинально трансформировать структуру социальной стратификации и управления из-за возрастающего участия в этих процессах производителей и носителей знания.

Кроме этого, следует подчеркнуть принципиально иной характер научно-инновационной стратегии постиндустриального мира. Речь идет, во-первых, об ориентациях экономики общества на такие технологии, которые являются результатом прогрессирующего теоретического знания и интенсивного развития фундаментальной науки в целом. Во-вторых, постиндустриальная технология и теоретическое знание представляют собой единое целое – нематериальный интеллектуальный продукт, демонстрирующий свою неисчерпаемость (многократность) как в условиях внутреннего, так и экспортного потребления.

Инновационный путь развития ориентирован на постоянное возобновление растущих социально значимых качеств производимых товаров и услуг. Сделать это вне активно развивающегося фундаментального научного знания невозможно. Логика в данном случае достаточно проста: сначала инновации в науке, затем – в экономике. Другими словами, приоритет в любом случае должна иметь фундаментальная наука. Таков закон социального прогресса. При этом научная деятельность не может быть неким автономным процессом производства знаний, ценность которых задана исключительно их внутренней организацией, а начинает выступать в такой форме челове-

ческой активности, в рамках которой оценивается эффективность не только действий, но и целей. Современные тенденции гуманизации и гуманитаризации социальной практики, в том числе и научной, направлены на решение этой задачи. Неслучайно в поле зрения общественного мнения все чаще попадают вопросы этики науки, нравственной ответственности ученого за произведенное знание и возможность его безопасного функционирования в обществе, вопросы практической значимости науки, ее роли в интеллектуализации социума и выработке перспективных моделей социального развития. Последние должны быть не только научно, но и нравственно обоснованы.

Это лишний раз подтверждает мысль о том, что интеллектуальная ситуация в обществе не может быть полноценной вне ее связи с понятием интеллигентности, содержательными признаками которого выступают духовность, культура, нравственность, образовательный кругозор, порядочность, национальное самосознание, ответственность и др.

Проблематичность современной созидательной реализации и интеллектуалов, и интеллигентов во многом обусловлена характером возникших между ними противоречий. Интеллектуализация социального пространства – явление универсальное, в то время как интеллигентность имеет конкретную духовную спецификацию и национально-культурную выразительность. В условиях глобализации мира интеллектуал находит больше возможностей для самореализации, интеллигент же чаще всего противится этим процессам. Наконец, результаты интеллектуального творчества имеют значительно большую возможность формализации и последующего «декодирования» в социально значимых контекстах человеческой культуры, чем это можно сделать в отношении, например, чувств, убеждений, самосознания, надежд, ответственности и других качеств интеллигента. Широкая формально-знаковая трансляция этих качеств в обществе фактически невозможна, из-за чего и теряется сила намерений научить интеллигентности и искусственно расширить сферу ее социальной активности. В этом смысле можно согласиться с тем, что интеллигент действительно больше одинок, чем интеллектуал, перспективы созидательной активности которого тем не менее не представляются достаточно радужными вне определенной духовно-культурной ассимиляции.

Литература

1. Кузнецов, Д. В. Роль современных коммуникаций в формировании массового сознания / Д. В. Кузнецов // *Философия и общество*. – 2004. – № 3. – С. 96–118.
2. McLuhan, M. *The medium is the message* / M. McLuhan. – New York ; London ; Toronto : Bantam Books, 1967. – 159 p.
3. Touraine, A. *The waning sociological image of social life* / A. Touraine // *Intern. J. of Comparative Sociology*. – 1984. – Vol. 25, N 1. – P. 33–44.

Приоритеты и факторы постиндустриальной модернизации

---

4. Castells, M. The information age: economy, society and culture : in 3 vol. / M. Castells. – Oxford : Blackwell, 1996–1998. – Vol. 1–3.

5. Черникова, И. В. Современная наука и научное познание в зеркале философской рефлексии / И. В. Черникова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2004. – № 6. – С. 94–103.

PRIORITIES AND FACTORS OF POST-INDUSTRIAL MODERNIZATION

A. A. LAZAREVICH

Summary

The article is about the peculiarities of post-industrial modernization of society, its integral characteristics, the most important of which are science and innovation. The author reveals the functions of information and communication technologies in producing and socializing the knowledge. The article contains the research of de-epistemologization of modern communicative practice in the context of representative and socially constructive ideas of knowledge comparison.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.07.2014

РОДИМЫЕ ПЯТНА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СПЕЦИФИКА КОНСТИТУИРОВАНИЯ И ПРЕДЕЛЫ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

О. В. ПЛЕБАНЕК

Социогуманитарное знание имеет гносеологические ограничения, обусловленные его конституированием. Науки об обществе и человеческом бытии в пределе европоцентричны и социоцентричны, что не позволяет реализовать их праксеологическую функцию. Преодоление принципиальных ограничений социогуманитарного знания связано с культуроцентристской парадигмой.

Общеизвестно, что институциализации познания в форме науки мы обязаны появлению индустриальной технологии, но расцвет индустриальной технологии спровоцировал не только рост материального комфорта, но и социогуманитарный кризис. Именно индустриальной технологии для эффективного функционирования потребовалось знание не только в теоретической форме (начало теоретическому знанию было положено в античной цивилизации), стало необходимым абстрактное знание о физических процессах, а смена ценностных векторов в техногенной цивилизации привела к изменению отношения к человеческому творчеству. В предшествующие эпохи процесс производства знаний имел мощные ограничители в виде идеи космического порядка, подчиняющего даже волю богов, или в виде представлений о воле высшего Творца, постигнуть замысел которого невозможно. Рождение техногенной цивилизации привело к мировоззренческому перевороту в результате которого произошло отделение Творца, создателя прежде единого и неделимого мира, от искусственного (от др.-греч. Τέχνη – искусство, мастерство, умение) мира, созданного человеком и управляемого человеком. Потребности индустриальной технологии и снятие нравственных ограничителей в проникновении в тайны мироздания привели к расцвету естествознания. Казалось, человечество вот-вот должно вздохнуть с облегчением, освободившись от постоянной нужды и гнета необходимости: как только от тайн природы останутся незначительные крохи, человек построит упорядоченный, управляемый мир, в котором не будет места случайностям.

Техногенное счастье не состоялось: оказалось, что индустриальная технология, помимо благ, принесла целый ряд незапланированных последствий: не только масштабный, в пределах целой цивилизации (европейской), кризис, но кризис гуманитарный – кризис ценностей. Техногенная цивилизация породила феномен научного познания, но развитие естествознания привело к разрушению религиозных оснований картины мира и секуляризации общественных отношений. Следствием разрыва между ценностным основанием

человеческой деятельности и общественными отношениями стало расшатывание нормативов человеческих отношений, что само по себе представляет опасность для функционирования общественной системы. Но это обстоятельство имело еще и резонанс с другим следствием развития индустриальной технологии.

В зрелом индустриальном обществе запускается целый ряд демографических процессов, имеющих громадное значение для культурной динамики: бурный рост урбанизации в связи с потребностями производства, рост миграционных процессов в связи динамикой рынков сырья, сбыта и рабочей силы, рост процесса маргинализации населения в связи с разрывом традиционных социальных связей. Эти изменения в общественной структуре привели к появлению преступности как социальной проблемы. Мы не утверждаем, что в глубокой древности не существовало преступлений. Человеческая жизнь стоила даже меньше, чем в общественной системе, пережившей антропоцентризм и гуманизм Возрождения. Но в деистической картине мира человек имел высшего контролера, да и выход из общины был крайне невыгоден и даже опасен для индивида, что заставляло его соблюдать нормы хотя бы по отношению к представителям своей общины. В индустриальном обществе эти связи были прерваны или ослаблены, к тому же потребности индустриального производства в концентрации населения многократно усилили конфликтность.

Помимо конфликтности урбанизированного общества, в индустриальной цивилизации к середине XIX в. назрел системный кризис, связанный с внутренней эволюцией социальной системы: позднеиндустриальное общество вступило в новую фазу своего развития, нарастали внутрисистемные противоречия, получившие зримое воплощение в классовых конфликтах. Наступила эпоха революций и гражданских войн. Общество оказалось опасно само себе, и необходимость новых регуляторов социальных отношений стала ощущаться не только социальной и интеллектуальной элитой, но и всеми слоями населения. Обнаружила себя настоящая потребность в рационализации общественных отношений.

Зрелая индустриальная мир-система обладала еще одним свойством, поставившим в повестку дня новую исследовательскую проблему. Зрелый капитализм – это система, функционирующая в условиях так называемого общего рынка, свободы передвижения капитала, рационализованного и унифицированного политико-правового пространства. Соперничающие между собой нации-государства тем не менее нуждались в едином социальном порядке, имеющем наднациональные и надконфессиональные основания. В феодальном обществе этот порядок мог иметь религиозную легитимацию, так как цивилизационное пространство в этом аспекте было относительно гомогенно. После Реформации, после расширения мир-системы за пределы христианского мира религиозная легитимация социального порядка уже была несостоятельна.

Научно-техническая революция, вызвавшая рождение техногенной цивилизации, также последствием имела институционализацию науки как особой формы человеческой деятельности и специфической формы познания. Расцвет естествознания и эволюция самой техногенной цивилизации привели к выявлению нового объекта познания и конституированию социального знания. Конституирование социального знания как отрасли классической науки имело следующие предпосылки:

разрушение религиозных оснований общественных систем в связи с секуляризацией общественных отношений в результате развития естествознания;

конфликтогенность урбанизированного индустриального общества;

кризис социальной системы в позднеиндустриальном обществе;

формирование единого цивилизационного пространства, поставившего проблему построения универсального социального порядка.

Социология как классическая наука оформилась в середине XIX в. Ее создателям она мыслилась как вполне прикладная наука, имеющая практические цели – разработать основы рациональной политики: труд О. Конта, положивший основы новой научной дисциплины назывался «Система позитивной политики» (1851–1854). Основатели социологии надеялись посредством научных методов, разработанных и хорошо зарекомендовавших себя в классическом естествознании, исследовать законы общественного развития и на их основе построить идеальное общество. Появление социологии как самостоятельной дисциплины, естественно, не могло разрешить всех проблем (естественно – потому что в классическом виде социология была не адекватна решаемым проблемам). По мере усложнения социальной среды этот вид знания должен был усложняться, следовательно, дифференцироваться. Помимо собственно социологии, возникает целый ряд социальных дисциплин: политология, этнология, конфликтология и т. д. Все они имеют специфику, определяющую ограниченность их прикладной и теоретической ценности. Эта специфика связана, во-первых, с особенностями институционализации, во-вторых, с генезисом собственно социального знания и с имманентными свойствами объекта социального исследования.

Социальное знание имело парадоксальный способ формирования – не традиционный для основных отраслей знания. Классические научные дисциплины начинаются с дескриптивного этапа развития. Обычно признаком зрелости научной дисциплины является создание универсальной классификации объекта исследования. Достаточно полный (для адекватных обобщений) эмпирический материал позволяет перейти к теоретическому этапу – построению базовой теории и формулировке законов. Теоретический этап не остается завершающим. Накопление неразрешенных в доминирующей методологии противоречий и необходимость поиска новых концептуальных решений обуславливает необходимость парадигмального этапа – в дисциплинарном

знании появляется отраслевая философия (философия физики, философия биологии и т. д.)¹.

Социология, в отличие от естественных наук, выделилась из философии. Это означает, что она унаследовала черты философского познания. Содержанием классических научных дисциплин являются строгие законы; продуктом философского осмысления – парадигмы и концепции. Генетическая связь социального знания с философией придала концептуальный, парадигмальный² характер этим дисциплинам. Что, во-первых, придает определенные ограничения практической применимости этих знаний. В отличие от естественных и точных наук, социогуманитарное знание не дает мгновенных рецептов решения проблем, как, например, в результате открытий в физике, химии, биологии. Оно дает концептуальную базу для разработки социальных программ, но верифицировать это знание до его непосредственного использования в социальной практике невозможно. Во-вторых, наличие концепции как предварительной модели, методологического (априорного) подхода в значительной степени предопределяет направление, а значит, и результат исследования. И ошибки в выборе методологии исследования могут много стоить в случае применения неадекватной исходной концепции. Стоит вспомнить благие намерения при построении коммунизма, провалившиеся попытки модернизации так называемых незападных обществ и т. д.³

Социальное знание сегодня находится одновременно в двух крайних фазах развития: изначальное формирование в концептуальной фазе (которая для традиционной науки является последней) и в качестве восполнения недостающего в интенсивно развивающемся дескриптивных исследования (которые в нормальной науке⁴ характерны для начальной фазы) при несформированной универсальной теории. Несмотря на существование научной дисциплины «теоретическая социология», в социальном знании не существует до сих пор не только неоспоримых, объективно верифицируемых законов, но даже общепринятой методологической платформы. Вместо этого в социальных науках

---

¹ Часто степень зрелости дисциплинарного знания отражается в названиях наук: этнография, этнология, философия этноса. Иногда дисциплина возникает на источниковой базе смежных дисциплин. Но почти всегда описательный период предшествует теоретическому и концептуальному.

² Взаимоотношения философии и науки заключаются как раз в том, что философия ставит научному сообществу парадигмы – метафизические обобщения, задающие способ видения универсума и методологические средства его постижения.

³ Если парадигмальная ошибка в естественных или технических науках приведет лишь к невозможности создания нового артефакта (например, вечного двигателя), то парадигмальная ошибка в социальном знании будет стоить несколько миллионов жизней в ГУЛАГе, Освенциме, гуманитарной катастрофе Сомали и т. д.

⁴ «Нормальная наука» – прежде всего, в куновском значении этого слова, то есть до кризисной фазы и после нее [1, с. 27]. Но еще и в другом смысле – как наука, прошедшая традиционные этапы развития научной дисциплины.

наблюдается спектр разнообразных подходов. Поликонцептуальность и неразработанность методологических оснований социального знания снижает (если не нивелирует) прогностическую и конструктивную функции, которые являются основными для науки.

С другой стороны, социология конституировалась в европейском дискурсе, на базе европейского эмпирического материала и для нужд европейского социума. Социальное знание как научная дисциплина сформировалось в рациональной когнитивной традиции. Сам по себе этот факт не является негативным обстоятельством: вся наука в целом существует в рациональном дискурсе. Но рациональное познание адекватно простым объектам и механистической картине мира, в которую могут быть включены не все объекты универсума. И если иные отрасли научного знания могут развиваться только в такой когнитивной традиции, то объект социального знания рациональному познанию не адекватен. Он не может быть познан дискретным, аналитическим мышлением, фундаментальные характеристики которого были сформированы во взаимодействии с другими объектами реальности и для решения иных когнитивных задач¹.

Классическая наука, являющаяся детищем европейской культуры, построена на просвещенческой традиции, в которой она формировалась. Попытки социологии позиционировать себя как классическую науку и избавиться от следов своего философского происхождения привели к акцентуации механистических подходов и абсолютизации классических принципов познания. Основания, на которых строилась классическая наука, включают следующие принципы: принцип объективности, принцип универсализма, линейности и обратимости [4].

Принцип объективности, который заключается в том, что истина не зависит от познающего субъекта и верифицируется эмпирическими способами, позволил построить всю современную естественную науку. Однако его невозможно реализовать в социальной сфере, так как социальные системы представляют собой целостности, адекватные только самим себе, и в социальной сфере не существует абстрактной, универсальной истины в силу специфики структуры и функций социальных систем. Например, неоднозначность оценки феномена макиавеллизма принципиально неустранима: для дестабилизирующих общественную систему социальных групп макиавеллизм – это несоответствие политики этическим нормам, а для системы, стремящейся к стабильности, – это средство установления порядка.

Принцип универсализма предполагает пространственно-временную гомогенность: любой объект, любой процесс протекает в единой универсальной

---

¹ Современная психология продвинулась далеко в исследовании когнитивных стилей; ограничения и достоинства их уже в достаточной степени исследованы, чтобы утверждать, что каждый из когнитивных стилей приспособлен для решения специфических задач [2; 3, с. 101–116].

неизменной системе координат. Это фундаментальное основание исследования простых механических систем также является невыполнимым ограничением для исследования систем социальных: социальные системы имеют границы, за пределы которых не распространяются законы функционирования (не существуют ни единая социальная структура, ни единый способ организации, ни даже единое направление эволюции). Можно сказать, что именно этот принцип западного мышления (принцип универсализма) и спровоцировал ситуацию «столкновения цивилизаций»¹. Именно западный социальный стандарт понимается как эталон, допустимый к трансляции. Все остальные социальные стандарты признаются не соответствующими этой точке отсчета. Примечательно, что столкновения цивилизаций происходят главным образом по линиям столкновения западного мира и незападных миров. Иная комбинация приводит к возникновению афро-христианского и афро-мусульманского, индуистско-буддистского и конфуцианско-буддистского синтеза.

Принцип обратимости и линейности связей заключается в том, что всякий процесс развивается линейно, и мы можем, зная законы функционирования, вычислить состояние (положение) объекта как перспективно, так и ретроспективно, а также привести объект в желаемое положение (состояние) и вернуть его к исходному состоянию. Если для объектов классической науки это положение оказывалось верным (на этом принципе основано все естественное знание), то для познания сложных саморазвивающихся систем, каковыми являются социальные системы, этот принцип оказался невыполним.

Кроме того, социальное знание формировалось фактически только на базе европейской истории и для нужд европейской цивилизации. В силу того что социология выделилась из философии и не имела в основе завершеного описательного этапа, неполнота репрезентации объекта исследования определила концептуальные ограничения социальных наук. Все социальные науки в пределе европоцентричны не столько потому, что субъективно мотивированы и культурно детерминированы, сколько в силу объективного обстоятельства – отсутствия информационной базы. Социология институционализировалась тогда, когда культурология (как наука о специфических формах существования человеческих обществ) еще не состоялась, и даже этнография еще не достигла стадии зрелости.

Социальные науки существуют как европейское знание не только по методу и эмпирической базе, но и по своим задачам. Европейская социология (а социология до сих пор имеет европоцентристское основание)² и политоло-

---

¹ Концепция столкновения цивилизаций, предложенная в начале 1990-х годов С. Хантингтоном [5], за прошедшее время приобрела не только большое количество сторонников, но и эмпирические аргументы в виде возрастающего терроризма.

² Очевидный европоцентричный характер наук об обществе позволил одному из крупнейших специалистов в социальной философии В. Г. Федотовой назвать одну из своих статей «Как возможна социология в России и других незападных странах?» [6].

гия обнаружили как исследовательский объект (обратили пристальное внимание) незападные социумы только тогда, когда объявленное столкновение цивилизаций случилось, и то только потому, что концепция демократического транзита оказалась несостоятельной и все модернизационные программы незападных обществ XX в. не достигли своих целей (то есть не был достигнут запланированный результат). В задачи научного сообщества никогда не входило определение способов взаимодействия с незападными обществами или исследование незападных социальных систем. Проблема в классической социологии ставилась совершенно иначе: найти универсальные законы, однозначную истину, в соответствии с которой можно реконструировать все общественные системы. И в настоящее время вся западная социальная наука занята поиском средств и способов трансформации (в форме вестернизации) именно незападных цивилизаций, априори полагая, что, во-первых, это возможно, а во-вторых, только это необходимо.

Европоцентризм социальных наук не является следствием чванства и снобизма европейцев. Скорее наоборот: европейцы уверовали в собственное превосходство просто вследствие незнания. Ко времени институционализации социальных наук в середине XIX в. фактически ничего не было известно о незападных цивилизациях, так как не состоялась еще археология как научная дисциплина¹ – не было еще достаточного количества артефактов для реконструкции незападных путей развития, не достигла стадии зрелости лингвистика² – не прочитаны еще древние тексты³, не возникла еще культурпсихология. Происходило зарождение ориенталистики, кочевниковедения и других эмпирических дисциплин. Только антропология давала возможность на исследовании архаических обществ построить реконструкции бесписьменных обществ. Такое состояние социальных исследований не позволяло построить объемную картину социального процесса. Исследование истории одного общества – европейского, позволяло увидеть только единственную линию развития.

Особенно явно обнаружилась ограниченность классической социологии вне культурологического знания в процессе анализа результатов модернизационных проектов второй половины XX в. Попытки модернизации неза-

---

¹ Археология как научная дисциплина (как способ научной реконструкции исторических обществ) возникает только в начале XX в. – с появлением первого системного труда Ж. Дешелета по археологии Европы. В XIX в. считалось, что хронологический анализ древностей невозможен, допустимо только их коллекционирование и описание. А само понятие археологической культуры вообще появилось только в 30-е годы XX в.

² Лингвистика как научная дисциплина появляется лишь после перехода от исторического и сравнительного изучения к структурному анализу. И хотя Ф. де Соссюр читал свои лекции с 1906 г., «Курс общей лингвистики», положивший начало лингвистической теории, был издан в 1916 г., уже после смерти ученого.

³ Например, хеттская письменность (язык), имеющая громадное значение для получения информации о древневосточных раннеклассовых обществах, была прочитана только в 1915 г., а основная масса табличек – только к середине XX в., и работа ведется до сих пор.

падных обществ неизбежно осуществлялись в форме вестернизации, так как культурология еще не стала одной из центральных дисциплин, дающих ответы на актуальные вопросы человеческого общежития, и не представила достаточного объема знаний о самих западных обществах. Вестернизационный и экспансионистский характер взаимодействия западного и западного мира породил не только волну индигенизации, но и инициировал ориенталистские социологические концепции. При этом ни универсалистский, ни индигенизационный подходы в социальном знании так и не дали желаемого результата – построения теории общественных отношений, на основе которой можно было бы решать практические проблемы. Как оказалось, такая теория не может быть построена, в свою очередь, без создания теории культуры как способа и формы человеческого бытия.

Итак, науки об обществе призваны были решать если не проблемы человечества, то хотя бы европейского социума. Однако ряд обстоятельств их конституирования определил их методологические ограничения:

нетрадиционный путь развития (отсутствие дескриптивного периода: не сформировались источники: археология, лингвистика, семиотика и другие гуманитарные науки);

выделение из философии (наследование специфики философского познания: концептуальность и парадигмальность, отсутствие эмпирической верификации и единой методологической базы);

недостаточность научно-теоретической базы (не сформирована методология исследования сложных и сверхсложных систем – принцип линейности и универсализма);

формирование в классическом рациональном дискурсе (механистический и детерминистский подход, не позволяющий сформировать адекватную методологию познания).

Вместе с тем сам объект социального знания имеет специфику, которая, с одной стороны, не позволяет исследовать социальные объекты в классической методологии, с другой – определяет методологию исследования. Очень скоро выяснилось, что социокультурные системы не подчиняются универсальным, объективным законам, истина в которых абстрактна и независима от познающего субъекта и от системы отсчета. Для этих систем эффективность, справедливость, польза имеют разное содержание в разных обществах. Развитие обществ не имеет общей траектории развития: если для объектов классической науки все процессы имеют линейную направленность и поэтому возможно просчитать состояние объекта в любой точке времени и пространства, то для сложных объектов, каковыми являются социальные системы, прогноз становится невозможен, так как общественные системы имеют уникальные интенции развития.

Специфика социогуманитарного знания определяется не только особенностями его конституирования. Сам объект познания – общество как форма, ор-

ганизационная структура человеческого бытия и культура как способ человеческого бытия (способ, специфичный только для человека и заключающийся в производстве искусственных средств овладения действительностью: от материальных – орудий труда, средств защиты и др., до идеациональных – традиций, ценностей и норм) обладает спецификой, не позволяющей исследовать его или, во всяком случае, дать полное о нем представление в методологии классической дисциплинарной науки.

Прежде всего, в отличие от объектов классического естествознания (физического, химического и т. д.), которые могут быть исследованы аналитическими средствами (путем расчленения объекта), социокультурные объекты вообще и феномены культуры в частности обладают целостным характером, что создает ограничения для исследования в методологии, базирующейся на принципах классического познания. Целостные объекты не могут быть познаны посредством исследования их частей, так как их интегративные свойства не являются суммативными свойств частей.

Помимо проблем определения границ целостности и определения их интегративных свойств (отделения их от партикулярных), следующее препятствие в познании социокультурных объектов – их сложный характер. Понятие сложности предполагает не только наличие состава – количественный аспект, но и структурные взаимосвязи – качественный аспект. Это означает, что свойства и функционирование культурного феномена зависят не только от наличия элементов системы, но и характера взаимосвязей между ними. Рациональные аналитические способы познания таких объектов не дают адекватного представления о закономерностях их функционирования.

Культура как целостная социокультурная система, как и идеациональные феномены культуры, обладает не только целостным и сложным, но и автопоэтическим характером¹. Класс саморазвивающихся систем, к которым относятся и социокультурные системы, и сверхсложные системы любой природы, то есть любые культурные феномены, имеют особенность, которая также не позволяет рассматривать их в русле подходов, сложившихся в классической науке. Принципы классического научного познания (в частности, принцип детерминизма, получивший название лапласовского²) предполагают достаточным знание начальных условий, то есть структуры и законов функционирования объекта, чтобы в точности предсказать поведение такого объекта

---

¹ Концепция автопоэзиса была предложена нейробиологами Ф. Варелой и У. Матураной в контексте теории познания в начале 1970-х годов [7], но за прошедшее время активно используется в других познавательных сферах, конкретно – в социогуманитарном знании [8].

² Так называемый демон Лапласа – гипотетический разум, которому могли бы быть известны все начальные условия и законы функционирования, не может описать поведение не только ментальных объектов. Оказалось, что лапласовскому детерминизму не подчиняются вполне физические объекты: положения квантовой механики, в частности принцип неопределенности, не позволяют точно определить начальные условия – либо ее координаты, либо скорость.

и знать его положение и состояние в будущем. Самоорганизующиеся системы, к которым относятся и общество, и культура, и человек, способны создавать новые уровни организации, то есть менять собственную структуру, а следовательно, и функционирование. Поведение таких объектов в прошлом, настоящем и будущем не тождественно и имеет нелинейный характер.

Есть еще одна важная особенность социогуманитарных объектов, создающая почти непреодолимые (или непреодолимые в классической парадигме) трудности в познании. Дело в том, что в отличие от объектов естественного знания объект социогуманитарного знания обладает собственной активностью. Субъектность объекта социогуманитарного знания означает не только то, что он обладает собственной свободой. В исследовании культуры невозможна реализация принципа объективности – принципа исключенности наблюдателя. Процесс познания культуры оказывается, во-первых, принципиально аксиологически нагруженным. Субъект познания никогда не может быть ценностно нейтральным, так как всегда находится внутри какой-либо ценностной системы и ею детерминирован, поэтому не может с нейтральных позиций исследовать феномены культуры. Во-вторых, не только объект исследования – сама культура влияет на установки исследователя, а значит, и на результат исследования. В процессе взаимодействия с объектом исследования меняется как субъект исследования, так и его объект. На практике этот эффект обнаруживается в ходе обнаружения и исследования рисков: знание тенденций уже текущего процесса (например, экономических кризисов, экологических катастроф и т. д.), его начальных условий и даже закономерностей позволяет предотвратить нежелательный для субъекта познания финал. Но есть и негативные последствия этого эффекта (которых гораздо больше): например, невозможность отделить истину от неистины. В-третьих, невозможность выйти за пределы самого объекта познания – выйти из социокультурной ситуации означает, что, находясь внутри объекта или процесса, невозможно увидеть ни его структуру, ни его границы.

Все эти особенности объекта социогуманитарного знания уже в начале конституирования наук о культуре заставили усомниться в возможностях традиционной для классического знания методологии. В попытках нивелировать или хотя бы снизить указанные ограничения (которые не все были обнаружены научным сообществом с начала культурологических рефлексий) формировались методологии, принципиально отрицающие необходимость и возможность объективизма в исследовании культуры, – феноменологический, герменевтический, структурно-функциональный и т. д. Такая позиция неизбежно должна была разрушить гносеологические основания классической науки в социогуманитарном знании. В результате стали формироваться новые исследовательские подходы, в основе которых лежали иные принципы познания.

Накопление эмпирического материала – знаний о незападных обществах, определило появление новых социальных концепций. Для социального зна-

ния в целом решающую роль имело становление культурологии, предметом исследования которой является специфическое в функционировании общественных систем – культуры как формы существования общества.

Наукам об обществе явно не хватало наук о культуре. Но если первоначально фундаментальной наукой (имея в виду структурно-генетическое основание: общество как фундамент, на котором вырастают духовные феномены) мыслилась социология, а гуманитарные науки понимались как обслуживающие, то со временем, по мере углубления знаний о человеке, расстановка наук изменилась. Структурообразующим фактором человеческой онтологии стало пониматься не общественное бытие (многие животные тоже социальны по своей природе¹), а культура – именно она как способ бытия, связанный с производством искусственных средств взаимодействия с действительностью, специфична только для человека². Поэтому чем больше становился объем знаний о человеке и обществе, тем яснее становилось, что решение фундаментальных проблем бытия человека, и конкретно проблем регулирования общественных отношений, невозможно вне гуманитарной составляющей. Уже к середине XX в. в науках о человеке обозначился культурологический поворот, поставивший в центр всей системы общественных отношений культуру. Первыми из западных социологов это почувствовали Т. Парсонс (1951) [11, с. 75–96] и П. Сорокин (1937) [12]. Но даже в конце XX – начале XXI в. этот культурологический поворот в научной картине мира не был завершен. Научное сообщество еще нуждается в дополнительной аргументации, и в названии коллективной монографии крупнейших американских социологов, помимо императива, чувствуется и некоторое изумление: «Культура имеет значение» (2000) [13]. В отечественной науке эта тенденция также конкретизировалась сначала в осознании неразрывности связки «социогуманитарное знание», а потом и в манифесте «Культурологическая парадигма» (2011) [14].

Литература

1. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М. : [Б. и.], 2009. – 310 с.
2. Беломестнова, Н. В. Диахронический принцип типологии культур (естественно-системные детерминанты дифференциации культур) / Н. В. Беломестнова // Философ. науки. – 2005. – № 1. – С. 81–93.
3. Режабек, Е. Я. В поисках рациональности : [сб. ст.] / Е. Я. Режабек. – М. : Академ. проект, 2007. – 383 с.

---

¹ Общественная форма бытия не является специфичной для человека. Осознание этого факта несколько запоздало: сначала сформировалась социология, предметным полем которой мыслилось общественное бытие человека, а потом отделилась социобиология, предметным полем которой стало общественное бытие и животных, и человека. Эта дисциплина и выявила, что множество свойств и закономерностей, понимавшихся как специфические для человека, являются общими для животных, и для человека.

² Такое определение культуры лежит в русле деятельностного подхода, в котором культура понимается как система материальных и идеациональных средств взаимодействия с действительностью [9; 10].

Родимые пятна общественных наук: специфика конституирования...

---

4. Степин, В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В. С. Степин // *Вопр. философии.* – 1989. – № 10. – С. 3–18
5. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ.: Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М. : ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 603 с.
6. Федотова, В. Г. Как возможна социология в России и других незападных странах? / В. Г. Федотова // *Журн. социологии и социальн. антропологии.* – 2000. – Т. 3, № 3. – С. 7–20.
7. Матурана, У. Древо познания / У. Матурана, Ф. Варела ; пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
8. Луман, Н. Введение в системную теорию / Н. Луман ; пер. с нем. К. Тимофеева. – М. : Логос, 2007. – 360 с.
9. Степин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин. – СПб. : СПбГУП, 2011. – 408 с.
10. Маркарян, Э. С. Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ / Э. С. Маркарян. – М. : Мысль, 1983. – 284 с.
11. Парсонс, Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем / Т. Парсонс // *О социальных системах / Т. Парсонс ; под ред.: В. Ф. Чесноковой, С. А. Беленького.* – М. : Академ. проект, 2002. – 832 с.
12. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика: исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / П. А. Сорокин ; пер. с англ., коммент. и ст. В. В. Сапова. – СПб. : РХГИ, 2000. – 1056 с.
13. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / С. Хантингтон [и др.] ; под ред.: Л. Харрисона, С. Хантингтона. – М. : Моск. шк. полит. исслед., 2002. – 320 с.
14. Культурологическая парадигма: исследования по теории и истории культурологического знания и образования. Научный альманах. Культурологические интерпретации социальной динамики. – М. : Согласие, 2011. – 368 с.

BIRTHMARKS OF SOCIAL SCIENCES: SPECIFICS OF INSTITUTIONALIZATION AND LIMITS OF POSSIBILITIES

O. V. PLEBANEK

Summary

Socio-humanistic knowledge has epistemological limitations caused by its institutionalization. Considering their limits, social and human being sciences are Europe-centered and socio-centered. This fact doesn't let realize their praxeological function. The overcoming of fundamental limitations of socio-humanistic knowledge is connected with a culture-centrist paradigm.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.11.2014

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА: СУЩНОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ ВЫРАЖЕННОСТЬ

П. С. КАРАКО

В статье раскрывается сущность экологической этики, выявляются ее основные понятия и роль в оптимизации социоприродных взаимоотношений, обеспечении перехода биосферы в ноосферу. Обращается внимание на состояние эколого-этического образования в Республике Беларусь, обосновываются возможные направления его улучшения. Подчеркивается возрастание роли морали в жизни современного человека, изменении характера его поведения и действий в природе.

В современных исследованиях экологических проблем все чаще стало обращаться внимание на необходимость формирования у человека этического отношения к природе и формированию у него эколого-этического сознания. В отечественной и зарубежной литературе подчеркивается и важность становления особой области гуманитарного знания – экологической этики. В настоящее время идеи и положения данной области включаются в учебный процесс. Изданы и первые учебные пособия для студентов некоторых факультетов высших учебных заведений. Но анализ такого рода пособий и другой научной и учебной литературы, касающейся содержания и сущности экологической этики, свидетельствует об их «слабой» методологической основе. Авторы этих работ не всегда подчеркивают специфику предмета отражения экологической этики, не вычлениют ее базовый понятийный аппарат, не фиксируют и возможные направления формирования эколого-этического сознания у человека.

Все отмеченное обуславливает необходимость более содержательного исследования методологических основ экологической этики, ее межкультурную выраженность и роль в оптимизации социоприродных взаимоотношений. При этом первостепенное значение имеет выявление содержания экологического и нравственного императивов как базовых понятий экологической этики.

Экологический императив как требование экологической этики

Роль экологического императива в осуществлении современных экологических проблем неоднократно подчеркивал во многих своих работах академик Н. Н. Моисеев. В систему научного знания им было введено и само понятие. Для ученого экологический императив обозначал «ту границу допустимой активности человека, которую он не имеет права переступить ни при каких обстоятельствах» [1, с. 78]. Выход человека за эти границы приводит к разрушению сложившихся механизмов саморегуляции биосферы и дестабилиза-

ции природных систем уже во многих регионах мира. Вот почему и осознание необходимости включения в действие экологического императива приходит в связи с нарастанием кризиса во взаимоотношениях общества и природы, усилением разрушительных процессов во многих типах природных систем, ухудшением здоровья человека и т. д. Эта потребность порождается и начавшимися реальными процессами коэволюционного бытия человека и биосферы.

Но чтобы человек не вышел за «границы допустимой активности» в биосфере, ему следует ограничить эту активность, а некоторые виды своей деятельности и вовсе поставить под запрет. В этой связи под экологическим императивом следует понимать *систему запретов на те виды человеческой деятельности, которые подрывают механизмы протекания биосферных процессов и делают невозможной коэволюцию человека и биосферы*. Этим самым экологический императив устанавливает такие параметры поведения и деятельности человека в биосфере, которые обеспечивают их совместное, коэволюционное существование.

В настоящее время человек оказывается перед выбором стратегии своей деятельности и поведения в природе, а все человечество – стратегии развития современного общества и сохранения его природных основ. Все это приводит к постановке ряда новых вопросов. Например, что следует предпринять человеку, чтобы остановить начавшиеся процессы деградации природной среды? Следует ли ограничивать отдельные виды человеческой деятельности, которые приводят к такой деградации? Можно ли вообще запретить такие виды деятельности?

В научной и учебной литературе часто приводятся суждения многих авторов, что если бы в свое время были введены запреты на ряд технократических стратегий развития материального производства, то в наши дни вопросы сохранения биосферы, коэволюции человека и биосферы обсуждались бы в совершенно другой плоскости. Заслуживает признания и постановка проблем, которые поднимаются многими политиками, общественными деятелями и учеными: о запрете на военные действия и на строительство экологоопасных промышленных и других объектов, о прекращении крупномасштабных вторжений человека в природные комплексы и др.

Число таких запретов можно значительно умножить. Но встает вопрос: готов ли современный человек их определить и осуществить? Реальная практика взаимоотношений людей между собой и окружающей их природной средой свидетельствует, что они еще не в состоянии реализовать многие формы запретов. Человек оказывается еще нравственно не готовым нести ответственность за состояние природной среды и коэволюционное развитие общества и природы. Вот почему осуществление такого развития находится в прямой связи с уровнем нравственного сознания людей, их нравственным императивом. Однако у ныне живущих людей указанный уровень еще не сформирован.

Более того, в их духовном мире преобладающее место занимают материальные, экономические интересы и цели. У большинства наших современ-

ников напрочь отсутствует чувство ответственности за свою деятельность и поведение в природе, ее состояние сейчас и в будущем. Здесь будет уместным привести мнение организатора и первого Президента Римского клуба А. Печчеи, который еще в 1970-е годы отмечал, что люди «в стремлении обеспечить исключительно собственный комфорт и благополучие нынешнего поколения часто бездумно и без разбора грабят и засоряют Землю... Сегодня за материальные, как правило, краткосрочные выгоды часто продаются этические и моральные ценности, простигуруется наука, которую заставляют служить интересам, прихотям и престижу только самых богатых и влиятельных людей, что позволило отдельным избранным группам человечества пожинать все плоды в ущерб остальным и будущим поколениям. Этим людям нисколько не смущает, что они в социальное наследство будущим поколениям могут оставить напряженность и беспорядок на перенаселенной планете» [2, с. 73].

Наличие «напряженности» и «беспорядка» на нашей планете есть проявление глобальной безответственности ее жителей. Она обуславливает и такое же отношение каждого отдельного человека к своему природному окружению. Данную обусловленность отмечает и немецкий экофилософ В. Хёсле: «В условиях коллективной безнравственности, которая отличает разрушение окружающей среды, в современном индустриальном обществе соединяются многие факторы, роковым образом уничтожающие чувство непосредственной ответственности» [3, с. 102] каждого жителя нашей планеты за состояние природной среды своей жизни.

По причине низкого уровня ответственности людей и в начавшемся XXI в. продолжается возрастание «напряженности и беспорядка» в биосфере. Об этом с горечью пишут авторы третьего доклада Римскому клубу под названием «Пределы роста. 30 лет спустя»: «К сожалению, нагрузка со стороны человека на окружающую среду продолжает расти, несмотря на развитие технологий и усиления общественных организаций. Положение осложняется тем, что человечество уже вышло за пределы и находится в неустойчивой области. Однако понимание этой проблемы во всем мире удручающе слабое. Чтобы снизить воздействие на окружающую среду и вернуться к допустимому уровню, необходимо изменить личностные и общественные ценности, а чтобы добиться у политиков поддержки в этой области, времени нужно очень много» [4, с. 21]. Времени может и не хватить для спасения, прежде всего, самого человека. Существующие «личностные и общественные ценности» усиливают темпы движения человечества к своей гибели. Одним из свидетельств сказанному может быть возрастающий уровень рождения детей с наследственными повреждениями. Становление данной тенденции отмечается многими представителями современной генетики и других областей научного знания. Ее развертывание представляет огромную опасность для будущего всего человечества. Не меньшую тревогу вызывает и рост онкологических заболеваний среди людей, который в значительной мере связан с ухудшением природной среды оби-

тания. Деградация последней вызывает опасность для существования и всей биосферы. Кто породил эти опасности и кто должен их снять с повестки дня?

Ответ на такого рода вопросы давал еще А. Печчеи. Он писал, что современный глобальный кризис окружающей нас природы «является прямым следствием неспособности человека подняться до уровня, соответствующего его новой могущественной роли в мире, осознать свои новые обязанности и ответственность в нем. *Проблема в самом человеке, а не вне его, поэтому и возможное решение ее связано с ним*, и отныне квинтэссенцией всего, что имеет значение для самого человека, являются именно качества и способности всех людей» [2, с. 73]. При этом исследователь особое внимание обращал на моральные качества человека.

В системе последних первостепенное место должен занять нравственный императив. Будущее человека в частности и биосферы в целом зависит от степени постижения человеком его сущности и включения в структуру своего нравственного сознания. При этом обязательным условием будет и то, как человек следует нравственному императиву в своих отношениях с природой. Становится очевидным и тот факт, что его формирование у человека следует увязывать с реализацией экологического императива. Именно такое направление становления нравственного императива у человека обосновывал и Н. Н. Моисеев. Экологический императив, отмечал он, – это «такая система ограничений человеческой деятельности, система запретов, выполнение которых необходимо для продолжения процесса развития общества, неизбежно приведет к выработке нравственных критериев, то есть повлечет за собой появление нового нравственного императива» [5, с. 8].

О необходимости становления такого императива ученый писал во многих своих работах. Однако сущность этого понятия и его место в экологической этике Н. Н. Моисеевым не раскрывалась. Все это и определило наше внимание к отмеченной проблеме.

Нравственный императив как выражение этического отношения человека к природе

Все же в работе Н. Н. Моисеева «Человек и ноосфера» (1990 г.) подчеркивается, что в основу нравственного поведения людей уже с давних времен положено благожелательное отношение человека к человеку. По убеждению ученого, принцип благожелательности «должен лечь в основу нравственного императива» [6, с. 262–263]. Однако в чем конкретно выражается благожелательное отношение человека к природе в процитированной книге и других работах Н. Н. Моисеева нами не обнаружено.

В современных этико-экологических исследованиях чаще всего используется обоснованный еще А. Швейцером принцип «благоговения перед жизнью». В соответствии с ним человек в процессе своей жизнедеятельности обязан

обеспечить право на жизнь и всех других видов живого. Данный принцип положен в основу этики глубинной экологии: «Центральным принципом глубинной экологии является утверждение, что все живые существа в целом имеют такое же право на жизнь и процветание, как и человечество» [7, с. 76].

Обоснование права на жизнь всех форм живого авторы глубинной экологии связывают с тем, что все они имеют ценность. Причем «эти ценности не зависят от полезности этих существ для человека». А ценность каждого конкретного организма и вида живого будет обеспечиваться и сохраняться только при сохранении существующего разнообразия живого. Человек не имеет права «уменьшить это богатство разнообразия» жизни. Он обязан только его сохранять и повышать численность наиболее его ценных и редких форм. Одним из факторов сохранения существующего разнообразия живого следует считать, по их убеждению, «значительное снижение популяции» людей [7, с. 78–79]. Вот такая «этика» и «нравственный императив» представителей глубинной экологии.

Принцип «благоговения перед жизнью» считают основополагающим принципом нравственного императива и авторы учебного пособия по экологической этике. Для них данный принцип «является реальным развитием принципа гуманизма», так как он «соединяет в себе уважение ко всем формам жизни, экологическую справедливость, заботу о биоразнообразии и поддержании устойчивости биосферы» [8, с. 62].

Все процитированное верно. Но следует иметь в виду и то, что к существованию каждого конкретного организма или их популяций, формированию их потребительских и иных ценностей причастен весь тот биоценоз, элементом которого они являются. Кроме того, важную роль во всем этом играют особенности той природной среды, в которой они произрастают или обитают. Именно природные факторы (почвы, рельеф местности, ее водный режим, климат и т. д.) обеспечивают существование и формирование полезных для человека и других живых существ свойств каждой формы живого. Сохранение этих факторов, их равновесных состояний будет способствовать и сохранению устойчивости биосферы. В силу этого и отношение человека к отдельным особям живого, их популяциям, экосистемам и биосфере в целом должно быть благоговейным.

В системе нравственного императива существенное место занимает представление об этической ценности самой природы, ее роль в становлении нравственных чувств человека. На эту сторону проблемы обратил внимание еще в начале XX в. П. А. Кропоткин (1842–1921). В труде «Этика» (1922 г.) он писал, что человек «может заимствовать свои идеалы из природы, и из изучения ее жизни он может черпать нужные силы» [9, с. 23]. Особенно это касается идеалов взаимопомощи, справедливости и нравственности. Все они, по его мнению, имеют свои корни в природе. П. А. Кропоткиным было подвергнуто критике суждение последователя эволюционных идей Ч. Дарвина английского биолога Т. Гексли (1825–1895), утверждавшего, что нравственное начало

в человеке «никоим образом не могло иметь естественного происхождения». Для П. А. Кропоткина «*нравственное начало в человеке есть не что иное, как дальнейшее развитие инстинкта общительности, свойственного почти всем живым существам и наблюдаемого во всей живой природе*» [9, с. 265].

Нельзя безоговорочно согласиться с процитированным выводом. Тем не менее и другие авторы придерживаются близкой русскому ученому точки зрения. Так, французский исследователь экологических проблем Ф. Сен-Марк пишет: «Совершенно очевидно, что природа может нравственно обогатить целый народ. Бескорыстие, преданность, самоотдача, равновесие, радость, осязаемое и одновременно возвышенное ощущение истории, непрерывное и преемственное созидание, расцвет изобретательства и возрождение традиций – все это возвышает человека; все это – дар природы» [10, с. 350]. Но далее он отмечает и роль культуры в становлении отмеченных качеств человека. Очевидным становится и то, что «бескорыстие» и «преданность», «равновесие и радость» должен и сам человек направить на природу, проявить свою привязанность и заботу к ее состоянию и благополучию, обеспечить бесконфликтный переход биосферы в ноосферу.

Все отмеченное позволяет дать и определение нравственному императиву. На наш взгляд, под ним следует понимать *способность человека осуществлять свое поведение и деятельность в природе на основе принципов бескорыстности и благоговейного отношения к ней и ее ресурсам, особенно живым*. Человеку уже сегодня следует менять нравственные нормы и принципы своего поведения не только в природе, но и в обществе. Утверждение нравственного императива в сознании людей будет способствовать продуктивному решению задач охраны природы и обеспечению перехода биосферы к своему ноосферному состоянию. Данный процесс и его осуществление будут зависеть от соответствующей перестройки морального сознания людей, утверждения в нем ноосферной морали.

Обсуждение и соответствующее решение отмеченного вопроса может быть конструктивным при обращении к идеям В. И. Вернадского. Необходимость их постижения имеет прямое отношение к разработке содержания экологической этики и прежде всего выявлению ее социальной функции.

«Научная мораль ноосферы» (В. И. Вернадский)

Для целей нашего исследования принципиальное значение имеют положения В. И. Вернадского (1863–1945) относительно роли человека, его разума в системе биосферы и обеспечении ее эволюции в ноосферу. В незавершенном труде «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения» он писал, что уже нынешний человек «подошел к резкому изменению понимания своего положения на нашей планете вследствие перехода ее в новое состояние, в *ноосферу*. В ноосфере геологическая роль человека ведущая» [11, с. 167].

Именно деятельность человека, его разум становятся «ведущими» факторами не только перехода биосферы в ноосферу, но и последующего бытия ноосферы. При этом следует иметь в виду, что для ученого ноосфера не только будущее состояние биосферы, но и такая социоприродная система, в которой социальная и природная стороны будут находиться в состоянии гармонии и совместно, сопряженно развиваться. Но такое их состояние будет обеспечиваться научным знанием. Именно господство знаний, разума над природной стороной есть, по Вернадскому, выражение ноосферы.

Значительное место в ноосфере ученым отводилось и морали, но отличной от ныне существующей. По его убеждению, она должна быть «научной моралью» [12, с. 396]. К разработке такой морали следует приступить уже нынешним поколениям людей, а ближайшему – выработать ее содержание. В трудах Н. Н. Моисеева она получила название «нравственность ноосферы». При этом он отмечал, что в содержании этой морали «еще много неясного. Многие еще предстоит понять» [13, с. 7]. Но несомненным является то, что ноосферная нравственность будет строиться на основе учета данных экологии, принципов экологического и нравственного императивов.

В процессе созидания человеком ноосферы будет меняться социальная выраженность и самой нравственности. Прежде всего существенно изменится содержание категории «добра». По заключению российского исследователя современных глобальных проблем А. И. Субетто, уже «в XXI в. “добро” приобретает экологическое, ноосферное измерение. Добром является то, что обеспечивает продолжение жизни не только отдельного человека, семьи, народа, общества, но и человечества, и всей Природы» [14, с. 287]. Выражением добра будет и та деятельность людей, которая ориентирована на обеспечение перехода биосферы в ноосферу.

Как видим, нравственность ноосферы имеет экологическую и этическую выраженность. Тем самым обсуждение ее проблематики входит в содержание экологической этики. Этим самым расширяется предмет экологической этики и более значительными становятся ее социальные функции. Она призвана охранять не только существующую природу, но и способствовать становлению ноосферы, обеспечивать ее бытие. Кроме того, она предназначена формировать и экологически ориентированную личность. Личность, которая вооружена современными знаниями о природе, характере ее состояния в настоящее время и возможных формах отношения к ней человека и общества в будущем. В сознании такой личности достойное место должны занять принципы и положения экологического и нравственного императивов.

Современное поколение людей следует ориентировать и на постижение будущего ноосферного состояния природы и общества, включение их в его созидание. Последнее предполагает преодоление всего того негативного, что имеет еще место в сознании нынешних людей. Следует согласиться с суждением А. И. Субетто, который пишет, что «в технологически сложном мире,

в котором ошибка оборачивается гибелью многих людей и народов, экологическими катастрофами, нравственность (мораль), не осуждающая невежество, незнание, непрофессионализм, не выполняет своей главной функции – сохранение жизни на Земле и потому безнравственная. **Нравственность, система ценностей в XXI веке должны стать космоноосферными»** [15, с. 199]. Но такая нравственность и система ценностей не могут сформироваться у человека сами по себе. Тем более что это длительный процесс. Однако экологический кризис, процессы его углубления и расширения не дают человеку времени на эволюционные формы становления экологического и нравственного императивов и ноосферной морали. Их идеалы нужно формировать уже у нынешних школьников и студентов. Все это может осуществляться в системе эколого-этического образования и воспитания.

Эколого-этическое образование: состояние и направления совершенствования

Вопросы эколого-этического образования и воспитания были в центре внимания Н. Н. Моисеева. Так, становление экологического и нравственного императивов у личности ученый связывал с осуществлением экологического образования и воспитания, повышением уровня общей образованности. «Только по-настоящему образованное и интеллигентное общество, – писал он, – будет способно вступить в эпоху ноосферы, т. е. в период своей истории, когда оно сможет реализовать режим коэволюции Природы и общества» [16, с. 32]. Далее им отмечалось, что широкая образованность населения планеты необходима и для становления новой морали, то есть духовного мира людей.

Сходные мысли высказаны в уже упоминавшихся и других работах А. И. Субетто. Они являются конкретизацией идей В. И. Вернадского о роли образованности людей в созидании ноосферы. Более подробно содержание этих идей и состояние экологического образования и воспитания учащихся и студентов в Беларуси и России, направления их совершенствования раскрывались нами в работе [17, с. 167–196]. В силу этого в настоящей работе мы проведем только краткий анализ состояния эколого-этического образования, которое пока находится в стадии становления. Определенный вклад в этот процесс вносят некоторые университеты Беларуси.

Подтверждением сказанному может быть то, что в нашей системе высшего образования стали появляться учебные пособия по курсу «Этика», в которых есть тема «Экологическая этика». Показательным является учебное пособие по этике для технических специальностей, изданное Полоцким государственным университетом [18]. В Беларуси экологическая этика является и самостоятельной учебной дисциплиной. В Международном государственном экологическом университете имени А. Д. Сахарова (МГЭУ им. А. Д. Сахарова) имеет место обязательный 20-часовой курс «Экологическая этика». Этим универ-

ситетом по данному курсу издано и учебное пособие для вузов Республики Беларусь, осуществляющих экологическое образование. Целью курса является «формирование у студентов, будущих экологов, биологов и медиков осознанно нравственного отношения к природе, Иному Живому и деятельностно-благоговейного отношения к Жизни» [8, с. 192].

К сожалению, МГЭУ им. А. Д. Сахарова является единственным вузом как в Беларуси, так и на всем постсоветском пространстве, где курс экологической этики является обязательным и читается в указанном объеме учебных часов [8, с. 195]. В учебных программах других вузов республики до настоящего времени проблематика экологической этики в объеме 2 учебных часов рассматривалась в общем курсе этики, что было недостаточно для осмысления нравственных аспектов отношения человека к природе. Но в связи с переходом вузовского образования на 4-летний срок обучения студентов и исключением ряда гуманитарных дисциплин из учебного процесса постижение студентами даже основ экологической этики станет проблематичным.

Задачи формирования эколого-этического сознания студентов могут решаться только на пути повышения их общей образованности, раскрытия места и роли человека в окружающем его природном и социальном мире. С уровнем образования людей, особенно специалистов с высшим и средним специальным образованием, Н. Н. Моисеев связывал и возможности формирования «новой морали», которая будет определять и «новое общественно необходимое поведение людей» [19, с. 5]. Все это можно осуществлять и в процессе преподавания многих естественных, технических и гуманитарных дисциплин.

Однако в существующих программах учебных курсов для студентов вопросы этического отношения человека к природе практически не затрагиваются. Даже в современных учебных пособиях по курсу «Экология» эти вопросы не поднимаются и не обсуждаются. При этом порою весьма узко и ограниченно трактуется предназначение экологических знаний и того, кто ими должен овладеть. Так, в учебном пособии по экологии для студентов небиологических специальностей утверждается, что «решение современных сложных проблем сохранения органической жизни (биоразнообразия) на Земле требует серьезных экологических знаний и их реализации в исследовательской и организационной деятельности» [20, с. 367]. Но такой деятельностью занимается пока узкий круг людей. Получается, что только на подготовку такого рода специалистов и ориентируется данное пособие.

В учебном пособии по экологии для студентов биологических специальностей делается вывод, что экологическая наука «несет ответственность за решение многих биосферных проблем» [21, с. 443]. Далее перечисляются эти проблемы. Экология, как и все другие области знания, является беспристрастной. На науку нельзя перекладывать ответственность за результаты ее использования в практической деятельности людей. Наука призвана форми-

ровать у них чувство ответственности. Определенный вклад в решение такой задачи может внести и учебная дисциплина – экология.

Не ориентируют студентов на раскрытие обсуждаемого вопроса и учебные курсы, касающиеся методики преподавания специальных дисциплин в средней школе. Так, в учебном пособии для студентов, обучающихся по биологическим специальностям, обращается их внимание на осуществление патриотического, экологического, эстетического, гигиенического и полового воспитания учащихся на уроках биологии. Но вопросы этического отношения к природе, этического воспитания учащихся в данном пособии не затрагиваются. Правда, в определении цели экологического воспитания присутствуют элементы этического воспитания. Автор пособия пишет: «Цели экологического воспитания заключаются в формировании у школьников ответственного отношения к окружающей среде, готовности к рациональному природопользованию, критериями которых служат умения принимать и выполнять решения, направленные на поддержание воспроизводящих сил природы, нанесения наименьшего ущерба ее материальным и эстетическим достоинствам в реальных экологических ситуациях, сохранении ее для будущих поколений» [22, с. 113].

В данном учебном пособии обращается внимание студентов на важность формирования у школьников «ответственного отношения к окружающей среде», но содержание такого отношения не раскрывается. Подчеркивается важность выработки у школьников только «осознания материальных и эстетических ценностей природы» [22, с. 115]. А где этические ценности? Процесс формирования эстетических ценностей и эстетического отношения к природе учащихся будет плодотворным при учете ее этических ценностей и соответствующем отношении к ним. Однако все это не учитывается автором данного пособия. Тем самым оно не сориентировано на формирование этического отношения учащихся к природе.

Отмеченный недостаток присущ и учебным пособиям по методике преподавания географии (см.: И. П. Галай «Методика обучения географии» (Минск, 2006); Л. В. Байборода, А. В. Матвеев «Обучение географии в средней школе» (Москва, 2008)). В них вообще не идет речи о наличии ценностных аспектов природы и формировании соответствующего отношения к ним школьников.

Не способствует развитию этического отношения учащихся школы и существующий в ней курс «Обществоведение». В нем есть тема «Роль морали в жизни человека и общества». Но в учебниках и учебных пособиях по этому курсу не сказано ни единого слова об этическом отношении человека к природе, его ответственности за ее состояние в настоящее и будущее время (примером такого издания может служить следующее: Н. А. Антонович, Л. В. Старовойтова «Обществоведение» (Минск, 2010)).

Но все сказанное не означает того, что наша средняя и высшая школы не в состоянии формировать личность с высокими моральными качествами. Мы разделяем оптимизм Н. Н. Моисеева, который утверждал, что «задача

воспитания нового человека – человека эпохи ноосферы – совсем не безнадежная. Человек гораздо в большей степени обучаем, чем принято это считать» [5, с. 10]. В решение этой задачи определяющий вклад могут внести средняя и высшая школы, сориентировав учебный и воспитательный процесс на формирование у школьников и студентов экологического сознания. Но все это будет возможным при организации и осуществлении экологического образования и воспитания, включении соответствующих дисциплин и курсов в учебный процесс. Н. Н. Моисеев придавал особое значение формированию у школьников этического и эстетического отношения к природе, повышению роли художественной литературы в этом процессе.

Действительно, важность художественной литературы в формировании нравственного императива личности весьма высока. Хотя в учебном процессе она в основном выполняет воспитательные функции, тем не менее в ходе преподавания литературы могут решаться и вопросы формирования ценностных знаний о природе, этического и эстетического отношения человека к ней, чувства ее красоты, благоговеино-бескорыстного отношения не только к «братьям нашим меньшим», но и ко всему миру живого, своему бытию и бытию всего человечества. Художественная литература может способствовать и более глубокому постижению сущности природных процессов.

Но особенно высока ее эффективность в формировании морального сознания человека, его этического отношения к природе. Для примера приведем содержание стихотворения «Целый мир от красоты...» известного русского поэта А. А. Фета (1820–1892):

*Целый мир от красоты,
От велика и до мала,
И напрасно ищешь ты
Отыскать ее начало.*

*Что такое день иль век
Перед тем, что бесконечно?
Хоть не вечен человек,
То, что вечно, – человечно.*

В цитированных строках подчеркивается вечность природы. Она является носителем красоты, и отношение человека к ней должно быть «человеческим». Такая форма отношения человека к природе обосновывается во многих произведениях мировой и отечественной художественной литературы. Можно только сожалеть, что в наши дни их потенциал в экологическом, этическом и эстетическом воспитании человека практически не востребован.

В формировании этического отношения человека к природе посильный вклад могут внести и другие гуманитарные дисциплины при их применении в учебном процессе. Автор настоящей работы обращает внимание студентов на важность наличия в их сознании представлений об этической ценности

природы и соответствующем отношении к ее ресурсам в процессе преподавания им философии и социальной экологии, философии и методологии науки – магистрантам. Преподавателям средней и высшей школ следует иметь в виду и то, что экологическая этика есть выражение интеграции экологического сознания и морального сознания. Задача становления эколого-этической формы сознания у обучающихся наиболее реально может решиться в процессе формирования экологического сознания и экологической культуры как у отдельной личности, так и всего общества. И все те учебные дисциплины, которые ориентированы на формирование экологического сознания и экологической культуры, будут содействовать и формированию эколого-этического сознания, то есть экологической этики.

Тем не менее экологическая этика как область эколого-этического сознания является реальным фактом. Она имеет свой предмет отражения (отношение человека к природе) и формы отражения (экологический и нравственный императивы). Она выполняет и специфические социальные функции: сохранение существующей биосферы и содействие ее переходу в свое ноосферное состояние. А формируется данное сознание в процессе особой организации учебного и воспитательного процесса. Другими словами, мы имеем все необходимые методологические основания для выделения экологической этики как специфической формы сознания. Его можно определить как *развивающееся учение о благоговейном отношении человека и общества к миру природы и их обязанностях по сохранению существующих природных систем, их целостности и красоты, содействию бесконфликтному переходу биосферы в ноосферу.*

«Уважение законов Природы – смысл морали» (Д. Салас)

Становление и развитие экологической этики есть непосредственное подтверждение идеи В. И. Вернадского о возрастании роли морали в жизни современного общества и утверждении качественно иного отношения людей к природе, обеспечении ее устойчивого развития и перехода к ноосферному состоянию. Данный аспект морали подчеркивает и выдающийся чилийский мыслитель и философ нашего времени Д. Салас. Им обоснованы основные направления развития морали в XXI в., ее смысла. В ряду таких направлений особое внимание он отводит утверждению моральных принципов всего человечества по отношению к природе. С ними связывается и уровень жизни, и благополучие людей в настоящее и будущее время: «Если мы действительно хотим чтобы наша жизнь была богатой и благополучной, мы должны уважать законы Природы. В этом и есть глубокий смысл морали» [23, с. 389].

Несомненно, что утверждение экологических идей в сознании людей будет содействовать реализации отмеченного «смысла морали». Но для этого необходимо усиливать работу по формированию и соответствующего духовного мира человека, в котором существенное место должны занять моральное

и экологическое сознание. От их уровня зависит и утверждение благоговейного отношения человека к природе, а оно, в свою очередь, будет способствовать и повышению морального сознания человека. Д. Салас глубоко прав, когда он рекомендует человеку: «Живи в гармонии с Природой – и достигнешь высшего добра» [23, с. 395]. А те формы отношений человека к природе, которые сопровождаются «нарушением моральных законов Природы», ученый называет «грехом». Именно с ним он связывает и нынешние беды человечества, в том числе и экологический кризис.

Преодоление «греховного» отношения людей к природе чилийский философ видит на пути их духовного развития. Причем это развитие он соотносит с тенденциями эволюции самой природы: «Путь духовного развития является самым важным и значимым в жизни человека, потому что ведет к выполнению эволюционной задачи Природы» [23, с. 97]. Д. Салас с сожалением говорит и о том, что отмеченное им понимание эволюции духовного мира человека и природы в наше время «не находит должного места в культуре». По его убеждению, все это только способствует сохранению «греховного» отношения человека к природе. Его преодоление и осознание людьми важности соблюдения «моральных законов природы» философ считал основной стратегией развития морали в XXI в.

Но «мораль природы» могут развивать только люди. Вот почему вступление человечества на путь утверждения его нравственного отношения к природе требует существенного изменения характера поведения и действий человека. Своеобразие последних весьма четко сформулировал венгерский философ и футуролог Э. Ласло:

- мыслить глобально, действовать ответственно;
- создавать новую культуру предпринимательства;
- поднимать уровень понимания насущных проблем политическими лидерами;
- уважать моральный кодекс сохранения окружающей среды;
- создавать культуру интереса к существованию;
- развивать наше индивидуальное и коллективное сознание.

Признание этих целей и следование им Э. Ласло называет «настоятельнейшими императивами нашего времени» [24, с. 122].

Как видим, отмеченные императивы соответствуют тем положениям, которые развивал еще В. И. Вернадский. Все это свидетельствует о значимости биосферных и ноосферных идей русского ученого и мыслителя для современности. В наши дни обнаруживают свою актуальность и его идеи, касающиеся роли моральных качеств человека в обеспечении устойчивого существования биосферы и ее перехода в ноосферное состояние. Отмеченные идеи и мысли В. И. Вернадского находят свое воплощение и в развивающейся экологической этике. Ее научный и социальный статусы требуют и новых усилий по совершенствованию и конкретизации понятийного аппарата, использованию ее положений и выводов в формировании экологического и морального сознания людей.

Литература

1. Моисеев, Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума / Н. Н. Моисеев. – М. : Изд-во МНЭПУ, 1998. – 228 с.
2. Печчеи, А. Человеческие качества / А. Печчеи. – М. : Прогресс, 1985. – 312 с.
3. Хесле, В. Философия и экология / В. Хесле. – М. : Наука, 1993. – 205 с.
4. Медоуз, Д. Пределы роста. 30 лет спустя / Д. Медоуз, Й. Рандерс, Д. Медоуз. – М. : ИКЦ «Академкнига», 2007. – 342 с.
5. Моисеев, Н. Н. На пути к нравственному императиву / Н. Н. Моисеев // Экология и жизнь. – 1998. – № 1. – С. 4–10.
6. Моисеев, Н. Н. Человек и ноосфера / Н. Н. Моисеев. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 351 с.
7. Термины: экотеология, религия и охрана окружающей среды, глубинная экология // Гуманитар. эколог. журн. – 2011. – № 1. – С. 73–81.
8. Экологическая этика : учеб. пособие / Т. В. Мишаткина [и др.]. – Минск : МГЭУ им. А. Д. Сахарова, 2011. – 277 с.
9. Кропоткин, П. А. Этика / П. А. Кропоткин. – М. : Политиздат, 1991. – 496 с.
10. Сен-Марк, Ф. Социализация природы / Ф. Сен-Марк. – М. : Прогресс, 1977. – 434 с.
11. Вернадский, В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 2001. – 376 с.
12. Вернадский, В. И. О науке / В. И. Вернадский. – Дубна : Изд. центр «Феникс», 1997. – 576 с.
13. Моисеев, Н. Н. Введение. Актуальные проблемы глобальной нравственности / Н. Н. Моисеев // Глобальная нравственность : [сб. ст.]. – М., 1990. – С. 5–10.
14. Субетто, А. И. Ноосферный прорыв России в будущее в XXI веке / А. И. Субетто. – СПб. : Астерион, 2010. – 544 с.
15. Субетто, А. И. Ленин, Октябрьская революция и ноосферный социализм – символы развития / А. И. Субетто. – Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та, 2012. – 458 с.
16. Моисеев, Н. Н. Историческое развитие и экологическое образование / Н. Н. Моисеев. – М. : МНЭПУ, 1995. – 56 с.
17. Карако, П. С. Социальная экология: экологическое сознание / П. С. Карако. – Минск : Экоперспектива, 2011. – 215 с.
18. Этика / Т. П. Слесарева [и др.]. – Новополоцк : ПГУ, 2010. – 240 с.
19. Моисеев, Н. Н. Экологическое образование и экологизация образования / Н. Н. Моисеев // Экология и жизнь. – 2010. – № 8. – С. 4–6.
20. Киселев, В. Н. Основы экологии / В. Н. Киселев. – Минск : Універсітэцкае, 2000. – 383 с.
21. Федорук, А. Т. Экология / Т. А. Федорук. – Минск : Выш. шк., 2010. – 426 с.
22. Никишов, А. И. Теория и методика обучения биологии / А. И. Никишов. – М. : Колосс, 2007. – 303 с.
23. Салас, Д. Мораль XXI века / Д. Салас. – М. : Науч. кн., 2007. – 446 с.
24. Ласло, Э. Пути, ведущие в грядущее тысячелетие. Проблемы и перспективы / Э. Ласло // Вопр. истории естествознания и техники. – 1998. – № 1. – С. 121–151.

ECOLOGICAL ETHICS: ESSENCE AND SOCIAL EXPRESSIVENESS

P. S. KARAKO

Summary

The article reveals the essence of the ecological ethics, its key notions and role in optimizing socio-natural relations and substantiating the transition from the biosphere to the noosphere. The author draws attention to the state of the ecological and ethical education in the Republic of Belarus, justifies possible ways of its advancement. The article underscores the rising role of morality in the life of a modern man, in transforming character of man's behaviour and actions in the nature.

Дата поступления статьи в редакцию: 26.02.2015

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ

УДК 101.1+1-047.22(035.3)

ФИЛОСОФИЯ КАК МЕХАНИЗМ ЦЕННОСТНОЙ И МИРОВОЗРЕНЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЙ

В. М. КРЮКОВ

В статье рассматриваются вопросы функционирования современной философии в изменяющейся социальной действительности, раскрывается роль философских категорий как носителей универсалистского знания в интеллектуальной переориентации деятельности человека.

Известный французский социолог Г. Лебон отмечал: «Крупные исторические события являются лишь видимыми следствиями невидимых перемен в мысли людей» [1, с. 149]. С его трактовкой исторического процесса можно соглашаться либо не соглашаться. Но приведенное высказывание интересно в том плане, что ориентирует нас формировать в себе способность мысленно творить возможную действительность, изобретать ее в сознании, понимая это творчество как необходимую предпосылку превращения воображаемого и возможного в действительное, объективно существующее.

Процесс «творения действительности» невозможно представить вне философии. Так, русский философ и переводчик Г. Шпет обращал внимание на движение мысли Г. В. Ф. Гегеля к философии как к спекулятивно-диалектической системе наук, охватывающей всю совокупность подлинно «реального» знания. Действительно, философия способна своими систематизирующими и обобщающими действиями охватить всю совокупность знания, которая может быть систематизирована также наукой, образованием, педагогикой. И потому далеко не случайно знание как результат целокупной познавательной деятельности людей находится в центре внимания и философии, и науки, и образования, и педагогики. В этом качестве оно в них сообразно особенностям каждой из названных областей анализируется, систематизируется, обобщается. Коль скоро это так, то между педагогикой, образованием, философией, наукой объективно складываются, существуют, развиваются, а затем правомерно рассматриваются, исследуются специфические отношения по согласованию деятельности со знаниями – их производству, преобразованию, передаче, использованию и т. д.

Конечно, есть и другие субъекты и объекты, имеющие отношение к формированию, развитию и распространению знания. И здесь мы обращаем внимание прежде всего на то, что стоит у самых его истоков, что в генезисе знания предопределяет связи, отношения его с наиболее важными явлениями,

процессами, событиями и т. д., задающими в совокупности пространственно-временной контекст его становления и развертывания.

Речь идет о биологических, психических, гносеологических, социальных, технических, моральных, эстетических, религиозных и тому подобных предпосылках формирования феномена «знание». Они находят позже развернутое отражение и выражение в соответствующих социальных институтах, агентах, не только вскрывающих природно-биологические предпосылки и социокультурные факторы рождения и функционирования знания, но и принимающих в этом рождении и функционировании самое непосредственное участие: биологии, психологии, физике, кибернетике, информатике, технике, образовании, педагогике, воспитании, философии, религии и т. д.

В силу этого область формирования, распространения и применения знания, и в первую очередь знания фундаментального, обладающего способностью долговременного энергетического воздействия на деятельность человека, оказывается ареной схождения интересов философии, науки, педагогики и образования и, следовательно, ареной требующего специального и тщательного изучения их взаимодействия, осуществляемого представителями этих сфер деятельности.

Необходимость нового особого отношения к знанию достаточно отчетливо прослеживается сегодня в трудах представителей самых разных сфер научной деятельности в разных странах. В частности, академик Национальной академии наук Беларуси экономист П. Г. Никитенко пишет о начавшейся переориентации образовательного процесса, определявшего знание прежде всего как идеальный образ действительности, идеальный ее фактор, на понимание знания в качестве особого экономического ресурса, экономического фактора деятельности. Академик Российской академии наук философ В. С. Степин призывает к переосмыслению наших знаний о знании в свете инновационных вызовов XXI века.

Американский социолог и футуролог Э. Тоффлер в рамках развиваемой им концепции «трех волн цивилизации» последнюю, современную «волну» полностью связывает со знанием. Он пишет: «Геоэкономические рассуждения, как бы они ни грели нам душу, неадекватны: они слишком просты и они устарели. Просты, поскольку пытаются описать действующие в мире силы всего двумя факторами: экономика и военная мощь. Устарели, поскольку полностью игнорируют возрастающую роль знания, в том числе науки, техники, культуры, религии и ценностей – что теперь стало главным ресурсом любой развитой экономики... Мы входим в эру не геоэкономическую, а геоинформационную» [2, с. 44].

Энергичность, сила воздействия знания на поведение и деятельность человека определяются сегодня возрастающей степенью вещественного, энергетического и информационного взаимодействия человека и мира, при котором энергия, вещество и информация внешней среды преобразуются в энергию,

емкость, силу знания не в их образном, а в их действительном выражении, имеющем свои экономические, эргонометрические и иные измерения.

Указанные аспекты понимания знания, акцентирующие внимание на его природе, производстве и усвоении, являются необходимыми, но не достаточными для адекватной оценки места и роли знания в современном динамично и ускоренно развивающемся общественном бытии, для соответствующего эффективного использования знания в революционно изменяющейся социальной действительности. В этом плане речь идет об изучении с позиций новых социальных потребностей обратной связи в системе «общество – знание»:

а) о влиянии знания на все факторы жизнедеятельности человека, которые являлись и являются предпосылками возникновения и развития самого знания;

б) о креативной, творческой, изобретающей новую реальность бытия способности знания как особом энергичном источнике творения действительного из возможного, необходимого из случайного, упорядоченного из хаотичного в объективном мире.

Таким образом, речь идет об осмыслении связи традиционных и новообразованных характеристик знания: предметности, системности, истинности, синергетичности, ориентационности и т. д.

Одной из проблем в области производства научного знания в постсоветский период времени является своего рода психоэнергетическая разряженность атмосферы научного творчества, где научная деятельность скорее тлеет, нежели горит ярким пламенем. В этом пламени возникают «сплавы идей», которые рождают новации, требуемые новым временем. Имеющееся знание нередко оказывается невостребованным в головах его разрозненных обладателей, не является основой их взаимодействия. Но без взаимодействия, как известно, ничто новое возникнуть не может: на пути новаций лежит рутинная разобщенность носителей интеллектуального потенциала. В ее преодолении – ключ к освобождению энергии коллективного творчества.

В диалектическом рассмотрении развития, производства знания становится видимой специфическая связь между его (знания) объектом и субъектом. Подобная связь существует между человеком и такими системными образованиями, как язык, общество, культура и т. п. Эта связь выразима понятием взаимоопределенности: человек создает культуру, а культура – человека, задавая меру человеческого в нем. В той же степени, в какой правомерно утверждать, что мы говорим языком (здесь язык понимается как средство коммуникации) правомерно и обратное: язык говорит нами. Продолжая, можно утверждать, что знание столь же «дом бытия», сколь «домом бытия» является язык, что человек столь же владеет и распоряжается знанием, сколь знания владеют и распоряжаются человеком. Но чтобы указанная связь в полной мере реализовывалась, необходимо прохождение знанием исторического пути, на котором, собственно, происходит конституирование знания в особые системные социокультурные образования: науку, философию, право, религию, мораль и т. п.

В многоаспектности применения знания в жизнедеятельности человека и общества мы обращаем внимание на одну из важнейших среди всех других функций – ориентирующую функцию знания. Она реализуется в основных формах знания: обыденном, научном, философском, моральном, религиозном и т. д.

Мы сосредоточиваем внимание на том, что организованное в указанных формах знание выступает действенным инструментом удовлетворения не только познавательных ориентационных потребностей, но служит важнейшим инструментом формирования мировоззренческих ориентаций, сменой которых обуславливается в конечном счете смена типов, образов социального бытия в историческом времени и пространстве.

Становятся весьма актуальными обращение внимания на ориентационную деятельность в условиях неравновесного, нестабильного мира, когда о жестких нормативах и детерминациях вряд ли правомерно вести речь, осмысление ее (ориентационной деятельности) значимости, структуры, разновидностей и тому подобного на современном этапе развития науки, выделение, рассмотрение и использование ориентаций (не в последнюю очередь – ориентаций в мире знаний) как специфических средств методологического освоения действительности. Вслед за Т. Г. Лешкевичем здесь можно утверждать, что «на смену детерминации приходят ориентации» [3, с. 22].

Последние имеют широкий диапазон применения как в области естествонаучного, так и гуманитарного познания. Более того, ориентации имеют особо важное значение в решении проблем экзистенциального характера, когда с усложнением социальной действительности, нарастанием интенсивности коммуникативных и информационных процессов, в которые объективно включен современный человек, возрастают его психологические нагрузки, стрессовые состояния, вызванные растерянностью перед натиском стремительно меняющихся реалий природного, социокультурного, духовного бытия, в которых требуется найти свое место, свою определенность, смысл жизни.

Рассмотрение связанных между собой вопросов об энергичности знания, об ориентационных функциях, месте и роли мировоззренческих ориентаций в социальных трансформационных подвижках позволяет ввести в инструментарий исследования социальных процессов понятие «интеллектоемкой системы» и, соответственно, рассмотреть некоторые характеристики функционирования реальных интеллектоемких систем, их сущность и роль в социальной динамике.

Актуальность, направленность и правомерность воззрения в очерченных нами границах обусловлена принятием принципа всеобщего энергоинформационного обмена в глобализирующемся мировом сообществе – принципа, который становится сегодня одним из отправных пунктов научного познания и практической деятельности. Это означает, что возможность принимать и расшифровывать информацию различной природы является предпосылкой

не только роста научных знаний, но и соответствующего приумножения творчески-преобразовательной мощи, энергии человека в окружающем мире.

Ноосферные идеи, идеи кибернетического программирования, синергетическая парадигма, ориентационный подход инкорпорируются в общественное сознание в качестве когнитивных факторов, обладающих особой энергией упорядочения, организации, овеществления стихийных природных и социальных сил. Сам человек в таком случае понимается не только как *homo sapiens*, существо чувствующее и переживающее, но и как некоторый «определенным образом организованный объем пространства, узел сгущения энергии и информации». Такого рода сциентизированное определение человека отнюдь не умаляет его духовной состоятельности, но позволяет акцентировать внимание на тех сторонах его сущности, которые становятся доступными осмыслению в свете формирования новых понятий в рамках прогресса научной мысли.

Категории, общие понятия, специальные термины образуют систему факторов, обладающую в числе прочих системных свойств свойством ориентировать мыслительный процесс, результат мыслительной деятельности. Понятие – та клеточка, тот фундамент, которым определяется не только содержание, но и прочность всех конструкций нашего сознания, их внутреннее и внешнее выражение, их практическое значение и смысл существования. Достаточно привести здесь операционалистское толкование природы и назначения понятия, чтобы осознать всю неординарность функционирования понятия в качестве формы знания и формы мышления. Основная идея операционализма (П. Бриджмен, Н. Кэмпбелл) заключается в том, что каждое понятие определяется через совокупность операций, используемых при его употреблении и проверке. Такое понимание природы понятий оказалось весьма плодотворным не только для целей гносеологических (для понимания процесса познания), но и, что особо важно, для целей сугубо практических в области физического, логического, психологического исследований. В этой концепции первоначальные операции, лежащие в основаниях понятия, непременно должны были быть операциями измерения, то есть инструментальными действиями, что максимально сближало физическую измеряемую действительность с ее понятийным выражением.

С точки зрения операционализма значение любого понятия можно определить, лишь исследовав ряд операций, которые совершаются в процессе применения этого понятия или при определении истинности высказывания, компонентом которого является понятие. Сами операции при этом понимаются как «ориентированные действия» ученого. Если понятие оказывается невозможно определить операционально, то оно должно быть признано ложным либо невозможным. Сама реальность, познаваемые объекты выступают в виде результата конструктивных действий (операций) исследователя.

В работах П. Бриджмена особый акцент делался на прагматической ценности понятий. Отвечая на вопрос о том, каким образом мы знаем, что столы,

облака, звезды существуют, ученый подчеркивал, что эти вещи существуют только потому, что соответствующие им понятия успешно работают в нашем опыте. Понятия являются изобретаемыми исследователем приспособлениями, которые в случае их эффективности используются мышлением исследователя. С этой точки зрения само существование – это термин, предполагающий эффективность такого рода приспособлений.

В основе операционализма лежит необходимость при определении понятий выявлять все отдельные физические операции. Однако каждая операция неповторима, так как она осуществляется данным единичным индивидом в данное время и в данном месте. Из этого следует, что операциональные определения понятий нельзя осуществить абсолютно строго – любая вторая операция, сколь бы она не была подобна первой, должна быть другой операцией. Коль скоро это так, то в силу неповторимости, единственности любой операции само понятие становится единичным по способу своего определения и лишается познавательной ценности, ибо утрачивает свое основное качество – выражать общее в различных ситуациях.

Гносеологические затруднения, возникающие при абсолютизации операционалистского понимания природы и функционирования понятия, в реальной практике современного научного познания устраняются использованием так называемых открытых понятий, значение которых относительно экспериментальных ситуаций не определено полностью. Операциональные же определения характеризуют закрытые понятия, так как они фиксируют значение понятий лишь для некоторых определенных условий.

В операционалистской трактовке понятия, на наш взгляд, специфично и в крайней форме выражается способность человека к индивидуальной понятийно-созидательной деятельности, к деятельности по самостоятельному формированию понятий на основе индивидуального жизненного опыта, включающего в себя как психологические, так и логические компоненты. В этом плане понятия, образуемые индивидом на основе его личного опыта, являются своего рода прообразом эмпирических понятий, образуемых субъектом научного познания на основе коллективного опыта.

Ориентирует все – слова, тексты, дома, вещи, природные явления, события, факты, и т. д., ибо в их множестве – реальном или виртуальном – находится человек, взаимодействуя, соотносясь с этим множеством, обуславливаясь им в своем бытии. Но видеть все значит не видеть ничего. Потому среди самых различных механизмов, в действительности осуществляющих ориентацию человека в мире (долговременную или кратковременную, мировоззренческую или локально-ситуативную и т. д.), разумно выделить наиболее себя проявившие, нашедшие наиболее четкое отражение, фиксацию в теоретическом и практическом сознании.

Так, нравственное, правовое, идеологическое и политическое сознания – признанные средства, способы, механизмы ориентации человека в социально-

политической действительности. Собственно, ориентируют они своими законами, нормами, принципами, понятиями, лозунгами, стандартами, идеалами, ценностями и другим, заставляя, привлекая к ним внимание, способствуя сообразованию сознания индивида, личности с этими нормами, понятиями, стандартами, идеалами и тому подобным, доносимыми до сознания образной ли речью общественных деятелей, юристов, политологов, журналистов или внутренней речью размышляющего разума. Тем самым ориентация и основанная на ней деятельность личности формируются посредством придания образу мышления и, соответственно, деятельности определенности, необходимой, значимой, ценной в данных исторических условиях.

В мифологическом сознании явления природы образовывали символический мир – мир, полный содержания и жизненности. В научном, философском, нравственном мышлениях на место явлений природы встают соответствующие, заменяющие действительность, замещающие ее знаки, символы – слова, понятия, категории. Как отмечал Э. Дюркгейм, нет слов в употребляемом нами словаре, смысл которых не простирался бы более-менее далеко за пределы нашего опыта. Часто термины выражают вещи, которые мы никогда не воспринимали, опыты, которые мы никогда не проводили или свидетелями которых мы никогда не были. Даже тогда, когда мы знакомы с некоторыми из объектов, к которым термин относится, эти объекты являются лишь отдельными экземплярами, иллюстрирующими идею, но сами по себе никогда не могли бы быть достаточной причиной ее возникновения. «Язык, – делает вывод Э. Дюркгейм, – включает в себе более, чем индивидуальное сознание. Это целая наука, в выработке которой я не участвовал и которую едва ли в состоянии вполне себе усвоить. Кто из нас знает все слова языка, на котором он говорит, и все возможные значения каждого слова?» [4, с. 225].

Определенность понятия, идеи, мысли, определенность выражающих их слов, а вместе с тем истинность как специфический сертификат их социальной или научной ценности находятся, хотим мы этого или нет, в зависимости от языкового выражения, ибо язык, будучи многозначен, контекстуален и так далее, может сказать больше, меньше или ровно столько, сколько было сказано в действительности.

Слова, как и мифологизированные явления природного мира, обладают «энергийно-построяющей» функцией (А. Ф. Лосев). И если сущность человека проявляется в его обязанности «изрекать мысль» (Н. А. Бердяев), то сколь же внимателен он должен быть к тому пространству и времени бытия слова, в котором находится и ищет способ своего адекватного выражения мысль, ведь она ориентируется или дезориентируется языком (М. С. Козлова). Порой достаточно полистать толковый или иной словарь, чтобы убедиться в исходящей от него силе.

Эта сила – признак и свидетельство мощного ориентационно-энергетического потенциала, который содержится в словарях, представляющих, несмот-

ря на их специфическую организацию, систематизированность и тому подобное, непредсказуемую в сочетаемости отдельных элементов совокупность факторов ориентации человека в действительном мире, а вместе с тем возможность обретения непредсказуемых ориентаций мыслящего разума в пространстве виртуального функционирования слов и словесных выражений. В то же время именно здесь во многом следует усматривать «корни», основания ориентирующих свойств, которые проявляют философские понятия (категории, универсалии культуры) и которые привлекали внимание исследователей во времена их повышенного интереса к методологии научного познания. В некоторых источниках дается весьма отчетливая характеристика того, как именно категории философии, взятые в форме соответствующих принципов, ориентируют мысль исследователя. В данном случае мы ограничимся одним примером. Речь идет об ориентирующей функции категорий диалектики.

Соглашаясь с тем, что диалектика, изучая всеобщие формы бытия, всеобщие законы развития объективной действительности и познания, выполняет методологическую функцию, следует согласиться и с тем, что реализация этой функции заключается в формулировании на основе категорий и законов диалектики требований, призванных, как утверждал, в частности, А. П. Шептулин, ориентировать людей в их познавательной, предметно-преобразующей, духовно-нравственной деятельности [5].

Собственно, ориентация деятельности заключается в ее выстраивании, направлении, осуществлении в полном и строгом соответствии с требованиями, вытекающими из самого содержания, смысла категорий и законов, выражающих по своему прямому назначению сущность природных, социальных и духовных явлений. Иными словами, определенность мысли и действия задается характером определенности категорий и законов диалектики. Требования ориентируют непосредственно, но в действительности определенность образа мысли и действия как результат процесса ориентации является выражением ориентационных «энергично-построяющих» свойств категорий и законов диалектики.

Например, применительно к категориям «единичное и общее», «случайное и необходимое», «сущность и явление» А. П. Шептулин в свое время отмечал, что хотя пассивное отражение объекта дает целостное представление о нем, но в этом представлении не улавливается связь и взаимозависимость между фиксируемыми сторонами, свойствами; единичное и общее, случайное и необходимое даны здесь в единстве, слитно; сущность хотя и отражается, но отражается в искаженном виде, выступает в виде кажимости. «Такое знание объекта, – делает вывод А. П. Шептулин, – не может ориентировать человека в его практической, предметно-преобразующей деятельности. Для ориентации в окружающей действительности, для эффективного воздействия на мир, его целенаправленного изменения человеку нужно знание общего, повторяющегося у множества аналогичных предметов или явлений, нужно знание необхо-

димого, неизбежно наступающего при соответствующих условиях, наконец, нужно знание законов, которым подчиняется функционирование и развитие объекта, его сущности» [5, с. 102].

С середины XX в. и по сегодняшний день в жизни общества со все возрастающим ускорением происходят изменения содержательного, структурного и функционального характеров, инициируемые интенсивностью, глубиной и масштабностью производства и применения знаний в определяющих сферах жизнедеятельности человека. В настоящее время стала очевидной необходимость не только преодоления разделения гуманитарного и естественнонаучного типов познания и освоения действительности, но и активного развития синтетического направления, «объединяющего в одно целое исследование процессов в неживой природе, живой материи и человеческом обществе» [6, с. 197].

Как следствие, формируется особая область пересечения интересов философов, социологов, методологов науки и других специалистов. В ее центре находится не только обращение к изучению знания как основы производства и потребления информации, дающее новую характеристику постиндустриального, информационного общества как «общества знания», общества с качественно новым образом жизни людей, но и обращение к изучению механизмов обеспечения соответствующей интеллектуальной и духовной переориентации людей на этапе перехода от индустриального и постиндустриального общества к обществу знания. Ведь любое общество характеризуется определенной системой ценностей, отказ от которой не происходит в результате одномоментного «прозрения», но имеет свою динамику, свои особенности и закономерности.

О необходимости, основаниях и закономерностях такого рода переориентации на этапах революционных изменений в общественном бытии говорят политики, социологи, экономисты, философы, психологи. Говорят по-разному. В. С. Степин исходит из того, что формами бытия мировоззренческих представлений и установок, которые определяют целостный образ человеческого мира, являются категории культуры – мировоззренческие универсалии, систематизирующие и аккумулирующие накапливаемый человеческий опыт. В их системе складываются характерный для исторически определенного типа культуры образ человека и представление о его месте в мире, о социальных отношениях и духовной жизни, об окружающей природе и строении ее объектов.

Соответственно этому «социализация» индивида, формирование личности и ее деятельностное проявление предполагают усвоение этого целостного образа человеческого мира, который формирует своеобразную матрицу для развертывания разнообразных конкретных образцов деятельности, знаний, предписаний, норм, идеалов, регулирующих социальную жизнь в рамках данного типа культуры. С этих позиций в каждом типе культуры обнаруживается «специфический категориальный строй сознания». При этом любая сложившаяся в культуре категориальная модель мира сохраняется до тех

пор, пока она выполняет функции мировоззренческого ориентира, обеспечивающего воспроизводство, генерацию и сцепление необходимых обществу видов деятельности.

Согласно В. С. Степину, по мере развития производства и появления новых видов деятельности в обществе возникает потребность в новых типах мировоззренческих ориентаций, которые обеспечивали бы переход к новым формам социальной жизни. При этом переустройство общества всегда начинается с критики ранее господствующих ориентаций и смыслов жизни, которые исчерпали свои возможности в качестве глубинных программ человеческой жизнедеятельности.

Сложный механизм бытия и опосредованности культуры человеком есть вместе с тем и сложный механизм бытия человека, опосредованного культурой, присваиваемой человеком в качестве средства, содержащего в себе необходимые, требующие в переломные исторические моменты специальной гносеолого-философской экспликации мировоззренческие ориентиры. Независимо от того, имеет место или не имеет указанная экспликация, культура всегда играет роль интегрального механизма ориентации человека в окружающем мире.

Такое понимание заставляет тем не менее пристальнее присмотреться к роли самой философии как неотъемлемого элемента культуры в реализации культурой ее ориентирующей функции в обществе, в котором приумножение знаний идет по экспоненциальному закону, а социальная, экономическая, духовно-энергетическая мощь знания не поддается измерению; заставляет увидеть в самой философии эффективный механизм ценностной и мировоззренческой ориентаций человека в знаниях и посредством знаний. Неслучайно Э. Тоффлер замечает, что знание, если его правильно использовать, становится заменой других материалов. И хотя эту идею воспринять нелегко, поскольку знание тяжело измерить, сейчас оно – наиболее универсальный и наиболее важный из всех факторов.

В различные исторические времена мыслители от знания ждали ответов на вопросы, касающиеся смысла жизни, места человека в мире, правильного устройства общества и правильного устройства человеческой жизни. Именно в этом им виделось практическое предназначение знания вообще, будь то знание научное, философское, религиозное или какое-либо другое, в той или иной мере способное подняться над горизонтами рутинной повседневной деятельности человека.

В этом качестве и философские, и религиозные, и научные знания реализуют принадлежащую им функцию мировоззренческой и ценностной ориентации. Они реализуют ее тогда, когда складывается ориентационная ситуация, когда в обществе возникает ориентационная потребность, когда они задают контекст, форму, направленность обсуждения мировоззренческих вопросов, задают те категории, мировоззренческие экзистенциалы, в координатах которых

собственно и выстраивается базисное понимание человеком мира, своих отношений с миром, понимание самого себя, своей определенности как предпосылок сохранения себя в мире в качестве живого организма, личности, Человека.

Рефлексия над основаниями культуры, составляя важнейшую задачу философского мышления, определяет саму философию в качестве особого механизма формирования базисных ориентаций жизнедеятельности людей во все более, по выражению М. Вебера, «интеллектуализирующемся мире». Различные философские направления вступают при этом в диалог друг с другом с целью выявить фундаментальные смысложизненные мировоззренческие ориентиры, которые должны стать в целостном и быстроизменяющемся мире опорой человеку.

При этом изменения, затрагивающие основу бытия человека – безопасность его жизни, заставляют искать более подходящий способ ее обеспечения, нежели продвижение вперед с помощью прагматического метода проб и ошибок. В жизни, однако, каждое решение для человека рискованно и требует определенности в качестве основания действия. В то же время общим условием жизнедеятельности человека следует признать скорее ситуацию неопределенности, нежели определенности. Коль скоро так, то все социальное пространство бытия человека в своей подвижности, изменчивости таит угрозу, опасность, а потому возникает необходимость «схватить», понять, предотвратить угрозу в целом. Но для этого нужно перейти из области конкретно-социальных проблем в область проблем метафизических, где на помощь житейскому обыденному мышлению приходит мышление философское, теоретическое.

Поскольку же диапазон переходных моментов между социальной проблематикой и проблематикой метафизической достаточно широк, постольку в решении тех или иных конкретных вопросов бытия находят свою реализацию и политическое, и правовое, и иные формы сознания. В любом случае весь этот диапазон пронизан стержневой экзистенциальной линией – поиском глубинных оснований жизнедеятельности; поиском островков устойчивости (определенности) в решении актуальных проблем жизни, поиском «неизменных» всюду и на все времена ориентиров в решении вопроса о месте и смысле жизни человека в вечной и бесконечной перспективе существующего, непрерывно отражаемого, выражаемого, прогнозируемого постоянно растущей массой знания.

Каким же образом ориентирует философия? Она ориентирует, во-первых, путем вовлечения мыслящего субъекта в пространство своего видения, своего понимания действительности, в пространство бытия ее категориальных смыслов и концептуальных конструкций и, во-вторых, путем честного «раскладывания» перед мыслящим субъектом всей совокупности фундаментальных проблем его природного, социального и духовного бытия, всей неоднозначности их видения и понимания, а вместе с тем всей неоднозначности видения и понимания мира в образах философских учений, противоречащих порою друг другу в их заслуживающих всяческого восхищения попытках

Философия как механизм ценностной и мировоззренческой ориентации...

выразить объективную противоречивость находящегося в постоянном изменении мира.

Эта способность вовлекать человека в свои проблемы независимо от его воли, желания и даже сознания является одной из особенностей философии. Как отмечает В. С. Степин, «философское мышление всегда движется как бы между двумя полюсами: на одном оно тесно соприкасается с реалиями современной ему жизни, на другом – выходит за их рамки и создает своеобразные проекты тех общественных и духовных структур, которые могут стать основаниями будущего развития культуры. В этом смысле философия одновременно выступает квинтэссенцией наличной культуры и смысловым ядром культуры будущего, своеобразной наукой о “возможных человеческих мирах”» [7, с. 22].

Вряд ли будет ошибочным в этом плане утверждать, что философский разум, апробирующий всякий раз новое, подходящее к тому основание (предмет философского мышления), может додуматься до сколь угодно совершенного порядка вещей, вполне практически реализуемого именно потому, что существует бесчисленное множество возможных, допустимых бытием, но не раскрытых еще разумом, порядков. В движении к этой цели разум рождает, рождает и будет рождать новые философии со своими, соответствующими им, предметами и способами философствования как необходимыми средствами мировоззренческой ориентации человека в универсуме здесь и сейчас, всегда и всюду.

Литература

1. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – СПб. : Макет, 1995. – 316 с.
2. Тоффлер, Э. Война и антивоина: что такое война и как с ней бороться. Как выжить на расвете XXI века / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. – М. : АСТ, 2005. – 412 с.
3. Лешкевич, Т. Г. Философия науки: традиции и новации : учеб. пособие для вузов / Т. Г. Лешкевич. – М. : ПРИОР, 2001. – 428 с.
4. Дюркгейм, Э. Социология и теория познания / Э. Дюркгейм // Новые идеи в социологии. – 1914. – № 2.
5. Шептулин, А. П. Диалектический метод познания / А. П. Шептулин. – М. : Политиздат, 1983. – 320 с.
6. Моисеев, Н. Н. Человек. Среда. Общество / Н. Н. Моисеев. – М. : Наука, 1982. – 240 с.
7. Степин, В. С. Философия в современном мире / В. С. Степин // Новое в жизни, науке и технике. – 1990. – № 11.

PHILOSOPHY AS THE MECHANISM OF VALUES AND WORLDVIEW ORIENTATION IN THE SOCIETY OF KNOWLEDGE

V. M. KRYUKOV

Summary

The article concerns modern philosophy functioning questions in the changing social reality, the role of philosophical categories as a carrier of universal knowledge in the intellectual re-orientation of human activity.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.01.2015

МОДЕРНИЗАЦИЯ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

А. И. ЛОЙКО

В статье рассмотрены особенности модернизации современного общества и сопровождающая социальную динамику нравственная атмосфера в содержании общественного сознания на уровне идентичности. Тема исследования обусловлена актуальными задачами формирования евразийского межкультурного пространства.

Синергетика стимулировала формирование междисциплинарной картины природной и социальной реальности, в которой не нашла должного отражения проблематика, связанная с аксиологией. В такой постановке вопроса ценности и ценностное отношение становятся ключевыми концептами социального пространства. Экологическая тематика определяет предмет ценностного отношения природную реальность, поскольку взаимоотношения техногенной цивилизации с окружающей средой формируют контекст безопасности, который в условиях XXI столетия приобрел важное значение. Техногенная компонента рисков и угроз дополнилась в современном обществе факторами терроризма, политической и экономической нестабильности, геополитической и информационной конфликтности, рейтинговой необъективности, разрушения солидарности поколений, гендерного нигилизма, наркомании.

Количество рисков и угроз в информационном массиве современного общества значительно увеличилось, что актуализирует проблему формирования защитных ресурсов государства, индивида в форме самоорганизации. Значимыми остаются вопросы экологической безопасности человечества, поскольку пространство Земли находится в конкретных климатических, тектонических, геофизических условиях. Обозначенные типы природных процессов имеют в своей основе определенные циклы температурных колебаний, сейсмической и геофизической активности. Человечеству на техногенной стадии развития еще не приходилось сталкиваться со спецификой полного цикла самоорганизации природы на Земле, что не способствует формированию у него полной картины условий, в которых функционирует техногенная инфраструктура, особенно в части рисков. Биосфера, имеющая естественную историю в миллиарды лет, более адаптирована к условиям планеты и вследствие этого более устойчива по отношению к техногенной деятельности людей.

Риски, связанные с пребыванием человечества в пространстве Солнечной системы, рассматриваются в аспекте погрешностей. Они имеют место в виде падения космических тел на поверхность Земли, солнечной активности и геомагнитных бурь, жизненного цикла Солнца как природного термоядерного

реактора, топливный ресурс которого составляет примерно пять миллиардов лет. Еще меньше в контексте рисков говорится о Галактике.

Контекст Метагалактики более востребован, поскольку он актуализировал проблему пространственной самоорганизации Универсума как динамической структуры. По отношению ко Вселенной применимо понятие жизненного цикла в интервале от Большого Взрыва до предельной точки расширения материи. В этом физическом процессе ключевую роль играет гравитация, механизмы, связанные с различными формами физической самоорганизации. Судя по устойчивым параметрам функционирования этой уникальной системы, ключевую роль в ней играют механизмы саморегулирования в виде черных дыр, что создают гравитационное равновесие между внутренними и внешними областями прозрачной части квантового поля. Определенную роль продолжает играть инерция расширения.

Космические аспекты самоорганизации, безопасности и устойчивого развития человечества уступают приоритет социальной проблематике, в которой Т. Вебленом выделен такой важный параметр самоорганизации общества, как институциональные ценности. В структуре этой методологии ключевая роль отводится определенным комбинациям институциональных доминант социальной жизни, имеющих ценностный статус для конкретных обществ [1].

Институциональные ценности представлены доминантами эффективности, солидарности поколений, когнитивного и креативного образа жизни и деятельности, потребительства, конкуренции, социального иждивенчества и патернализма. Сочетание конкретных доминант формирует основу мировосприятия социальных групп населения, маркированных религиозными, национальными особенностями. Так, благодаря исследованиям М. Вебера широко известной стала роль протестантской этики труда в становлении техногенной цивилизации [2]. В условиях рыночной экономики североамериканские и европейские национальные экономики, представленные протестантским населением, демонстрируют высокую устойчивость в условиях растущих рисков экономической деятельности. На фоне их национальных экономик с разнородным этническим и религиозным населением постоянно оказываются на грани повышенных рисков, что делает неизбежным санирование финансовых, промышленных и бюджетных структур, особенно актуальна эта проблема для развивающихся государств. Очевидно, что у протестантского населения в мировосприятии основную роль играет доминанта эффективности, чему способствует выросшая на кумулятивных традициях этих людей светская философия прагматизма. Под влиянием подобного мировосприятия находятся Австралия и Новая Зеландия. Мир-экономики имеют свойственные им ценностные доминанты. В условиях геополитической и экономической конкуренции, им приходится формировать необходимые для конкуренции и межкультурного диалога ресурсы.

Для России такими ресурсами стали военно-промышленный, оборонительный, энергетический, космический комплексы, наука и образование, борьба

с коррупцией. Среди ценностей ключевую роль играет патриотизм, территориальная целостность государства, этатизм. Эти доминанты минимизируют отсутствие акцентированности в мировосприятии на эффективность, коммерческую деятельность. Модернизация постулируется в секторах гражданской деятельности, но наталкивается на рутину местных административных традиций и привычек. Через энергетическое разделение труда Россия тесно интегрирована в пространство европоцентристской цивилизации. Россия является частью европейского регионального энергетического комплекса, на основе которого действуют две институциональные экономики с характерными для них особенностями. Открытым остается вопрос, к какой из этих экономик будет относиться пространство Украины, поскольку, кроме меркантильных и геополитических доминант, внешними сторонами во внимание должны приниматься ценностные доминанты локальных территорий с различной цивилизационной идентичностью. Неразрешенность этого вопроса создает экономическую неопределенность и провоцирует риски, вытекающие из возможного характера отношений Евросоюза и России. Эти риски дополняют общую тревогу экономистов по поводу результативности их усилий, связанных с вмешательством государственных и международных структур в механизмы мирового экономического кризиса. Наметившиеся тенденции экономического роста мировой экономики могут быть сведены к минимуму, что повлияет на общественное сознание и может усилить избирательные ресурсы сторонников экстремальных мер. Механизм этих мер ассоциируется в Европе с понятием институционального кризиса, когда кумулятивные механизмы экономической жизни заменялись революциями, диктатурами, фашистскими режимами. Особенно уязвимы в такой ситуации механизмы европейской демократии.

Если учесть то, что североамериканский и европейский рынки являются наиболее емкими для экспортеров из Японии, Китая, Латинской Америки, Ближнего Востока, Южной Кореи, Южно-Африканской Республики, Австралии и Новой Зеландии, Юго-Восточной Азии, то становится очевидной глубина рисков, создаваемая политической элитой США для этих экономик. После распада СССР эта элита под впечатлением искушения глобализмом потеряла глобальный взгляд на мировую динамику. Ее политика стала сугубо региональной и сфокусировалась на Евразии как основном строительном материале для Евросоюза и НАТО. Но между Европой и Евразией существует граница по параметру региональной идентичности. Это видно по Турции, которую Евросоюз не может десятки лет адаптировать к особенностям присущей ему институциональной экономики и политики. Такой границы нет в отношении России и расположенных между ней и Евросоюзом Беларуси и Украины, поскольку они включены в европейскую историю через ассимиляцию культурных форм. С экономической точки зрения Запад может получить территории с населением, адаптированным к западному образу жизни. В итоге вырастет емкость внутреннего рынка, будет обеспечена энергетическая само-

достаточность Европы и как результат возможен прямой выход Евросоюза к Китаю, Индии, Дальнему и Ближнему Востоку.

Однако геополитическим сценариям глобализма противостоит объективная реальность в Украине. Эта реальность отражает отсутствие диалога между Россией и Евросоюзом в вопросах институционального обеспечения функционирования европейского энергетического рынка. Можно было бы в подобной ситуации ограничиться только критикой основных субъектов экономической деятельности, но важным является фактор существования между Евросоюзом и Россией государств транзитивного типа, политические элиты которых не имеют опыта модернизации экономики. Украинская политическая элита в качестве доминанты своей деятельности использовала механизмы коррупции и даже не формулировала задач в области модернизации экономики. Она ограничилась перераспределением собственности. Эти процессы дополнились коррупцией в форме финансирования США прозападных организаций, вербовки представителей политической власти Украины. Не пошло в таких условиях на пользу Украине и косвенное субсидирование ее экономики и бюджетных расходов со стороны России. Политическая элита к концу 2013 г. практически полностью дистанцировалась от русскоязычного населения, поддавшись искушению иметь доступ к финансовым ресурсам европейских и американских программ.

В условиях отсутствия потребности у украинской политической элиты в модернизации национальной экономики практически не было исследований по экономической идентичности человеческого капитала этой страны с точки зрения реализации национальных программ развития. Государства, не имеющие политической элиты, способной к национальному диалогу, находятся в стадии формирования новых территориальных конфигураций. Такие риски существуют в Бельгии, Испании, Соединенном Королевстве, Молдове. Это связано с тем, что право на самоопределение возвращает европейцев к когда-то принятым по разным причинам непродуманным территориальным решениям. Так, Бельгия стала результатом политических интриг Франции, стремившейся ослабить Нидерланды. Соединенное Королевство остается в стадии перехода от колониальной эпохи к постколониальной. Похожая ситуация существует в Испании, где каталонцы не хотят субсидировать центральную власть. Формула Евросоюза и связанные с ней гарантии безопасности со стороны наднациональных структур стимулируют исторические области старого континента, такие как Венеция и Генуя, к большей самостоятельности. Они не хотят субсидировать центры власти, теряющие свою значимость и находящиеся под прессом санационных мер Брюсселя и Международного валютного фонда.

В условиях высокой динамики трансформаций в европейском регионе Беларуси ответственно находится между Евросоюзом, НАТО с одной стороны и Россией с другой стороны. Исторические причины определили союзниче-

ские отношения Беларуси с Россией, поскольку, начиная с эпохи крестовых походов, постоянно существует неадекватное восприятие Западом феномена Беларуси. Во многом это объясняется тем, что белорусы не имели стремления к обособленному государству и все время создавали с соседними народами конфедерации, как это было в случае Речи Посполитой, и федерации, как это было в случае СССР. Основной доминантой при этом выступал панславизм. В XX в. Польша фактически отказалась от этой доминанты и сделала акцент на стратегические отношения с США и тем самым противопоставила себя в глобальном измерении России. Это обстоятельство лишь усилило стремление белорусского государства к более тесному военно-политическому, экономическому, культурному сотрудничеству с Россией, которая отозвалась на потребности молодого белорусского государства по ряду принципиально важных для обеих сторон вопросов.

Взаимная поддержка государств не умаляет значения самостоятельного экономического развития Беларуси в рамках стратегии технологической модернизации промышленного и аграрного секторов деятельности. Важными остаются вопросы эффективного использования потенциала модернизации [3], борьбы с коррупцией.

Технологическая модернизация производств в Беларуси осуществляется на основе административного ресурса государства, что естественно с точки зрения эффективного использования кумулятивного ресурса советской системы хозяйствования, в рамках которой важную роль играли городские и районные исполкомы, директорский корпус. На уровне государственных программ формулируются задачи технологической модернизации конкретных отраслевых производств. Под них выделяются финансовые ресурсы. Но из-за того что директорский корпус подвержен влиянию кумулятивной психологии советского типа хозяйствования, технологическая модернизация предприятий часто проводится без учета эффективного использования импортного оборудования. Недооценивается роль обучения персонала, его профессиональная адаптация к новым условиям деятельности. Сроки модернизации затягиваются, что ведет к моральному старению оборудования. Все это предполагает усиление коммерческой составляющей в деятельности директорского корпуса с целью его постепенной трансформации в систему производственного менеджмента и маркетинга.

Льготные цены на энергоносители позволяют предприятиям иметь денежные ресурсы, необходимые для фонда заработной платы и амортизации. В ситуациях, когда производители аграрного сектора закупают минеральные удобрения и нефтепродукты по внутренним ценам, существует среда для экономических преступлений и коррупции. Специфика белорусской экономики обусловила значительную роль в структуре государства институтов государственного контроля, прокуратуры, Следственного комитета, Министерства внутренних дел. Они обеспечивают наличие обратной связи в механизмах

реализации государственных программ развития различных секторов экономики, их модернизации.

Эффективное развитие национальной экономики в условиях техногенной цивилизации связано не только с задачами технологической модернизации производств, но и со структурными реформами, в рамках которых национальную экономику представляют рентабельные производства. Этот критерий влияет на качественные и количественные параметры государственного бюджета, его бездефицитность. Актуален этот критерий для экономик, не имеющих валютных ресурсов за счет экспорта энергетического сырья. В особенно сложном положении в связи с этим оказалась экономическая инфраструктура Украины, где актуальным является вопрос структурной модернизации отраслей, особенно угольной, основанной на шахтной добыче сырья. Структурная модернизация национальной экономики, как показала практика США и Великобритании, потребовала от политиков огромного напряжения, поскольку реально формировались условия для социальной нестабильности. Потребовался феномен «железной леди» для того, чтобы в демократических условиях обеспечить качественную трансформацию британской экономики. В рамках Евросоюза подобные задачи регулируются региональными структурами Брюсселя. В особенно уязвимом положении оказываются национальные государства, которые не имеют полного институционального статуса в Евросоюзе, но при этом в рамках переходного периода они вынуждены под надзором европейских комиссаров, выполнять жесткие предписания Брюсселя для получения необходимого им доступа в европейское региональное пространство. Именно на этой стадии высоки риски социальной нестабильности. Предприятия закрываются, имеет место высокая безработица. Ситуацию усугубляет свойственная политическим элитам Евросоюза коррупция. Именно сочетание коррупции и высокой безработицы привело к уличным беспорядкам в Боснии и Герцеговине. В условиях Евросоюза эти риски минимизирует свободное перемещение рабочей силы. Однако факторы внешней миграции затрудняют функционирование единого рынка труда.

По причине возросшей конкуренции со стороны российского рынка рабочей силы белорусское государство вынуждено проводить технологическую модернизацию отраслевых производств с тем, чтобы за счет более высокой производительности обеспечить привлекательность национального рынка труда. Это же требование относится к сфере образования.

Свободное перемещение рабочей силы является одним из ключевых условий социальной стабильности общества, мотивации национальной экономики к технологической модернизации. Для России принципиально важной в условиях растущих рисков, связанных с геополитическим давлением на бывшие советские республики, слабостью политических элит и, как следствие, их уязвимостью, является методология кластерного подхода. Она позволяет обеспечить производственные циклы в пределах собственной территории

и эффективно пользоваться ресурсами человеческого капитала постсоветских государств, избегая, таким образом, финансовых рисков, связанных с контрактными соглашениями.

Важность использования методологии кластерного подхода на общероссийском уровне была позиционирована в 2008 г. в национальном докладе под названием «Инновационное развитие – основа модернизации экономики России», подготовленном В. П. Евтушенко, С. В. Кириенко, А. Б. Чубайсом [4]. Доклад обобщает мировые тенденции в системе организации промышленного производства. Они связаны с тем, что основным критерием безопасности и обеспеченности технологической новизны является кластер. Он состоит из производств, расположенных на относительно небольшом расстоянии друг от друга, в одном регионе, в одной производственной цепи, объединяющей трудовые ресурсы, минимизирующей издержки и риски, связанные с перевозкой уникальных изделий. Компактная территория расположения промышленного кластера способствует лизингу специалистов, рабочей силы, доступу к информации, совместному маркетингу, единой идентичной основе человеческого капитала, представленной ценностями патриотизма, самобытной культурной и языковой среды. В таком понимании кластеры рассматриваются как зоны интегрированной экономики. Они представлены гибкими региональными производственными системами деловых партнеров, имеющих договорную основу. Так, автомобили в Японии производятся на основе кластера, формируемого кооперацией машиностроительных компаний и компаний, производящих радиоэлектронное оборудование. Кооперация закрепляется соглашениями, называемыми кэйцэру.

Кооперация компаний может иметь транснациональный характер и выходить за границы национальной экономики, тогда она неизбежно несет риски, связанные со стабильностью разнородных экономических систем. С точки зрения задач военно-промышленного комплекса трансграничная география повышает риски размещения и выполнения государственных заказов, с чем Россия и столкнулась в случае с украинскими производителями. Приобретенный опыт производственной деятельности стимулировал российское государство к концентрации производственных ресурсов на своей территории. Кластерная методология локальных зон интегрированной экономики исторически апробирована в России на примере формирования промышленных регионов Урала, Поволжья, Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, Севера. Теперь такая задача ставится в отношении Северного Кавказа, где сосредоточены значительные демографические ресурсы, формируется система коммуникаций. В регионе расположен и основной потребитель в лице оборонного комплекса.

Организационные структуры государства традиционно играют большую роль в евразийском регионе. Потенциал самоорганизации через создание мощного центра государственной власти исторически обеспечил России не только статус самостоятельной цивилизации, но и межкультурного пространства

с огромными ресурсами институциональной экономики, представленной отечественным бизнесом и земледельческой культурой казачества, тюркских народов в области производства товарной продукции. Именно по этой причине постсоветское государство уделяет такое внимание актуализации этих ресурсов самоорганизации, поскольку они акцентированы патриотической, духовно-нравственной основой образа жизни [5].

Кластерная самоорганизация социальной жизни в отличие от этатистской обуславливается факторами освоения пространства, в котором институциональная основа опережает формирование государственных структур власти. В данном случае доминируют факторы географической среды и ценностная основа гражданской самоорганизации в условиях существующих неопределенностей и рисков. Таким путем формировались и трансформировались многие нации. В данном случае социальная эволюция созвучна самоорганизации природных систем. Это дает основание говорить о междисциплинарном статусе методологии кластерного подхода. Становление этого подхода в естествознании рассмотрено В. Д. Лахно [6]. Естественные конфигурации кластеров в экономическом пространстве описаны М. Портером [7]. Методология кластерного анализа широко используется в решении конкретных задач, в том числе связанных с искусственным интеллектом [8]. В специальной работе мы показали возможность применения кластерного подхода в условиях социальной динамики партикулярных структур [9]. Основным результатом исследования заключается в том, что взаимодействующие партикулярные структуры Беларуси и России значительно укрепят безопасность и обеспечат устойчивое развитие национальных экономик в условиях имеющего место циклического характера мировой экономики, геополитической неопределенности, связанной с переходным периодом в межгосударственном диалоге США и России.

Культурную конфигурацию в условиях действия механизмов самоорганизации территориальных структур деятельности задает идентичность. Консолидированную основу для идентичности Киевской Руси создало православие. Оно славится ценностями образованности, грамотности. На его основе реализовывали творческие замыслы Кирилл Туровский, Евфросиния Полоцкая, Климент Смолятич, Симеон Полоцкий.

Важную роль православие сыграло в этногенезе великороссов. Патриотическую направленность его содержания осуществили на практике Александр Невский и Сергей Радонежский. Их усилиями была сформирована великорусская идентичность. Она позволила противостоять крестоносцам, привлечь к евразийским ценностям совместной исторической деятельности многие тюркские племена. Был выработан опыт положительной комплиментарности у славянских, тюркских, угоро-финских, северных народов.

Православие создало в России интеллектуальное пространство духовной философии, акцентированной на ее самобытности, историческом призвании,

мировосприятия. В основе этой философии лежат принципы соборности, теократии, всеединства, народности, русского космизма, нравственности, софийности, любви, патриотизма, славянофильства.

Русская религиозная философия разработала онтологию бытия на основе идей и практики русского космизма. Ее интерес направлен на человека, его внутренний мир, непрерывное решение нравственных дилемм. В познании акцент делается на интуицию, на идеализм.

В социальной философии главный вопрос заключен в описании и сохранении идентичности России в условиях межкультурного диалога с Западом. Россия позиционируется как самостоятельная, самодостаточная цивилизация. Православие выражает это своеобразие. Глобализация актуализировала вопросы нравственной и духовной идентичности в условиях растущего значения социальных сетей.

В условиях модернизации важно сочетать перемены с преемственностью духовных традиций, славянского образа жизни. Любое нарушение в этом сложном процессе активизирует деструктивные силы, которые пользуются славянской основой для реализации радикальных программ националистического типа. Эти программы конституировались в форму славянского неоязычества. Они симулируют дохристианские традиции. При этом они практически ничего общего с ними не имеют. Речь идет об имитации идеологии в форме общенациональной религии. Эта идеология создается представителями городской интеллигенции. Ею активно используются исторические исследования, этнографические источники, «славянские Веды». Содержательный анализ основных направлений славянского неоязычества проведен Е. К. Агеенковой в статье «Некоторые аспекты славянского неоязычества» [10].

Национализм может нанести значительный удар по межкультурному статусу православных традиций. Устойчивость этого межкультурного пространства обеспечивают исторически сложившиеся традиции векового диалога на уровне гражданских структур. Российские исследователи основу этой межкультурной связи видят в участии общин славян в развитии отдельных регионов страны, а также в участии России в освобождении славянских государств от османского ига. Об этом важном направлении исследований свидетельствуют итоги посвященной 135-летию начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Международной научно-практической конференции «Россия и славянский мир в интеллектуальном контексте времени», которая проводилась в 2012 г. в Славянске-на-Кубани [11].

Еще один важный аспект межкультурного статуса православных традиций связан с сохранением нравственности. Информационное общество стремится к новым формам коммуникации. Нередко это стремление сопряжено с идеологией нигилизма. В результате позиционирование доминирует над этическими нормами. Для православных культур Беларуси и России принци-

пиально важными становятся вопросы статуса духовно-нравственной культуры как фактора модернизации общества XXI века [12].

Православная культура всегда была интегрирована с задачами модернизации общества. Фактически принятие христианства в 988 г. стало началом этой традиции. Конструктивная роль православия заключалась в сохранении идентичности русского народа в условиях модернизации, осуществлявшейся по образцам европейской техногенной цивилизации. Душа народа сохранялась, а технологическая культура менялась. Исключением был только советский период истории, когда нигилизм доминировал в духовной сфере. Уже после распада СССР стало очевидным, что православие – это та ценность, которая формирует идентичность российской техногенной цивилизации. Негативные образы модернизации заключены в утилитарных компонентах деятельности, не достигших единства между интенцией производить и соразмерно потреблять. В связи с этим для Беларуси и России актуальна задача формирования в рамках утилитаризма культуры сбалансированного мировосприятия. Фрагментация пространства межкультурного диалога православных культур ставит новые задачи перед гуманитарными науками. В них все большую роль будут играть человеческие отношения. Посредством них достигается устойчивое развитие общества.

1025 лет назад православие обеспечило консолидацию евразийского культурного пространства, что позволило создать культурную географию с уникальной архитектурой, письменностью, изобразительным искусством, музыкой, литературой. Современная культурная география требует усилий в области сохранения духовных ресурсов общества.

Важной частью культуры Беларуси стали православные братства, которые смогли в часто сложных условиях соседства с другими конфессиями и религиями создать гражданскую основу укорененности веры на уровне разнообразных слоев общества. В результате православие приобрело онтологическую основу, повлиявшую на формирование у белорусов национальных ценностей толерантности и веротерпимости. Эта особенность получила развитие в диалоге культур. Так, в фестивале «Радость Пасхи», проходящем в Белорусском национальном техническом университете, традиционно участвуют представители разных культур и религий. Это свидетельствует о том, что Беларусь открыта для диалога.

Таким образом, синергия динамики социальных процессов актуализировала различные аспекты ценностной проблематики в контексте задач безопасности и устойчивого развития государств. Риски и угрозы техногенного происхождения дополняются комплексом природных факторов, отдельных подсистем, в частности биосферы. При этом очевидна доминанта институциональных ценностей социального пространства, актуализировавшаяся в форме идентичности.

Литература

1. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – М. : Прогресс, 1984. – 367 с.
2. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
3. Лойко, А. И. Эффективное использование потенциала модернизации / А. И. Лойко, В. И. Канарская, Э. А. Фонотова. – Минск : БНТУ, 2011. – 147 с.
4. Инновационное развитие – основа модернизации экономики России : нац. докл. / ред. совет: В. П. Евтушенко, С. В. Кириенко, А. Б. Чубайс. – М., 2008.
5. Акоева, Н. Б. Изменения в бытовой сфере повседневной жизни казачества во второй половине XIX – начале XX в. / Н. Б. Акоева // Туровский, Абай, Гумилев, Конфуций, Боливар, Гете: роль Беларуси в философском диалоге современных культур : материалы междунар. науч. конф. (Минск, 21 марта 2013 г.) / отв. ред. А. И. Лойко. – Минск : БНТУ, 2013. – С. 146–150.
6. Лахно, В. Д. Кластеры в физике, химии, биологии / В. Д. Лахно. – Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. – 256 с.
7. Porter, M. Lokal clusters in a global economy / M. Porter // Creative industrie / ed. J. Harley. – Malda, 2008. – P. 259–268.
8. Вятчинин, Д. А. Возможность кластеризация как основа методологии моделирования абстракции неразличимости / Д. А. Вятчинин // Философия. Методология. Познание : сб. науч. тр. к 85-летию акад. Д. И. Широканова / Ин-т философии НАН Беларуси ; науч. ред. А. А. Лазаревич [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2014. – С. 92–98.
9. Лойко, А. И. Социальная динамика партикулярных структур и методология кластерного подхода / А. И. Лойко // Вестн. Пермск. ун-та. Сер. Философия. Психология. Социология. – 2012. – № 2 (10). – С. 151–158.
10. Агеенкова, Е. К. Некоторые аспекты славянского неоязычества / Е. К. Агеенкова // Сектоведение. – 2012. – Т. 2. – С. 4–24.
11. Россия и славянский мир в интеллектуальном контексте времени : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 135-летию начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – Славянск-на-Кубани, 2012.
12. Духовно-нравственная культура как фактор модернизации российского общества XXI века (Третьи Хайкинские чтения) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 23 ноября 2012 г. – Тамбов, 2013.

MODERNIZATION AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF VALUE PROBLEMS

A. I. LOIKO

Summary

The details of modernization of modern society are considered; together with discussion of moral atmosphere that follows social dynamics on the level of identity. The aims of present research are important due to creation of Eurasian inter-cultural space.

Дата поступления статьи в редакцию: 05.03.2015

СОСТРАДАТЕЛЬНОСТЬ КАК ЧЕРТА РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

Н. Н. КУКСАЧЁВ

В работе рассматривается вопрос о месте сострадательности и сочувствия в русском национальном характере. При рассмотрении проблемы автор опирается на работы русских философов XX в. М. В. Безобразовой, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, Л. И. Яковлевой.

В последнее время проблема сострадательности стала объектом пристального внимания педагогов, психологов, юристов, писателей. Это своего рода ответная реакция мыслящей интеллигенции на негативные последствия радикальных социальных преобразований, произошедших на постсоветском пространстве в 90-е годы XX в. Полагаем, однако, что сейчас, как никогда ранее, стало востребованным философско-теоретическое осмысление данного социального феномена. В этой статье нам бы хотелось попытаться провести анализ обозначенного явления, опираясь на некоторые примеры, которые могут послужить определенным представлением относительно поиска места сострадания и сочувствия в качестве типичных черт русского национального характера в размышлениях русских философов XX в.

Сострадательность порою становилась у русских мыслителей краеугольным камнем в создании национальной идеи. Но если философы XIX в. в России не склонны были рассматривать национальную идею как вытекающую из глубин русского характера (исключением здесь, пожалуй, может выступить Ф. М. Достоевский (1821–1881)), то уже философы первой половины XX в. видели основания для нахождения особенностей русской идеи именно в особенностях национального характера. Если П. Я. Чаадаев (1794–1856) выступал с критикой русской истории, православия, самодержавия, то уже В. С. Соловьев (1853–1900) посвятил русской идее особую статью с одноименным названием, где связал национальную идею в первую очередь с предопределенной Богом для России миссией. Для В. С. Соловьева или, например, К. Н. Леонтьева (1831–1891) органичнее было видеть опору в сильном государственном образовании, в авторитете Церкви и византийской культуры, чем искать ее во внутреннем устроении русского человека.

Первая половина XX в. отмечается обращением русской философской мысли к раскрытию особенностей внутренней организации русского человека. У Н. А. Бердяева (1874–1948) и И. А. Ильина (1882–1954) русский характер неразрывно связывается с сострадательностью и склонностью к сочувственным переживаниям. Такой поворот был, с одной стороны, связан с общим обращением мирового философского процесса к рефлексии над проблемами

внутреннего мира человека, а с другой стороны, с тоской по утраченной родине. Философской элите начала XX в. пришлось испытать трудности изгнания и утрату прочного фундамента государственности, мощь которого ощущали предыдущие поколения.

Начать нам бы хотелось с обращения к небольшой, написанной довольно эмоциональным языком работе «первой женщины в России, посвятившей себя профессиональной философской деятельности» [1, с. 77] М. В. Безобразовой «О безнравственности».

Личность первой русской женщины-философа Марии Владимировны Безобразовой (1857–1914) уникальна. Этой целеустремленной женщине удалось в 1891 г. получить степень доктора в Бернском университете за работу о древней русской философии. Работы М. В. Безобразовой находили поддержку и у современного ей философского сообщества в России. В. В. Розанов и В. С. Соловьев, несмотря на свои определенные взгляды на роль женщины и ее предназначение, всегда проявляли свое участие к ее научной судьбе [1, с. 79–80]¹.

Обратимся к уже указанной работе М. В. Безобразовой. Она была опубликована в Санкт-Петербурге в 1911 г. В данной работе автор обращается к вопросу «подкладки или изнанки» жизни, то есть безнравственности современного ей российского общества, исследуя эту проблему с философской и исторической точек зрения. На звучащий на первой странице книги риторический вопрос «отчего столько безнравственности в современной русской жизни?» [2, с. 1] автор дает четкий философско-психологический срез общества. Попробуем проследить логику этого анализа.

В первую очередь обличению подвергаются яркие современники М. В. Безобразовой Л. Н. Толстой и его биограф П. И. Бирюков. Автор вскрывает ханжество их поступков, приводя в качестве примера не вполне искренние, по ее мнению, благодеяния графа Толстого по отношению к крестьянам (открытие столовой для бедных, якобы столкнувшееся с бюрократическими препонами, «дерево бедных»)², душевные метания Л. Н. Толстого по поводу своего графского положения) и подробности биографии П. И. Бирюкова, когда тот сожалел, что не может отправиться на бал из-за смерти своего родственника.

Рассуждая о том, что такое добро и зло и как их различать, М. В. Безобразова отмечает интересную особенность: порой сложно сказать будет ли следствием добрых дел и отношения добрый результат. Часто случается наоборот: «Доброта – слабость, мягкость бывает злом, потому что развращает» [2, с. 4]. Так же развращает излишняя сострадательность и сочувственность без реальных дел помощи.

¹ Подробнее об этой интересной личности и ее философских идеях можно прочесть в работе В. В. Кравченко, опубликованной в петербургском журнале «Вехи» [1].

² Примечательна судьба этого «дерева бедных». После смерти Л. Н. Толстого оно жило еще около 60 лет и в 70-е годы XX в. когда дерево умерло, оно подверглось консервации, видимо, на долгую память о благодеяниях, оказанных графом Толстым бедным людям [3].

Зло в русской жизни, по мнению автора, проистекает из-за бесхарактерности. Прозябать безнравственно. Но и активная позиция должна иметь свою цель не в удовольствии, а в деятельности во имя добра. Именно такой путь ведет к счастливой жизни, ведь «жизнь должна быть счастьем, учит почти вся философия» [2, с. 5]. Страдания не могут быть итогом или целью философствования. «Идеал – это жить во имя добра» [2, с. 6]. Если исходить из таких предпосылок, то отпадает вопрос о самоубийстве. Тем не менее в некоторых случаях автор оправдывает самоубийство как решение покончить свое бессмысленное существование. Если человек приходит к решению прекратить свою жизнь, осознавая ее бессмысленность и, как следствие, несчастность, тогда самоубийство можно сравнить, по мнению М. В. Безобразовой, с подвигом. Такое оправдание самоубийства находилось в корреляции с суицидальными настроениями начала XX в. в России [4]. Особенно острой в этот период была проблема детского и подросткового суицида. Каждое самоубийство по сути – это вина всего общества, создающего неблагоприятную атмосферу, в которой проживает самоубийца. Дети стали особо чувствительным индикатором недостатка здорового сострадания, участия и элементарного внимания к судьбе самых незащищенных членов социума.

В дестабилизации психологического состояния детей автор винит также школу, которая представляется ей недостаточно суровой, что приводит учеников к еще большей расслабленности. М. В. Безобразова также отмечает, что уже в начале XX в. в школьный курс хотели ввести «новый предмет, или вернее сказать, включить половой вопрос в курс естествоведения, сосредоточив на этом преимущественное внимание» [2, с. 11]. Как видим, с данной проблемой школа столкнулась уже в начале XX в. К ней же вернулось общество и в начале XXI в. Благо, что постоянные попытки реформирования школьной системы пока не дают ощутить остроту последствий введения полового воспитания в школьный курс на общее психологическое состояние подростков.

Наконец, автор задается вопросом почему «считается, что русским особенно близки вопросы нравственности; о них, ведь, ведутся эти бесконечные русские споры за самоваром» [2, с. 16]. По ее мнению, положение скорее противоположное. Русский человек менее всего разбирается в вопросах нравственности. За доброту русского человека чаще всего принимают его бесхарактерность. Вроде бы русский человек и сострадает бедным и обездоленным, но в то же время не отказывается от графского титула; вроде бы и не едет на бал из-за смерти родственника, но жалеет об упущенном увеселительном мероприятии.

Еще одним маркером сострадательности напоказ русского общества может служить отношение к смертной казни. Данный вопрос в России всегда остается актуальным, но русская мысль так до сих пор и не ушла в рассуждениях по этому поводу дальше аргумента «нельзя убивать – это зло» [2, с. 17]. Видимо, из великой сострадательности в России «преступников не только прощают, но даже возносят, всех же “инакомыслящих”... прямо втаптывают

в грязь» [2, с. 20]. Для действительных же жертв преступлений (растленных детей, разбитых семей) сострадания у общества обычно не хватает, ибо жалеть жертв преступников «строго воспрещается кодексом русской интеллигенции» [2, с. 21]. Так происходит потому, что казнятся преступления не только самих осужденных, но и всеобщие грехи, поэтому интеллигенции неприятно осознавать в своем роде собственную казнь. Не во имя нравственности и сострадательности критикуется смертная казнь интеллигенцией, а для сокрытия от казни за собственную вину. Это жаление чувствует и сам преступник, оттого еще легче соглашаясь на преступление со своей совестью и чувствуя даже своего рода оправдание и поддержку общества. Преступников станет меньше, когда им «перестанут кадить... и чуть не носить на руках каждого за то, что он дерзнул и посягнул на чужую жизнь и хотя собственность» [2, с. 25].

Современными иллюстрациями к этим умозаключениям могут послужить темы интервью и новостных лент, возникающие после вынесения смертных приговоров последних лет в Беларуси. Новости изобилуют освещением позиции представителей осужденной стороны и призваны вызвать сочувствие к приговоренным на смерть и их близким. Журналисты пытаются возбудить у людей сочувствие к родным осужденных. После вынесения приговора в прессе появляется масса публикаций и видеорепортажей о переживаниях матерей осужденных. Журналисты проводят с ними дни и ночи¹, подробнейшим образом освещая их переживания. Такой пример мы наблюдали после приговора по делу о жестоком двойном убийстве в Гродно 5 августа 2012 г., когда житель Вилейки в квартире общежития жестоко убил из ревности свою супругу и ее знакомого². Здесь также последовал призванный вызвать сострадание к осужденному репортаж о переживаниях его матери³. Большинство комментариев читателей к данной статье, вызванные такой подачей материала, призывают к отмене смертной казни. Приветствуется многими комментаторами и отмена смертного приговора Александру Грунову, который нанес 102 ножевых ранения своей знакомой Наталье Емельяничиковой за то, что она якобы оскорбила его незадолго до преступления в компании друзей⁴. Однако репортажей о страданиях и чувствах потерпевшей стороны в СМИ практически не наблюдается.

¹ Три дня с матерью приговоренного к расстрелу : [видео] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://udf.by/news/multi/57881-tri-dnya-s-materyu-prigovorenno-go-k-rasstrelu-video.html>. – Дата доступа: 30.09.2013.

² КПЧ ООН зарегистрировал жалобу приговоренного в Беларуси к смертной казни за убийство двух человек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.by/news/belarus/139060>. – Дата доступа: 28.10.2013.

³ Маці асуджанага да расстрэлу: «Хачу выратаваць сына ад смерці» [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://nn.by/?c=ar&i=115185>. – Дата доступу: 29.09.2013.

⁴ Смертный приговор Александру Грунову отменен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nn.by/?c=ar&i=116832&lang=ru>. – Дата доступа: 29.10.2013.

Здесь необходима важная оговорка. Все приведенные факты из рассуждений М. В. Безобразовой и белорусской действительности – это отнюдь не призыв к одобрению смертной казни. Это констатация сомнительности истинных мотивов сострадательного отношения общества в этих непростых ситуациях. Сострадают чаще всего не тому и не так, и в итоге получается, что «погибнуть на плахах, сидеть в тюрьме – то быть героем наших дней, а это так легко достижимое геройство увлекает и заражает, и атмосфера портится... Апофеоз безнравственности – отрицать, что есть люди, достойные казни, и жалеть тех, кто не таит в себе сам искры жалости, возводить преступников в герои» [2, с. 29]. Именно против такого «сострадания» протестует М. В. Безобразова, и именно об этом стоило бы задуматься современному белорусскому обществу.

Поиск русской идеи и попытки сформулировать ее смысл предпринимались русскими философами в изгнании И. А. Ильиным и Н. А. Бердяевым. Отправной точкой в их рассуждениях являлся вопрос В. С. Соловьева «что Бог думает о России в вечности?». Сочувствие или сострадательность в качестве специфической русской национальной черты характера отмечали оба философа. Такая склонность к сочувствию связывается у И. А. Ильина с христианской традицией, тесно вплетенной в русскую культуру: «...именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа. Эту идею русско-славянская душа, издревле и органически предрасположенная к чувству, сочувствию и доброте, восприняла исторически от христианства» [5, с. 131]. «Русскость» у Ильина не мыслится без проникнутости любовью. Любовь – основная духовная сила русского характера. Оптимистичен И. А. Ильин и в плане уровня правосознания русского человека, которое, по мнению автора, базируется все на той же любви и сочувствии: «История русского правосознания свидетельствует о постепенном проникновении его этим духом, духом братского сочувствия и индивидуализирующей справедливости» [5, с. 140].

Точнее и конкретнее всего по проблеме сострадания в русском характере высказывается Н. А. Бердяев, проливая свет на весь спектр коннотаций этого феномена. Проблема автором описывается с повышенной яркостью: «жалость к падшим, к униженным и оскорбленным, сострадательность – очень русские черты» и «человечность все же остается одной из характерных русских черт». Но именно в русской душе идет постоянное жестокое борение между лучшими ее порывами к состраданию и способностью к самой бесчеловечной жестокости. Так, «в русской мысли раскрывалась диалектика самоутверждения человека... русский народ поляризованный». У русского человека нет культа «холодной» справедливости, поэтому Н. А. Бердяев снова обращает наше внимание к вопросу о смертной казни: «Лучшие русские люди в верхнем культурном слое и в народе не выносят смертной казни и жестоких наказаний, жалеют преступника» [6, с. 122]. Как видим, здесь мысли напрямую перекликаются с мыслями М. В. Безобразовой. Но где же сострадание к жертвам пре-

ступников? Это, видимо, слишком обыденно для «лучших русских людей», чтобы занять этим свои размышления.

По мнению Н. А. Бердяева, сострадание повинно и в русском атеизме: Бог-Творец отрицается во имя преклонения перед страдающей и стнящей тварью, и это отрицание оправдывается мотивами справедливости и великой любви к ней. Как это отмечено у Ф. М. Достоевского, сострадание и человечность может превратиться в бесчеловечность и жестокость, когда человек меняет иерархию ценностей, самообожествляя себя.

Можно отметить, что в русской философской мысли наблюдается традиция рассматривать проблему сострадательности русского характера со всех ее сторон, не избегая и ее «подкладки». И в качестве еще одного примера приведем размышления о русском национальном характере нашего современника кандидата философских наук Людмилы Яковлевой, изложенные в статье «“Русская идея” и национальный характер. Скептические размышления». Автором отмечается, что к концу XX в. Россия вновь ищет свою национальную идею как силу, которая сплотит народ. При построении такой идеи Л. И. Яковлева предлагает опираться на свой собственный опыт, так как каждый человек является частью одной общей нации и соединен со своими родственниками, друзьями, знакомыми общественными связями, которые и рожают нацию. Таким образом «отвечая на эти вопросы, исследователь самоопределяется и как личность, и как гражданин». Для автора нация – это не только государственное образование с определенным экономическим пространством, но и, по словам Монтескье, «дух народа», то есть «общая духовная основа, общие ментальные установки, культурно значимые и социально одобряемые мотивы и модели поведения» [7, с. 2].

Исходя из своего повседневного опыта и опираясь на опыт своих соотечественников, Л. И. Яковлева говорит, что жалостливость является одной из особо значимых черт русского характера, так как в народе «широко бытует критерий определения любви: “если жалеет, значит, любит”» [7, с. 2].

Автор задается вопросом о месте сострадания в историческом опыте русского народа в XX в.: «Как быть с нашей реальной немифологизированной историей, которая одновременно и история психологии народа, в частности, с гражданской войной, когда одна часть граждан России уничтожала другую ее часть? Совместим ли этот факт реальной истории с сострадательностью русской души, если последнее признается имманентной чертой русского характера?.. Считается, что немецкий и русский народы самые сентиментальные (сострадание, например, является одной из краеугольных категорий философии А. Шопенгауэра), но именно Германия и Россия разработали и активно использовали концлагеря как способ массового уничтожения людей» [7, с. 5]. Этот вопрос призван в очередной раз засвидетельствовать наличие «подкладки» в русском характере. Впрочем, автор сгущает краски, объявляя, что не видит «почти ни одной, положительной черты характера, присущей исклю-

чительно русскому человеку». Но в духе М. В. Безобразовой, которая упрекала графа Толстого, Л. И. Яковлева связывает «“жалостливость” как массовое проявление русского национального характера... во многом с ханжеством» [7, с. 6]. А искренность жаления у русского человека – с «жалостью» крокодила. Находясь во власти своих эгоистических устремлений, человек напускает все больше словесного тумана, демонстрируя свое показное лояльное отношение к окружающим его людям, храня в душе на них лютую злобу.

Говоря о характере русского народа, нельзя быть слишком романтичным, приписывая ему только лишь черты сострадательности и любви. Такая ошибка может происходить из-за смешения двух понятий: характер народа и национальная идея. Если первое – это то, что подсказывает нам повседневный опыт проживания совместно с окружающими людьми, «наличная данность со всеми ее плюсами и минусами». Второе же – это то, каким народ хотел бы себя видеть или хотел бы, чтобы именно так воспринимали его другие народы, но чего пока еще нет в действительности. При этом нельзя отрицать, что эта национальная идея когда-нибудь сможет стать действительным национальным характером [7, с. 4].

Таким образом, при всей выявляющейся амбивалентности положения сострадательности в восприятии русского национального характера, важно не забывать о необходимости проявления сострадания на индивидуально-личностном уровне. Говоря словами Л. И. Яковлевой, «умение жалеть, сочувствовать должно быть присуще каждому человеку. Но, как и в любом деле, важно не переусердствовать, не подменять жалостливостью все многообразие похожих позитивных явлений душевной жизни человека... жалеть, милосердствовать, сострадать надо тем, кому это действительно необходимо: больным, немощным, оказавшимся в бедственном положении и т. п. ...» [7, с. 13].

Подводя итог размышлениям о сострадательности как черте русского национального характера можно отметить следующее:

русскому национальному характеру привычно приписывается сострадательность в качестве типичной черты;

исторический опыт и опыт философского размышления о месте сострадания в русском национальном характере не может дать однозначного подкрепления идее о сострадательности как типичной русской национальной черте.

Литература

1. Кравченко, В. В. Мария Безобразова / В. В. Кравченко // Вече. Альманах русской философии и культуры. – СПб., 1995. – Вып. 4. – С. 77–150.
2. Безобразова, М. В. О безнравственности / М. В. Безобразова. – СПб., 1911. – 38 с.
3. «Дерево бедных» в Ясной Поляне: смерть берет свое, а жизнь – свое... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://roman-altuchov.livejournal.com/3902.html>. – Дата доступа: 03.10.2013.
4. Лярский, А. Мода на самоубийство? [Электронный ресурс] / А. Лярский. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2751>. – Дата доступа: 01.09.2013.

5. Ильин, И. А. О русской идее / И. А. Ильин // Национальная Россия. Наши задачи / И. А. Ильин. – М. : Алгоритм, 2007. – С. 129–150.
6. Бердяев, Н. Русская идея / Н. Бердяев. – СПб. : Азбука-классика, 2008. – 300 с.
7. Яковлева, Л. И. «Русская идея» и национальный характер. Скептические размышления [Электронный ресурс] / Л. И. Яковлева. – Режим доступа: http://new.philos.msu.ru/uploads/media/09.2013.Russkaja_ideja__JAKOVLEVA_L.I.pdf. – Дата доступа: 01.10.2013.

COMPASSION AS A FEATURE OF THE RUSSIAN NATIONAL CHARACTER

N. N. KUKSACHEV

Summary

The paper considers the question of the place of compassion and empathy in the Russian national character. In considering the author bases on the works of Russian philosophers of the XX century: M. V. Bezobrazova, N. A. Berdyayev, I. A. Ilyin, L. I. Yakovleva.

Дата поступления статьи в редакцию: 05.05.2015

НАЦИОНАЛЬНАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

УДК 130.2

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

А. И. ЛЕВКО

В статье предпринимается попытка дать сущностное, категориальное осмысление духовно-нравственного потенциала личности и его связи с национальной культурой с экзистенциалистской, неокантианской, неогегелианской и других философских позиций в виде своеобразного мировоззренческого диалога при ответе на вопрос «что такое личность?». При этом даются концептуальные версии на этот счет Н. А. Бердяева, Л. Н. Гумилева, Э. В. Ильенкова, А. Ф. Loseва, М. К. Мамардашвили и других российских философов, которые были обозначены в философской литературе еще в советское время.

Под духовно-нравственным потенциалом личности обычно принято понимать внутренне присущую ей сакральную, трансцендентальную, социальную или иную сущность, выраженную в той или иной знаковой системе, символизирующей ее божественный, общественный, социально-культурный или иной характер, проявляемый в деятельности, поведении, образе жизни и образе мысли конкретной индивидуальности. В зависимости от понимания этой сущности происходит своеобразный водораздел между различными философскими системами: позитивизмом, экзистенциализмом, философией жизни, феноменологией, марксизмом, прагматизмом и т. д. Одни эту сущность сводят к разуму, другие – к жизненной энергии, воле или способу существования человека, третьи – к гармонии разума, красоты и морали, четвертые – к некоей материальной субстанции, пятые – к образу Бога. Поэтому когда речь заходит о конкретных качествах, в которых проявляется духовно-нравственный потенциал личности, то расхождения между представителями различных философских течений увеличиваются многократно. В результате существенное в ней становится невозможным отличить от несущественного, и возникает вопрос о содержании, которое вкладывается в само понятие «личность», ведь от понимания духовно-нравственной или иной сущности зависит и само представление о личности, истоках ее развития и ее потенциальных возможностях.

Материализм истоки становления и развития личности традиционно связывал с природой, идеализм – с духовным призванием. В свою очередь сама природа человека усматривалась в его потребностях и способностях, волевых

качествах, особенностях психологического развития, а духовность связывалась с соответствующими идеалами и нормами, феноменами сознания, знаниями, мировоззрением, ценностными ориентациями. Соответственно, и духовно-нравственный потенциал личности так или иначе определялся этими ее качествами. В них усматривались признаки личности как субъекта культуры и объекта естественного, закономерного развития, субъективности и объективности ее жизненной позиции.

Другое дело, что значимость природных и культурных начал в становлении и развитии личности до сих пор представителями различных философских направлений оценивается по-разному. Концептуальное объяснение сущности личности часто предстает как сочетание «земного» и «божественного» начал, веры и разума и имеет весьма запутанный характер. Примером тому может быть экзистенциалистская версия духовно-нравственного потенциала личности Н. А. Бердяева, изложенная им в работе «Царство духа и царство кесаря». Требование Сократа «познай самого себя», уточненное вопросами И. Канта «кто Я?», «что я могу?» и «на что смею надеяться?», в данном случае обретает вполне конкретные очертания и становится предметом широких философских дискуссий.

«Личность, – как утверждает в данной работе Н. А. Бердяев, – не есть природа, она не принадлежит, к объективной, природной иерархии, как соподчиненная ее часть. Человек есть личность не по природе, а по духу» [1, с. 12].

Разгадать тайну о человеке, по его мнению, – значит разгадать тайну бытия. Если идти от человека вовне, то никогда нельзя дойти до смысла вещей, ибо разгадка смысла скрыта в самом человеке. Позитивизм, по мнению философа, был крайним выражением стремления постигнуть мир не только внешним путем, уходящим как можно дальше от внутреннего человека, но и поставив самого человека в ряд внешних вещей мира. Экзистенциалисты упрекают классический рационализм в отрыве от живого конкретного опыта человеческого существования в мире, в сосредоточении внимания исключительно на эпистемологическом субъекте как органе объективного познания. Сам Н. А. Бердяев определяет свою философию как философию субъекта, философию духа, философию свободы, философию дуалистически-плюралистическую, философию творчески-динамическую, философию персоналистическую и философию эсхатологическую [2].

Наиболее дискуссионным в ней, пожалуй, является утверждение Н. А. Бердяева, согласно которому «личность в человеке есть победа над детерминацией социальной группы» [1, с. 14].

Личность, по мнению философа, ни в коем случае не есть готовая данность, она есть задание, идеал человека. Личность самосозидается. Ни один человек не может сказать про себя, что он вполне личность. Личность есть категория аксиологическая, оценочная. Она себя творит и осуществляет свою судьбу, находя источник сил в бытии, ее превышающем. Категории «лич-

ность» и «индивидуум» выражают принципиально различные сущности. Личность не есть биологическая и психологическая категория, но категория этическая и духовная, в то время как «индивидуум» есть категория натуралистическая, биологическая, социологическая. В силу этого личность не может быть отождествлена с душой. Согласно Н. А. Бердяеву, личность имеет стихийно бессознательную основу.

Индивидуум, по его мнению, тесным образом связан с материальным миром, он порождается родовым процессом. Индивидуум рождается от отца и матери, имеет биологическое происхождение, детерминирован родовой наследственностью, а также наследственностью социальной. Нет индивида без рода, и нет рода без индивидуума. Личность же – от Бога, результат работы духа. Образ человеческой личности есть не только образ человеческий, но и образ Божий. Сознание Бога как личности предшествовало сознанию человека как личности. Существование личности предполагает существование сверхличных ценностей. Эти ценности принадлежат не миру объективности, а миру субъективности. Универсальное есть опыт в субъекте, а не реальность в объекте. Превращение личности из субъекта в объект есть смерть. Личность есть становление будущего, творческий акт. «Личность связана с сознанием призвания», которое проявляется в характере каждого отдельно взятого индивида [1, с. 29]. Сам же характер есть победа духовного начала в человеке. Характер личности означает независимость, сосредоточенность и обретенную ею форму свободы. Его наличие и степень выраженности означают, что человек сделал некий ценностно-нормативный выбор. Сильная личность есть выраженный характер ее духа, который создает ее форму, и наоборот, без духовно-нравственных убеждений нет и личности как таковой, а есть лишь социальный индивид.

«Личность в человеке не может быть социализирована. Социализация человека есть лишь частичка и не распространяется на глубину личности, на ее совесть, на ее отношение к источнику жизни. Социализация, распространенная на глубину существования, на духовную жизнь, есть торжество *das Man*, сопряженное с обыденным, тиранией среды, общего над личностно-индивидуальным. Поэтому принцип личности должен стать принципом социальной организации, который не будет допускать социализацию внутреннего содержания человека. Личность не может быть поставлена и под знаком служения “общему благу”. Общим благом прикрываются многие тирании и рабство» [1, с. 35].

С экзистенциальной точки зрения общество, по мнению Н. А. Бердяева, есть часть личности, ее социальная сторона, как и космос есть часть личности, ее космическая сторона. Личность, независимо от детерминации общим, имеет свой мир, она есть исключение, она – своеобразие и неповторимость. «И вместе с тем личность социальна, в ней есть наследие коллективного бессознательного, она есть выход человека из изоляции, она исторична, она реализует себя в обществе и истории» [1, с. 27].

Безнравственно, считал он, все, что определяется личным отношением к «общему», к обществу, нации, государству, отвлеченной еде, отвлеченному добру, моральному и логическому законам, а не к конкретному человеку и его существованию. Выпавшие из закона «общего» и есть, по мнению философа, подлинно нравственные люди; подчиненные же закону «общего», детерминированному социальным как обыденностью, суть безнравственные люди. В то же время нет морали вне коллектива, вне общения и общности, вне соборности. «Свободный дух есть дух соборный, а не индивидуалистически изолированный. Соборность может быть лишь свободной» [1, с. 171]. И степень этой свободы определяется ее рациональными началами, обеспечиваемыми просвещением. Человек ставится во весь свой рост, только когда он приходит в возраст просвещения, то есть когда начинает самостоятельно пользоваться своим разумом, не полагается лишь на авторитет других, то есть обретает свободу духа, которая есть достоинство образа Божьего в человеке.

По мнению Н. А. Бердяева, «основная ошибка Канта была в том, что он признавал чувственный опыт, в котором даны явления, но не признавал духовного опыта, в котором дана мораль» [1, с. 171]. По существу, духовно-нравственный потенциал личности И. Кант сводит лишь к разуму или интеллекту. Однако разум в формах логики суждения или априорного опыта, оформляющего материю в виде той или иной модели реальности, сам по себе не может обеспечить нашу свободу, так как выполняет лишь инструментальную функцию. Реальное свое содержание, а вместе с ним и реальную свободу он обретает лишь в духовной сфере. «Акт духа, сознаваемый нами, – пишет Н. А. Бердяев, – называется свободой. Только из совести проистекает свобода» [1, с. 175]. И реализуется эта свобода в творчестве личности, которое «в своем первоисточнике связано с недовольством этим миром, оно есть конец этого мира. Всякий творческий акт, моральный, социальный, художественный, познавательный, есть акт наступления конца мира, взлет в свой новый модус существования» [1, с. 253–254].

Сама же возможность творчества предполагает реализацию человеком духовно-нравственного потенциала своей личности, который выражается в ее вдохновении.

Обозначенная выше концептуальная позиция относительно сущности личности и роли ее духовно-нравственного потенциала изначально вызывала широкую дискуссию среди советских и буржуазных философов, которая периодически возобновлялась по мере углубления кризиса материалистической философии и классической рациональности. Так, к середине XX столетия стало совершенно очевидным, что сознание нельзя исследовать теми же методами, что и физические явления. «Стиль научного исследования, который ныне господствует, – как отмечал в свое время М. К. Мамардашвили, – не способен в одном логически гомогенном исследовании объединить две разные вещи – то, как мы исследуем физические явления и достигаем их объектив-

ного понимания, и то, как мы при этом способны понимать – научно, объективно – те социальные и жизненные явления, которые наблюдаются в исследовании и понимании первых (т. е. физических явлений). А определенная унификация средств анализа двух рядов явлений (т. е. фактическое объединение тем самым в один двух циклов наук – наук физических и наук о жизни и сознании) явно необходима» [7, с. 4].

Философия, считал он, задает лишь некоторую антиномию ума, наблюдающего физическое тело. «Когнито» – когнитивное – выделяет категории явлений посредством такой достоверности, что явления, понятые через себя, не нуждаются для своего понимания ни в каких дополнительных предпосылках. Такой и является философия сознания. Мир задан для нее в некоей универсальной и абсолютной системе отсчета, из которой возможно внешнее наблюдение событий в ней. Однако обучить истине никто не может. Для этого необходимо самому испытать, самому пережить. Действия природы – в той мере, в какой они нами понимаются, – фиксируются в нашем пространстве и времени опыта, пространственности и временности, даваемых определенными *схемами* деятельности понимающего существа, и не дают нам возможности одновременно со знанием о физике явления знать научно о процессах сознания. Эти процессы выступают как некая «вещь в себе», по выражению И. Канта. И в качестве такой «вещи в себе» в первую очередь выступает духовно-нравственный мир личности.

«Само то состояние, в котором мы высказываемся о явлениях или вообще об их жизни, есть источник, но весьма сложный и целостный принцип нашей жизни и истории, но и, в свою очередь, часть Вселенной и ее эволюции» [7, с. 20].

Исходя из данной методологической позиции, большинство из оппонентов Н. А. Бердяева соглашались с ним по многим положениям его концепции духовно-нравственного потенциала личности. В то же время вопреки этой концепции они справедливо полагали, что вне этнической, региональной, поселенческой, половозрастной, соборной принадлежностей и особенностей их духовно-нравственной и других культур нет ни специфики социального бытия индивида, ни его индивидуальности. Соответственно, без них нет и личности как таковой. Личность производна от общества в такой же мере, в какой общество производно от творчества личности. Между обществом и личностью существует диалектическое единство, благодаря которому духовно-нравственный потенциал личности есть индивидуальная форма проявления национальной и других культур, мировоззрения и менталитета народа, а развитие этого потенциала – важнейшее условие расцвета национальной культуры и улучшения благосостояния народа.

К такому выводу побуждают нас, в частности, исследования Л. Н. Гумилева, Г. С. Батищева, В. С. Библера, Э. В. Ильенкова, А. Ф. Лосева, М. К. Мамардашвили, В. С. Степина, П. Ф. Юдина, Г. П. Щедровицкого и других известных российских философов. Так, Э. В. Ильенков (1924–1979) с неогегелиан-

ских методологических позиций еще в 1960-е годы представлял личность как социально-культурное качество человека или субъекта продуктивной деятельности, способного не только к воспроизведению действительности, но и к созданию такого материального продукта, который ранее не был присущ объективной действительности. В качестве создаваемых таким образом продуктов выступают все объекты культуры и цивилизации. Разработанная Э. В. Ильенковым концепция идеального показывает, что это понятие присуще и категории диалектики. По мнению ученого, идеальность – это характеристика общественных образов культуры, исторически сформировавшихся способов жизнедеятельности, которые как особая «сверхприродная» деятельность противостоят человеку подобно материальной действительности. К идеальным образам Э. В. Ильенков относил логические категории, языковые и социальные нормы, законы человеческого общежития, нравственные императивы, которые В. С. Степин впоследствии обозначил как культурные универсалии [10]. Они же послужили для последнего источником рассуждений о классической, неклассической и постнеклассической рациональностях.

Близка к концепции Э. В. Ильенкова и методология системной мышлеледеятельности, разработанная Г. П. Щедровицким и его последователями.

Сознание конкретного человека, согласно Э. В. Ильенкову и Г. П. Щедровицкому, формируется посредством усвоения идеальных образов в качестве законов его собственной жизнедеятельности, то есть сознание выступает как осознанное идеальное.

Идеальное обнаруживается в способности индивида к воссозданию материального продукта с опорой на слово (схему, модель). Идеальное – это бытие предмета в стадии становления. Мыслительная деятельность представляет собой восхождение от абстрактного (мысленного отражения «неразвитого предмета») к конкретному (мыслительному оформлению «развитого предмета»).

«Благодаря воображению конкретные факты проецируются в сознании в ракурсе, который позволяет выявить их всеобщий характер» [10, с. 355–356]. С этих методологических позиций Э. В. Ильенков и дает ответ на вопрос «что такое личность?».

По мнению ученого, вновь задать себе этот старый вопрос, обратиться к анализу понятия «личность» (именно – *понятия*, то есть понимания существа дела, а не термина) побуждают отнюдь не схоластические соображения. Дело в том, что ответ на этот вопрос непосредственно связан с проблемой формирования в массовом масштабе личности нового типа. При ответе на поставленный вопрос существуют две логики – два подхода. Один из них, в частности экзистенциализм, внимание акцентирует на личности как уникальном, невоспроизводимо-индивидуальном образовании. Другие, например марксизм, наоборот, личность рассматривают как сущность человека, присущую не отдельному индивиду, а совокупности всех общественных отношений. В первом случае акцент делается на социально-биологическом дуализ-

ме, на логике редукции, уводящей все дальше и дальше от той конкретной «сущности», которую хотели понять логикой разложения конкретности на неспецифические для нее части. В итоге эта логика, по мнению Э. В. Ильенкова, с неизбежностью приведет к «социо-био-химически-электро-физически-микрорфизически-механическому» пониманию сущности человека. Другой крайностью является сведение духовной сущности человека к его мыследеятельности в виде управленческой практики опредмечивания и распредемечивания мысли и конструирования на этой основе новой действительности, вплоть до создания искусственного разума. Особенно отчетливо проблема системной мыследеятельности проявляется в понимании интеллектуальной культуры и возможностей создания искусственного интеллекта, интеллектуализации информационных технологий, а также в различных постмодернистских проектах формирования «нового мышления» и «нового человека».

Проблема человеческой индивидуальности (личности), считал Э. В. Ильенков, – это как раз та проблема, где метафизический материализм сам собою выворачивается в свою собственную противоположность, в самую плоскую форму идеализма – в физиологический идеализм, в позицию, где архаистические представления о «душе» пересказываются на грубо-физикальном языке, переводятся в терминологию физиологии мозга или биохимии, кибернетики или теории информации, не меняясь от этого ни на йоту по существу [5, с. 189–190].

Экзистенциалистское понимание духовно-нравственного потенциала личности как выражения ее творческой свободы и созидательных, инновационных возможностей вынудило отдельных философов еще «в советское время», не выходя за рамки господствовавшей тогда традиционной марксистской парадигмы, переосмыслить роль религии и идеалистической философии, в частности христианства, кантианства, гегелианства и классической немецкой философии в целом, что и отразилось прежде всего в философском наследии Э. В. Ильенкова, А. В. Лосева, М. К. Мамардашвили, В. С. Степина, Г. П. Щедровицкого и в их определениях, или дефинициях личности. Проблема идеального, ценностно-нормативного, и проблема идеализации обрели здесь совершенно иной смысл по сравнению с религиозным сознанием и стали основой неклассической и постнеклассической философской и научной рациональностей.

«Как же определяется личность?» – вслед за Э. В. Ильенковым ставил вопрос выдающийся историк философии и филолог А. Ф. Лосев (1893–1988) и, отвечая на него, утверждал, что само возникновение этого термина неразрывно связано с христианством, а также существует латинский термин, «субъектум». Но можно ли переводить его на русский язык как «субъект»? Никакого отношения к нашему слову «субъект» этот термин не имеет. Что значит «субъектум»? То, что «суб-» – под-, что *под*брошено, *под*ложено под конкретное качество и свойство, которым обладает данная вещь, то есть это не только совокупность определенных свойств, но и носитель этих свойств. Так это же объект, а не субъект! Поэтому переводить латинское «субъектум» русским «субъект»,

согласно А. Ф. Лосеву, – безграмотно! Латинское «субъектум» соответствует русскому «объект». Вы спросите: ну а как быть с латинским «объектум»? А это – то же самое, только с другой стороны. Приставка «об-» указывает на то, что вещь находится *перед* нами, мы ее как бы глазами своими видим и руками ощущаем. Так что «субъектум» – это вообще объект сам по себе, а «объектум» – это такой объект, который дан нашим чувствам. Где же здесь личность? Ни в латинском «субъектум», ни в латинском «объектум» никакой личности нет.

Боже упаси переводить и латинское слово «индивидуум» как «личность»! Укажите хотя бы один латинский словарь, где говорилось бы, что слово «индивидуум» может иметь значение «личность». «Индивидуум» – это просто «неделимое», «нераздельное» [6, с. 161].

А. Ф. Лосев одним из первых в марксистско-ленинской философии, вопреки логике самих К. Маркса и В. И. Ленина, переоценивает роль религии, и в частности христианства, как в культурном развитии в целом, так и в развитии мышления и образования в частности. К. Маркс, как известно, руководствуясь логикой классического мышления, определял религию как форму ложного, иллюзорного сознания. Э. В. Ильенков и А. Ф. Лосев считали, что для оценки роли религии в культурном развитии не достаточно руководствоваться лишь формальной логикой, идущей от средневековой схоластики и ее представления о «чистом» мышлении как искре божьей. Замена Бога природой и объявление мышления формой отражения материи в данном случае ничего не меняет. В том и другом случае за исходный пункт анализа берется отдельный индивид или личность, трактуемая как биосоциальное существо. В том и другом случае не анализируется роль культуры, духовного фактора в становлении и развитии личности и ее мышления. А поскольку в марксистской, да и западной, философии, экспериментальной психологии и общей педагогике господствовало мнение, согласно которому представление о «личности» как субъекте поведения и деятельности восходит к древнегреческой философии, то А. Ф. Лосев считал своим долгом развенчать этот миф. В дохристианской литературе, по его мнению, о личности вообще речь не шла. Первоначально это понятие обозначалось термином «просопон» и означало выражение лица либо просто наружность. Позднее, отмечает философ, во всей литературе это слово имеет значение «наружность».

«В позднейшей литературе уже говорят не о маске, а об актере, играющем роль; его называют “просопон”, то есть действующее лицо. Затем, в 1 в. до н. э., – пишет А. Ф. Лосев, – я нахожу понимание термина “просопон” как вообще литературного героя. Собственно говоря, до христианской литературы не встретишь “просопон” в собственном смысле слова как личность. В греческом языке на обозначение личности претендует еще термин “гипостасис” (русское “ипостась”). Только в позднейшей литературе появляется склонность понимать этот термин как “характер лица”. Конечно, в христианстве, где в учении

о трех лицах говорится о трех ипостасях, каждое из них имеет собственное лицо, а это есть личность» [6, с. 163].

Только в христианстве Бог есть некая абсолютная личность. В древнегреческом космолизме в качестве центрального выступает понятие «логос». «Логос» – это и слово, и мысль, но нигде и никогда это не значит «личность». Слово «логос», по мнению А. Ф. Лосева, лишь в христианстве стало означать личность. Основное представление о мире у греков, считал он вслед за Ф. Ницше, сводится к тому, что это есть театральная сцена. А люди – актеры, которые появляются на этой сцене из космоса, играют свою роль и уходят туда же. Изменяется тип культуры, изменяется и представление о личности и познании. Познание – продукт общественного развития. «И тот факт, что появление теории бесконечно малых в XII в. связано с выдвижением на первый план человеческого субъекта и соответствующими теориями бесконечного прогресса, начинают понимать уже многие» [6, с. 174].

Типы культуры, отмечал А. Ф. Лосев, не сводимы к общественно-экономической основе. Наделение природы человеческими образами – это вначале вовсе не результат мыслительного объяснения, а следствие того, что в то время человек вообще не мог мыслить вне своих общественно-родовых отношений. То, что вся природа мыслилась мифологически, не могло быть результатом развития абстрактного мышления. Это было просто следствием родовых отношений, без которых вообще ничто на свете в те времена не мыслилось. «Школа мысли, – по его мнению, – заключается не в умении оперировать внутренними элементами мысли, но в умении осмыслять и оформлять ту или иную внемыслительную реальность, то есть такую предметность, которая была бы вне самой мысли. Аналогично: математикой владеет не тот, кто знает лишь ее аксиомы и теоремы, но тот, кто с их помощью может решать математические задачи» [6, с. 210].

По своей сути духовное развитие – это, прежде всего, развитие человека как субъекта соответствующей культуры, его творческих, адаптационных, познавательных, интегративных, идентификационных и других индивидуальных и общественных способностей; развитие, которое неразрывно связано не только с научным, но и с философским, обыденным, мифологическим и религиозным, национальным сознанием и самосознанием, проявляемом в искусстве, образе жизни, менталитете и мировоззрении народа, его обычаях и традициях, характере исторически сложившихся общественных связей, государственной политике и идеологии. Степень этого развития проявляется в активности и пассивности личной и коллективной деятельности, нравственном и безнравственном ее содержании, самостоятельности и конформизме, вере и безверии в те или иные ценности, надеждах и чаяниях отдельных людей и целых народов, той нравственно-психологической атмосфере, в которой протекает их повседневная жизнь. Содержание духовности определяет нашу общественную сущность, то, что мы собой представляем как личность, народ, нация, страна.

Духовность же как форма выражения культуры всегда противостоит ее материально-вещественным формам, прагматизму и утилитаризму жизни, ее естеству, постигаемым с помощью научных методов. И в этом плане американская культура, в частности США, существенно отличается от европейской, а западноевропейская от восточноевропейской. Проблема духовного развития чаще всего предстает как проблема идеализации, проявляемая в виде противоречия между реальным и виртуальным его содержанием, между теоретическим, абстрактно-логическим и конкретно-эмпирическим, рациональным и эмоционально-чувственным, явным и неявным, интуитивным знанием. Ее разрешение не сводится лишь к диалектике теоретического и конкретно-эмпирического, методам дедукции и индукции, анализу отдельных фактов и научным обобщениям, и даже научной интуиции.

Соотношение идейно-нравственного и духовного начал в развитии личности, сущего и должного, естественного и сверхъестественного или искусственного (социально-культурного) выходит за рамки исследования природы морали и охватывает весь процесс познания в целом. По своему существу это вопрос о соотношении классической и неклассической рациональности или рациональности, исследующей то, что есть на самом деле и отражается в нашем сознании, и рациональности, которая исследует то, чего еще нет, но должно быть, и создает основные предпосылки проектирования существующей реальности. К тому же постичь природу морали с позиции лишь сущего и реальных возможностей нашей психики или классической рациональности невозможно. Для этого требуется обращение к представлениям о возможном и желаемом, к их образам в виде социальных норм и социально-культурных принципов. Разрешение проблем идейно-нравственного и духовного саморазвития личности с позиции классической рациональности обычно заходит в тупик при рассмотрении его природы или источников этого развития. Классическая рациональность за отправную точку анализа берет теорию отражения или представления о естественной природе мышления, неразрывно связанной с развитием отражательных свойств нашего мозга и нервной системы в целом. Идейно-нравственное развитие предстает в таком случае не как развитие личности, а как развитие психолого-физиологических возможностей индивида на основе соотношения идеала и реальности. Однако личность и мозг, как отмечал в свое время Э. В. Ильенков [5], – это принципиально различные по своей «сущности» «вещи», хотя *непосредственно*, в их фактическом существовании, они и связаны друг с другом столь же непрерывно, сколь неразрывно слиты в некое единство, как образ «Сикстинской мадонны» и те краски, которыми он написан на куске холста Рафаэлем, троллейбус и те материалы, из которых он сделан на заводе. Попробуйте отделить одно от другого. Что у вас останется? Железо и краски.

Мозг, считал Э. В. Ильенков, – только материальный орган, с помощью которого личность *осуществляется* в органическом теле человека, превращая

это тело в послушное, легко управляемое орудие, инструмент своей (а не мозга) жизнедеятельности. В функциях мозга *проявляет себя*, свою активность совсем иной феномен, нежели сам мозг, а именно личность как совокупность отношений человека к самому себе как к некому «другому». Внутри тела отдельного индивида реально существует не личность, а лишь ее односторонняя проекция на экран биологии, осуществляемая динамикой нервных процессов. Личность *вообще* есть единичное выражение жизнедеятельности «ансамбля социальных отношений вообще». *Данная* личность есть единичное выражение той по необходимости ограниченной совокупности этих отношений с другими (с некоторыми, а не со всеми) индивидами – «органами» этого коллективного «тела», тела *рода человеческого*.

Чтобы покончить с дуализмом биосоциального объяснения личности и психики вообще, по мнению Э. В. Ильенкова, нужно, прежде всего, распрощаться с этой устаревшей логикой, с ее пониманием отношения «сущности» к индивидуальному «существованию». Необходимо принять прямо противоположную логику мышления, согласно которой духовно-нравственные качества личности есть прежде всего качества той этнической и другой социальной культуры, в которую индивид включен с рождения или включается на более поздних этапах своей жизни. К данной культуре он вынужден так же адаптироваться, как и к окружающей природной среде. К тому же адаптация эта далеко не всегда определяется свободой выбора социальных ценностей и норм. Они чаще всего насильственно насаждаются отдельным индивидам государством и другими социальными институтами в виде аккультурации или добровольной целенаправленной или стихийной социализации. Воспринимаемая первоначально как социальная необходимость культура в то же время превращается в основной фактор эмансипации личности или обретения ею творческой и другой свободы. Духовность и мораль, с помощью которых обретается свобода самовыражения личности, не являются только ей присущими качествами. Они, как и язык, искусство, образ жизни, принадлежат не отдельно взятым индивидам, а культурам тех или иных народов. И происходит это обычно в динамике сознательных и бессознательных факторов социального развития, в котором особая роль принадлежит национальному менталитету и национальному мировоззрению.

На этот счет существует множество теорий, среди которых теория этногенеза Л. Н. Гумилева является на сегодня наиболее яркой философско-исторической концепцией, объясняющей возникновение, развитие и угасание народов, империй, цивилизаций. Суть этой теории сводится к следующему.

Основным действующим лицом истории являются этносы, поскольку они представляют собой наиболее устойчивые и активные человеческие общности, охватывающие всех людей; нет человека вне этноса, каждый человек принадлежит только к одному этносу. Этнос – система, развивающаяся в историческом времени, имеющая начало и конец.

Универсальный критерий отличия этносов между собой – стереотип поведения, то есть особый поведенческий язык, который передается по наследству, но не генетически, а через условно-рефлекторный механизм сигнальной наследственности, когда потомство путем подражания перенимает от родителей и сверстников поведенческие стереотипы, являющиеся одновременно адаптивными навыками.

Системными связями в этносе служат ощущения «своего» и «чужого», а не сознательные отношения; ощущение реальности стереотипа порождает самосознание и противопоставление «мы–они» [9, с. 10].

Самосознание личности формируется как бы на трех основных уровнях: «мы, они и я», представленных определенной структурой потребностей, интеллектуальных способностей и ценностно-нормативной системой. Природные и социально-культурные, рациональные и иррациональные начала в личности как бы взаимопроникают друг в друга.

По мнению К. Д. Ушинского, между естественными (природными) и искусственными (культурными) началами человека существует неразрывная взаимосвязь, имеющая форму бессознательного и сознательного начал его деятельности. При этом «бессознательные стремления превращаются в сознательные желания не иначе, как через посредство чувствований», во многом определяемых целью нашей жизни [11, с. 42].

Страсти и наклонности, считал он, не могли бы образоваться из удовлетворения одних органических потребностей, если бы в человеке не было душевного стремления к бесстрастной и прогрессивной душевной деятельности, которую можно обозначить как духовно-нравственный потенциал или национальную идею. Если у человека нет серьезной цели в жизни, то не следует ожидать и успеха в той или иной профессиональной деятельности. Одним лишь развитием природных задатков добиться здесь желаемого результата невозможно. «К преодолению препятствий личность, – по мнению К. Д. Ушинского, – могут побуждать только два мотива: или сильное желание (сильная воля в смысле желания достичь той или иной цели), или тоска, которая начинается в душе при отсутствии деятельности» [11, с. 361].

Развивая эту мысль, представитель современного психоанализа, известный американский психолог и психиатр Э. Берн отмечает, что «человек действует и чувствует не в соответствии с тем, какое реальное положение вещей, а с тем, каким образом он эти вещи представляет. У каждого человека в мозгу есть психологический образ самого себя, всего мира и окружающих людей, и человек ведет себя так, словно именно эти образы и являются реальностью» [3, с. 27].

Идейно-нравственное и духовное развитие личности всегда осуществляется в соответствующем социально-культурном пространстве и социальном времени. «Основная (двойная) беда нашей нравственности, – как отмечал В. С. Библер, – это идеализация сознания и мысленное морализирование, не укорененное в культуре, которое всегда растет “корнями вверх”, переосмысливая

собственные начала» [4, с. 50]. В результате идеальный мыслительный проект преобразования существующей реальности из средства, метода, фактора превращался в причину. При этом, как правило, не учитывалось, что субъектом мышления, по мнению А. Ф. Лосева, является не просто индивид, а личность в системе общественных отношений. Отсюда и тот интерес к личности как ключевому понятию философского и психолого-педагогического анализа.

Иллюзия, согласно которой потребности и способности индивида как раз и являются основной причиной развития его мышления, поведения и деятельности, особенно живучей оказалась в педагогической науке и практике. В действительности это далеко не так. «Формальное обучение, – как отмечает известный американский исследователь М. Поланьи, – пробуждает в нас сложную систему эмоциональных реакций, действующих в словесно культурном контексте. Силой этих эффектов мы ассимилируем контекст и утверждаем его в качестве нашей культуры» [8, с. 105]. И профессиональная культура специалиста не является тому исключением.

В то же время мышление человека не выступает в виде некой абсолютной идеи, характерной для всех эпох, как считал в свое время Г. В. Ф. Гегель. Тип рациональности изменяется по мере изменения типа культуры, соответствующего определенному социальному пространству и времени. Это означает переоценку основных ценностей в науке и образовании, наполнение привычной терминологии непривычным, совершенно новым смыслом, через призму которого и воспринимается та или иная проблема.

В полной мере это относится и к духовно-нравственному потенциалу личности. Актуальность тех или иных личностных качеств определяется не столько философскими воззрениями исследователя, сколько требованиями или вызовами времени и тем социально-культурным пространством, которое для него характерно. Пространство же это исторически изменчиво и имеет не только искусственную, но и естественную духовную основу, проявляемую в национальной культуре. Иное дело, что значимость этой культуры и лежащего в ее основе национального менталитета, как правило, не осознается, как и значимость воздуха, которым мы дышим. Она воспринимается как нечто само собой разумеющееся на уровне бессознательного. Выразить же ее в виде некой рациональной национальной идеи чаще всего становится невозможным. Да и сами идеалы рациональности также изменчивы. С позиции неклассической рациональности представление об этом идеале совершенно иное, как с позиции классической рациональности.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Царство духа и царство кесаря / Н. А. Бердяев. – М. : Республика, 1995. – 375 с.
2. Бердяев, Н. А. Опыт эсхатологической метафизики / Н. А. Бердяев. – М. : Наука, 1995. – 190 с.
3. Берн, Э. Познай себя. О психиатрии и психоанализе – для всех, кто интересуется / Э. Берн. – Екатеринбург : Литур, 2001. – 368 с.

4. Библер, В. С. Нравственность, культура, современность / В. С. Библер. – М. : Знание, 1990. – 64 с.
5. Ильенков, Э. В. Что же такое личность? / Э. В. Ильенков // С чего начинается личность : сб. / под ред. Р. И. Косолапова. – М. : Политиздат, 1979. – С. 183–216.
6. Лосев, А. Ф. Дерзание духа / А. Ф. Лосев. – М. : Политиздат, 1988. – 366 с.
7. Мамардашвили, М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности / М. К. Мамардашвили. – Тбилиси : Мецнеерба, 1984. – 81 с.
8. Поланьи, М. Личностное знание / М. Поланьи. – М. : Прогресс, 1985. – 244 с.
9. Платонов, Ю. П. Этническая психология. / Ю. П. Платонов. – СПб. : Речь, 2001. – 320 с.
10. Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. – М. : Нац. изд. «Большая Рос. энцикл.», 1993. – Т. 1.
11. Ушинский, К. Д. Педагогические сочинения : в 6 т. / К. Д. Ушинский. – М. : Педагогика, 1990. – Т. 6.

**SPIRITUAL AND MORAL POTENTIAL OF PERSONALITY
AND NATIONAL CULTURE: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS**

A. I. LEVKO

Summary

In the article there is an attempt to give an essential categorical comprehension of spiritual and moral potential of personality and its connection with national culture, with existentialist, neo-Kantian, neo-Hegelian and other philosophical positions in the form of philosophical dialogue answering the question: “What is personality?” There are given the conceptual versions by N. A. Berdyaev, L. N. Gumilev, E. V. Ilienkov, A. F. Losev, M. K. Mamardashvili and other Russian philosophers that were identified in philosophical literature during the Soviet period.

Дата поступления статьи в редакцию: 27.03.2015

НАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ В УКРЕПЛЕНИИ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ И ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ОСНОВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА¹

В. А. МАКСИМОВИЧ

В статье рассматривается роль национальной традиции в укреплении мировоззренческих и духовно-нравственных основ современного общества. Традиция признается не только первостепенным и чрезвычайно важным измерением культуры, но и выражает саму сущность человеческой культуры. Именно субъективно-оценочная, экзистенциально-личностная и инстинктивная необходимость человека в социально-групповой самоидентификации является определяющим фактором, обеспечивающим необходимую устойчивость, защищенность традиции, ее онтологическую и бытийственно-сущностную востребованность в современном мире. Глубинно онтологическая, этно-психологическая среда призвана способствовать актуализации системы ценностных установок представителя конкретного этно-национального сообщества, полноценному выражению его внутреннего самоощущения и самопознания.

В эпоху глобализационных трансформаций не только возрастает необходимость в сохранении национальной самобытности, но и возникают новые инструменты и возможности для этого. Они связаны, прежде всего, с воплощением в жизнь духовного потенциала и творческих интенций личности. Понятно, что их формирование не происходит спонтанно, хаотично. Полноценная реализация духовно-нравственного компонента личностного развития предполагает наличие определенных психологически заданных параметров, которые кристаллизуются, совершенствуются, получают свое развитие в процессе индивидуального становления, духовного роста, вовлечения в сеть социальных коммуникаций. Те же принципы следует применить и к социуму – коллективному субъекту духовно-нравственного развития. Стратегию этого развития необходимо рассматривать в тесной связи с предпосылками и факторами социальной эволюции во всей ее сложности и вариативности, исторической и социально-экономической обусловленности.

Принимая во внимание всю существующую многовекторность подходов и трактовок глобализации (иногда неоднозначных, а то и полярных), следует согласиться с тем, что человек в XXI в. не должен стать заложником, а тем более жертвой глобальных процессов, напрямую связанных с негативными проявлениями нивелирования, стандартизации личности как носителя индивидуально-начала. Глобализация, как известно, создает угрозу человеческой идентичности или, иначе, сопряжена с идентификационными рисками, препятствующими

---

¹ Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, грант Г14-068.

аккумуляции определенно заданных ментальных, духовных и культурно-ценностных доминант. Вот почему проблему национальной идентичности следует отнести в разряд проблем особого стратегического значения.

Высказанное предостережение приобретает первостепенное значение и важность в условиях духовно-культурного кризиса, глубокой социальной дифференциации и поляризации, в корне изменяющих формат взаимоотношений традиционного и глобального. Возникает реальная опасность ослабления, а то и явной мутации социально-коммуникативных связей, разбалансирования механизмов, обеспечивающих устойчивость общественной системы, цивилизационных форм вообще. Отмечается резкая девальвация выработанных в процессе культурогенеза устойчивых социальных ценностей и норм. Их вольное или невольное игнорирование, отказ от них непоправимо влияют на внутреннее психологическое состояние человека, который, лишаясь надежной духовной опоры, постепенно мимикрирует, свыкается с отсутствием твердого жизненного стержня, незаметно для себя приспосабливается к инертному образу жизни, воспринимая свое состояние как объективную данность, и в конце концов деградирует, утрачивая самоидентичность.

Это обстоятельство во многом усложняет процесс сознательной самоидентификации субъекта в социокультурном пространстве современного мира, которое чаще всего описывается с использованием характеристик понятий «мультикультурность» (то есть сосуществование множества альтернативных, нередко противоречащих друг другу матриц поведения и ценностного выбора) и «глобализм» (то есть осознанное или неосознанное подталкивание субъекта к «типичному» выбору, не учитывающему конкретные условия его становления).

Вместе с тем именно глобальные, не знающие государственных и этнокультурных границ угрозы, с которыми столкнулось человечество сегодня, обостряют ощущение исторической общности, стремление к самосохранению не только у биологических субъектов, но и у социальных групп, этнических, культурных общностей, которые видят в этом залог реализации своего права на историческую субъектность. В этой связи важно отметить, что в современном мире обнаруживается неподдельный интерес к корням, к традициям и обычаям предшествующих поколений. Причиной тому является нестабильность самого существования человека в ситуации перманентного развязывания международных конфликтов, войн, экологических угроз, самой опасности возникновения ядерной войны. Поэтому даже на уровне подсознания возникает желание искать поддержку и защиту в стабильных ценностях предков, в исторической памяти, в неизменных, проверенных временем традициях, внушающих уверенность в завтрашнем дне, позволяющих чувствовать себя относительно защищенным, создавать и сохранять комфортную психологическую и духовную среду обитания. Соотнесение же себя с определенной общностью людей происходит через усвоение тех представлений, норм, ценностей, образцов поведения, которые входят в сложившееся исторически ядро

культуры. К компонентам коллективной идентичности традиционно относят общее историческое прошлое, историческую память, непреходящие временные концепты, гражданскую совесть, мифологические и религиозные доктрины, ритуалы, модели поведения и т. д.

С учетом этого место и роль традиции в жизни общества приобретает особый национально значимый статус. Традиция является не только первостепенным и чрезвычайно важным измерением культуры, но и выражает саму сущность человеческой культуры. Это как бы регенерирующий, восстановительный ген культуры, призванный предохранять организм от поражения или амнезии отдельных ее частей и достраивать, возобновлять недостающие или отсутствующие сегменты. «Миссия культурной традиции, – замечает В. В. Аверьянов, – неотделима от непрерывной качественной и осмысленной организации исторически динамичной системы возобновления и развития человека, системы, неизбежно включающей в себя множественные факторы дискретности, утраты прежних значений, сдвиги и мутации культурных порядков и, соответственно, стремящейся минимизировать и компенсировать действие этих факторов» [1, с. 18].

Сколько бы мы ни говорили о формировании некоей качественно новой системы мирового социокультурного устройства, ведущей к унификации (=стандартизации) уклада жизни, аксиологическому релятивизму, все же приходится признать наличие довольно весомых аргументов, не позволяющих говорить о необратимом, тотальном характере глобальных изменений. Думается, подобные утверждения грешат неоправданной категоричностью, чрезмерной предвзятостью. При этом игнорируется и не принимается во внимание ряд довольно значимых предпосылок, факторов, условий, свидетельствующих о далеко неоднородном, неоднозначном характере этих процессов. Следует признать в этой связи, что наряду с глобализацией имеют место и альтернативные подходы и тенденции, связанные прежде всего с внутренне мотивированными потребностями общества в осмыслении и «реинкарнации» традиции как значимого фактора социальной стабилизации, сохранения мировоззренческого и внутренне-психологического баланса. Как представляется, именно субъективно-оценочная, экзистенциально-личностная, инстинктивная необходимость человека в социально-групповой самоидентификации является определяющим фактором, тем противовесом, обеспечивающим необходимую устойчивость, защищенность традиции, ее онтологическую и бытийственно-сущностную востребованность в современном мире. Следует подчеркнуть, что речь никоим образом не идет, к примеру, об игнорировании или тотальном отрицании процесса информатизации, о противлении расширению коммуникативного пространства информационного общества, представляющего собой закономерный итог научно-технического процесса. В данном случае резонно говорить о сохранении экзистенциального пространства личной идентичности, о локализации общественного и собственного,

индивидуального самосознания и самопознания этносубъекта, включенного в сеть объективных общественных отношений. На этом приходится акцентировать внимание, учитывая постоянно возникающие риски, связанные с кризисом личностной идентичности и идентификации. Сохранить свою личностную экзистенциальную целостность, эго-самость возможно только в случае самопозиционирования себя в рамках картины мира, сложившейся в процессе автохтонного исторического генезиса определенной национально-этнической группы, как нельзя лучше отвечающей внутренним запросам личности и соотношенной с принципом духовной автохтонности. И в этом неопределимую роль оказывает нам традиция, тезаурусная модель которой базируется исключительно на своих внутренних источниках и резервах, на собственных архетипических структурах. Именно «генетическая» (глубинно онтологическая, этно-психологическая) среда призвана способствовать актуализации системы ценностных установок представителя конкретного этно-национального сообщества, полноценному выражению внутреннего самоощущения и самопознания. Она же позволяет каждому субъекту, личности полноценно реализовать себя в самых разнообразных социальных связях и отношениях, выступает стабилизирующим фактором развития, главным действенным звеном в сложной системе отношений взаимодействия и социально-личностного проектирования.

В последнее время некоторые исследователи склонны говорить о традиции-системе, имея в виду интегральный ее характер, ее динамическую направленность, социоантропологическую сущность. Благодаря созидательной деятельности человека как главного основания социальной действительности, его особому общественному статусу, его внутренней интенции сохраняется и совершенствуется онтологическая парадигма его миробытия. С учетом этого важно учитывать не только место человека во взаимоотношении с традицией-системой, но и значение последней для самого человека, имея в виду его первичность, первостепенность в процессе личностного самоопределения, социализации и индивидуализации. В этом заключается антропологическое (=гуманистическое) содержание традиции. В. В. Аверьянов в этой связи замечает: «Только человек, специально воспитанный в традиции, может быть хранителем и полноценным ретранслятором полноты традиции-системы и полноты события наследования, поскольку он соизмеряет культурные явления не с абстрактными критериями, а с личностным опытом такой полноты» [1, с. 25].

Именно в субъекте – носителе традиционной культурной ауры происходит накапливание и кристаллизация (=материализация) духовного опыта в различных своих стереотипных и модельно-программных формах и проявлениях. Речь идет не просто о факте формального «родового» наследования, преемственности, но о наследовании самой модели смыслопостижения, смыслодействия, смыслоразличения через призму нациоангажированного конструкта. «Костная (=генная) материя» традиции как бы формирует собственно алго-

ритм внутреннего действия, деятельности и развертывания системно значимых связей, отношений, открывающих возможность для раскрытия потенциальных возможностей личности.

Важно подчеркнуть, что традиция в ее универсальном значении служит инструментом снижения интенсивности кризисных проявлений в сфере духовно-нравственных отношений и в целом общественного строительства. Являясь своеобразным классификационно-оценочным эталоном, позволяющим идентифицировать объекты по их схожести/отличию, традиция задает собственно алгоритм поведения, целеполагания, чувствования и мышления. Для представителей определенной этно-национальной общности она представляет собой норму, правило, идеал, которые присутствуют или должны присутствовать во внутреннем мире человека в силу своей непреходящей институциональной природы, ценностно-смысловой инвариативности. Традиция-идеал объективно призвана устанавливать иерархию духовных ценностей, выступая при этом в роли императива нравственного порядка, духовного регулятора или индикатора поведенческих стратегий и мировоззренческих манифестаций.

Устоявшиеся, традиционные формы, принципы, представления прямо или косвенно проявляются в разных аспектах жизни общества, включая политические, экономические, социальные, культурные и иные общественные отношения и процессы. Совершенно понятно, что основополагающие составляющие традиции-идеала входят (должны входить) в ядро, базис государственной идеологии, напрямую связанной с выработкой идеальной модели прогнозируемого устройства общества, интегрирующего национальный идеал в новые социальные условия. Поэтому очень важно, чтобы идентификационные маркеры, выступающие в качестве концептозначимых идеологических символов-репрезентантов, коррелировали со смысловым значением традиции-идеала, что является важной предпосылкой эмоциональной консолидации общества. В своем интегративном выражении и первые, и вторые, на наш взгляд, напрямую связаны с архетипными бессознательными стереотипами мировосприятия (по М. Барресу) и способствуют созданию нациоангажированного мифа, оказывающего стабилизирующее и интегрирующее влияние на общественное сознание. Мифологемы, получившие наибольшую презентативную представленность в результате коллективного отбора, приобретают свойства действенных активизаторов мировоззренческих установок и духовно-нравственных предпочтений людей, становятся внутренними регуляторами их поведения, образа жизни, оказывают влияние на характер личностных психологически и социально обусловленных качеств.

На уровне массового сознания важное значение приобретает иррациональная составляющая, которая зиждется на вере, внутренней эмпатии, чувственном восприятии. В этой связи нельзя не согласиться с утверждением В. С. Полосина, что «основным методом национальной идентификации явля-

ется обращение общественного сознания на национальный миф» [4, с. 83]. Как представляется, именно с архетипами связана восстановительная способность культуры, ее генеративный потенциал. В данном случае не имеется в виду собственно процесс механического замещения, возобновления недостающих элементов, утраченных или ослабивших свое значение в ходе культурно-исторической редукции. Подобная регенерация предполагает и в известной степени модернизацию элементов, символов и моделей традиции с учетом ее социально-динамической природы, возможности адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам.

Роль и значение традиции в широком значении слова должны рассматриваться в культурно-исторической перспективе с учетом способности последней к трансляции духовно-практического опыта, который напрямую связан с развитием психики, сознания, мировосприятия человека как представителя определенного этноса. Благодаря своей трансляционной природе (способности передавать духовный аспект жизненного опыта) традиция приобретает качество одного из важнейших инструментов постижения мира, становится предпосылкой успешной социализации субъекта в рамках конкретной национальной культуры. В сложном процессе взаимообусловленных внутренних преобразований традицию следует признать охраняемым свойством культуры и одной из важнейших составляющих жизнедеятельности общества. Исследователи в этой связи обращают внимание на то, что «в основе любого социального процесса лежит ценностная структура культурного сознания» и что с учетом вызовов техногенной цивилизации существование пространства социального взаимодействия возможно лишь «благодаря духовным и интеллектуальным усилиям людей» [5, с. 85].

Онтологические основания традиции, на что уже обращалось внимание, напрямую связаны с особенностью психического склада представителей определенной социокультурной общности, их менталитета, имплицитно включающего в себе историко-культурные основания индивидуального и коллективного мировосприятия, мировоззрения, поведения. Кроме того, именно в традиционных, исторически сложившихся коллективных представлениях заключена относительно целостная совокупность идей, образов, верований, представлений и отношений, складывающихся и формирующихся под влиянием морально-нравственных устоев, идеалов добра и зла, понятий справедливости/несправедливости, должного/вероятностного. Традиция лежит в основании и коллективного мировосприятия, мировоззрения, поведения и является базисом индивидуального сознания. По своей онтологической сущности и природе традиционные формы, выражения, артефакты представляют собой исторически трансформированные архетипические воззрения, дающие возможность идентифицированного восприятия пространственно-временных и общественно-цивилизационных форм жизнедеятельности (искусство, экономика, культура, политика, религия и т. д.).

Незаменимость традиции в становлении человека как личности и субъекта социокультурного процесса заключается в обеспечении его реального участия в многочисленных культурных контекстах современности. Обладая в известной мере и прагматичностью, и нормативностью, традиции задают определенную программу социального поведения. Актуализированный исторический опыт напрямую воздействует на взаимоотношения людей, на их социальную деятельность и взаимодействие с окружающим миром. Стоит напомнить, что процесс социализации неразрывно связан с освоением духовных атрибутов как исторического прошлого, так и современности. В процессе социализации человек овладевает миром культуры, при этом социальное окружение выступает необходимым условием и предпосылкой структурирования его культурного опыта.

Все перечисленное еще раз убеждает нас в том, что хорошо налаженная система норм и ценностей, необходимая для регулирования общественных отношений и социально-психологических аспектов поведения индивида, – обязательная предпосылка выживания общества в условиях современных противоречий. Для того чтобы человек не только идентифицировал себя с предшествующей культурной традицией, но и способствовал сохранению всей культурной матрицы национальной идентичности, ему необходимо быть действительно, а не формально причастным к подлинным проявлениям духовной жизни общества. Феноменология этой причастности включает «живую», естественную интуицию того, что каждая вещь и в мире природы, и в мире культуры находится на своем месте, соответствует своему первоначальному предназначению. Соответственно, перспективы выживания и отдельного человека, и целого народа только тогда не вызывают какого бы то ни было опасения, когда все в их жизни органически отлажено, сопряжено и максимально исключена возможность активизации разрушительных сил, включая и те, что нарушают психологический баланс, губительно действуют на глубинные структуры сознания. Только при условии полноценного задействования всех имеющихся механизмов этнокультурного контекста возможно достижение полноты жизни, сопряженной с гармонией обыденно-повседневного и возвышенно-сакрального, частного и общезначимого, национального и универсального. Сопричастность к общепринятым принципам и нормам, убеждениям и идеям, которые составляют основу, базис общественной структуры, позволяет цементировать, соединить в единое целое различные части социального организма, консолидировать общество, активизировать процесс национальной самоидентификации и тем самым достичь духовного единства.

В связи с этим нельзя согласиться с достаточно навязчиво продвигаемой идеей «нового мирового беспорядка», возрастания хаоса как проявления «свободного», альтернативного развития общества и личности. Подобные заявления недостоверны уже потому, что содержат в себе безапелляционное утверждение о сущностной природе человека, разделяемое далеко не всеми.

Как минимум они не принимают во внимание тезис о том, что в человеке живет извечное, неискоренимое стремление к основательности, устойчивости мироздания и собственной самости. Восприятие мира как *космоса* – упорядоченной и структурно организованной целостности, которая развивается по своим объективным законам и закономерностям, благотворно влияет на биопсихологический статус индивидуума, помогает ему осознать свое место в системе общественных и социокультурных отношений, полноценно и полноправно позиционировать себя в той или иной форме культуры. Именно следование родо-во-генетическим «культурным программам» как базовым механизмам самосохранения и воспроизводства исторического опыта позволяет определенным образом структурировать сознание, активизировать его созидательную доминанту.

При всем многообразии существующих подходов, связанных с проблемами усвоения/неусвоения национальных культурных традиций, приходится признать, что успешная адаптация личности в социуме может происходить только при глубоком осознании ею своей социально-исторической ответственности. Речь идет о субъекте, который активно ориентирован на образцы культуры, ответственен за сохранение и одновременно обновление традиций. Не нужно забывать и о том, что понятие «традиция» может пониматься не только в плане усвоения и трансляции исторического опыта, приобретений в сфере высокого и народного искусства, культуры, но и как психологическая преемственность. Имеется в виду сам процесс непрерывного взаимодействия человека и времени, своеобразная переключка времен, что напрямую оказывает влияние на формирование социальных стереотипов мышления и смыслодействия, жизненных принципов, поведения и поступков человека как носителя и потенциального творца культуры, в том числе, что немаловажно, и культуры межличностных отношений.

Традиция по своей сути всегда стремится к интегральному выражению, к слаженной организации своих элементов и структур, имеющих устойчивый характер. Говоря об этом, мы также допускаем возможность для человека в процессе нацииорцепции подключиться к общей системе трансляции аксиологического плана социализации, которая задает направление и мотивированность освоения разнообразных форм человеческой культуры. Именно тесное соприкосновение с традицией, с духовно-творческим опытом предшественников позволяет скорректировать определенный мировоззренческий баланс в системе «человек – мир», выработать оптимальную форму мировосприятия и мироотношения, включая характер и специфику формирования убеждений, идеалов, жизненной позиции, целостного мировоззрения. Иными словами, преемственность национальной традиции как комплекса ценностно-мировоззренческих, познавательных, психологических, поведенческих установок, как открытой системы, которая развивается в силу своих внутренних объективных законов, обеспечивается мощной духовно-кровной связью, существующей между поколениями. Осознавая свою органическую сопричастность к не-

зыблемым, внутренне усвоенным артефактам национальной истории и культуры, человек объективно легче ориентируется в окружающем мире и чувствует свою духо-ментальную защищенность, свою неразрывную связь со временем прошлым и настоящим, с культурными приобретениями всего человечества. В известном смысле приобщение к национальной традиции не в меньшей степени, чем восприятие общечеловеческих социально-культурных норм, способствует тому, что человек как биологический индивид становится универсальной личностью – субъектом истории. И наоборот, «оторванность от своей почвы, от традиционного уклада жизни оборачивается потерей привычной гармонии, жгучей неудовлетворенностью, фрустрациями, неврозами, наркоманией, преступностью, терроризмом, наконец, самоубийством. В сущности, все это можно определить как аксиологическую катастрофу, болезненнейший слом ценностных установок и традиций, утрату “вечных” ценностей» [6, с. 16].

Наряду с познавательной, созидательной и коммуникативной огромное значение в современных условиях приобретает регулятивная функция традиции, непосредственно связанная с выявлением ее этического компонента. По мнению современных исследователей, «именно эта сторона жизнепринятия составляет особую в своей психологической емкости плоскость понимания этики как условия духовного освоения аккумулированных в человеческом опыте смыслозначимых образований, составляющих ценностный ряд, что пронизывает вертикаль развития конкретного социального в формах человеческой культуры» [3, с. 356].

Если говорить о необходимости нахождения новых средств совершенствования отношений «человек – мир», то они, по нашему мнению, должны лежать в плоскости и гармонизации социоприродных отношений и реализации подлинно цивилизованных принципов взаимоотношений в самом обществе. А для этого необходимо преодолеть коммуникационный хаос, консолидировать общество, концентрируя его духовную энергию, опираясь и на тот тезис, что «общество как особая, предельно сложная, космопланетарная система способна выжить и нормально функционировать как целостный организм только в форме культуры, утверждая духовный тип мироотношений» [2, с. 7].

Симптоматично, что общественные деятели, деятели науки и культуры все чаще начинают говорить о необходимости складывания гармоничного общества, в основе которого должно лежать духовное начало как его важнейшая структурообразующая составляющая. Духовность в самом широком значении слова призвана охватывать все сферы деятельности общества – от межличностных, семейно-бытовых отношений до политических и государственных структур, от хозяйственно-экономических до национально-этнических и профессиональных взаимоотношений.

Сам опыт социокультурного развития последних десятилетий убеждает нас в том, что общество в условиях переходного периода, альтернативы меж-

ду радикальной трансформацией и воспроизводством прежних форм социальной коммуникации призвано противостоять ценностному релятивизму, распространению бездуховности, навязыванию деструктивных стереотипов поведения и обесцениванию подлинной сущности бытия. В этом смысле представители творческих профессий должны оставаться партнерами и единомышленниками в мировоззренческом диалоге между различными областями духовного производства, сотрудничать в выработке взвешенных подходов для обеспечения стабильного и устойчивого развития социокультурной сферы, активно участвовать в формировании общественного сознания. Творческая интеллигенция, как никакой другой социальный субъект, должна консолидировать усилия по оказанию действенного влияния на отечественную систему образования, нравственного и гражданско-патриотического воспитания, а также на современные средства массовой информации с целью распространения высоких образцов культуры, социального поведения, общечеловеческих морально-этических норм, культивирования исторических традиций и традиционных религиозных ценностей.

Подводя итог нашим рассуждениям, подчеркнем еще раз, что традиция в ее универсальном значении выступает гарантом устойчивости, стабильности функционирования всего социокультурного организма как необходимой предпосылки для его дальнейшего полноценного развития. Ее стабилизирующее воздействие по своей сути двояко: на макроуровне она задает определенные ценностные ориентиры и критерии развития, на микроуровне – способствует формированию универсально значимого личностного понимания сущности бытия вообще и исторического процесса в частности, природы человека, его места и предназначения в мире. В той же мере полноценно усвоенная традиция служит и залогом уважительного отношения к другим людям и к самому себе. Исторически закрепленные в национальном культурном пространстве «кодексы», или семантические константы-ключи культурных феноменов, объективно содержащие в себе «ген» культурного явления, выступают фактором сохранения этических и эстетических матриц общественного сознания, способствующих выработке духовных запросов. Без преувеличения можно утверждать, что традиция в самом широком значении слова влияет на всю жизнедеятельность человека, его психоэмоциональное состояние, жизненные приоритеты и убеждения, поведенческие алгоритмы; она благотворно воздействует на эволюционное развитие социума вообще.

Выработанные на протяжении веков гуманистические принципы и идеалы убедительно засвидетельствовали свой непреходящий характер, жизнеустойчивость и востребованность в извечном поиске путей к познанию сущности бытия. Ведь и в сегодняшний переходный период традиция остается незаменимым средством выработки стратегий укрепления мировоззренческих и духовно-нравственных основ общества и личности, гармонизации всех сфер общественной жизнедеятельности.

Литература

1. Аверьянов, В. В. Традиция как методологическая проблема в отечественной культурологии XX века : автореф. дис... д-ра филос. наук / В. В. Аверьянов. – М., 2012. – 63 с.
2. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия. – Минск : МФЦП, 2002. – 1008 с.
3. Иванов, С. П. Субъект художественного действия в построении и развитии культурных сфер / С. П. Иванов // Человек как субъект культуры : сб. ст. – М. : Наука, 2002. – 445 с.
4. Полосин, В. С. Миф. Религия. Государство / В. С. Полосин. – М. : Ладомир, 1999. – 440 с.
5. Порус, В. Н. Интеллект как культурная ценность / В. Н. Порус // Вестн. Рос. филос. о-ва. – 2009. – № 1 (49). – С. 79–85.
6. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Гродно : Гроднен. гос. ун-т, 2009. – 547 с.

NATIONAL TRADITION IN STRENGTHENING THE WORLDVIEW AND MORAL FOUNDATIONS OF THE MODERN SOCIETY

V. A. MAKSIMOVICH

Summary

The article is devoted to the role of national tradition in strengthening the worldview and moral foundations of the modern society. Tradition is considered to be not only the paramount and very important dimension of culture, but also it expresses the essence of human culture. Subjective-evaluative, existential-personal and instinctive need of a person for social and group identity is a determining factor, which provides the necessary stability, protection of tradition, its ontological and essential relevance in the modern world. Deep ontological and ethnic-psychological environment should promote actualization of the system of values of a representative of certain national community, a complete expression of their internal self-awareness and self-knowledge.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.02.2015

ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ОСМЫСЛЕНИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ И ПРАКТИК: НАЦИОНАЛЬНОЕ И ГЛОБАЛЬНОЕ

Я. С. ЯСКЕВИЧ

В статье выявляются статус философской рефлексии над основаниями современного рискогенного общества, специфика политического риска в условиях глобализации, его взаимодействие с экономической политикой национальных государств, рассматриваются содержательные модели современных геополитических сценариев и механизмы преодоления экономического кризиса в контексте синергетической методологии и долгосрочного прогнозирования.

Философско-критическая рефлексия над основаниями современной культуры с ее требованием экспликации ценностей, коммуникативности, синергетической открытости, диалога и кооперативности радикально меняет наши представления о многообразных постнеклассических практиках в процессах принятия решений, творчества, обучения, исполнительства, бизнес-практиках, а в еще большем масштабе – в геополитических стратегических практиках властных мировых элит, когда на карте мира разыгрываются далеко не виртуальные сценарии развития человечества. Каким образом осуществить пробег от ценностно-ориентированного теоретического знания, зафиксированного в теле современной рациональности, к постнеклассическим практикам общества риска с целью концептуального «сцепления» фундаментально-методологической синергетической парадигмы и прикладных знаний, теоретических и экспериментальных исследований, обогащения реальных практик идеалами открытости, доверия, понимания, соучастия, гармонизации – в этом основной вопрос человеческого бытия в эпоху «сдвига цивилизации» (Э. Ласло), на изломе экзистенциального становления и выбора [13].

Рискогенная, противоречивая и конфликтная модель современного социального развития (Э. Гидденс) постулирует сегодня формирование нового мироустройства, ориентированного на моральный императив, спецификацию новой риск-стратегии национальных государств, признание современного общества «позднего модерна» обществом риска и трактовкой риска как положительного феномена, понимание рискогенности современности, для которой характерны неопределенность и увеличивающийся индетерминизм социальных структур и социальных агентов. Для минимизации рисков, их регулирования и обеспечения безопасности в обществе риска важно прежде всего признание утверждения о невозможности полного отсутствия рисков в обществе; необходимо организованное социальное взаимодействие управляющих

и управляемых субъектов, опосредованное социальными нормами, ценностными регулятивами и конкретными социальными условиями; необходимо формирование механизмов управления и нивелирования рисков, экспертной оценки рискогенности конкретного общества и обеспечения его безопасности [3, 4].

Философско-методологический анализ рискогенного общества в целом и конкретных политических рисков в частности следует проводить в контексте интеграции национальных государств в мировое социокультурное, экономическое, политическое пространство, в механизмы мирового разделения труда. С этой точки зрения *политический риск представляет собой вероятность нежелательных политических событий, учет которых необходим в экономике и политике.*

Создание философско-методологической концепции риска предполагает междисциплинарный синтез различных теоретических моделей, отражающих закономерности и механизмы формирования рискового мышления и поведения в различных сферах. В соответствии с этим критическая *методология риска должна строиться по типу открытой рациональности*, предполагающей поливариантность, многовекторность, отход от концепций жесткого детерминизма, отличающихся строго заданным характером всех без исключения связей и зависимостей и исключающих выбор альтернативы [21, с. 37].

Ситуация неизбежного выбора своего исторического пути стоит сегодня перед многими странами и направлена на преодоление проявляющейся иногда неопределенности, нерешительности, экономической и политической нестабильностей, на цивилизационное вхождение в мировое экономическое и политическое пространство.

В международной практике принят подход, заключающийся в выделении трех основных уровней при анализе природы политического риска: мега-, макро-, микрориски. Внешний (международный или глобальный) риск – *мега-риск*, особенно остро заявляет о себе в эпоху глобальных финансовых и экономических кризисов, влияя на финансово-экономическую и социально-политическую деятельность всех стран. Внутренний (страновой) – *макрориск*, под которым следует понимать нестабильность внутривнутриполитической обстановки страны, оказывает влияние на результаты экономической деятельности в бизнесе, предпринимательских фирмах и структурах, в связи с чем возникает риск ухудшения их финансового состояния, вплоть до банкротства. Особенно это сказывается на предприятиях различных форм малого и среднего бизнеса, поскольку напряженность политической ситуации в стране приводит к нарушению хозяйственных связей, ставит их на грань банкротства вследствие необеспеченности сырьем, материалами, оборудованием. Уровень отдельных субъектов (политиков, экономистов, предпринимателей и т. д.), отдельных фирм, партий, движений – *микрориск*, когда приходится принимать решения с учетом мега- и макрориска в конкретных структурных подразделениях страны.

Наряду с выделением мега-, макро- и микрориска в классификации политических рисков обращают внимание на четыре их группы: риск национализации и экспроприации без адекватной компенсации; риск трансферта, связанный с возможными ограничениями на конвертирование местной валюты; риск разрыва контракта из-за действий властей страны, в которой находится компания-контрагент; риск военных действий и гражданских беспорядков [12]. *Риск национализации* на практике толкуется предпринимателями очень широко – от экспроприации до принудительного выкупа властями имущества компании или просто ограничения доступа инвесторов к управлению активами. При определении риска национализации сложность состоит в том, что в любой стране власти никогда не рекламируют возможность экспроприации или национализации. Как следствие, ни в одном документе юридически точно не определяется, чем, например, отличается национализация от конфискации. *Риск трансферта* связан с переводами местной валюты в иностранную. Примером может служить ситуация, когда предприятие работает рентабельно, получая прибыль в национальной валюте, но не в состоянии перевести ее в валюту инвестора, чтобы рассчитаться за кредит. Причин может быть множество – например принудительно длинная очередь на конвертацию. *Риск разрыва контракта* предусматривает ситуации, когда не помогают ни предусмотренные в договоре штрафные санкции, ни арбитраж, и контракт разрывается по не зависящим от партнера причинам. *Риск военных действий и гражданских беспорядков* – это риски, в результате которых инвесторы и фирмы могут понести большие потери и даже обанкротиться.

Функционирование мирового рынка капиталов и энергоносителей, мировой банковской системы и глобального обмена товарами и услугами, тенденция к синхронизации международных экономических процессов, сложная динамика некоторых глобальных процессов экономического и политического характера обуславливают необходимость анализа *мегариска*, сценариев развития геополитических рисков.

Междисциплинарные и трансдисциплинарные стратегии современной науки, ее ценностные и антропологические повороты, переосмысление сути, принципов и моральных устоев демократии, диалог либеральных и традиционных ценностей, национальных и глобальных приоритетов оказывают фундаментальное влияние на понимание природы риска в современном мире. В контексте междисциплинарной и синергетической методологии политический риск характеризуется следующими свойствами: *альтернативность и нелинейность политического риска*, проявляющиеся в многовариантности и открытости возможных сценариев реализации политической, экономической и социальной ситуации на различных уровнях в условиях реального выбора; *универсальность* риска, которая характерна для политических решений любого уровня – от избирательных кампаний при голосовании за отдельного кандидата до радикальных трансформаций национальных государств и при-

нятия решений на глобальном уровне; *иерархичность*, характеризующая политический риск с точки зрения принятия решений на различных структурных уровнях: микро-, макро-, мегариски; *системно-синергетический* характер политического риска, заключающийся в его способности выступать как в качестве самостоятельного фактора политики и экономики, так и в то же время быть элементом системных кризисов и рисков различных видов – социального, коммерческого, инвестиционного, экологического и т. д.

Необходимо учитывать и *противоречивость* политического риска, которая проявляется в диалектическом взаимодействии *позитивного* и *негативного* векторов реализации в конкретных социальных ситуациях принятия решений, *коллективного* (направленность на реализацию групповых политических интересов) и *индивидуального* (стремление политических субъектов к лидерству, использование политиками различных технологий власти), *объективного* (реальная политическая и экономическая ситуация в стране, регионе) и *субъективного* (личностное восприятие и интерпретация полученной информации о происходящих событиях, политиках и т. п.), *национального* (оценка социально-политического и экономического статуса отдельных государств) и *глобального* (геополитические модели устройства мира в контексте глобализационных процессов) и т. д.

Такие свойства политического риска, как *неопределенность* и *непредсказуемость*, проявляются в отсутствии четко обозначенных процедур и общепринятых методов организации социально-политических действий и принятия решений в силу открытого характера объективно сложившейся ситуации в политике и экономике и дефицита информации, времени и другого «здесь и сейчас».

Для политического риска характерна и *вероятностность*, то есть вероятность достижения желаемого результата – выигрыша, удачи; вероятность получения нежелательного исхода – неудачи, потери; вероятность корреляции цели в случае ее трансформации в процессе рискованной деятельности. *Управляемость* и *оптимизация* политического риска заключаются в возможности и необходимости эффективного регулирования им на основе синтеза и интеграции качественных и количественных экспертных подходов в оценке социально-политической ситуации, рациональной и психологической подготовки субъектов принятия управленческих решений на различных уровнях.

С целью анализа оценки политического риска в международной деловой практике разработаны *различные прикладные модели*, отличающиеся друг от друга по уровню исследования (мега-, макро- и микрориск), по направленности (ориентированные в большей или меньшей степени на экономическую или политическую среду) и т. д. Задача прикладных исследований риска состоит в том, чтобы снизить остроту неопределенности, предусмотреть возможные негативные и позитивные ее последствия. Мониторинг политического риска нацелен на защиту зарубежных инвестиций компаний путем прогнозирования возможных рисков, возникающих в политической среде.

Составление временных рядов экономического, демографического характеров, связанных с внешней торговлей, внешним долгом страны и другими индикаторами или индексами, присуще *количественному подходу*. Составление рейтинга стран по уровню риска включает в себя несколько этапов: выбор переменных (политическая стабильность, степень экономического роста, степень инфляции, уровень национализации и др.); определение веса каждой переменной (максимальный вес имеет переменная политической стабильности); обработка показателей по методу Delphi с использованием экспертной шкалы; выведение суммарного индекса, теоретически располагающегося в пределах от 0 до 100 (минимальный индекс означает максимальный риск, и наоборот) [15].

Смешанный (комбинированный) подход синтезирует информацию экспертов и объективные данные, обеспечивая тем самым формирование наиболее оптимальной модели к исследованию политического риска. Сравнительные рейтинговые системы, использующие схожие методологии, разрабатываются консалтинговыми фирмами Frost & Sullivan (the World Political Risk Forecast), Business International and Data Resources Inc. (Policon). Большинство из них доступны в режиме онлайн и, как в случае с Policon, пользователи могут исключать вес различных переменных либо включать свою собственную оценочную информацию. Большим шагом вперед стало создание банков политических данных (World Handbook of Political and Social Indicators). На поле «экспертного» рейтинга известна Futures Group, отчеты которой – Political Stability Prospects – сочетают данные наблюдений в формальных моделях с экспертными оценками для создания индексов стабильности по вероятностному распределению. И. А. Подколзина указывает и на две финансово ориентированные рейтинговые системы: Institutional Investor's Country Credit Rating и Euromoney's Country Risk Index, охватывающие 109 и 116 стран соответственно. В модели Euromoney рейтинг странового риска составляется путем комбинирования набора индикаторов типа Лондонской ставки предложений по межбанковским кредитам (LIBOR), первичного ценообразования, межбанковских кредитов и т. д. [11].

Интегративные тенденции в культуре, политике, экономике конца XX – начала XXI в. сопровождаются глубокими качественными изменениями в содержании и структуре аналитико-методологической рефлексии по сравнению с ее предшествующими формами, требуя выявления механизмов геополитических и страновых рисков в различных сферах и состояниях глобальной культуры, фундаментальных жизненных смыслов ее универсалий, осуществления междисциплинарного синтеза различных знаний, чтобы затем представить в сжатом виде философско-категориальную матрицу человеческого бытия на изломе, позволяющую прогнозировать возможные риски и управлять ими.

Глобальные трансформации, характерные для современной экономики, политики, социокультурного пространства, увеличивают степень социаль-

но-политического риска, повышают вероятность непредвиденных событий, инициируют рост *геополитического риска* с такими его угрожающими компонентами и последствиями, как риск завоевания государства, риск распада государства под воздействием внешних сил, по крайней мере – риск снижения суверенитета государства как его способности отстаивать свои интересы на международной арене, запуская механизмы внутреннего риска [6, с. 130].

Классическая геополитика как междисциплинарная область исследований зафиксировала ряд закономерностей, ставящих перед субъектами государственной власти вопросы как теоретического, так и практического плана, обуславливая тем самым их вдумчивость и сдержанность в принятии политических решений и рисковом поведении. Было показано, что потеря контроля над пространством одним геополитическим субъектом всегда означает его приобретение другими; стабильность, устойчивость и безопасность геополитического субъекта обеспечивается некоторым оптимумом подконтрольного пространства в силу того, что чем шире пространство, тем труднее оно поддается управлению со стороны субъекта. *Контроль же над пространством теряют те геополитические субъекты, которые не обладают необходимыми и достаточными возможностями для завоевания и удержания территории, не демонстрируют необходимых признаков самодостаточности* [14, с. 63–68].

На основе методологического анализа политических отношений, по преимуществу проявляющихся в геополитических проектах, выделяют такие доктрины геополитики, как *конкуренция, доминирование и кооперация*. Так, основополагающим мотивом в геополитической доктрине Х. Маккиндера выступает *конкуренция* мировых политических сил – западных держав – за контроль над Восточной Европой как ключ к хартленду, то есть к России и к евроазиатскому лидерству (1919 г.). Отношения *доминирования*, подчинения, «обустройства» крупных мировых регионов характерны для немецкой геополитики (геополитика «панидей» К. Хаусхофера), американской геополитики (доктрина контроля США над приморьем-римлендом Евро-Азии Н. Спайкмена; концепция гегемонии США З. Бжезинского; теория «столкновения цивилизаций» Э. Хантингтона, трактующая пространство каждой цивилизации как область законной гегемонии для некой «ядровой» державы данного сообщества государств). Мотивы *кооперации*, соединения взаимодополняющих друг друга хозяйственных потенциалов и образов жизни присущи русской политической мысли (П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой), французской школе геополитики (П. Видал де ла Бланш и др.).

С точки зрения современных геополитических исследований классическая, например тойнбианская, модель цивилизационного развития в виде пяти локальных цивилизаций (индо-буддийская, китайско-конфуцианская, арабомусульманская, западно-христианская, славяно-православная) с присущим им миром духовной культуры, равным положением перед лицом истории, правом на рождение, жизнь и смерть не оставляет места европоцентризму

и дополняется идеей взаимодействия, взаимозависимости, единства современного мира в контексте глобализационных процессов. Вместе с тем формируются и концепции о доминировании, подчинении, установлении мирового порядка, о контроле со стороны крупных геополитических центров по отношению к современному миру. Например, концепция мир-системного анализа В. Валлерстайна отталкивается от того, что в XVI в. борьба мир-империй, основанных на политическом властвовании, и мир-экономик, построенных на торговле, завершилась в Европе победой последних, становлением современной мир-капиталистической системы и поэтапным перемещением центров силы из Испании в Голландию, далее в Великобританию и, наконец, в США. Согласно концепции цивилизационно-культурологического синтеза американского исследователя С. Хантингтона, мир после конца холодной войны и развала Советского Союза определяется уже не идеологическим противостоянием, а взаимодействием (конкуренцией и борьбой) семи-восемью различных цивилизаций [16, с. 45]. Как видим, автор концепции придерживается идеи множественности центров силы, конфликты между которыми, вплоть до войны (возможно, мировой), будут осуществляться на стыках цивилизаций, по линиям цивилизационных разломов. Между Западом и остальным миром будет проходить главная ось международных отношений, западные страны при этом будут играть все меньшую роль. Цивилизационный разлом проходит и через США, результатом которого может быть «разрушение Америки». Идеи С. Хантингтона относительно того, что страны тихоокеанской цивилизации в ближайшее время потеснят США, которые за последние 30 лет «постоянно снижали свою долю на рынке машиностроения» и ничего нового, кроме микропроцессора, не изобрели, придерживается и Ж. Аттали [2, с. 64].

Сегодня *классическая геополитика*, которую называют *силовой геополитикой*, поскольку она зародилась в эпоху передела мира между империалистическими государствами, трансформируется в *глобальную геополитику* (*цивилизационную*), основой которой должны стать постулаты о едином историко-культурном пространстве, многообразии гецивилизаций, толерантности идеологий, политических культур, конфессий, переход от логики конфронтаций и представлений о войне как продолжении политических отношений к логике компромисса и сотрудничества. В рамках глобальной политики осуществляется антропологический поворот, в соответствии с которым человек выступает как один из важнейших географических факторов геополитики, гуманизм здесь оборачивается к вопрошаемому мыслителю новой гранью – это уже не прометеевский гуманизм единого дома на Земле. В пространстве глобальной геополитики человек не может и не желает оставаться слепым исполнителем геополитических законов, человек – это и носитель локального цивилизационного генотипа, и выразитель социокультурной доминанты в хозяйственной деятельности, языке, образе мыслей, и исполнитель политической воли [5, с. 11–15].

Пришедшая на смену *Вестфальской геополитической эпохе* мировой истории (1648–1814 гг.), основанной на принципах баланса сил и национального суверенитета, *Венской* (1814–1914 гг.), приведшей к утверждению многополярного мира на евразийском континенте, *Версальско-Вашингтонской* (1919–1939 гг.), в рамках которой реализовались итоги Первой мировой войны и возникло первое в мире социалистическое государство, *Ялтинско-Потсдамской* (1945–1991 гг.), связанной с победой СССР в Великой Отечественной войне, коалиции СССР, США и Великобритании во Второй мировой войне, зарождением мировой системы социализма и установлением биполярного мира, так называемая *Беловежская геополитическая эпоха* (1991, post-Cold War era), наступившая после распада Советского Союза и мировой системы социализма, ознаменовала завершение холодной войны с претензией США на утверждение однополярного мира. Сегодня эта эпоха должна во имя сохранения и выживания человечества трансформироваться в *глобально-коммуникативную геополитическую эпоху мировой истории* с моделями диалога культур и цивилизаций, народов и религий, несилевой моделью принятия решений на национальном и глобальном уровнях, идеалами взаимоуважения и толерантности, согласия и сотрудничества, несмотря на пока еще реальные сценарии и прогнозы относительно конфигурации современного многополярного мира с экономическими, политическими, военными и цивилизационными «полюсами» и «центрами силы» [8, с. 201].

Сегодня аналитики, подчеркивая своего рода «разломы» по линии Восток–Запад, актуализируют феномен «дипломатической революции», поводом для которой становится экономический подъем Китая, а причиной – его военное возвышение, начавшееся в последние годы и неконтролируемое даже самим политическим руководством Китая. На протяжении последних лет, отмечает Э. Люттваг, выдающийся американский историк и политолог, специалист по политической и военной стратегии, по теории международных отношений, старший советник Центра стратегических и международных исследований США, китайцы инициировали не только серьезные споры и размолвки с Индией, Вьетнамом и Японией, но и стратегически противопоставили себя США, начав строительство военного флота. Вместе с тем Китаю следовало бы принять в расчет, что три азиатских государства – Япония, Индия и Вьетнам, – вместе взятые, имеют больше жителей, чем Китай, больше финансовых ресурсов, чем Китай, и больше современных технологий, чем Китай, и ничто им не мешает через очень короткое время иметь вооруженные силы, вдвое более сильные, чем Китайская народная армия [10, с. 10].

В настоящее время в поисках новых геополитических сценариев развития современного рискогенного общества настойчиво ищутся способы преодоления негативных тенденций западной цивилизации, осуществляется обоснование путей гуманизации мира и человека, предпринимаются попытки объединения усилий общественности в предотвращении термоядерной

войны, прекращении национальных распрей, сохранении окружающей среды, преодолении отчуждения человеческой личности, ее сохранении. Решение этих проблем, характерных как для современного Запада, так и Востока, возможно только на пути признания *целостности и взаимозависимости современного мира*, необходимости диалога культур, их взаимообогащения, признания приоритета за поведением, ориентированным на коммуникацию и понимание, ибо XXI столетие знаменует собой духовное единство человечества, мировой истории не как идеи, но как реальности и ответственности.

Глобализационные социально-экономические процессы и практики тесно связаны с ужесточением на мировом рынке конкурентной борьбы за контроль над природными ресурсами и информационным пространством через использование новейших технологий. Современная глобализация, наряду с дестабилизацией финансовой сферы, ведет к усилению диспропорций в мировой экономике и к нарастанию социальной поляризации, к одновременному выделению высокодинамичных систем и расширению числа стагнирующих, обострению социально-политических проблем. Откровенный национализм и религиозная нетерпимость во все более опасных масштабах становятся в XXI в. ответной реакцией тех представителей мирового сообщества, которые оказались не в состоянии преодолеть психологический шок глобализационных процессов.

Обострение социально-политических рисков, кризисных ситуаций в экономической, финансовой, социально-политической, экологической и социально-духовной сферах современного цивилизационного развития выдвигает на передний план проблему регулирования стихийными процессами в целях выживания человечества в новых условиях существования. Наибольшее внимание политологов, экономистов и других специалистов в настоящее время привлекает внимание вопрос о *судьбе и функциях конкретных государств в условиях глобализации, их национальных интересах* [20, с. 84]. Утверждение о неминуемом отмирании национальных государств представляется сомнительным. Отличительной особенностью оптимальной стратегии государства в условиях глобализации является то, что оно все более тесно кооперируется с обществом, делегируя ему часть своих полномочий и тем самым способствует его консолидации, развитию творческих сил нации и решению возникающих социальных проблем, контролируя действия бюрократического аппарата и борясь с коррупцией. Все это способствует успешной интеграции национального общества. Возникает парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что чем богаче и крепче внутренние связи общества, чем выше уровень его экономической и социальной консолидации и больше значение системы «национального ромба», который графически выражает взаимосвязь и взаимодействие компонентов саморазвивающейся национальной экономической системы (производственных факторов, внутреннего спроса, уровня межотраслевой кооперации, стратегии банков и фирм), тем успешнее оно использует

преимущества интеграционных связей в условиях глобализации [18, с. 6–7]. Во всечеловеческом объединении народов, постепенном, но неуклонном, выравнивании уровней их социального развития заложен смысл глобализации человечества. Глобальный мир выступает сегодня в виде определенной мир-системы, мир-экономики (И. Валлерстайн), многообразных экономик, национальных государств, обществ, идеологий и культур, что необходимо учитывать при разработке механизмов преодоления мирового экономического кризиса. Такой аналитический подход предполагает и обращение к историческому опыту, связанному с Великой депрессией 1929 г. Подобно современному экономическому кризису, эпицентром кризиса 1929 г. стала самая развитая страна капитализма, объявившая создание общества «всеобщего процветания», – США, когда там произошел биржевой крах.

Привлекает внимание теоретико-методологическая основа, на которую решил опереться Ф. Рузвельт для преодоления кризиса, в лице учения английского экономиста Д. М. Кейнса, работавшего некоторое время у него консультантом. Главный упор здесь был сделан на *необходимость превращения государства в активный экономический субъект*, его активного вмешательства в экономику. В работе «Общая теория занятости, процента и денег», вышедшей вскоре после окончания Великой депрессии (1936 г.), экономист отмечал, что свободная игра рыночных механизмов не может автоматически обеспечить рост экономики и, соответственно, полную занятость, эта игра должна быть дополнена государственным вмешательством (стимулирование инвестиций, спроса, регулирование занятости и заработной платы и т. д.). Либеральные подходы классической экономической теории в борьбе с инфляцией приводят к обратным эффектам, считал Д. М. Кейнс, подстегивают спираль инфляции, что свидетельствует об исчерпании ее инструментов. Современный рынок по сравнению с классическим периодом XVIII–XIX вв. «сам по себе» уже не может обеспечить наилучшие условия для развития капиталистической экономики в новых условиях. Государство должно оказывать свое руководящее влияние на склонность к потреблению частично путем соответствующей системы налогов, частично финансированием нормы процента и, возможно, другими способами. По мнению экономиста, достаточно широкая социализация инвестиций окажется единственным средством, чтобы обеспечить приближение к полной занятости, хотя это не должно исключать всякого рода компромиссы и способы сотрудничества государства с частной инициативой [9]. Из взглядов Д. М. Кейнса, как отмечают аналитики, вытекает, в частности, то, что рынок не содержит в себе механизм устойчивого долговременного роста. Поэтому долговременные прогнозы приобретают смысл только в том случае, если государство своей целенаправленной экономической политикой способно обеспечить экономически устойчивый рост [1, с. 30].

Сегодня аналитики, оценивая нынешний финансово-экономический кризис в контексте динамики взаимоотношений классического либерализма

и кейнсианства, делают вывод о *банкротстве и снижении авторитета современной экономической теории, нуждающейся в коренном обновлении*, ибо почти все авторитетные экономисты, как замороженные, прославляли мониторинг как руководство к действию. Мировой финансово-экономический кризис начала XXI в. является самым крупным поражением капиталистическо-экономической системы за все последние послевоенные десятилетия. Необходимо переосмысление многих принципиальных моментов в экономике и политике как на национальном, так и на международном уровнях. Данный кризис порожден самой системой крупного бизнеса и финансов. Институциональный аспект кризиса связан с тем, что банки превратились из «обслуживающей организаций в казино», их регулирующие органы обратили себя в фанатиков неолиберально-монитарной гипотезы об эффективном рынке вне государственного регулирования. Это и моральный крах системы, основанной на кредитной задолженности, причиной которого является культ экономического роста как самоцели и максимизации накопительского богатства, а не как способа достижения более высокого качества жизни общества. Впервые после исчезновения мирового социализма и торжества капитализма, считает Р. И. Хасбулатов, возникли самые серьезные основания считать, что современный капитализм таит угрозу для общества и что он далек от совершенства, необходима коренная перестройка самих оснований международных хозяйственно-финансовых отношений. В практической политике национальных государств и принятии решений субъектам государственного управления пора критически оценить теоретические постулаты догматического монитарного либерализма (как его определил известный американский экономист П. Самуэльсон) о всемогуществе рынка, якобы способного самостоятельно решать проблемы макроэкономического равновесия и обеспечивать бескризисное развитие экономики, и постулат о том, что чем меньше государственное вмешательство в сферу экономики, тем лучше и эффективнее действуют рыночные механизмы. Требуется взвешенная политика по отношению к установлению контроля над большими банками и корпорациями в лице наднациональных институтов регулирования движения финансовых потоков, национализации и приватизации, которая способна лишить страну остатков государственной собственности [17].

Современные методологические модели долгосрочного социально-экономического прогнозирования, основанные на открытиях великого экономиста Й. Шумпетера о роли научно-технических инноваций как локомотивов экономического развития, длинных циклов экономической конъюнктуры Н. Кондратьева (20-е годы XX в.), позволяют обнаружить точки кризисов, рецессий и бифуркаций, а самое главное – повысить надежность управления социально-экономическим процессом для достижения целевых показателей. В соответствии с данной методологией ученые предсказывают, что мировую экономику ожидает затяжная депрессия, которая, возможно, протянется

до 2018 г. и будет сопровождаться промежуточными кризисами. Нарастают также экологический, продовольственный, энергетический и геополитический кризисы. Будет усугубляться нехватка продовольствия, произойдет рост цен на продукты питания. Возможен, предвещают исследователи, затяжной геополитический кризис, связанный с формированием нового мироустройства. Снижение остроты этого кризиса возможно лишь при условии долгосрочной стратегии всего мирового сообщества, основанной на диалоге и партнерстве цивилизаций, принципе многополярности [1, с. 23–28]. Необходимо также формирование национального инновационного пространства на основе системного подхода, дальнейшее развитие национальной системы государственного прогнозирования и программирования социально-экономического развития, использование в качестве теоретической прогрессивной структурной трансформации экономики страны парадигмы долгосрочного технико-экономического развития, создания на национальном уровне корпоративной структуры, отвечающей за развитие важнейшего фактора VI технологического уклада – нанотехнологий [19, с. 9].

Таким образом, сегодня формируется качественно новая синергетическая социально-политическая картина мира, оказывающая сильнейшее влияние на постнеклассические практики в сфере экономики, политики, культуры, изменяются наши концептуальные модели описания, объяснения и прогнозирования развития социума. В такой картине мира доминируют понятия становления, коэволюции, кооперативности компонентов мировой политической системы, нелинейность и открытость вариантов будущего развития, нестабильность и хрупкость современного мира. Исследование геополитических рисков, обоснование прогностических вариантов развития рискогенного общества, а значит, и управления им, принятие возможных мер против негативных тенденций и практик – все это является одной из детерминант рационального выбора исторического пути развития современного человечества. Синергетическое мировидение дает вместе с тем и теоретическую основу для исторического оптимизма, ибо предполагает, что шествие человеческой истории не предопределено и во многом зависит от нравственного выбора людей, ответственности субъектов власти, их способности заглядывать «за горизонт», принимая соответствующие решения и «проигрывая» возможные варианты их реального воплощения в сценарии истории, становясь одновременно его режиссером, автором и исполнителем.

Литература

1. Акаев, А. А. О новой методологии долгосрочного циклического прогнозирования динамики развития мировой и российской экономики / А. А. Акаев, В. А. Садовничий // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания : сб. ст. / под ред.: И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина ; отв. ред. Т. Л. Шестова. – М. : МАКСПресс, 2010. – Вып. 4. – 368 с.
2. Аттали, Ж. На пороге нового тысячелетия / Ж. Аттали. – М. : Междунар. отношения, 1993. – 135 с.

3. Гидденс, Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М. : Весь мир, 2004. – 120 с.
4. Гидденс, Э. Демократизируя демократию: государство и гражданское общество / Э. Гидденс // Социология. – 2010. – № 1. – С. 4–9.
5. Глобальная геополитика / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина, И. Ф. Кефели. – М. : МГУ, 2010. – 312 с.
6. Глушенко, В. В. Теория государства и права: системно-управленческий подход / В. В. Глушенко. – Железнодорожный : ООО НПЦ «Крылья», 2000. – 416 с.
7. Глушенко, В. В. Риски инновационной и инвестиционной деятельности в условиях глобализации / В. В. Глушенко. – Железнодорожный : ООО НПЦ «Крылья», 2006. – 230 с.
8. Ильин, В. В. Мир GLOBO: вариант России / В. В. Ильин. – Калуга : Полиграф-Информ, 2007. – 252 с.
9. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс. – М. : Образование, 1978. – 496 с.
10. Люттваг, Э. В политике самое важное – знать, когда нужно остановиться / Э. Люттваг // Свободная мысль. – 2011. – № 3. – С. 5–18.
11. Подколзина, И. А. Проблемы оценки политического риска [Электронный ресурс] / И. А. Подколзина // Consulting.ru. – Режим доступа: http://consulting.ru/econs_art_845354567/cons_printview. – Дата доступа: 08.06.2015.
12. Политические риски [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.risk24.ru/politriski.htm>. – Дата доступа: 08.06.2015.
13. Постнеклассические практики: опыт концептуализации / под общ. ред.: В. И. Аршинова, О. Н. Астафьевой. – СПб. : Изд. дом «Мирь», 2012. – 536 с.
14. Семенов, В. Геополитика как наука / В. Семенов // Власть. – 1994. – № 8. – С. 63–68.
15. Страновой риск и методы его оценки [Электронный ресурс] // Методический журнал «Международные банковские операции». – Режим доступа: http://www.reglament.net/bank/mbo/2008_2_article.htm. – Дата доступа: 08.06.2015.
16. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33–57.
17. Хасбулатов, Р. И. Идолы и идолопоклонники: крах либерализма / Р. И. Хасбулатов // Век глобализации. – 2011. – № 1. – С. 3–14.
18. Чумаков, А. Н. Глобальный мир: проблемы управления / А. Н. Чумаков // Век глобализации. – 2010. – № 2. – С. 3–15.
19. Шимов, В. Н. Направления структурной трансформации промышленного комплекса страны в контексте мировых тенденций / В. Н. Шимов // Науч. тр. Белорус. гос. эконом. ун-та : [сб.]. – Минск : БГЭУ, 2010. – С. 3–10.
20. Яскевич, Я. С. Время кризиса – время надежды и диалога / Я. С. Яскевич. – Минск : Право и экономика, 2009. – 189 с.
21. Яскевич, Я. С. Политический риск и психология власти / Я. С. Яскевич. – Минск : Право и экономика, 2011. – 298 с.

PHILOSOPHICAL REFLECTION IN UNDERSTANDING OF GEOPOLITICAL RISKS AND PRACTICES: NATIONAL AND GLOBAL ASPECTS

Y. S. YASKEVICH

Summary

The status of a philosophical reflection over the bases of modern riskogenny society comes to light, specifics of political risk in the conditions of globalization, its interaction with economic policy of the national states, substantial models of modern geopolitical scenarios and mechanisms of overcoming of an economic crisis in a context of synergetic methodology and long-term forecasting are considered.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.12.2014

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Л. Е. ЗЕМЛЯКОВ, А. В. ШЕРИС

Религия исследуется как важный фактор общественной и государственной жизни. Дается определение понятия «религиозная безопасность» в контексте национальной безопасности. Выявляется специфика религиозной безопасности, а также анализируются ее структурные элементы.

В конце XX в. в Республике Беларусь сложилась ситуация, которая потребовала оптимизировать общественно-практическую деятельность людей: усилить влияние субъектов гражданского общества, в число которых входят и религиозные организации, на решение как общенациональных, так и региональных проблем; сделать более эффективной и ответственной роль государства в управлении общественными процессами, в формировании системы обеспечения национальной безопасности.

Национальную безопасность мы рассматриваем исходя из многогранности социального явления безопасности, соотносящегося с тремя областями развития окружающего мира – неживой природой, живой природой и человеческим обществом. С точки зрения практических потребностей существует общее понятие безопасности жизнедеятельности, под которой следует рассматривать защищенность всего материального мира и человеческого общества от негативных воздействий различного характера [1]. Объектами безопасности в рамках этого определения являются природа и общество. Исходя из данной структуры объектов безопасность жизнедеятельности можно классифицировать следующим образом: безопасность существования человека (личная и имущественная безопасность); безопасность окружающей среды; национальная безопасность.

До последнего времени наиболее часто безопасность употреблялась в смысле безопасности военной («жесткой»). Сегодня широко признается тот факт, что безопасность не может быть обеспечена без учета экономических, социальных, политических, правовых, экологических и религиозных факторов. Вопросы «мягкой» безопасности выходят на первый план. Вместе с тем суверенному государству становится все труднее обеспечивать безопасность только своими силами. Растет понимание неделимости безопасности. Происходит изменение угроз: одни из них практически сходят на нет, другие, наоборот, вырастают в глобальные проблемы, например проблема международного терроризма. Но в целом все более значимыми становятся вопросы «мягкой» безопасности. Так, приоритетными для СНГ и Республики Беларусь можно на-

звать социально-экономический, экологический, культурно-гуманитарный и религиозный аспекты безопасности.

Национальная безопасность является сложной многоуровневой функциональной системой, в которой происходят процессы взаимодействия и борьбы жизненно важных интересов личности, общества и государства с угрозами этим интересам. Ключевым словом в понятии «национальная безопасность» является «нация». Для Беларуси, многонациональной и поликонфессиональной страны, нация сегодня определяется как двуединство гражданского общества и государства: государство выражает всеобщие интересы нации и является ее основой, а гражданское общество, в свою очередь, является выразителем частных интересов, частью нации, подчеркивает ее полиэтничность.

Одним из существенных элементов национальной безопасности является религиозный фактор. Он играет значительную роль в духовной жизни Беларуси. Религия – это та константа, которая во многом определяет мышление и поведение людей, ценности, передаваемые из поколения в поколение. Все религии дают людям чувство идентичности, потому что они вносят своеобразие в быт, язык, сферу символов народа.

Особенность Беларуси заключается в ее многоконфессиональности и во влиянии православия, которое сыграло важную роль в становлении белорусской государственности, определило координаты белорусского жизненного уклада и способствовало выработке его национального единства и особенности национально-культурной идентичности.

Религиозный фактор жизнедеятельности общества функционирует в структуре идейных и нравственных мотиваций социального действия, интеграции и мобилизации, участвует в конституировании социального проекта будущего, выступает содержательной детерминантой национальной идентичности, сохранение и воспроизводство которой являются смысловым ядром национальной безопасности.

Выступая как динамичная система религиозно-философских взглядов (догматика, геология, религиозная философия, включающая различные современные философские идеи), культура (как наиболее стабильного консервативного элемента, особенно в сформированных религиях), сложившихся в ходе культовой деятельности отношений между последователями той или другой религии, их отношения к другим конфессиям, различных институтов (церковь, секта, деноминация, новые религиозные движения и т. д.), религиозный фактор является условием функционирования религиозных организаций и объединений в современном обществе и государстве, оказывает влияние на жизнь общества [2]. Как правило, он определяет лояльность граждан государству, консолидирует верующих, вносит интегрирующий и стабилизирующий элемент в общественную жизнь государства. Вместе с тем в переломные моменты истории, в переходный период, когда недостаточно сильна сама государственная власть, во время социально-экономического кризиса в стране религиозный

фактор может оказывать дезинтегрирующее влияние на общественную жизнь, вносить дополнительную напряженность в социальные отношения, стать конфликтогенным фактором, угрожающим национальной безопасности страны.

Религиозный фактор национальной безопасности представляет собой совокупность религиозно-политических воззрений, религиозных идеалов, традиций, религиозно окрашенных ценностей, религиозно-психологических мотивов и побуждений, имеющих значение для поведения людей в общественной сфере, благодаря которым религия непосредственно или опосредованно проникает в сферу национальной безопасности.

Религия и национальная безопасность в реальной жизни тесно переплетены друг с другом, и Беларусь в этом плане не является исключением. Власть всегда стремилась использовать церковь, вовлекая ее в те или иные политические процессы.

Однако сама церковь нередко боролась за доминирование над светской властью, используя свое влияние на массы. В этой связи церковь можно рассматривать как один из институтов, влияющих на национальную безопасность, наряду с такими институтами, как само государство, политические партии, СМИ и т. д.

Воздействие религиозного фактора на систему национальной безопасности страны носит субъективно-объективный характер. Характерной чертой современной религиозной ситуации стали существенный рост общественного престижа религии и религиозных организаций, активизация деятельности практически всех конфессий.

Белорусская религиозная сфера находится в процессе трансформации, представляющей собой разрушение прежней структуры и управления и одновременно формирование ее новых элементов. Религия стала важным фактором общественной и государственной жизни. В новой религиозной ситуации произошло значительное увеличение числа конфессий, деноминаций, религиозных направлений, наблюдается быстрый рост числа их последователей. За последние десятилетия число религиозных организации увеличилось почти в 4 раза и составляет 3263.

На 1 января 2014 г. в Республике Беларусь насчитывалось 3280 религиозных общин. В их числе: 1615 православных и 488 католических, старообрядческих – 33, христиан веры евангельской (ХВЕ) – 520, евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) – 287, адвентистов седьмого дня (АСД) – 73, христиан полного Евангелия (ХПЕ) – 59, греко-католических (ГКЦ) – 15, новоапостольских – 21, иудейских – 52, исламских – 25, свидетелей Иеговы – 27, бахаи – 5, мормонов – 4, кришнаитов – 6. Общины представляют 25 конфессий, церквей, религиозных направлений и деноминаций. Общины традиционных религий составляют в современной конфессиональной структуре республики около 68 % всех зарегистрированных религиозных общин, в том числе Белорусской православной церкви (БПЦ) – около 48 %, Римско-католической

церкви (РКЦ) – около 16 %. К христианству относятся 20 религиозных направлений из 25. Число религиозных общин продолжает увеличиваться.

На территории Беларуси имеются более 1407 церквей, 476 костелов и пр. В настоящее время строится 200 новых культовых зданий, в том числе православных – 162, католических – 26; многие культовые здания ремонтируются и находятся на реставрации.

В республике со своими уставами действуют 166 религиозных организаций, имеющих общеконфессиональное значение: православная академия, 2 православные и 2 католических семинарии, духовные училища, библейский институт и Библейская школа ЕХБ, Теологический институт и Библейский колледж ХВЕ, Библейский колледж ХПЕ, Высший заочный ешибот и Высший иудейский духовный колледж, 34 православных и 9 католических монастырей, 22 протестантские миссионерские организации, 45 религиозных центров и управлений (республиканских и областных), среди них 11 православных епархий и 4 католические. Созданы протестантские объединения – Объединенная церковь ХВЕ (до 07.03.2007 – Союз ХВЕ), Союз ЕХБ, Конференция АСД, Религиозное объединение Новоапостольской церкви и др. Возникла и тенденция консолидации протестантских организаций, что выявилося в создании на основе ЕХБ, ХВЕ и АСД Белорусской христианской Ассоциации религиозной свободы.

В религиозных организациях осуществляют свою деятельность более 3000 служителей культа, в том числе более 1500 православных священников и более 400 католических ксендзов (более 150 из них являются иностранными гражданами) [3].

Ведется активная издательская деятельность религиозных объединений. Действует издательство Белорусской православной церкви (БПЦ). Функционирует католическое издательство «Про Христо». Публикуются журналы: «Веснік Беларускага Экзархата», «Ступени», «Праваслаўе» и др. (БПЦ); «Наша вера», «Дыялог» и др. (РКЦ); «Благодать» (ХВЕ), «Крыніца жыцця» (ЕХБ), «Христианская семья» (АСД) и др.; «Аль-Ислам», «Байрам» (ислам); информационные бюллетени, 15 газет, среди которых «Жировичская обитель», «Сретение», «Гродненские епархиальные ведомости», «Преображение» и др. (БПЦ); «Слова жыцця» (РКЦ); «Царква», «Шлях да Хрыста» (ГКЦ); «Жизнь», «Мусульманский вестник» (ислам), «Берега» (иудаизм) и др.

Вместе с тем религиозная журналистика только возрождается. В религиозных изданиях недостаточно аналитического материала, практически больше половины составляет информация из различных сайтов, публикации в основной массе посвящены описанию или толкованию религиозных обрядов, что сужает тематику изданий. Религиозные СМИ еще не заняли свою нишу в процессе формирования конструктивного общественного мнения.

Конфессиональное пространство современной Беларуси довольно многообразно и разнородно. Этот факт может нравиться или не нравиться, вызы-

вать интерес или раздражение, рассматриваться как закономерный результат развития белорусского общества или как проявление чьей-то злой воли или неосмотрительности, но от него никуда не уйти: конфессиональное пространство Республики Беларусь, структура вероисповедного состава населения сегодня именно таковы, каковы они есть.

Религиозные лидеры представляют в отношениях с властями интересы верующих, обращаются к властям по поводу реализации религиозных потребностей. Пользуясь немалым авторитетом, они все чаще формируют требования к властям и по вопросам, выходящим за рамки собственно культовой деятельности. Опираясь на представления своей религии и порой игнорируя права и законные интересы верующих других конфессий, нерелигиозной части населения, а также требования законодательства, активные группы верующих могут неожиданно создать серьезные проблемы, включая те, которые традиционно считаются светскими. Религиозный фактор вышел за пределы конфессиональной сферы, стал значимой составляющей системы национальной безопасности.

Вопреки мнению, которое в силу определенных (прежде всего политических) обстоятельств активно предлагается сегодня белорусскому обществу, что якобы активизация религиозной жизни в стране несет нашему обществу исключительно позитивные приобретения, необходимо отметить, что по отношению к национальной безопасности такая позитивная однозначность отсутствует.

Процесс активизации религиозной жизни общества сопровождается рядом тенденций, укоренение и развитие которых по отношению к национальной безопасности представляет определенную угрозу. К их числу, прежде всего, относятся:

- обострение межрелигиозных противоречий;
- зарождение религиозного экстремизма;
- рост числа и активности социально опасных религий;
- широкое распространение в стране оккультизма;
- втягивание религиозных организаций в борьбу светских (политических) группировок и т. д.

Следует подчеркнуть, что Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (2010), определяя основные источники угроз национальной безопасности, указывает в том числе и на экстремистскую деятельность религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленную на нарушение единства и территориальной целостности Республики Беларусь и дестабилизацию внутривластной и религиозной ситуации в стране [4]. Поэтому сегодня вполне правомерно говорить о религиозной безопасности как об одной из составляющих национальной безопасности.

Религиозная безопасность представляет собой динамический комплекс факторов и следствий в религиозной сфере, находящейся в непрерывном функциональном взаимодействии с другими подсистемами. Религиозная безо-

пасность легализует национальные интересы вероисповедных предпочтений, в рамках которых институты публичной власти путем политико-правового диалога с основными религиозными организациями смягчают конфессиональные противоречия, гарантируя реализацию прав и свобод человека в сфере свободы совести.

Первоосновой, обуславливающей необходимость обеспечения религиозной безопасности Республики Беларусь, являются национальные интересы, выражающие назревшие потребности граждан, общества и государства в различных сферах общественной жизни, реализация и защита которых требуют определенного воздействия и поэтому связаны с механизмом осуществления власти в обществе. При этом важнейшую роль в обеспечении религиозной безопасности Республики Беларусь имеет реализация и защита национальных интересов во внутривнутриполитической и международной сферах.

Религиозная безопасность – состояние защищенности религиозной сферы от деструктивных и дестабилизирующих внутренних и внешних воздействий, способствующее демократическому общественному развитию; свойство религиозной сферы, проявляющееся в ее стабильности, динамичности, устойчивости, способности сохранять свои сущностные характеристики, в отсутствии противоречий в развитии и функционировании, которые могут привести ее к резким качественным изменениям; важнейшая атрибутивная характеристика общественной системы, условие ее эволюционно-прогрессивного развития. Это также состояние защищенности интересов конфессиональных субъектов, достигаемое путем нейтрализации деструктивного или негативного воздействия на сложившуюся в обществе систему религиозно-правовых ценностей, агрессивного вмешательства в процессы обретения духовной идентичности личности.

Религиозная безопасность представляет собой одно из основных направлений правовой политики государства, выражающееся в совокупности исторически складывающихся и изменяющихся форм взаимосвязи институтов государства и институциональных религиозных субъектов (религиозных сообществ, движений с религиозной окраской, конфессиональных центров).

Специфика религиозной безопасности предполагает учет нескольких структурных элементов. Прежде всего, это реальная схема конфессиональной ориентированности (самоидентификации) населения, находящаяся под воздействием или собственно религиозных, или внецерковных факторов. К факторам первого типа можно отнести активизацию или спад активности отдельных церковных образований, поиск ими новых форм самовыражения и убеждения верующих. Факторами второго типа являются выделение приоритетов, изменение доминантных позиций в межконфессиональных отношениях, в общей расстановке церковных сил и влияний, увеличение или уменьшение удельного веса религиозных организаций в конфессиональной структуре общества, их непосредственного влияния на все стороны общественной, нерелигиозной

жизни. Немаловажны и расстановка акцентов в государственной конфессиональной политике, обоснование стратегии и тактики по отношению к действующим конфессиональным структурам.

Говоря о религиозной безопасности Республики Беларусь в данном аспекте, необходимо вести речь о защищенности религиозной сферы от деструктивных и дестабилизирующих внутренних и внешних воздействий. Однако защищенность религиозной сферы должна быть не самоцелью, а фактором, способствующим стабильному, устойчивому, демократическому общественному развитию Беларуси, что, в свою очередь, предполагает и недопустимость превращения религиозной сферы в источник опасностей и угроз для граждан, общества и государства.

В связи с этим особое значение для Республики Беларусь приобретают вопросы религиозной безопасности, тесно связанные с конституционно-правовым обеспечением свободы совести в нашей стране [5]. В данном аспекте наибольшую угрозу представляют религиозный фундаментализм и деятельность в республике иностранных религиозных организаций, а также неомистических и псевдорелигиозных организаций, проповедующих разные формы мистики, оккультизма и суеверий. По своей сути религиозный фундаментализм представляет доктрину, предписывающую возвращение к авторитету сакральной традиции той или иной конфессии и противопоставление ее современному обществу, светскому государству и его идеологиям. Для религиозного фундаментализма, независимо от конфессии, свойственно категорическое неприятие практикуемого в современном обществе разделения светского и религиозного и стремление воссоединить светскую власть и конфессиональный авторитет в единой институциональной структуре. Основным тезисом фундаментализма является порочность самого принципа автономности и неподконтрольности личной сферы по отношению к публичной, базового для современной западной цивилизации. В качестве альтернативы религиозный фундаментализм предлагает теократическую модель политического устройства, контроль религиозных властей над сознанием и личной жизнью людей, введение религиозного суда вместо светского и т. д. Поэтому религиозный фундаментализм составляет угрозу для любого государства современного типа.

Религиозный фундаментализм является плодом реакции на глобализацию и угрожающее локальным культурам поглощение глобальной культурой. Согласно Э. Гидденсу, фундаментализм – дитя глобализации. Он одновременно является реакцией на нее и методом ее эксплуатации [6]. При этом вне зависимости от принимаемой им формы – религиозной, этнической или непосредственно политической – фундаментализм представляет собой серьезную общечеловеческую проблему, поскольку неразрывно связан с возможностью насилия. Фундаменталистские тенденции, проявляемые в рамках любой религии, угрожают тем, что с точки зрения фундаментализма ненависти и сопротивления заслуживает любое светское (нетеократическое) государство

и все другие конфессии. Распространение идей религиозного фундаментализма чревато ростом изоляционизма, отчуждения, экстремистских проявлений нетерпимости по отношению к государству. Религиозный фундаментализм превратился в одну из главных угроз стабильности и прогрессу во всем мире.

Следствием и продолжением фундаментализма является религиозный экстремизм, характеризующийся крайностями в интерпретации вероучения и в выборе методов практической реализации своих целей. Религиозный экстремизм направлен на подрыв основ светского государства, сложившегося социального порядка, против законов и правовых норм, регулирующих государственно-конфессиональные отношения.

Одну из существенных угроз религиозной безопасности Республики Беларусь составляет влияние и распространение на территории страны нетрадиционных религиозных культов и сект, многие из которых обладают деструктивным потенциалом; разрушают психику их adeptов, зомбируют их, внушают ненависть к семье, обществу и государству, стремление изолироваться от них. Помимо этих негативных последствий, суть угрозы составляют пропагандируемые и навязываемые такими организациями примитивизированные концепции веры, агрессивная критика с их стороны традиционных конфессий и их культовых практик.

Сектантство используется сегодня в качестве главного механизма реального утверждения оккультной религии и проникновения ее в сознание широких слоев населения, в первую очередь в сознание элит. Усвоение идеологии сект идет не через формальное вступление в эти организации, а через приобщение к определенному мировоззренческому полю, внешне крайне многообразному, но по сути отличающемуся удивительным внутренним единством, определяемым даже не столько общностью взглядов, сколько особым мистическим отношением к жизни. Сектантство представляет собой двойной вызов, религиозный и культурный одновременно, и в отношении церкви, и в отношении общества, поскольку утверждает, что христианство должно исчезнуть, чтобы уступить место глобальной религии и новому мировому порядку.

Все нетрадиционные религии и культы в конечном счете представляют собой результат духовного кризиса западной цивилизации, реакцию общественного сознания на прагматизм и индивидуализм протестантского мировоззрения. Тем не менее все подобные культы, несмотря на их внешнюю критичность по отношению к западному обществу и его духовному состоянию, объективно выступают носителями на территории Беларуси западных ценностей. Для нетрадиционных религиозных организаций характерно требование беспрекословного повиновения лидеру, который рассматривается как носитель харизмы и потому не подлежит критике. Этим обусловлена потенциальная опасность таких организаций, связанная с возможностью их социально и психологически деструктивного влияния на участников.

Религиозный фактор национальной безопасности Республики Беларусь..

Воздействие таких организаций на своих членов, как правило, складывается из сочетания психотехник, жесткой дисциплины, изоляции людей от семьи и близких, ослабляющей вегетарианской диеты, депривации сна, постоянного контроля, активного навязывания своего мировоззрения, что в комплексе приводит к резкому росту внушаемости. Это дополняется практикой запугивания, психологического давления, ограничения информации, насильственного удержания членов в организации. Оказывая материальную и иную помощь своим членам, тоталитарные организации создают новые каналы зависимости. В целом практика таких организаций представляет собой нарушение прав личности на информационную свободу, свободу выбора мировоззрения и образа жизни.

Деструктивные культы стремятся также внедриться в деятельность структур образования, здравоохранения, государственного управления, производства и коммерции, часто в целях маскировки этого влияния пользуясь прикрытием ими же созданных подставных организаций.

Основными причинами распространения на территории страны нетрадиционных религиозных культов и организаций являются несовершенство существующего законодательства Республики Беларусь в части, касающейся религиозной деятельности и недостаточное участие институтов государства в регулировании данного процесса. Эффективность распространения нетрадиционных религиозных организаций связана с сочетанием в их деятельности упрощенного и доступного без усилий толкования содержания традиционных учений с агрессивными, подавляющими критическое мышление методами воздействия на личность.

Нам представляется, что религиозная ситуация в современной Беларуси продолжает оставаться рискогенной в плане предпосылок возникновения новых нетрадиционных религиозных организаций с потенциалом социально-деструктивной деятельности. Вторжение инородных для культурного менталитета и религиозности жителей Беларуси организаций способствует дезориентации населения в религиозной сфере и подрыву национальной идентичности.

Помимо вышеперечисленных угроз для безопасности страны, религиозная сфера жизни современного белорусского общества таит в себе и определенную скрытую угрозу, которая связана с некоторыми аспектами проблемы адаптации религии, консервативной по своему существу, к бурной динамике современного общественного развития. Дело в том, что эта адаптация в силу своей объективной включенности в процесс общего глубокого перелома в развитии нашего общества может протекать только в двух направлениях (и их комбинации):

- 1) через изменения в самой религии и приспособление ее к изменившемуся обществу;
- 2) через противодействие (скрытое или открытое) со стороны религии изменениям в обществе.

Именно от того, в каком соотношении находятся между собой оба направления адаптации религии, зависит потенциал скрытой внутренней угрозы, которую религиозная сфера жизни белорусского общества представляет для нашего общества.

Основополагающей мерой по ограничению этих угроз религиозной безопасности Беларуси является формирование соответствующей системы обеспечения безопасности и эффективного механизма ее функционирования. Система обеспечения религиозной безопасности Республики Беларусь – это совокупность взаимосвязанных структурных элементов, необходимых для обеспечения безопасности, и их взаимодействие. Практическая деятельность, функционирование образуют механизм системы обеспечения религиозной безопасности.

Сегодня религиозная безопасность укрепляется в системе обеспечения национальной безопасности нашей страны. В ней можно выделить подсистему обеспечения религиозной безопасности Беларуси, структуру которой образуют следующие элементы.

1. Объект религиозной безопасности Беларуси – религиозная сфера современного белорусского общества, представляющая собой сложное многомерное образование, состоящее из множества религиозных течений, которые являются частными объектами религиозной безопасности. Исходя из того, что они, в свою очередь, имеют собственную структуру, связаны друг с другом и обеспечивают функционирование религиозной сферы в целом, одной из проблем обеспечения религиозной безопасности Беларуси является их защита от различных негативных факторов.

2. Субъекты религиозной безопасности – государство в лице законодательной, исполнительной, судебной властей, специальные (силовые) органы и структуры, а также другие государственные организации, общественные учреждения и граждане, участвующие в обеспечении религиозной безопасности Беларуси.

3. Теоретико-правовая основа обеспечения религиозной безопасности Беларуси – различные научные политические теории (общая теория безопасности, теория национальной безопасности), исследующие сущность и содержание, теорию и практику обеспечения безопасности Беларуси, в совокупности с соответствующей нормативной базой определяют цели, задачи, направления обеспечения религиозной безопасности.

4. Инструментарий, используемый субъектами обеспечения религиозной безопасности в своей деятельности (методы, способы, приемы, средства, системы контроля, прогнозирования, критерии оценки состояния религиозной безопасности).

5. Практическая деятельность субъектов обеспечения религиозной безопасности Беларуси, основанная на их эффективном взаимодействии по реа-

лизации конкретных задач, направленных на достижение целей религиозной безопасности.

Алгоритм механизма обеспечения религиозной безопасности включает следующие основные этапы:

определение, конкретизация и уточнение целей, задач, направлений, приоритетов обеспечения религиозной безопасности Беларуси;

мониторинг религиозной ситуации в целях своевременного выявления и прогнозирования возможных негативных факторов, явлений, тенденций, а также их направленности, интенсивности и последствий для объектов религиозной безопасности;

разработка программы действий, конкретных мер по противодействию деструктивным и дестабилизирующим факторам, доведение этих мер до соответствующих субъектов безопасности. На данном этапе возможно создание новых органов и сил обеспечения безопасности, а также наделение дополнительными функциями и полномочиями существующих;

осуществление практической деятельности субъектов обеспечения безопасности по нейтрализации опасностей и угроз, минимизации ущерба от них, а также по восстановлению утраченных свойств объектов религиозной безопасности;

оценка и прогнозирование субъектами как результатов деятельности по обеспечению религиозной безопасности Беларуси, так и проводимой государственной политики в целях их своевременной корректировки во избежание возникновения дестабилизирующих и деструктивных воздействий.

Религиозная безопасность включает в себя политико-правовые технологии и институты государственного вмешательства, контроля и регулирования, обеспечивающие конструктивный диалог конфессий и государства, способствующие нейтрализации угроз и разрешению внутриконтрессиональных и межконтрессиональных противоречий, а также препятствующие разрушению контрессионального пространства страны.

Политико-правовые технологии противодействия угрозам религиозной безопасности должны включать в себя также методику раннего диагностирования контрессиональных конфликтов, их комплексную политико-правовую профилактику на основе аксиологизации веротерпимого правосознания; нормативно-правовые ограничения радикальной контрессиональной субъектности на всех основных уровнях ее проявления (институциональном, эгалитарном, элитарном, эсхатологическом).

Множественность и фундаментальный характер угроз религиозной безопасности Беларуси и ее жителям указывают на необходимость не только осуществления мер по ограничению этих угроз, но и выработки обществом системы защиты от этих угроз и ограничивающего воздействия на них с целью сохранения самобытности и недопущения размывания национальной идентичности.

Литература

1. Общая теория национальной безопасности : учеб. / А. В. Важеников [и др.] ; под общ. ред. А. А. Прохожева. – 2-е изд. – М. : РАГС, 2005. – 344 с.
2. Земляков, Л. Е. Религиозный фактор политической культуры / Л. Е. Земляков // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2006. – № 3. – С. 71.
3. Справка о религиозной ситуации и религиозных организациях в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Приветствует Беларусь! – Режим доступа: http://www.belarus21.by/ru/main_menu/religion/sotr/new_url_199888707. – Дата доступа: 15.04.2014.
4. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Республики Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 276. – 1/12080.
5. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004г. – Минск : Амалфея, 2005. – 48 с.
6. Гидденс, Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М. : Весь Мир, 2004. – 120 с.

RELIGIOUS FACTOR OF NATIONAL SECURITY OF THE REPUBLIC OF BELARUS: POLITICAL AND LEGAL ASPECTS

L. E. ZEMLYAKOV, A. V. SHERIS

Summary

Religion is examined as a factor of public and state life in the article. The definition of “religious security” in the context of the national security is given. Special character of religious security is revealed. Its structural elements are analyzed.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.01.2015

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК [1+001.8](075.8)

ФОРМЫ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ НАД НАУКОЙ

А. И. ОСИПОВ

Рассматривается соотношение понятий «философско-методологический анализ науки» и «философский анализ науки». Выявляются специфика и предметное поле философско-методологического анализа науки (научное знание как сложно структурированный развивающийся продукт научно-познавательной деятельности и сама эта деятельность). Философский анализ науки в широком смысле включает все формы философской рефлексии над наукой, в том числе и философско-методологический анализ. Наука как предмет философского анализа в узком смысле рассматривается в институционально-организационном и социально-аксиологическом аспектах: цели науки, технология научной деятельности, характер научного труда, организационно-коммуникативные и ценностные аспекты научной деятельности.

Наука как сложная и многогранная система может быть предметом разнообразной философской рефлексии. Прежде всего необходимо провести (достаточно условную) демаркацию между философским и философско-методологическим анализом науки. О соотношении философии науки и методологии науки высказываются разные мнения. Например, В. С. Степин полагает, что предметом «философии науки являются общие закономерности и тенденции научного познания как особой деятельности по производству научных знаний, взятых в их развитии и рассмотренных в исторически изменяющемся социокультурном контексте (курсив наш. – А. О.)» [5, с. 8]. Здесь философия науки трактуется в широком смысле, но с акцентом на философско-методологический анализ науки.

Если попытаться, не претендуя на бесспорность, обозначить специфику философского анализа и предметное поле философии науки, то нужно отметить следующее. Философский анализ науки можно понимать в широком и узком смысле. Философский анализ в широком смысле включает в себя все формы философской рефлексии над наукой, в том числе и философско-методологический анализ. Но особая значимость последнего дает основание выделить его из сферы философского анализа в широком смысле (такое выделение условно и относительно) и рассмотреть его специфику в границах философского анализа науки. Ситуация здесь аналогична той, которая имеет место

при использовании выражения «литература и искусство». Понятно, что литература как вид искусства включается в состав последнего. Когда же используется выражение «литература и искусство», то этим хотят подчеркнуть особую значимость литературы как вида искусства. Но в таком словосочетании нужно «вычесть» литературу из искусства, а последнее будет пониматься в узком смысле. Точно так же, когда употребляются выражения «философско-методологический анализ науки» и «философский анализ науки», то последнее необходимо понимать не только в широком, но и в узком смысле, то есть как то, что остается от широко понимаемого философского анализа за вычетом философско-методологического анализа науки.

В чем специфика философско-методологического анализа науки? Широко распространенное в учебной литературе определение методологии как учения о методах познания является слишком узким. Безусловно, философия как методологическая рефлексия над наукой изучает методы научного познания, но не только. Предметом философско-методологического анализа является наука, но рассматриваемая под определенным углом зрения. Философию как методологию интересует не столько наука как феномен культуры или наука как социальный институт, сколько наука как сложная развивающаяся система, порождающая, продуцирующая, генерирующая в процессе своего функционирования и развития особый продукт – научное знание. Рефлексивный характер философской методологии состоит в том, что она изучает не сам мир непосредственно, его законы развития и функционирования (это делает наука), а законы развития и функционирования научного знания и деятельности по его получению.

Таким образом, предметом философско-методологического анализа науки являются научное знание как сложный развивающийся продукт научно-познавательной деятельности и сама эта деятельность по получению научного знания (методы, средства, условия, предпосылки).

Предметное поле философско-методологического анализа включает следующие проблемы: специфика научного знания, способы его генерации, генезис научного знания, его развитие, факторы (внутринаучные и вненаучные), детерминирующие это развитие, усложнение и структурирование уровней научного знания, взаимодействие этих уровней. Параллельно с этим и неразрывно с анализом динамики и структуры научного знания идет философско-методологический анализ динамики научно-познавательной деятельности, динамики познавательных стандартов в зависимости от типа познаваемых объектов, развитости познающего субъекта, что в конечном счете обусловлено культурно-исторической динамикой развития человечества.

Философско-гносеологический анализ науки акцентирует внимание на вопросах соотношения научного знания с объективной реальностью. Главной проблемой в таком анализе будет, как уже отмечалось, проблема истины (концепции истины, критерии истины). Сюда можно отнести и такой обще-

гносеологический вопрос, как соотношение веры и знания, преломленный в научном знании, в котором вера (не в смысле религиозной веры) неизбежно присутствует в составе аксиоматического базиса науки. По этому поводу А. Эйнштейн писал: «Вера в существование внешнего мира, независимо от воспринимающего субъекта, (и вера в его познаваемость. – А. О.) лежит в основе всего естествознания» [6, с. 182–183].

Разграничение гносеологического и методологического аспектов относительно. Ведь гносеологический образ реальности, представленный в научном знании, не является неизменным. Изменяется не только сам этот образ (знание о мире), но и способы, средства, условия его построения, то есть научно-познавательная деятельность по получению этого знания. А это уже методологический аспект в указанном нами понимании. Итак, гносеологический и методологический аспекты неразрывно взаимосвязаны.

Если говорить о причинах возрастания интереса к философско-методологическому анализу науки, то можно сказать следующее. Особенность современного этапа научного познания проявляется в том, что неизмеримо возросла (по сравнению с прошлыми эпохами) сложность объектов, которые исследует наука. Эти объекты (прежде всего микрообъекты) во многом утратили наглядность. Следствием этого явилась сложность, абстрактность их теоретического описания. Необходимо также отметить резкую интенсификацию научных исследований, ускорение темпов научного прогресса, что обуславливает более частые, чем раньше, перестройки фундаментальных понятий и принципов конкретных наук (научные революции). Кроме того, расширение фронта научных исследований и усложнение структуры самой науки приводят к усиливающейся дифференциации научных исследований, когда порой даже представители одной науки перестают понимать друг друга. Поэтому возникает потребность в интеграции, в междисциплинарном синтезе, в построении целостного образа науки.

Все сказанное делает весьма актуальными для ученых такие принципиальные вопросы: «что мы исследуем?», «как мы исследуем?» «с помощью чего мы исследуем?». Возникает необходимость отслеживать путь получения результата, а не только сам результат. Это сугубо методологические вопросы, без решения которых наука уже обойтись не может. Поэтому в самой науке сформировался спрос на методологию.

В нашей отечественной философии этими вопросами стали заниматься сравнительно недавно, с 1960-х годов. Именно потребности науки побудили часть философов обратиться к этим проблемам. И в рамках «философской корпорации» был создан «специализированный цех» философов-методологов, которые занялись анализом философско-методологических проблем, дабы помочь ученым более эффективно проводить научные исследования.

Цель философско-методологического анализа науки состоит в том, чтобы вскрыть механизмы и закономерности развития и функционирования научного

знания, сделать явными часто неосознаваемые исследователем приемы и процедуры его деятельности. Полученные же в результате этого выводы и обобщения могут быть выражены в форме рекомендаций, которые, будучи сознательно и целенаправленно примененными исследователями в различных областях, позволят последним более успешно, эффективно и с меньшими затратами получать научные результаты.

Методологическая рефлексия, конечно, не исчерпывается философско-методологическим анализом науки. Рефлексивные процедуры может и должен осуществлять (это зависит от уровня подготовки) сам исследователь в определенной области с целью более рациональной организации познавательного процесса в своей конкретной сфере. Исследователь начинает проводить методологический анализ не тогда, когда он просто использует какие-то средства, методы для изучения того или иного фрагмента реальности. Методологический анализ начинается тогда, когда ученый анализирует сами эти методы, средства, понятия, отслеживая процесс получения знания и эволюцию форм этого знания. Философия как раз и помогает ученому повысить уровень методологической культуры, развить навыки рефлексивно-концептуального мышления.

Можно расширительно трактовать философско-методологический анализ науки, когда в него включаются не только анализ связки «деятельность – знание» (философско-методологический анализ в узком смысле), но и анализ связки «знание – реальность» (философско-гносеологический анализ), а также логический анализ науки, связанный с осмыслением знания как результата научного познания. Что касается логического анализа науки, то он связан с осмыслением знания как результата научного познания и включает, как отмечает В. К. Лукашевич, следующие направления:

- 1) анализ формальной структуры определений (дефиниций), понятий, вопросов, проблем, гипотез, законов, теорий и других форм знаний;
- 2) исследование специфики различных логических выводов (индуктивных, дедуктивных и т. п.);
- 3) выявление закономерностей конструирования искусственных (формальных) языков науки;
- 4) определение смыслов эмпирических и теоретических терминов;
- 5) анализ перевода языка теорий на язык наблюдений;
- 6) разработку логических критериев истинности научного знания (трактовку принципов непротиворечивости, полноты, процедуры доказательства и др.) [3, с. 59–60].

Различие гносеологического и логического аспектов научного познания можно проиллюстрировать на примере различия понятий «истинность» и «достоверность». Истинность характеризует гносеологический аспект научного знания, а достоверность – логический аспект, связанный с процедурой доказательства.

Таким образом, философско-методологический анализ науки в широком смысле так или иначе связан с анализом научного знания и деятельности по его получению в разных аспектах (знание – деятельность, знание – реальность, логические операции со знанием).

Однако наука является сложным и многогранным явлением. Можно рассматривать с философских позиций науку в качестве феномена культуры (особенности науки на фоне других форм познания, ее связь с другими формами сознания, генезис науки и т. п.). Но предметом философской рефлексии может быть наука как социальный институт, то есть как сложная система особой институционально организованной деятельности, обеспечивающей максимальные возможности для научного творчества, генерации и наращивания научного знания, а также создающей благоприятные условия для его эффективного функционирования и использования в обществе. Такой взгляд на науку выделяет в ней сложную иерархическую и эволюционирующую систему организаций и учреждений, различных видов деятельности и отношений между субъектами.

Если предметом философско-методологического анализа является наука как сложная развивающаяся система деятельности, генерирующая научное знание (генезис научного знания, его развитие, детерминация, структурирование, усложнение и т. п.), то предметом философского анализа науки (в отмеченном ранее узком смысле) выступают цели науки, технология научной деятельности, характер научного труда, организационные формы научной деятельности, формы коммуникации в науке, характер и эволюция субъекта научной деятельности и др. Кроме того, сюда можно отнести философский анализ науки в аксиологическом измерении (ценностно-целевые и ценностно-мотивационные аспекты научной деятельности, проблемы, связанные с применением научного знания, моральная и социальная ответственность ученого др.).

Наука развивается не в вакууме, а в тесной взаимосвязи с развитием общества, то есть в связи с изменениями в материально-техническом базисе, социально-экономической, политической и духовной сферах общества. В соответствии с этим эволюционировали не только содержание и характер научного знания (в плане его углубления, расширения и усложнения), что входит в предмет философско-методологического анализа, но и цели науки, технология научного исследования, характер научного труда, субъект научного познания, организационные формы научной деятельности и формы коммуникации в науке, что, как отмечалось, входит в предмет философского анализа науки в узком смысле.

Наука, как и любой социальный институт, осуществляет распределение социальных статусов и ролей, функций, прав и обязанностей, типичных для научной деятельности [1, с. 85]. Причем сказанное относится к организациям, деятельности и отношениям как внутри, так и вне науки. Кроме того, возник-

кает необходимость оптимального управления в науке и наукой, а также сопряжения этических норм, принципов науки с ценностями общества. Все это может и должно быть предметом философской рефлексии.

Как *социальный институт* наука стала оформляться в XVII–XVIII вв., когда она превратилась в значимый вид деятельности, признанный обществом. К середине XIX в. формируется дисциплинарная организация науки. Возникает разветвленная система дисциплин со сложными связями между ними. Наука проникает в сферу образования. Постепенное усложнение науки в организационном плане есть процесс исторический. Среди важных и недостаточно изученных теоретических проблем можно выделить проблемы эволюции организационно-коммуникативных форм научной деятельности и эволюции субъекта научной деятельности. Рассмотрим их несколько подробнее.

Можно выстроить такую схему зависимости отмеченных моментов. *Потребности общества* на каждом этапе развития, его ценностные ориентации, цели и установки, обусловленные материально-экономическими и духовными факторами, опосредованно определяют цели научного познания в каждую эпоху.

Цели и задачи научного познания обуславливают средства познания – теоретические и материальные. Взаимодействие средств познания в определенной структуре, обусловленной целями и задачами науки, воплощается в технологии научного исследования. Последовательность технологических действий и операций в научном исследовании имеет необходимый характер. А форма и состав этих действий и операций лимитируются функциональными возможностями научного оборудования, уровень развитости которого исторически обусловлен.

Технология определяет характер научного труда, параметры его функционального разделения, уровень специализации, соотношение индивидуально- и коллективного, степень организационной зависимости исследователей, соотношение собственно познавательной и сервисной деятельности. Как производные от этого складываются организационные формы научной деятельности. В развитой науке эти организационные формы содержат и административно-управленческую субординацию отношений субъектов научной деятельности, в соответствии с которой складывается кадровый контингент как по количественному, так и по профессиональному составу, объем которого фиксируется штатным расписанием. В соответствии со всем этим эволюционируют субъект научной деятельности и формы коммуникации в науке.

На ранних этапах развития науки (до XVII в.) отсутствовала четко выраженная направленность научной деятельности на раскрытие объективных законов с помощью экспериментальных исследований и применение полученных знаний в материально-производственной деятельности. Накопление научно-теоретических знаний шло преимущественно в недрах философии. «Разомкнутость» науки и производства проявлялась в том, что цели научного познания, как правило, были умозрительными и не подчинялись насущным

потребностям практики. Например, для античной науки центральным был вопрос о том, что такое Космос, место и назначение человека в нем. Причем Космос понимался как живой организм, как гармоничная цельность, совершенная завершенность, постичь которую можно только умозрительным путем.

Такая целевая установка задавала античной науке и выбор соответствующих средств познания. В качестве последних выступали в основном логические приемы обработки результатов созерцания и умозрения. Познание в основном было связано с использованием «естественного средства» – мозга человека. Вся «технология» научно-исследовательской деятельности сводилась к логической работе с понятиями. Люди науки отмеченного периода скорее были мыслителями, чем учеными в современном смысле.

Соответствующими были характер научного труда и субъект научной деятельности. Научный труд имел индивидуальный характер деятельности мыслителя-энциклопедиста, поскольку наука еще не отпочковалась от философии, массив научных знаний был очень ограничен, отсутствовала предметная специализация научного труда. Научный труд всегда есть динамичное единство живого и овеществленного (опредмеченного труда). Определенный труд представлен наличным научным знанием предшественников и современников. По мере развития науки роль опредмеченного труда значительно возростала. Но на ранних этапах его роль была незначительна.

Возникающие в это время философско-научные школы не выступали в качестве подлинного субъекта научного познания. Школа представляла собой коллектив учеников, идейно подчиненных ее главе. Ученики, как правило, развивали идеи своего учителя, оставаясь в русле его концепции. Те же из них, кто выходил из-под его влияния, основывали собственные школы. Отсутствие стабильных «горизонтальных» связей, непосредственной кооперации труда между учениками не дают возможности говорить о действительно коллективном характере научного труда, несмотря на наличие взаимодействия «по вертикали» (учитель – ученик). В этом плане научное познание не представляло собой организованных усилий общества, а существовало как занятие отдельных людей, движимых личными целями и интересами.

В соответствии с этим основной формой коммуникации был диалог, устная беседа учителя и ученика, – форма общения и научения. Хотя уже в период Платона начинает складываться такая форма коммуникации, как лекция. В эпоху эллинизма наряду с устной формой коммуникации широко распространяется и письменная. Таковой является трактат – солидный фолиант, манускрипт в качестве монографической формы развертывания предмета научных философских изысканий. Эта форма коммуникации станет ведущей и в эпоху Средневековья, и в начале Нового времени (XVII в.). Конечно, устные формы коммуникации при этом не исчезли. Лекции и диспуты в средневековых университетах – яркое тому подтверждение. Но даже они основывались на трактатах Аристотеля и других признанных авторов.

Наука в современном смысле слова, как уже отмечалось, начинается в XVII в. Новые потребности общества обуславливают и новую цель науки – научное исследование природы, прежде всего экспериментальными средствами. Изменяется характер научного труда. Начинают складываться первые формы коллективного труда, поначалу в виде простой кооперации. До тех пор пока темпы приращения научного знания и его массив были ниже возможных темпов развития отдельного ученого, формы деятельности в науке носили индивидуальный характер. Но по мере того как темп роста науки опережает возможности роста отдельного ученого и потенциал его информационной «вместимости», начинают постепенно развиваться коллективные формы совместной научной деятельности.

В XVII в. возникают первые формы совместного труда в сфере науки – академии. И труд ученого постепенно становится значимым, уважаемым, престижным. Добровольные союзы ученых отражали уровень развития науки того времени как по характеру своих интересов, так и по форме организации. В них периодически обсуждались научные проблемы, полученные результаты. Был налажен обмен информацией. Таким образом, академии выполняли преимущественно информационные функции, что соответствовало любительскому характеру научных исследований в XVII в. Ученые, входившие в эти научные сообщества, по-прежнему осуществляли индивидуальные научные исследования. Устав академий подчеркивал значимость индивидуальной исследовательской работы, право академика на выбор предмета изучения. Общее собрание академиков выступало как коллективный орган оценки работы каждого и средство взаимного научного общения и взаимообогащения. Устав выдвигал требование коллективной верификации экспериментов, поставленных каждым отдельно.

Необходимость сбора и анализа увеличивающегося массива эмпирического материала об одних и тех же объектах диктовала необходимость появления первой формы совместного труда – простой кооперации, основанной на сотрудничестве исследователей, занятых решением единых задач, которые не связаны рамками одного научного коллектива и используют однородные методы при изучении одного и того же объекта. Специфика этой формы организации труда состояла в том, что в ней разделение труда не играло существенной роли. К. Маркс о такой форме кооперации писал: «Если 10 астрономов в обсерваториях различных стран ведут одни и те же наблюдения и т. д., то это является не разделением труда, а выполнением одного и того же труда в разных местах, одной из форм кооперации» [2, с. 289]. Это кооперация людей, живущих не «под одной крышей» и работающих раздельно.

Дальнейшее развитие форм совместного труда в сфере науки связано со становлением непосредственной коллективности в научной деятельности и появлением разделения труда в создававшихся научных коллективах. Это разделение было исторически необходимым этапом развития научного позна-

ния, так как позволило существенно повысить эффективность деятельности научного коллектива на основе специализации и использования прогрессивных средств и орудий деятельности.

Итак, на смену ученым-энциклопедистам пришли ученые-специалисты. Это было связано с неизмеримо возросшим массивом научного знания, который уже невозможно было освоить одному человеку.

В конце XVIII – первой половине XIX в. формируется дисциплинарная организация науки с присущими ей особенностями трансляции знаний, их применения и способами воспроизводства субъекта научной деятельности. Нарастающая специализация способствовала оформлению предметных областей науки, приводила к дифференциации наук, каждая из которых претендовала не на исследование мира в целом и построение некой обобщенной картины мира, а стремилась вычленить свой предмет исследования, отражающий особый фрагмент или аспект реальности [4, с. 87–88]. Необходимость массового производства научных исследований породила потребность в подготовленных кадрах исследователей, что привело к тому, что в XIX в. в большинстве европейских стран центр исследовательской работы из академий перемещается в университеты.

Произошедшие изменения в характере научного труда закрепляются в такой организационной структуре научной деятельности, как *лаборатория*, которая, как правило, представляет собой небольшой коллектив сотрудников, объединенных общностью научных интересов. Во главе лаборатории стоял ведущий ученый, который и выбирал тему научного исследования.

Все увеличивающийся объем научной информации и ее предметной дифференциации привел к изменению всей системы обучения. Университеты Европы в конце XIX – начале XX в. включают в свои учебные планы естественные и технические дисциплины. Возникает специализация по отдельным областям научного знания. Образование начинает строиться как преподавание групп отдельных научных дисциплин, обретая ярко выраженные черты дисциплинарно организованного обучения. В свою очередь это оказало обратное влияние на развитие науки, в частности – на ее дифференциацию и становление научных дисциплин. Систематизация по содержательному компоненту и совокупности методов, с помощью которых были получены данные знания, стала рассматриваться как основа определенной научной дисциплины, отличающая одну совокупность знаний (научную дисциплину) от другой. Иначе говоря, систематизация знаний в процессе преподавания выступала как один из факторов формирования конкретной научной дисциплины [4, с. 94].

Как изменялись формы коммуникации начиная с XVII в.? В XVII в. главной формой закрепления и трансляции знаний была книга (*трактат*), в которой исследователь должен был изложить свои идеи, результаты своих опытов, вписав их в общую картину видения мира. Однако трактат вследствие его объемности не мог служить оперативной формой коммуникации, потребность

в которой все больше ощущалась по мере расширения научно-исследовательской деятельности.

Возникла необходимость изложения и обсуждения не только конечных результатов (трактат), но и промежуточных. Так утверждается *переписка* между учеными. Письмо становится формой общения между знающими друг друга учеными. Оно было несравненно меньше по объему, чем трактат. Переписка позволяла излагать результаты отдельных исследований (в том числе и промежуточных), обсуждать, аргументировать и оперативно корректировать позиции исследователей. Поскольку ученые жили отдаленно друг от друга (нередко – в разных странах), то языком интернационального общения стала латынь.

Со второй половины XVIII в. в европейских странах углубление специализации научной деятельности привело к росту количества исследователей в каждой стране и формированию национальных сообществ исследователей-специалистов, которым теперь было что сказать и на своем родном языке.

«Республика ученых» предыдущего периода, а вместе с ней и переписка ученых как факторы интегрирующей коммуникации утрачивают свое значение. Интегративно-консолидирующими структурами становятся дисциплинарно организованные национальные сообщества ученых, которые начинают издавать специализированные журналы, что значительно интенсифицировало внутреннюю коммуникацию. Вместо частных писем, адресованных людям, знающим друг друга, появляется *журнальная статья*, которая, как и письмо, значительно меньше трактата и столь же оперативна. В статье не просто фиксируется тот или иной результат и транслируется всем заинтересованным ученым, но в ней закрепляется и приоритет ученого, который теперь легко может быть установлен по дате опубликования статьи. В отличие от письма, статья была адресована анонимному читателю (разумеется, разбиравшемуся в специальных вопросах) и требовала соответствующей тщательной формы аргументации, лишенной каких-либо личностных моментов, что было характерно для переписки. Научные журналы выполняли в национальном сообществе не только коммуникационную, но и организационную функции. Это сохранилось и в современной науке, но дополнилось такими масштабными организационно-коммуникативными формами, как конференция, симпозиум, конгресс.

Таким образом, процесс институционализации науки как специфической формы деятельности, уважаемой и признанной, сопровождался процессом формирования научного сообщества. Понятие научного сообщества было введено Р. Мертоном, а затем дополнено в работах Т. Куна, Т. Парсонса. Научное сообщество может быть понято как сообщество всех ученых, как национальное научное сообщество, как сообщество специалистов определенной области науки или просто – группа исследователей, изучающих общую научную проблему.

В предельно широком смысле научное сообщество – неформальная совокупность ученых-профессионалов, объединенных общей целью (производство нового знания), осознающих специфику своей научной профессии. Это

Формы философской рефлексии над наукой

явилось следствием обретения наукой высокого социального статуса в обществе, признания ее специфики и важной роли в обществе. Научное сообщество основывается на общности целей, ценностей, авторитете профессионализма, устойчивых традициях и самоорганизации, что компенсирует отсутствие в арсеналах научного сообщества таких механизмов власти, как прямое принуждение и фиксированное членство, характерных для систем типа «общество» (*society*) в отличие от «сообщества» (*community*).

Научное сообщество ответственно за целостность науки как профессии и ее эффективное функционирование как системы, продуцирующей специфический продукт – научное знание. Несмотря на то, что представители сообщества рассредоточены в пространстве и работают в различном общественном, культурном и организационном окружении, говорят на разных языках, они осознают свое профессиональное единство. Научное сообщество кровно заинтересовано в укреплении и развитии демократических принципов управления в науке и наукой, в отстаивании автономного статуса науки, в обеспечении возможностей широкой коммуникации ученых.

Литература

1. Бабосов, Е. М. Социология науки / Е. М. Бабосов. – Минск : Харвест, 2009. – 224 с.
2. Маркс, К. Сочинения : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва : Политиздат, 1973. – Т. 47.
3. Лукашевич, В. К. Философия и методология науки / В. К. Лукашевич. – Минск : Современ. шк., 2006. – 320 с.
4. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
5. Степин, В. С. Философия науки. Общие проблемы / В. С. Степин. – М. : Гардарика, 2006. – 384 с.
6. Эйнштейн, А. Сочинения : в 4 т. / А. Эйнштейн. – М. : Наука, 1967. – Т. 4.

FORMS OF PHILOSOPHICAL REFLECTION OVER SCIENCE

A. I. OSIPOV

Summary

The correlation of concepts “the philosophical-methodological analysis of science” and “the philosophical analysis of science” is considered. Specificity and the subject area of the philosophical-methodological analysis of science (i. e. scientific knowledge as complex structured and developing product of scientifically cognitive activity and this activity in itself) is defined. The philosophical analysis of science, in a broad sense, includes all forms of a philosophical reflection over science, as well as the philosophical-methodological analysis. The science as a subject of the philosophical analysis, in a narrow sense, is considered as a social institute with its organizational and axiological aspects: i. e. science purposes, technology of scientific activity, character of scientific work, organizational-communicative and axiological aspects of scientific activity.

Дата поступления статьи в редакцию: 24.01.2015

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТИКИ КАК ФОРМЫ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

О. П. ПУНЧЕНКО

В статье исследуется процесс формирования и развития интеллекта и интеллектуальных систем. Обосновывается структура интеллектуальной реальности, в которую входят: интеллект, рассудочная и научная рациональность, интеллектуальные системы, интеллектуальные информационные ресурсы, интеллектуальная собственность, общественно значимые результаты интеллектуальной деятельности. Раскрывается сущность интеллектики как особого типа философской рефлексии, содержанием которого выступает структурирование интеллектуальных ресурсов индивида и общества, культурные способы распределения интеллектуальных систем и внедрение их в практику повседневной деятельности.

Одной из системообразующих ценностей целенаправленной деятельности человечества выступает интеллект. Эта ценность, с той или иной степенью теоретической обоснованности, входит в структуру философского мышления любой эпохи. «Для современной философии...», – отмечает Л. А. Микешина, – все более насущным и значимым становится стремление соотнести абстракции, категории, систему рассуждений и обоснований с самим человеком – мыслящим, познающим, действующим, чувствующим – в целостности всех его ипостасей и проявлений. Тенденция вывести его за скобки, вообще элиминировать, сделать вид, что он второстепенен... эта тенденция уходит... Все более осознается, что там, где человек присутствует, он всегда значим и не может быть выведен за скобки без последствий видения и понимания самого процесса» [1, с. 9].

Несомненно, при исследовании интеллекта человек не может быть второстепенным, ведь фактически он его носитель. Интеллект означает ум, разум, благодаря которому осуществляется рациональная познавательная деятельность.

Становление и развитие интеллекта сопровождает всю историю человеческого общества. Он формируется в процессе антропосоциогенеза, когда в одном субстрате, помимо биологической структуры, возникает вторая – социальная. Развитие интеллекта на этом этапе связано с целенаправленной трудовой деятельностью, созданием первых, удовлетворяющих его потребности, артефактов, с формированием системы общественных отношений. Следовательно, совершенствование навыков изготовления и применения орудий труда, усложнение социальной организации, сменившиеся правила, необходимые для

управления социальной жизнью, – все это нуждалось в новой координации деятельности человека и означало необходимость развития способности к генерированию и утверждению знания. Человек превращает чередование случайностей в набор закономерностей, профанное – в сакральное, а образ сакрального придал его жизни новый статус и смысл.

Для совершения подобных умственных операций необходимо было развитие фронтальной области коры головного мозга, отвечающей не только за высшую мыслительную деятельность, обучение и целеполагание, но и за приспособление двигательного аппарата к мыслительным процессам, а также за способность представлять эти процессы и образы абстрактно.

Фронтальные зоны коры головного мозга позволяют людям осознанно и целенаправленно создавать предметы, воплощающие мысленные образы, придавать создаваемым артефактам требуемую конфигурацию, приобретать новые. В этот период, по мнению Д. Франкла, «интеллект обеспечивает механизм обратной связи, создает структуры и, в свою очередь, производит органы, которые подчиняются этим структурам и функциям. Интеллект не сводится к рефлекторной деятельности: он зародился тогда, когда изменение обстановки сделало одни рефлексы недостаточными для выживания человека. Когда потребности ситуации вышли за пределы инстинктов или привычных ассоциаций, человек начал искать новые способы реакции. Интеллект проявляется не только в умении пробовать и извлекать уроки из своих ошибок, но и в предвидении будущего развития ситуации, в мысленных экспериментах с новыми возможностями и новыми типами ассоциации» [2, с. 127]. На этом этапе развития человечества интеллект уже выступает как инструмент логической и преобразующей деятельности, как ее внутренний механизм. Внутренний механизм архитектоники интеллекта наглядно выступает в контексте принципа комплементарности, или контрапунктности, то есть взаимосвязи социального с биоэнергетическим законом, поэтому исследование сущности природы и архитектоники наука начинает с первобытного строя, где означенный принцип проявляется более конкретно.

Со становлением системы теоретического знания начинается целенаправленный процесс формирования интеллектуальных систем, направленных на самые разнообразные сферы человеческой деятельности. Постоянное совершенствование этих систем позволяет достичь наиболее эффективных и оптимальных результатов. Развитие философии, естествознания и новой интеллектуально оформленной практики происходило благодаря развитию математики. Математика, наряду с философией, оказалась тем оселком, на котором всегда оттачивался интеллект человека. Эти дисциплины оказались первой интегративно-синтетической формой и оказали конструктивное влияние на развитие интеллекта, к тому же и сегодня они выступают в качестве взаимосвязующего элемента прошлого с современными общенаучными традициями. Неслучайно они являлись фундаментом формирования

многих идеалистических и рационалистических концепций. Так, в Древней Индии проводились математические диспуты с целью оттачивания математического мышления. Это позволило математикам достичь успехов в решении уравнений 2-й и 3-й степени методами, которые не изменились до наших дней. Индусы заложили основы тригонометрии и составили первые таблицы синусов. В Древнем Китае ученые предложили методы оперирования отрицательными числами, знали свойства «треугольника Паскаля». Однако в основном математика обслуживала астрономию, где успехи китайской науки превосходили весь остальной Древний Восток и Древнюю Европу.

Оттачивание математического интеллекта обнаруживается и в Древней Греции. Так, Пифагор заложил основу теории чисел и принципы арифметики, Евклид дал миру плоскостную и пространственную геометрию, а в академии Платона «одна лишь математика – и, главным образом геометрия, – стали уже слагаться в организованную систему, – отмечает Е. Н. Орлов, – со всеми признаками науки. Знание математики казалось поэтому знанием *par excellence*, и человеческий ум не то с благоговением, не то с чувством трепета останавливался перед его поразительными истинами, его непреложными выводами и своеобразным методом, так резко отличавшимся от грубых, так сказать на ощупь, основанных методов прочих отраслей знаний. Воображение возбуждалось чудесами математики, знакомство с ней казалось сверхчеловеческим, и люди, обладавшие им, являлись чуть ли не полубогами, или по крайней мере мудрецами» [3, с. 145–146]. Такое отношение Платона к пониманию роли математики объясняет, почему в его академии этот предмет изучался практически на протяжении всего срока обучения.

Анализ развития математики и астрономии в древних латиноамериканских цивилизациях (инки, майя, ацтеки, хохокама и др.) показывает, что в развитии интеллектуальной деятельности они достигли многого: создали свою систему счета, опередившую Европу и Восток, но она у них «была не десятиричной, а двадцатеричной и основывалась на едином принципе, согласно которому знак сам по себе ничего не значит, но в сопровождении другой цифры становится основной для математического отражения... Этот знак – ноль. Его перемещение увеличивает сочетающую с ним цифру в десятки раз по современной системе счета и в двадцать раз по системе майя, посредством позиционного перемещения ноля... Изобретение этого знака у майя свидетельствует о прогрессе их в области логического мышления» [4, с. 174].

Через анализ математики, астрономии и философии обнаруживается идентичность в формировании интеллекта и субъекта и общества всех традиционных цивилизаций. Это убеждает в том, что истоки и инициатива интеллектуального развития оставались исторически продолжительное время за этими науками. До возникновения кибернетики (1948 г.) другие науки не способны были посягнуть на их авторитет в развитии интеллекта из-за ими обоснованных интегративных функций. Однако в этом процессе обнаруживаются и от-

рицательные факторы. В математике возникло убеждение в невозможности установить строго однозначное соответствие формального и содержательного, что подтверждалось и средствами математики переменных величин, структурной и вероятностной ее тенденциями. Важнейшим недостатком математики следует считать отсутствие учета двух обстоятельств: во-первых, исключение из исследования актуализации субъекта в познании и действии; во-вторых, рассмотрение сложности объекта через призму математических уравнений, а не через призму субъектно-объектных отношений. «По существу, – отмечает В. В. Папанов, – альтернативные процессы происходили и в сфере становления собственно “человеческих”, подлинно гуманитарных дисциплин, которые долгое время не смогли достигнуть научно-теоретического статуса, строгости и однозначности (диапазона значений) своего концептуального аппарата» [5, с. 6]. К тому же в отмеченных видах интеллектуальной деятельности, еще начиная с процесса формирования классической рациональности, обозначился разрыв между познавательными способностями человека, его возможностями решения конкретных задач и наличием познавательных средств, что резко обозначило уровень развития интеллектуальных систем в различных регионах мира.

Тем не менее развитие интеллектуальных систем, кибернетизация, систематизация знаний позволили науке утверждать во второй половине XX в. о становлении интеллектики. Но что такое интеллектика? Это новая научная дисциплина или форма философской рефлексии? Если А. С. Горохов, В. Л. Винокуров, В. В. Папанов, В. Н. Елашкин и другие ученые пытаются с различных позиций обосновать интеллектику как научную дисциплину, то ее архитектонику не раскрывают в этой ипостаси, а характеризуют лишь отдельные ее составляющие, в частности интеллектуальные системы. А ведь для того чтобы интеллектика предстала в качестве научной дисциплины, необходимо обосновать следующее: ее предмет; структурную организацию; методологические основания (методы, средства, приемы, способы, формирующие индивидуальный и общественный интеллект); общественную значимость ее результатов. Тот курс «Интеллектуальная собственность», который сегодня читается в ряде вузов, не раскрывает богатого внутреннего содержания интеллектики.

Обоснование же интеллектики как формы философской рефлексии позволяет поставить ее в один ряд с такими формами философской рефлексии, как философия образования, философия техники, а рассмотрение интеллектики через призму философии науки отражает ее как форму научно-теоретической рефлексии. В этом случае обращение к истокам возникновения естественных наук как более высокого этапа развития общественного интеллекта логично. Это позволяет раскрыть поступательное движение логики мышления, которая предстает в такой формуле: «интеллект – интеллектуальные системы – интеллектика».

Если исходить из понимания философской рефлексии как осмысления «предельных оснований бытия и мышления, человеческой культуры в целом как состояния и способа существования социума» [6, с. 51], то становится очевидным, что интеллектика как форма рефлексии опирается на мощный философский фундамент, с позиций которого можно раскрыть ее содержание и смысловую «нагруженность». В структуру интеллектуальной реальности входят: интеллект; рассудочная и научная рациональность; интеллектуальные системы; информационные ресурсы; интеллектуальная собственность; общественно значимые результаты (приращенная интеллектуальная собственность).

В данной статье уже шла речь о понятии интеллекта, однако попробуем эксплицировать это понятие. Интеллект – это особые, основанные на разуме и сформировавшиеся на информационных ресурсах способности сознания человека, предполагающие и обеспечивающие конструктивизм в его отношениях с окружающим природным и социальным миром. Если перефразировать Ж. Брака, что «наука успокаивает человека, то не только искусство (по его мнению. – О. П.), но прежде всего интеллект существует для того, чтобы не дать ему успокоиться». И история развития интеллектуальной реальности, различных ее составляющих есть яркое подтверждение этой мысли.

Исследование интеллекта как категории в ракурсе философской рефлексии требует раскрытия: 1) онтологических оснований интеллекта; 2) эпистемологических ценностей интеллекта; 3) психологии интеллекта.

Онтологические основания интеллекта отражают биосоциальную природу человека. Они связаны с развитием коры головного мозга, его фронтальной области; с влиянием целенаправленной, осознанной деятельности Homo sapiens на развитие его мыслительного аппарата, на формирование его как субъекта социального действия.

Эпистемологические ценности интеллекта связаны с развитием рассудочной и разумной деятельности, особо сопровождающих познавательный процесс в традиционной цивилизации. «Рассудок и разум выступают как два вида мыслительной деятельности. Традиционная теория познания, – отмечает Т. Г. Лешкевич, – рассматривает рассудок как тип мыслительной деятельности, связанный с четкой фиксацией свойств и особенностей предмета. Рассудок понимается как более высокая форма организации знания. ... Он имеет с чувственным созерцанием, обогащенным деятельностью мышления. Но вместе с тем рассудочная деятельность мышления – это деятельность нормативная, упорядочивающая и систематизирующая» [7, с. 331–332]. Разум же предстает как высшая способность, обеспечивающая обнаружение принципов. Умозаключение разума предстает как форма вывода знания из наличного объекта. Но здесь разум направлен не столько на объект, опыт, сколько на рассудок. Разум в таком понимании предстает выше, нежели рассудочное познание.

Со становлением капитализма глобальные потрясения происходят не только в общественно-экономической жизни, но и в науке. Глобальные научные

революции привели к замене в этой сфере рассудочной деятельности качественно новыми ее ипостасями. В связи с этим В. С. Степин выделяет три типа рациональности: классическую, неклассическую и постнеклассическую, которые сопровождали и сопровождают развитие не просто науки, а научного интеллекта человечества начиная с XVII в. и поныне. Эти типы рациональности – ядро эпистемологических ценностей интеллекта.

К этим ценностям необходимо отнести разработку методологического инструментария познания. Человек с помощью своего интеллекта проникает в глубины природной и социальной действительности, но при этом он широко опирается не только на логику своего мышления, законы которой сформулировал Аристотель и дополнил Г. Лейбниц, но и заложенную в XVII в. в центре французской философской мысли – Пор-Рояле методологию научного познания, которая широко представлена сегодня системой эмпирического и теоретического уровня познания, а также разработанными и апробированными формами научного познания.

К эпистемологическим ценностям интеллекта необходимо отнести развитие языка не только как средства коммуникации, но и как способности человека облекать мысли в строгую логическую форму. Все народы мира развивали и развивают язык в его таких формах, как жестомимическая (связанная с нашей биологической природой), устная и письменная. Последнюю М. С. Каган характеризовал как наиболее революционную, поскольку она позволила человечеству передавать и сохранять информацию в его вневременной памяти. Со становлением и развитием нового этапа интеллектуальных систем – компьютерного – возникает система искусственных языков, выступающая как средство общения человека и машины.

Что же касается психологии интеллекта, то здесь исследуются такие проблемы: соотношение сознательного и подсознательного в человеке; его творческие способности – творческое начало – талант – гениальность, что отражает грани интеллекта человека; развитие человеком способности к нестандартному мышлению, самостоятельность в принятии решений, деловые качества; способность контролировать свое поведение, созидать свой характер и др.

Интеллектика как новый тип философской рефлексии формируется не только на основе совершенствования известных общенаучных методологических средств, но и вырабатывает подлинно человеческое понимание субъекта познания и действия, возможность эффективного включения его потенциала в различные интеллектуальные системы. Такие возможности появились с началом компьютеризации. Интеллектика зарождается в новом качестве на основе эффективного использования интеллектуальных систем. В ее содержании концентрируются закономерные связи этих систем. В зависимости от поставленной задачи понятие «интеллектуальные системы» отражает определенную предметную сферу своего применения и является характеристикой раздела интеллектуальной реальности и самой интеллектики как теоретической раз-

новидности в систематизированно изложенной форме. В этом случае имеет место постепенный переход понятия «интеллектуальные системы» в «интеллектику», обладающую более разнообразными функциональными возможностями.

В конкретных вариантах функционирования интеллектуальных систем складывается новая ситуация относительно уровней обобщения в пределах интеллектики и интеллектуальных систем. Интеллектика как новый тип рефлексии оперирует «инвариантами» интеллекта человека и интеллектуальных систем. «Инварианты» интеллекта – это продукт рефлексии над теми фрактальными объектами, которые извлекаются разумом из пространства, совокупного общественного интеллекта. Интеллектика находится между философским и частнонаучным уровнями познания, одновременно аккумулируя существенные признаки собственно философско-методологического основания, ориентированного на отражение качественного содержания интеллектики и фиксации особенностей применения интеллектуальных систем. Интеллектика формируется в союзе философии и частнонаучного знания как их категориально-понятийный синтез.

Развитие интеллектуальных систем, особенно кибернетических (ведь первое вычислительное устройство было создано еще Б. Паскалем, а это тоже интеллектуальная система), позволяет переложить операциональные этапы решения интеллектуальных задач на «плечи» техники. Но здесь могут иметь место негативные последствия, деформируя целостность и предметность интеллектуального акта. В этом случае человек находится при системе деятельности, а не внутри ее, он теряет свое социальное лицо.

В структуре интеллектики особое место занимает взаимосвязь интеллектуальной собственности и совокупного общественного интеллекта. Интеллектуальная собственность отражает разработку и вклад конкретной личностью уникальных, ранее неизвестных обществу достижений, которые являются научно значимыми. Деятельность автора в этом случае носит инновационный характер, отражает интеллектуальный потенциал его разума.

Что же касается совокупного общественного интеллекта, то он, по утверждению А. И. Субетто, «есть единство науки, культуры и образования, реализующееся как механизм управления будущим со стороны, через функции управления будущим – разработку стратегии развития, прогнозирование, планирование, проектирование, программирование и др.» [8, с. 7]. Но здесь выражается необходимость использования общественного интеллекта для прогнозирования и развития будущего. Что же касается процесса формирования самого совокупного общественного интеллекта, его связи с индивидуальным интеллектом, то эти механизмы остаются в «тени».

Совокупный общественный интеллект формируется на интеллектуальных ресурсах, а еще точнее – на информационных ресурсах, которыми обладает социум. Интеллектуальные ресурсы – это совокупность ценностных результатов творческой деятельности человека, созданных в объективной вещественной

(материальной) и невещественной (духовной) формах. Эти ресурсы зафиксированы на конкретных информационных носителях и предназначены для использования личностью и обществом в процессе своего совершенствования.

Интеллектуальные ресурсы в своем развитии проходят сложный путь. В их основу положены знания как результат познания природной и социальной действительности, объективное отражение ее в мышлении человека. Для формирования интеллекта индивиду необходимы определенные предпосылки – и материальные и духовные, которые заключаются в том, что еще до начала любого акта, связанного с формированием интеллекта, человек уже располагает определенным запасом знаний, в какой-то мере имеющих отношение к пополнению им своего интеллекта и которые выработаны предшествующей мыслью человечества. Вне взаимодействия между индивидом и обществом развитие интеллекта невозможно, поскольку в преобладающей степени знания, которые он использует, выработаны предшествующими поколениями. Каждый индивид пополняет свой интеллект из общественного фонда знаний. Ассимиляция индивидом знаний, приобретенных из этого фонда (интериоризация), дополняется ассимиляцией обществом знаний, полученных конкретными индивидами (экстериоризация).

Экстериоризация – сложный процесс, в результате которого пополняются интеллектуальные ресурсы общества. Ведь прежде чем войти в общественный фонд, знания должны получить общественную санкцию, зависящую от того, какое значение они имеют для общества в данный момент. Кроме того, знания очищаются от эмоциональных моментов, поскольку они выделяются из живой ткани индивидуального сознания и принимают строгую логическую форму. Наконец, знания, индивида перестают быть его личным достоянием и становятся индивидуальной силой в качестве элементов интеллектуальных ресурсов общества.

Таков механизм формирования интеллектуальных ресурсов общества через взаимосвязь человека и общества.

Учитывая природу интеллектики как логико-гносеологического феномена, ее можно определить в качестве особого типа философской рефлексии, содержанием которого как социально-ценностной процедуры выступает теоретическое производство и структурирование интеллектуальных ресурсов индивида и общества, отражающих уровень познания ими природной и социальной действительности, культурные способы распредмечивания информации интеллектуальных систем и внедрение их в практику повседневной деятельности.

Предпосылками для такого вывода о сущности интеллектики послужили следующие обстоятельства. Во-первых, интеллектика как форма философской рефлексии сформировалась реально между философией и системой частнонаучного знания. Во-вторых, ее характеризует система онтологических оснований, эпистемологических ценностей, а также в ее содержании раскры-

ваются взаимосвязь живого, человеческого, интеллекта и современных кибернетических интеллектуальных систем.

Несомненно, сегодня интеллектика требует расширенного, объективного, социально значимого обоснования всех составляющих ее содержания.

Литература

1. Микешина, Л. А. Философия познания / Л. А. Микешина. – М. : «Канон+», ООО «Реабилитация», 2009. – 560 с.

2. Франкл, Д. Археология ума / Д. Франкл. – М. : АСТ : Астрель, 2007. – 254 с.

3. Орлов, Е. Н. Платон / Е. Н. Орлов // Сократ, Платон, Аристотель, Юм, Шопенгауэр : биограф. повествования / Е. Н. Орлов [и др.] ; сост., общ. ред. и послесл. Н. Ф. Болдырева. – Челябинск : Урал, 1995. – 400 с. – (Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова : т. 9).

4. Пунченко, О. П. Цивилизационное измерение истории человечества / О. П. Пунченко. – Одесса : Астропринт, 2013. – 448 с.

5. Папанов, В. В. Интеллектика как общенаучная проблема / В. В. Папанов // Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. конф. «Человек, интеллект и системы связи», Новосибирск, 24–26 окт. 1988 г. / Новосиб. ИИФиф СО АН СССР. – Новосибирск : НЭИС, 1988. – С. 4–7.

6. Лукашевич, В. К. Философия и методология науки / В. К. Лукашевич. – Минск : Современ. шк., 2006. – 320 с.

7. Лешкевич, Т. Г. Философия и теория познания / Т. Г. Лешкевич. – М. : Инфра-М, 2013. – 408 с.

8. Субетто, А. И. Планетарная кооперация этносов – основа гармоничного развития человечества в XXI веке / А. И. Субетто. – СПб. : Астерион, 2012. – 12 с.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF INTELLECTICS AS A FORM OF PHILOSOPHICAL REFLECTION

О. П. PUNCHENKO

Summary

In the article investigates the process of formation and development of the intelligence and the intelligent systems. The article is substantiated the structure of intellectual reality, which includes: the intelligence, the intellectual and scientific rationalities, the intelligent systems, the intelligent information resources, the intellectual property, and the socially significant results of intellectual activity. The essence of intellectics is disclosed as a special type of philosophical reflection, the content which performs the structuring of the intellectual resources of the individual and society, cultural ways of the disobjectification of intelligent systems and the introduction them into the practice daily activities.

Дата поступления статьи в редакцию: 19.03.2015

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ НА ИЗЛОМЕ ВРЕМЕН: СИСТЕМОЦЕНТРИЗМ VERSUS ЛОГИКОЦЕНТРИЗМ¹

П. В. КИКЕЛЬ, Э. М. СОРОКО

Переход процессов познания от логикоцентризма, где логика есть не что иное, как последовательность необходимостей, к системоцентризму, когда в центре внимания находятся статистические ансамбли как целостности, достиг апогея на рубеже тысячелетий, сопровождая эволюцию общества от предыстории к его собственной истории планетарного суперорганизма. В статье приводятся аргументы к тезису, что синергетике и гармонистике как областям обобщенного, трансдисциплинарного знания должно быть уделено более пристальное внимание в образовательном пространстве вузов, включая университеты.

Новому времени, информационной эре, нужны и новые знания о гармонизации распределенных систем как сложных ансамблей. Нынешние информационные технологии основаны на информации как сведениях, передаваемых по каналам связи и управления, и потому в нынешней парадигме недостаточны. Информационные технологии второго поколения, базирующиеся на информации как ограниченном разнообразии, еще не созданы. Они составляют стратегический инновационный ресурс общества в поиске структурной гармонии систем. Гармонизация систем обеспечивается привязкой выражающей их состояния коллективной переменной (относительной энтропии как интегральной меры ансамбля структурных компонентов) к одному из ее узловых значений – так называемым обобщенным золотым сечениям: 0,500...; 0,618...; 0,682...; 0,725...

Вся предшествующая история становления культуры человечества, и в частности культуры познания, соотносится с нынешней ее фазой, как всякое локальное, отдельное и частное проявление или форма какого-либо объективного процесса соотносится с глобальным его проявлением или формой. Если переходить от логико-центрированной парадигмы к системо-центрированной, то в первом случае в ряде вариаций неизменно будут обнаруживаться конкретно выраженные несоответствия, разнообразные детали, структурные и функциональные градации, специфические различия и качественные особенности, что позволяет сравнивать их и выводить *оптимальное* как приобретенное усилиями и жизнями *различных субъектов*. Во втором же случае, ввиду единственности его, а следовательно, и уникальности опыта самоосуществления цивилизации и самосозидания ею себя одновременно на всех просторах Ойкумены как *единственного глобального субъекта* культуры, такой возможности нет, а значит, все надо принимать, что называется, «с листа»,

¹ Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, грант Г14Р-047.

не помышляя о черновых вариантах, попятных ходах и возвратах к прошлому (как было возможно еще в начале прошлого века: «Шаг вперед – два шага назад»), «реконструкциях», «деконструкциях» и «переигровках», «образумлениях» и «прозрениях» и пр. Времени и возможности для того уже не будет, как не будет простора для отступлений, накоплений опыта, дабы извлекать из него толк, чтобы обогатиться мудростью совершаемого и уже совершенного. Из-за все более явного дефицита времени на самообустройство опыт социального созидания человечеством себя как субъекта системного действия здесь должен *немедленно* вкладываться в ткань ждущих реализации стратегических программ и соответствующих ориентаций, что, конечно, не застраховывает от неприятностей всех масштабов, но лишь неким образом способно предотвращать некоторые из них. И потому кумулятивное накопление опыта утрачивает ту самоценность, которая была прежде, а возвышается искусство *создавать проект на основе всеобщих, пронизывающих все сущее, тотально действующих принципов*, на основе знания универсалий, единых структурных инвариантов, отложенных в родовой памяти общества архетипов.

«Грядущий огонь все обоймет и всех рассудит», – утверждал древнегреческий философ Гераклит Темный, который, будучи жрецом храма Артемиды, несомненно, имел доступ к накопленным просвещенной элитой служителей богов сакральным знаниям. В этой мысли угадываются признаки мирового апокалипсиса, идущего, по религиозным верованиям, карать людей за их преступления. Творческая мысль древнегреческих мифотворцев создала по нормам и понятиям здравого смысла другой образ, более поэтический и более назидательный, хотя в своей сущности и не менее грозный. Это – миф о *самонадеянном* Фазтоне, не удержавшем, несмотря на предупреждение его Отца, запряженную горячими и строптивыми конями огненную колесницу и рухнувшем вместе с нею с неба на землю. Не напоминает ли этот миф о самонадежности другого субъекта, так называемого «просвещенного человека», безоглядно и строптиво перекраивающего мир во всеоружии науки как всеобщей, на его взгляд, панацеи? И это несмотря на наступившие в сущности уже иные времена, на столетия, минувшие с начала Просвещения, когда создавались азы метода науки детерминистической, картезианской – в целом механистической, но потребностям нынешнего века уже не вполне соответствующей, хотя все еще, по инерции, подобно устаревшему платью, используемой и поныне.

Проблема ухода от сложившихся веками эпистемологических схем построения научного знания, традиционных способов освоения человеком реальности с каждым годом звучит все отчетливее и все настоятельней, словно колокол, оповещающий о надвигающейся тотальной беде. Это проблема перехода от доминантной позиции логикоцентристской парадигмы, где превалируют логическая аналитика, детерминизм, иерархия построения знания, выражением которой стала универсальная десятичная классификация (УДК), к доминанте системоцентризма, где на первом месте находятся *интегро-син-*

тетизм, трансдисциплинарное знание и всеобщие принципы, служащие новым основанием соединения науки о природе и науки о человеке в одно великое единое целое (такovým, кстати, было предвидение К. Маркса о характере будущей науки). Словом, время разбрасывать камни, строить социальные вотчины, империи, королевства, царства, руководствуясь небезызвестным «разделяй и властвуй», сменяется временем «собирать камни» – планомерно и пропорционально, с неизменным учетом тотально действующего аппарата узловых линий мер и ее канонических всеобщих универсальных форм создавать проекты сложных систем, полагая за основу идеи нового обобщенного, интегративного знания, синтеза. И тем подтверждается историческая правота И. Канта – *анализ не дает знания, знание дает синтез* [1, с. 85].

В своем конкретном и непосредственном проявлениях это проблема способов, методов, принципов, путей, орудий освоения действительности и созидания новых систем в рамках возведения «второй природы». Она приобрела сегодня остроту скальпеля, разделившего мир на два противостоящих лагеря, или два фронта, две армии воинствующих оппонентов. С одной стороны фронт представляют поборники прежних методов, основанных на аналитизме и детерминизме. А с другой – те, кто добывают истины посредством использования стохастических моделей, кто широко пользуется теоретико-вероятностными методами, полагая, что последние и есть наиболее адекватные орудия познания. Человечество изголодалось по тому знанию, что позволяет создавать добротные проекты в любой сфере его деятельности, зиждущиеся на всеобщих законах гармонии целого, согласованно с процессами структурогенеза всей природы как косной, так и биологической. Подлинное же решение этой проблемы коренится в придании четкого статуса истинности эпистемологическому поиску в рамках мерного диалектического сведения воедино иерархичности и распределенности, вертикали и горизонтали, линейности и нелинейности, организации и дезорганизации, порядка и хаоса, предзаданности норм и установок и соответствующего всеобщим мировым константам их наполнения.

В пользу того, что необходимость разработки обобщающих теорий, синтезирующих парадигм становилась все более востребованной коллективным сознанием человечества, свидетельствует проявившая общую тенденцию в режиме уплотняющегося исторического времени череда сменявших друг друга универсальных (общетеоретических) ветвей знания: диалектика (Гераклит, Платон, Гегель, Шеллинг) ⇒ тектология (А. А. Богданов) ⇒ праксеология (Т. Котарбинский) ⇒ кибернетика (Н. Винер, У. Р. Эшби) ⇒ общая теория систем, системология (Л. фон Берталанфи, Э. Ласло, М. Месарович, Л. Заде, А. И. Уемов, Ю. А. Урманцев, Ю. А. Абрамов и др.) ⇒ синергетика (Н. Ф. Федоров, Г. Хакен, И. Пригожин, П. А. Кропоткин, Р. Б. Фуллер, С. П. Курдюмов и др.) ⇒ диатропика, учение о разнообразии (Ю. Чайковский) ⇒ общая теория гармонии систем, гармонистика (Э. М. Сороко, А. П. Стахов) ⇒ ...

Черты этого переломного момента современной эпохи четко и недвусмысленно обозначил Э. Тоффлер. Согласно ему, культура человечества прошла две волны – с аграрным и индустриальным укладами. Вторую волну создавали «мыслители-картезианцы», основное орудие которых – аналитизм, логика как последовательность необходимостей. Третью, нынешнюю, волну – информационное общество – создают «мыслители-системщики». «Демократы и республиканцы, тори и лейбористы, христианские демократы и голлисты, либералы и социалисты, коммунисты и консерваторы... – партии Второй волны. Все они, обманывая ради власти... участвуют в сохранении умирающего индустриального порядка... Самый важный момент политического развития нашего времени – это возникновение среди нас двух основных лагерей, один из которых предан цивилизации Второй волны, а другой – Третьей» [2, с. 687].

Среди тех, кто наиболее твердо придерживался этого второго рода убеждений, системного мышления, был лауреат Нобелевской премии И. Р. Пригожин. Не приемля как изжившие себя в науке классические модели и методы, «оплодотворенные» картезианским подходом в познании, принципом жесткой детерминации в построении картины мира, он утверждал, что детерминизм представляет собой скорее «карикатуру на науку», нежели саму науку. Сам он был ярким приверженцем статистико-вероятностных моделей. Истина же, как всегда, оказалась посредине. Самоорганизующиеся системы и процессы, внимание ученых к изучению которых усилилось начиная со второй половины XX в., оказались наиболее обширным классом систем во всех областях, куда проникла наука, и заняли нишу в промежутке между миром стохастических систем и миром систем жесткой детерминации.

Наиболее глубокие умы нашей эпохи (Г. Гегель, К. Маркс) видели ограниченность логического аналитизма картезианского толка, который по историческим меркам весьма быстро истощает свой потенциал и ведет к дурной бесконечности. К. Марксом была высказана мысль о том, что наука будущего, объединив в синтезе гуманитаристику и естествознание, станет единым целым. Чтобы это стало явью, необходимы универсальные, обобщенные методы, принципы, модели. И сегодня, когда наступила эпоха трансдисциплинарного синтеза, появились области синтезного знания, обобщающие теории, объемлющие прежде несводимые воедино области науки. Но эта их миссия на пути формирования единой науки о природе и человеке нередко остается неузнанной.

Расхождение и обособление этих двух ветвей знания – наук о человеке и наук о природе – связывают с именами Р. Декарта и Б. Паскаля, усилиями которых все, чем занимается наука, было подразделено на две составляющие: мир человека и мир природы. Традиционные методы классической науки – «бородатые» модели логического аналитизма и классического детерминизма, – с одной стороны, и линейные методы классической статистической теории – с другой, увы, и сегодня все еще не сдают позиций. Во многих отечественных университетах по этим давно сложившимся областям знаний

все так же, как и сто лет назад, читают обширные курсы, и вузовские выпускники вступают в жизнь в полной уверенности в своем эпистемологическом могуществе, хотя по существу, находясь в плену самообмана, порой имеют знания на уровне начала XX в. Во всяком случае методы универсального, обобщенного знания весьма трудно преодолевают путь до студенческих аудиторий.

Входя в фазу информационного общества, человечество тем самым встало перед лицом насущнейшей проблемы изменения приоритетов и ориентиров в определении своего производственного баланса. Материальное производство, налаженное и поставленное в должные рамки, уже ничего кардинально нового не могло в себя принять, а лишь совершенствовалось на прежних, ранее созданных основаниях. Будь то промышленность с ее тяжелой и легкой индустрией или аграрный сектор – сложившиеся там технологии производства уже *не составляли передового края приложений большой науки*. Усилия последней сконцентрировались на ином направлении – там, где знания как важнейший и главный атрибут информационного общества становятся его основным производственным продуктом, будучи определяющим для данной фазы общественной эволюции; там, где именно нематериальный субстрат, знания и методы его использования, а не природное материальное тело, превращаются в технологии, становятся достоянием новых, прорывных путей освоения мира, самореализации креативных возможностей приложения могущества оснащенного прогрессивным методом разума.

Разумеется, всего добытого в веках и воплощенного в материальном производстве никто и не помышляет отменять, как невозможно убрать из обихода земледельца серп и косу или из арсенала средств материального производства плоскогубцы, молоток и топор. Все выявленное или полученное, найденное или открытое, обретенное или изобретенное, добытое или построенное в веках, все большое и малое, элементарное и сложное остается с нами навсегда. Речь идет лишь о переориентации общественной (в частности, научной и политической) мысли на кардинально иной «центр» ее притяжения, служащий своего рода ловушкой для ее изощренных форм, глобальным макроаттрактором. Сама мысль, «оплодотворяющая» производственный процесс идея как новое знание становятся производственным продуктом, предметом заботы и юридической опеки со стороны государства. Дать информационному обществу вполне проявить свою исконную (информационную) сущность – такова суперзадача, ставимая тотально и определяющая прогресс. Собственно прогресс здесь выражается в разработке новых средств и путей, позволяющих овладеть пространством в макро- и микромасштабах, то есть пространством глобального универсума и многочисленных локальных универсумов, каждый из которых представляет собой самодостаточную область предметов, способную самоорганизовываться в единое целое со своей структурой и функциональной направленностью. Информация, кстати, в соответствии со всеобщим принципом раздвоения единого, также может принимать функциональную

либо структурную форму. В первом случае это сведения, передаваемые по каналам связи и управления, во втором же – она есть ограниченное разнообразие.

Когда речь идет о пространстве, то на передний план выдвигается второй аспект (или определение) информации, понимаемой как *ограниченное разнообразие*. С конца 1970-х годов, когда в науке и философии прошла дискуссия о сущности и свойствах информации, выявилось, что под информацией может фигурировать не только снятая неопределенность в форме сведений, знаний, твердо установленных новых конкретных данных, но и ограниченное разнообразие или даже (в более узком, продвинутом смысле) *разнообразие гармонизуемое*.

Если информации в первом смысле, можно сказать, повезло и она, как говорится, заполонила просторы, став достоянием своих интенсивных разработок, основой для создания новых технологий (информационных, как их стали называть), то определяемая во втором случае информация, трактуемая в качестве ограниченного разнообразия, сколько-нибудь масштабной содержательной развертки не получила и, увы, осталась втуне. Между тем на ее основе также возможно создавать информационные технологии. Подразумевается многое, и, в частности, особенности и закономерности перехода от простого к сложному («сложенному», как еще недавно трактовали это понятие энциклопедии); от линейного – к скачкообразному, квантованному, нелинейному; от порядка – к беспорядку и обратно; от спокойного, ровного хода событий – к катастрофам; от одной степени гармонии сложных систем к другой через состояние их дисгармонии; от анализа – к синтезу; от дифференцированности и распределенности – к интегрированности и обобщенности; от единичного, элементарного – к комплексному, системному видению мира; от статической его картины – к так называемому стохастическому перемешиванию и динамическому хаосу и от последнего – к иерархии динамик, к сложной, фрактальной картине динамически устанавливающихся порядков; от реального – к виртуальному и обратно; от систем, пребывающих, покоящихся в своем исконном субстрате, – к системам трансформирующимся, проточным, с циклическим обменом; от систем равновесных – к системам неравновесным (с особыми режимами устойчивости и неустойчивости), которыми полнится мир и которые, как оказалось, есть наиболее распространенные его объекты.

Современная цивилизация, освоив все места земной Ойкумены, даже самые глухие, куда никогда прежде не ступала нога человека, столкнулась с многочисленными, порой самыми неожиданными проблемами, обусловленными дефицитом знаний о действующих в мире *всеобщих объективных законах гармонии* и о понимании действия *механизмов гармонизации систем* как объектов-ансамблей, объектов-множеств, объектов-коопераций, объединений, союзов, совокупностей стремящихся к единству разнообразных и разнотипных компонентов, распределений участников тех или иных процессов, синхронизации действий индивидуально (по-особому) значащих субъективов. Классическая наука и философия располагали знанием о гармонии как некоем

эквиваленте красоты, то есть как о сугубо эстетическом феномене. Наиболее глубоко и последовательно этот взгляд проведен в области музыки, где теория согласованности аккордов, ладов, тонов, совместного и одновременного звучаний различных по характеристикам голосов весьма тщательно разработана как теория их гармонии. При этом не на последнем месте оказалась и их метрическая сущность. Развитие в рамках системного подхода и теории информации методов получения обобщенного знания показало, что общая теория гармонии, уже не как идущее от Аквината недостижимое для человеческого ума «благочестие» и «божественная тайна», а как нормальная наука с легко верифицируемыми методологическими принципами в ее основании, сегодня вполне уместна, более того, она востребована временем, необходима и потому вполне состоятельна. Сегодня реальность заставляет вновь и вновь убеждаться в том, что лишь гармонически организованные системы и знание о том, как их проектировать и поддерживать в достигнутом состоянии, гарантируют максимум успеха в любой области деятельности человека и в любой предметной среде – будь то изготавливаемый в производстве структурно сложный продукт или само производственное объединение головного и дочерних предприятий, организация фирмы или ее коммуникации, диагностика нормы и патологии во всех самоорганизующихся системах, включая организм человека, и в любом случае здесь востребован вывод соответствующих критериев различения. Только общая теория гармонии способна дать столь универсальные методы и рекомендации, которые в равной мере состоятельны и в материальном, и в духовном мире, как в собственно социальной реальности, так и в производственных технологиях, в аграрном или промышленном секторах, в физике атомного ядра и в постижении форм функционирования живой природы в деталях и в целом, а также при оптимизации («окачествлении») продуктов позитивного творчества человека.

Решение вопросов качества промышленно-производственного продукта как цель устремлений отдельных людей и коллективов, малых и больших фирм, финансовых и промышленных ассоциаций и целых государств в материальной культуре XX в. возвысилось до первостепенной глобальной целевой установки, или важнейшей стратегической задачи, выдвинутой и сформулированной самим историческим временем на перспективу. Дело обстояло настолько серьезно, что даже один из последних партийных съездов в СССР был назван «съездом качества». В Китае же сегодня введены *драконовские меры* против тех, кто дает продукцию, не отвечающую в полной мере критериям качества, которое в этой стране в последние десятилетия было на весьма низком уровне, в основном из-за низкого технологического оснащения производственной базы. Ныне же ситуация здесь коренным образом и ускоренными темпами меняется в соответствии с объявленной на последнем съезде Коммунистической партии Китая задачей строительства в этой стране гармонического общества для средних классов.

Проблемы системного качества и сегодня остаются едва ли не самым важным направлением, где скрещиваются интересы больших групп людей. Об этом свидетельствуют, в частности, многие высказывания известных ученых. Сегодня востребовано *качество как главный императив жизни и движитель общественного развития*, что подтвердил Конгресс, проведенный Европейской организацией качества [3, с. 73–74]. Качество жизни обеспечивает возвышение культуры отношений в материальной и духовной сферах, а с этим – и информационные технологии подготовки специалистов, дающие интеллекту и самой системе образования новые прогрессивные методологические позиции и управленческие установки. Фиаско как дисгармония замыслов, действий и результатов здесь частый гость из-за пренебрежения общенаучными, философскими идеями, неразвитого знания о сложном – смесях (безотносительно к характеру субстрата смешивания) и составах, с качеством которых еще великие древнегреческие провидцы – Пифагор, Филолай, Платон, Аристотель – связывали учение о гармонии вещей. Ведь сегодня ценности, создаваемые классической наукой и культурой, подвержены пересмотру. Если прежде лишь отдельные мыслители догадывались о существенном значении «эффекта мелочей» в трансформации человеческой (общественной) жизни и культуры (как говорил Гераклит: «Для меня один важнее тысячи»), то сегодня твердо установлено, что именно малые факторы могут играть определяющую роль в изменении хода событий. И, очевидно, это прерогатива не только философа, но и специалистов по теории систем, синергетике, профессионально постигающих и создающих локальные миры, гармонизирующих их структурное и функциональное разнообразие, – находить и изучать различные варианты таких микровоздействий, чтобы включать их в теорию и практику образования. Классическая наука в пору своего расцвета умудрялась все «мелочи» упрятывать в запороговой области, помещая их за пределы так называемого пятипроцентного уровня значимости, тем самым лишая возможности системно и многоаспектно изучать их действие, ферментирующее, катализирующее, оптимизирующее и гармонизирующее самые разнообразные процессы. Так, при выборах в верховный орган страны, в парламент, донныне практикуется отбор кандидатов на основе такого барьера.

Если, согласно высказыванию Х. Ортега-и-Гассета, «философ есть специалист по универсумам» [4, с. 103], то он по определению должен разбираться в системно организованном локальном универсуме с его собственным пространством и собственным временем столь же хорошо, как и в большом, глобальном универсуме – Вселенной, мире как целом.

Стремительное вхождение общества в новую фазу своего развития, превращение его в общество информационное ныне предъявляют множество новых требований и к системе образования. Сказать, что это приводит к необходимости «косметической» коррекции прежних образовательных стандартов, программ, ориентиров, – значит погрешить против истины. Нужно ос-

новательно модернизировать сами принципы построения образовательного пространства в учебных заведениях всех ступеней, введя в программы обучения больше материала, основанного на методах синтеза знаний, ввести корпус знания под названием «Учение о гармонии», или «Гармоническая наука» (Гармоническая математика, Гармоническая физика, Гармоническая биология, Гармонический строй литературы и языка и пр.). Дальнейшее экстенсивное нарастание информации без умения вычленять в ней содержательную, существенную сердцевину означает медленное вращение в стагнацию, что грозит обществу в конечном счете превращением его в глухую галерку прогресса. Общенаучность, интегративность, синтез идей, наконец, сомкнутые воедино синергия и гармонизация знания и методов его получения – такова «интенсивная тетрада», отвечающая запросам времени, а она вправе требовать своего введения и в учебный процесс.

Давая оценку учениям пифагорейцев, их концепции универсума, где важнейшая роль отведена числу, Аристотель в «Метафизике» отметил, что причины и начала, которые они указывают, пригодны к тому, чтобы восходить и к высшим областям сущего. Но он подчеркнул: важны *не числа как таковые, а их отношения*. Успехи науки во многом обусловлены тем, что в ее базовых уравнениях производные суть *отношения*. Не случайно и то, что созданная в XX в. величайшая доктрина Универсума получила название *теории относительности*. К сожалению, *теория отношений* перешла из XX в XXI в., можно сказать, в зачаточном состоянии. И в том состоит одна из причин глубокого кризиса науки в целом.

Отношения – это нечто из области пространственных сущностей. Сказанное не утрачивает силу, даже если речь идет об отношении времен: время, как известно, также есть пространство развития систем. Организация пространства – это то, во что, словно выйдя от летаргического сна, стала погружать свои взоры современная эпистемология, облаченная в одежды физики, космологии, биологии, географии, геополитики, лингвистики, экономики, социологии и других профильных ветвей знаний. На исходе XX в. возникла отдельная ветвь науки, где пространство и время базисны, – *синергетика*. Она, представляя собой одновременно и науку, и мировоззрение и выступая в качестве единого эпистемологического проекта системного характера, многомерна в своих методах, ориентациях, потенциале, возможностях, функциях [5].

Особо значимы в синергетике *концепции собственного пространства и собственного времени* объектов как самоорганизующихся систем. Вдумчивые исследователи отмечают, что многие стоящие сегодня перед человечеством проблемы порождены «господством материализма и потребительского отношения к Природе; отсутствием экспериментально подтвержденных научных знаний о пространстве как явлении и факте, о пространственной организации Биосферы и сущности эпохи разума... незнанием и неисполнением закона зависимости состояния части от положения в системе... *Единственный путь*

выхода из планетарного кризиса и спасения человечества – смена мировоззрения, смена научной парадигмы на основе новых знаний об организации и функционировании пространства, широкое распространение обновленных знаний... Переосмысление научных знаний и гармонизация всех сфер существования и развития на Земле могут быть плодотворными только с учетом ведущей роли пространства и при активной перестройке земного бытия в соответствии с законом Гармонии, в чем и состоит смысл существования человека на Земле» [6, с. 96–97].

Принцип ограничения [7] в качестве архетипа познания, проявляясь, в частности, в форме принципа ограничения разнообразия (что тождественно информации в одном из ее смыслов), начинает играть здесь ведущую роль подобно тому, как в догегелевском мире основную эпистемологическую роль играл принцип полноты или играет ныне принцип целостности – уже в мире постгегелевском. Фактор организации пространства включен в модель мира, созданную А. Эйнштейном, который, «отождествив неотождествимое», геометрическое (тензор кривизны) и физическое (тензор напряжений), вывел свое знаменитое уравнение. Сегодня необходимо построить нечто подобное для конкретных ограниченных систем как локальных универсумов, в которых пространственные характеристики – число степеней свободы, число участников процесса установления синергии, количество отношений, их объединяющих (а эти числа и отношения во всех случаях являются отдельными пространственными измерениями), – являются определяющими, коренными.

Аналитическая философия господствовала в период становления классической науки. Сегодня, как уже шла речь в данной статье, востребована не логическая аналитика, а философия синтеза, в центре внимания которой – законы формирования и становления, эволюции и трансформации целостности, познание структуры внутреннего пространства систем, пространства бинарных оппозиций как их простейших форм, через которые и посредством которых постигаются законы гармонизации внутрисистемного пространства. «Бинарность... – справедливо отмечают А. А. Пилипенко и И. Г. Яковенко, – становится универсальным кодом описания мира, адаптации в нем и вообще всякого смыслообразования и формообразования в культуре», что происходит «посредством разворачивания смыслового пространства производных оппозиций. Это пространство и есть собственно пространство культуры» [8, с. 34].

Синергетика – это одновременно и новая наука, и новая парадигма познания, и новое мировоззрение – мировоззрение освоения целостности. Это одна из продуктивных обобщающих линий получения знания о реальных процессах объективного мира [9, 10], в особенности – знания об упорядочении и самоупорядочении, об управлении и самоуправлении, образовании и самообразовании, организации и самодезорганизации и т. п. В центре ее внимания – процессы самоорганизации; кооперативные явления; смены фазовых состояний сложных систем; инварианты эволюции; закономерности стремле-

ния к *акме*, эволюционной зрелости; структурогенез в условиях проточности субстрата; открытые системы; развитие гармонии и меры; диалог и полилог как средства достижения взаимопонимания, консенсуса, согласия; процессы и закономерности становления новых качеств; иерархии динамик – движений, практик, эпистем. Каждой исторической фазе развития культуры адекватна своя эпистема, которая выражает «основополагающие коды любой культуры, управляющие ее схемами восприятия, ее обменами, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик» [11, с. 37]. Более кратко и поэтично эту же мысль выразил друг К. Маркса Генрих Гейне: новый век приносит и новые глаза. Разумеется, «век» тут подразумевается не в календарном плане, а в бытийном, как отдельная фаза эволюции общества.

Если рассматривать эволюцию культуры и эволюцию познания в макроплане, то легко обнаружить фазы смены и обретения нового качества. Доаристотелевская философия и наука не имела сколько-нибудь выраженного субъектного начала. Мифотворчество было ее уделом. Парменид развел в стороны истину и мнение и таким образом положил начало формированию рационализованной системы научного познания. Подытожил завершение прежней эпохи Аристотель, создав своего рода «установки для ума», изложенные в его *«Органоне»*.

Рационализованная доказательность, достоверность логикой, умопостигаемость становятся критериями истины на века, вплоть до Нового времени, когда Ф. Бэкон написал и издал *«Новый Органон»*. Отныне только в опоре на опыт, на эксперимент формируется критерий истины. Верифицируемость конкретными данными, почерпнутыми из объективного мира, непосредственно из самой природы, становится определяющим моментом. И тезис Бэкона «Знание – сила» в этом смысле понимался как пропущенный через главный критерий: «Практика – критерий истины».

Опубликованный П. Д. Успенским в 1913 г. *«Третий Органон»* конституировал начало наступления новой культуры познания, в которой резко возрастает когнитивная компонента как таковая. В рамках этих новых, обобщенных им «реалий века» границы между субъектом и объектом снимаются и субъект получает полную свободу действий и интерпретаций, создания теорий и научных картин мира. Тем самым он со всей полнотой стал способен обращать свои познавательные взоры на себя, корректируя процесс возвышения собственного самосознания, как то было начертано над входом в храм Дельфийского Оракула и завещано потомкам Сократом: «Человек, познай самого себя!» Впервые субъект стал изучать себя со всей полнотой в качестве объекта, и в результате появилось множество разновидностей теории человека в рамках науки психологии. Коль тезис о том, что критерий истины есть практика, стал достоянием истории, К. Поппер и П. Фейерабенд в этой новой ситуации дали свою версию этого критерия, назвав его принципом фальсификации, суть которого, если выражаться лапидарно, состоит в следующем: *теория верна лишь в том случае, если ее можно сфальсифицировать.*

Впрочем, с наступлением XX в. многое из того, что было прежде безусловным, утратило свою значимость. Поскольку критерий практики в установлении истины дался слишком дорогой ценой и еще В. И. Ленин апеллировал к нему, не разглядев эпистемологических контуров новой культуры, о том следует сказать еще несколько слов. Действительно, как можно на практике увидеть лептоны, мюоны, нуклоны, адроны, глюоны и других «жителей» ядра атома, коль многие из них обоснованы в своем онтологическом статусе лишь умозрительно, на основе идей и методов квантовой теории? Наконец, сколько черновыльских аварий надо устроить, чтобы вынести вердикт: теоретически разработанный проект подобного реактора неудовлетворителен и к практической эксплуатации непригоден?

Незадолго до аварии академик Е. П. Велихов, курировавший строительство и функционирование Чернобыльской АЭС, в сборнике «Будущее науки» опубликовал статью «Зажечь звезду». Вот и зажгли «звезду-полюнь», как предвещено в известном библейском пророческом сочинении от Иоанна, Апокалипсисе. Велихов опубликовал уже новую статью, суть которой – «спасение в термояде». Он имеет в виду строительство термоядерного реактора ТОКАМАК, с идеей которого физики из соответствующих институтов РАН (а с ними и академик Е. П. Велихов) «носятся» уже около 40 лет, «сожрав» несколько грузовиков (если в пересчете на тонны) денег.

Сегодня уже как будто достигнут консенсус, и через десяток лет мы будем иметь построенную на территории Франции установку такого рода по извлечению термоядерной энергии, питающую «надежду» на выход человечества из энергетического кризиса. Но отсутствие у этих «деятелей» пространственного, системного мышления, адекватного природе нового времени, внушает серьезные опасения, ибо по большому счету корни прежних просчетов, изъянов, ошибок, допущенных при строительстве и эксплуатации Чернобыльской АЭС, так и не были вскрыты и обнародованы.

Запомнился предназначенный успокаивать общественность, сочиненный теми же физиками образный иллюстративный пример времен: «Взрыв АЭС менее вероятен, чем падение груженого бомбами самолета на переполненный зрителями стадион» (характерен сам контекст, «смысловой антураж» этого примера: взрыв АЭС уже произошел, теперь со дня на день надо ждать второго, более вероятного события – падения на переполненный стадион загруженного атомными бомбами самолета). Все происшедшее в связи с этим многие и тогда, и теперь склонны рассматривать как фарс, комедию или, как говорят в народе, «навешивание лапши на уши». И если в этой форме (хотя и с вкрапленными печальными нотами) однажды уже явилась история, то, следовательно, по закону собственного развития, она обречена вновь повториться, теперь уже в форме подлинной трагедии.

В связи со сказанным одна ремарка. Физик Дж. Х. Джинс, известный многими своими трудами, внесшими заметный вклад в науку, автор гипотезы об-

разования Солнечной системы, предсказавший и описавший атомную бомбу за 10 лет до ее появления, утверждал, что мы сидим на пороховой бочке, какую из себя представляет Земля. И достаточно лишь подходящего высокотемпературного запала, чтобы она мгновенно взорвалась, превратив все вокруг в единый огненный смерч, видимый далеко за пределами Солнечной системы и даже за пределами нашей галактики – Млечного Пути. И действительно, тщательный анализ так называемых Новых звезд дал возможность выявить около десяти признаков того, что взрывы такого рода – искусственного происхождения (о них вести речь здесь не место). Их можно квалифицировать в терминах «синдрома Фаэтона», что это – дурной плод «заблудших разумных миров», слишком далеко ушедших «не в ту сторону», слишком самонадеянно уверовавших в могущество собственного разума и увлекшихся практической реализацией проектов покорения многомиллионградусной плазмы для освоения термоядерной энергии. Эта плазма, прежде чем удастся полностью изучить ее свойства и характеристики, способна струйно выплескиваться наружу и служить тем уже упомянутым запалом-детонатором, который через «термояд» вполне способен обеспечить всему существу на Земле нечто помощнее и пострашнее пресловутого Апокалипсиса. Если исходить не из системного мышления, а оставаться приверженцем классической парадигмы, наша участь в будущем – это взрыв Земли как Новой звезды.

Новая, реорганизованная система обучения в вузах и школах должна дать хотя бы элементарные знания того, как человеку вести себя в сложном мире, как ориентироваться в иерархии ценностей, определять их сводимость или не сводимость к единому основанию, как воспитывать (создавать) в себе иммунитет от разрушающих, хаосогенных внешних воздействий. Как уйти от хаоса и как обрести организацию и порядок; каковыми должны быть идеальные показатели состояний сложного самоорганизующегося объекта как системы, в частности – число степеней свободы и размерность внутреннего пространства, число вакансий («структурных мест»), распределение и характеристики структурных элементов, чтобы созидательный потенциал, исконные возможности и способности, свойства и качества этого объекта-системы могли вполне проявиться в нужном русле – заданном поле ценностных ориентаций и устремлений системы более масштабной, включающей ее на правах отдельной составляющей. И вообще, сколько и каковых должно быть структурных субъективных единиц в составе той или иной системы, чтобы обеспечить оптимальный режим ее самоорганизации, функционирования, роста? От знания этих законов и механизмов их действия непосредственно зависит решение проблемы выживания человечества, поскольку лишь законосообразная практика человека, а не произвольная, которая не соотносится с фундаментальными структурными гармониями, обменными циклами, мировыми порядками, позволит избежать безумства его самоуничтожения. Самосогласованность различного рода ансамблей, самоорганизация, качество сложных формирований, уста-

новление оптимального разнообразия как неотъемлемого жизненного атрибута, самодостаточность в границах того или иного локального универсума, коэволюция природы и общества и предпосылки устойчивого развития последнего, коллапс эволюционирующих систем природы и общества и многое другое – это уже частные случаи, охватываемые единой и всеобщей теорией гармонии систем, действующей не только в мире музыки, но и на поприще всех возможных объективных структур, способных возникать и сохраняться в разделенном и воедино сомкнутом состояниях – через процессы дифференциации и интеграции, аналитического расщепления и воспроизведения в синтезе, одновременно как целое и как совокупность определенным образом связанных между собою частей. Востребованность такой теории (и основанной на ней практики) достигла сегодня апогея, особенно в отношении создания методов измерения гармонии, установления ее общих критериев, операционализации ее интегральных характеристик.

Бинарный архетип, на который сегодня многие ополчились и который несет в себе унаследованную из прежних времен отрицательную реакцию на две линии в истории философии – «линию Демокрита и линию Платона» (по В. И. Ленину), на манихейское представление мира в черно-белых тонах и на сопричастное ему подразделение всей философской мысли на идеализм и материализм, когда сам мир предстает состоящим из двух компонентов – материи и сознания (идеи, абсолюта), требует нового понимания. «Аллергию» на него следует преодолеть, когда речь идет об интегральных характеристиках бытия, всевозможных локальных универсумов и глобального универсума в целом. Ведь именно языком интегральных характеристик (критериев, символов, отношений и пр.) и пишется мировая история, а первый акт объективно осуществляющегося структурогенеза на пути формирования новых систем, равно как и первый шаг разума в постижении этих характеристик, и у «материалистов», и у «идеалистов» был и остается прежним: «раздвоение единого и познание противоречивых частей его». Эта суть диалектики признается как в идеализме, например у Платона («Эпиномис»): «Что поистине удивительно и божественно для вдумчивого мыслителя, так это присущие всей природе удвоение числовых значений и, наоборот, раздвоение – отношение, наблюдаемое во всех видах и родах вещей», так и в материализме [12, с. 316]. И коль скоро есть потребность находить меру гармонии (дисгармонии) структурно сложных систем, квалифицируя их состояния как норму либо патологию, с определением степени отклонения от той и другой, то в качестве исходной, базисной модели может быть принята разработанная Г. В. Ф. Гегелем теория закона развития меры как закона степеней.

На основе гегелевской «узловой линии мер» нами был открыт закон строения пространства бинарных оппозиций [13]. Один из перспективных путей построения общей теории гармонии с метрическим компонентом, активизирующий узловую линию мер в ее канонической форме отношений единичного

отрезка, позволяет найти и соответствующие инварианты, без которых никакая теория в принципе не состоятельна. Таковыми инвариантами служат так называемые обобщенные золотые сечения (ОЗС), в динамике интегральных характеристик систем выполняющие роль притягивающих точек, аттракторов, на единой шкале качества, в качестве которой фигурирует узловая линия мер.

В итоге состояния мира реальных объектов как систем стало возможным изъяснять языком *интегральных мер*: «качество – количество», «порядок – хаос», «структура – функция» и т. д. В каждой из них агенты действия – сами члены отношения, выражающиеся только через свою противоположность. Пространство бинарных оппозиций (раздвоенных единств) когерентно. Узлы интерференции (узлы меры) играют роль инвариантов, аттракторов. Используя модель струны, можно сказать, что природа «многомерно музыкальна»: «Измерения материи суть не что иное, как разные типы дрожащей струны» [14, с. 26].

Сама идея вывода этих инвариантов весьма проста и потому позволяет утверждать, что сам факт их существования столь же имманентен сущности вещей, мира в целом, как, скажем, натуральный ряд чисел или теорема Пифагора. Здесь фундаментален тот факт, что если на одном и том же множестве заданы две меры, то они кратны между собой. Это легко понять. Таковы метры и километры, граммы и килограммы, доллары и центы и т. п. Мерой количества информации, заключенной в некоем событии, как известно, служит логарифм вероятности этого события, взятый с противоположным знаком: $\{-\log p\}$. Но здесь мерой с тем же основанием может служить также и логарифм невероятности этого события: $\{-\log(1-p)\}$. По условию кратности этих мер (это следует из теоремы Лебега) находим: $\log(1-p) = k \log p$, что путем потенцирования дает уравнение: $p^k + p - 1 = 0$, $k = 1, 2, 3, \dots$. Его корнями служат узлы меры p – обобщенные золотые сечения (ОЗС): 0,500...; 0,618...; 0,682... Вместо простой вероятности может быть взята сложная мера, информационная энтропия H , имеющая смысл средней информации по множеству вероятностей событий, то есть меры ограниченного разнообразия, связанного в том или ином ансамбле. И тогда, привязывая ее значения к данным узловым точкам (ОЗС) линии мер, на ее основе можно проектировать и формировать самые различные системы как гармонически организованные структурно сложные целостности. Точки узловой линии, промежуточные между данными корнями-аттракторами, которые получены при полуцелых k (0,570...; 0,654...; 0,705...), соответствуют состояниям систем с противоположными свойствами дисгармонии, патологии, аномалий.

Возможности данного подхода к исследованию и проектированию сложноструктурированных систем чрезвычайно велики. Он позволяет, в частности:

организовать внутреннее пространство любой системы, состоящей из сравнительно независимых подразделений (компонентов, «частей»);

гармонизовать целое, придав ему высокие эстетические, функциональные, эксплуатационные или другие полезные качества;

выбрать наиболее эффективный вариант действия функциональной трехзвенной системы «генератор идеи – разработчик – исполнитель»;

рационально и справедливо распределять квоты участников единой производственной системы при ее преобразовании, реорганизации;

поднять уровень управления экспериментом, сократить время в поиске технологий, схем производства принципиально новых высокорентабельных продуктов потребления, в первую очередь – табачных изделий и пищевых продуктов сложного состава;

повысить конкурентоспособность выпускаемого на промышленном предприятии сложного по составу продукта (в любой области производства, безотносительно к характеру материала), максимизировать его качество, а это – всевозможные композиты (твердые растворы), составы, смеси (ткани, медпрепараты, парфюмерные изделия, стекла и бетоны, сплавы и ситаллы, и пр.);

открыть принципиально новую линию разработки информационных технологий, ориентированных на структурную гармонизацию систем и обеспечение их функционального качества;

предложить новый метод оценки перспектив сельскохозяйственных культур при проведении сортоиспытаний;

достичь надежности и эффективности объединенной системы (банков, бирж, производств, субъектов предпринимательской инициативы);

оптимизировать структуру засеваемых площадей, системы энергетических мощностей отдельного хозяйства в целях функционирования с минимумом энергетических издержек;

дать новый метод экологического мониторинга (биоиндикации) окружающей среды, осуществляя экспресс-диагностику нормы и патологии биоорганизмов, включая человека;

создать принципиально новый подход в диагностике состояния организаций, экономических, геополитических систем и сообществ путем введения шкалированных интегральных характеристик, определяющих меру внутрискруктурной гармонии их состояний либо степень отклонения от нее;

определять сравнительный анализ испытаний новых медпрепаратов или эффективности тех или иных вариантов терапевтических мер, различных схем лечения по отдельным нозологическим формам в условиях клиники либо домашних животных в условиях эпизоотии и др.

Углубясь в проблему метрических оснований гармонии, нами раскрыты сущность и возможности созданных методов ее измерения: множественно продемонстрированы их конструктивный характер; освещены их многообразные прикладные аспекты (познание природы и жизнедеятельности человека, общества в целом, совершенствование экономики как оптимального распределения ресурса, создание новых методов управления экспериментом,

изготовление различного рода композитов); в практике экологического мониторинга, на основе индикации состояния обитающих в определенной экологической среде биоорганизмов, предложены простые методы установления качества окружающей среды с целью выявления в ней степени отклонения от нормы, экологических аномалий. На основе интегральных характеристик, используемых в сочетании с узлами линии мер – обобщенными золотыми сечениями, – решаются многие трудные проблемы прежней классической культуры и науки. В итоге сложные системы объективного мира и те их проекты, в отношении которых данный аппарат применяется, будучи «изнутри» структурно гармонизованными, вполне отвечают критерию качества. И таким образом утверждается мысль: всеобщее учение о гармонии и синергии есть важнейшая парадигма науки и философии XXI века.

Вникая в причины распада СССР, надо заметить, что сегодня самый главный фактор по-прежнему остается втуне. Практически по всем важнейшим аспектам жизнедеятельности общества не выдерживались *требования меры* в ее научно-философском смысле, *закона узловых линий мер*, игнорировались законы гармонии целого и частей, *законы оптимального разнообразия*, всеобщие принципы *однополярной доминанции*, гармонических узлов меры в пространстве раздвоенного единства и другие, которые, единственные, отвечают принципу минимизации издержек (непроизводительных затрат) в функционировании народнохозяйственного механизма и обеспечивают эволюцию общества к высокому качественному состоянию, тождественному его структурной и функциональной гармонии. Эти процессы по-прежнему не изучают в университетах, трансдисциплинарная наука выведена за пределы кафедр, а это означает, что общество обречено идти вперед по-прежнему наощупь, вслепую, формируя разномасштабные управленческие решения, и базовые, и корректирующие, «методом проб и ошибок», или «методом тыка» (фольклор от науки).

Из всего сказанного следует один важнейший вывод. Не логикоцентризм, а системоцентризм с его трансдисциплинарной базой познания и всеобщими принципами, которые «питаются законами» (выражение лауреата Нобелевской премии Э. Вигнера), как те в свою очередь – явлениями, с безусловной необходимостью должен стать поводырем культуры, науки и практики, предопределяя тем самым устойчивую эволюцию общества к его гармоничному, а значит, высококачественному во всех отношениях состоянию.

Литература

1. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М. : Мысль, 1994. – 591 с.
2. Тоффлер, Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – М. : ООО «Фирма “Изд-во АСТ”», 2004. – 784 с.
3. Ашбот, Т. Качество как двигатель общественного развития / Тибор Ашбот // Проблемы теории и практики управления. – 2001. – № 2. – С. 73–74.
4. Ортега-и-Гассет, Х. Что такое философия? / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : Наука, 1991. – 403 с.
5. Сороко, Э. М. Синергетика – базис нового мировоззрения и учение о кооперативном действии, интегральном измерении и действительности, превращении хаоса в порядок, само-

организации и развитию сложных систем, фазах их эволюции, возникновении новых качеств, гармонизации сложных смесей и составов (миксеология), тонкой диагностике нормы и патологии, анализе и оценке состояний и количества здоровья природы и человека / Э. М. Сороко // Славянское вече. I : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Жизнеутверждающее мировоззрение и здоровье нации», Минск, 13–19 дек. 2006 г. – Минск, 2002. – С. 350–364.

6. Путинцев, А. И. Организованное пространство и гармоничное развитие / А. И. Путинцев // Московский Синергетический Форум, Январская (1996) встреча «Устойчивое развитие в изменяющемся мире» : тез., Москва, 27–31 янв. 1996 г. / Ин-т философии Рос. акад. наук [и др.]. – М., 1996. – С. 96–97.

7. Антипов, В. Принцип ограниченности и основания математики / В. Антипов // Препринт Ин-та вычислит. математики и математ. геофизики СО РАН. – 1997. – № 1100. – 110 с.

8. Пелипенко, А. А. Культура как система / А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко. – М. : Языки рус. культуры, 1998. – 371 с.

9. Князева, Е. Н. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – М. : Наука, 1994. – 122 с.

10. Князева, Е. Н. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпоры / Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов. – СПб. : Алетейя, 2002. – 202 с.

11. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М. : Прогресс, 1977. – 408 с.

12. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. – 5-е изд. – М. : Политиздат, 1965–1975. – Т. 29 : Философские тетради. – 1969. – 782 с.

13. Сороко, Э. М. Золотые сечения, процессы самоорганизации и эволюции систем. Введение в общую теорию гармонии систем / Э. М. Сороко. – Изд. 4-е. – М. : Книж. Дом «ЛИБРОКОМ», 2012 – 264 с.

14. Kaku, M. Dalej niz Einstein / M. Kaku, J. Trainer. – Warszawa : PIW, 1993. – 269 s.

EPISTEMOLOGY ON THE TIME BREAK: SYSTEM-CENTRISM VS. LOGIC-CENTRISM

P. V. KIKEL, E. M. SOROKO

Summary

Information component of mankind development is investigated. Possible qualitative changes of this component at present time are investigated. Information is treated as a “limited diversity” (Norbert Wiener). On its basis in nature and society is a process of harmonization of complex self-organizing systems. Against the backdrop of historically developed methodology idealism and materialism discussed the impending harmonism methodology as a basis for a third way of development of science and philosophy – a way of development of harmonious relations in nature and society. This new methodology features the innovative efficiency and high practical significance. In science and practice it is accompanied by increased attention to the processes of synthesis and integration.

The modern times, the era of the information needed and new knowledge on the harmonization of complex distributed systems such as ensembles. Today’s information technology based on the information as the data transferred via the channels of communication and control, and therefore are not sufficient. Information technology of the second generation, based on the limited information on how diversity has not yet been created. They constitute a strategic resource of innovative society in the search for structural harmony of systems. Harmonisation of systems provided binding expressing their collective state variable (relative entropy measures as an integral ensemble of structural components) to one of its nodal values – the so-called Generalized Golden Section: 0.500...; 0.618...; 0.682...; 0.725...

Дата поступления статьи в редакцию: 29.04.2015

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЙ ЛОГИКИ

В. И. ПАВЛЮКЕВИЧ

В работе раскрывается эпистемологический статус логических отношений в классической логике. При этом уточняется теоретико-методологическая значимость понятия логической формы; осуществляется аналитическая систематизация логических отношений, в ходе которой построен ряд вариантов такой систематизации и реализованы возможности минимизации базиса данного рода систем; предлагается модальная интерпретация логических отношений.

Классическая логика высказываний – одна из фундаментальных, базисных теорий современной логики. Разрабатываемые в ней проблемы имеют не только собственно логическую, но и широкую методологическую значимость. К таковым относятся и рассматриваемые здесь вопросы, связанные с логическими отношениями между высказываниями. Они существенны для любого сколько-нибудь развернутого концептуального построения. Логические отношения между языковыми интеллектуальными конструктами, создаваемыми в ходе развития знания, играют существеннейшую роль как системообразующий фактор формально-теоретического и конкретно-содержательного характера. При построении концептуальных систем логические связи между высказываниями, а соответственно, и между иными языковыми проявлениями мысли играют важную базисную роль.

В работе раскрывается эпистемологический статус логических отношений в классической логике. При этом эксплицируется ряд существенных характеристик данных отношений, связанных с реализацией их статуса в логико-методологическом познании.

Эпистемологическая значимость логической формы

Поскольку логические отношения между высказываниями (и другими видами мыслей) выявляются путем сопоставления их логических форм, то существенно уточнить важнейшие характеристики самих логических форм.

Становление теоретической логики связано с трудами Аристотеля. Переход от дотеоретического уровня логической культуры к теоретическому может быть зафиксирован вполне определенно. Он происходит на основании двух кардинальных достижений в области логического знания: введения в логику переменных и открытия в результате этого логической формы, что в итоге дало Аристотелю возможность построить в виде системы первую логическую теорию.

Ян Лукасевич отмечает: «Введение в логику переменных является одним из величайших открытий Аристотеля» [1, с. 42]. Оценивая значимость для развития логики этого достижения, он сравнивает его с введением переменных в математику: «...каждый математик знает, что введение в арифметику переменных положило начало новой эпохе в этой науке» [1, с. 42]. В данном контексте интересна ссылка, которую приводит Ян Лукасевич: «Мне было приятно узнать, что сэр Дэвид Росс в своем издании “Аналитик”... подчеркивает, что именно благодаря использованию переменных Аристотель стал основателем формальной логики» [1, с. 42].

Применение переменных – необходимое условие открытия логической формы. В этой связи существенно отметить, что логическая форма высказывания, например «Некоторые птицы летают», не содержится непосредственно в самом высказывании. Выявление его логической формы не есть простое извлечение ее из конкретного содержания данного предложения. Логическая форма этого высказывания – «Некоторые S есть P » – является результатом обобщающе-абстрагирующей деятельности познающего интеллекта. Ее открытие подразумевает, что все термины, входящие в анализируемое высказывание, разграничиваются по соответствующему принципу на логические и дескриптивные; затем логические термины обозначаются определенными константами, а дескриптивные – соответствующими переменными. В результате чего и получается выражение, фиксирующее логическую форму, логическую структуру анализируемого предложения. Введение переменных вместо дескриптивных терминов как раз обеспечивает соответствующий уровень обобщения, синтеза, который связан с переходом логического знания к теоретическому этапу развития.

Таким образом, логическая форма и представленное ею логическое содержание анализируемого высказывания не есть готовая часть данного высказывания, непосредственно извлекаемая из него, а является новым смысловым теоретическим образованием, конструктом, возникающим в результате соответствующей обобщающе-абстрагирующей мыслительной операции.

Итак, переход логического знания на теоретический уровень осуществляется в результате открытия логической формы, которая базируется на введении в логику переменных, что в свою очередь предполагает деление терминов естественного языка на логические и дескриптивные. Возникает вопрос о критериях данного деления. Критерий же этого различия можно определить довольно простым образом, апеллируя к логическим отношениям: логическими терминами являются те, от содержания которых зависят логические отношения между высказываниями, дескриптивными – те, от конкретного содержания которых логические отношения не зависят. Именно в силу этого их можно заменить переменными.

В связи с рассмотренными здесь особенностями логических форм следует обратить внимание на некоторые характеристики логики, порой исполь-

зуемые в методологической литературе. Иногда отмечается, что логика, исследуя рассуждения, имеет дело с формами и отвлекается от содержания высказываний, порой уточняется, что отвлекается от конкретного содержания. Существенно при этом уяснить, от чего именно происходит отвлечение в логических формах.

Дело в том, что логическая форма высказывания не абстрагируется полностью от его содержания. Логическая форма фиксирует важные содержательные аспекты высказывания. От этих содержательных аспектов зависит в том числе истинность или ложность конкретных высказываний: из истинного высказывания «Некоторые птицы есть летающие» можно получить ложное путем замены исключительно логических терминов – «Все птицы не есть летающие».

Таким образом, важно иметь в виду, что логическая форма есть такой языковой конструкт, в котором в результате специфического абстрагирования и обобщения фиксируется та часть содержания языковых выражений, от которой зависят исследуемые логические связи между ними, и происходит отвлечение от той части содержания, от которой логические связи не зависят.

Введением переменных для выявления логической структуры простых категорических высказываний и силлогистических рассуждений Аристотель не только открыл понятие логической формы, но и положил начало структурному анализу языковых интеллектуальных конструктов в зависимости от целей логического исследования. Логическая форма как определенная структура языковых проявлений мысли является результатом специфического анализа языкового выражения. Этот анализ может проводиться с разной степенью глубины и детализации в зависимости от стоящих теоретических задач и целей. Если, например, исследуются такие логические отношения, которые не зависят от внутренней структуры простых высказываний, то эта структура не раскрывается и высказывания заменяются переменными (что, в отличие от силлогистических теорий, имеет место в логике высказываний).

Интересные аспекты философско-методологической значимости понятия логической формы раскрываются при исследовании логических отношений. Например, совместимы ли по ложности высказывания «Юлий Цезарь – полководец» и «Якуб Колас – писатель»? Совместимы ли по истинности высказывания «Якуб Колас – композитор» и «Юлий Цезарь – живописец»?

Предположение, что первых два высказывания совместимы по ложности, допускает использование философской идеи возможных миров с рассмотрением хотя бы одного такого мира, в котором Юлий Цезарь не является полководцем, а Якуб Колас – писателем. Признание, что вторая пара высказываний совместима по истинности, подразумевает рассмотрение такого возможного мира, в котором Якуб Колас – композитор, а Юлий Цезарь – живописец. Применение же понятия логической формы при выяснении логических от-

ношений между высказываниями в этих парах оказывается эквивалентным использованию идеи возможных миров, но без ее непосредственного приложения: два высказывания заменяются формулами, выражающими их логическую форму, допустим – A и B , а затем речь идет о логических отношениях между этими формулами, что легко выявляется, например, табличным методом.

Аналитическая систематизация логических отношений

Важнейшими логическими отношениями между высказываниями считаются следующие: совместимость (несовместимость) высказываний по истинности, совместимость (несовместимость) по ложности, логическое следование (неследование), логическое подчинение, логическая эквивалентность, противоречие, противоположность, подпротивоположность, логическая независимость.

Наиболее прозрачным по содержанию представляется такой подход, когда при определении логических отношений между высказываниями в качестве исходных, базисных используются отношения совместимости (несовместимости) по истинности, совместимости (несовместимости) по ложности и отношение логического следования (неследования) (см.: [2, с. 101–105; 3, с. 52–56]). Данный метод имеет истоком знаменитый логический квадрат, наглядным образом систематизирующий логические отношения между простыми категорическими высказываниями. В настоящее время этот подход в усовершенствованном виде используется также и в логике высказываний с применением табличного метода.

Поскольку в логической литературе имеются расхождения в трактовке логических отношений между высказываниями, то для уточнения предмета обсуждения целесообразно привести здесь определения этих отношений. Так как логические отношения между высказываниями зависят от их логических форм, а их логические формы предстают в языках логики в виде соответствующих формул, то при определении логических отношений речь будет идти в дальнейшем о формулах. Предлагаемый здесь способ аналитической систематизации логических отношений между формулами, представленный далее дефинициями $D1 – D9$, будет обозначаться как вариант 1.

Вариант 1.

$D1$. Формулы A и B совместимы по истинности, если и только если (далее – е.т.е.) они обе могут быть одновременно истинными. В ином случае A и B несовместимы по истинности. Содержательно совместимость формул A и B по истинности значит, что возможны два истинных высказывания, одно из которых имеет логическую форму A , а второе – B , то есть нелогическим символам, входящим в формулы A и B , может быть дана такая интерпретация, при которой обе эти формулы становятся истинными высказываниями. Применительно к конкретным высказываниям A_1 и B_1 можно сказать, что они

совместимы по истинности, если существует такой возможный мир, в котором они оба являются истинными. Интересно отметить, что такой, казалось бы, простой вопрос, как совместимость высказываний по истинности, может подразумевать обращение к философской идее возможных миров.

D2. Формулы A и B совместимы по ложности, е.т.е. они обе могут быть одновременно ложными. В ином случае они несовместимы по ложности. (Содержательные разъяснения аналогичны предыдущим.)

D3. Из формулы A логически следует формула B , е.т.е. в силу логической структуры A и B невозможна ситуация, когда формула A истинна, а B при этом ложна. В ином случае из формулы A логически не следует формула B . (Здесь отношение логического следования трактуется в соответствии с классической логикой.) Применительно к конкретным высказываниям A_1 и B_1 содержательно это значит, что невозможна ситуация, когда существуют два высказывания, первое из которых имеет ту же логическую форму, что A_1 , а второе – ту же логическую форму, что B_1 , и при этом первое истинно, а второе ложно.

Далее на базе отношений, указанных в $D1 - D3$, определяются все другие важнейшие логические отношения между формулами.

D4. Формула A логически подчиняет формулу B , е.т.е. из A логически следует B и из B не следует A .

D5. Формулы A и B логически эквивалентны, е.т.е. из A логически следует B и из B логически следует A .

D6. Формулы A и B находятся в отношении противоречия, е.т.е. они несовместимы по истинности и несовместимы по ложности.

D7. Формулы A и B находятся в отношении противоположности, е.т.е. они несовместимы по истинности, совместимы по ложности и между ними нет отношения логического следования.

D8. Формулы A и B находятся в отношении подпротивоположности, е.т.е. они совместимы по истинности, несовместимы по ложности и между ними нет отношения логического следования.

D9. Формулы A и B логически независимы, е.т.е. они совместимы по истинности, совместимы по ложности и между ними нет отношения логического следования.

В двухтомном труде Е. К. Войшвилло и М. Г. Дегтярева (см. [4, с. 124–131]) показана возможность определения всех важнейших логических отношений на базе отношения логического следования и операции отрицания, что выявляет существенные аспекты аналитических связей в системе логических отношений между высказываниями. Эта возможность будет обозначаться далее как **вариант 2**.

Наряду с зафиксированными здесь двумя вариантами системного представления логических зависимостей между высказываниями для более полного раскрытия аналитических взаимосвязей логических отношений между высказываниями существенно выявить и иные возможности, иные варианты взаимоопределимости данных отношений.

Вариант 3.

Теорема 1. Все важнейшие логические отношения между высказываниями можно определить, используя в качестве базиса только отношение совместимости (несовместимости) по истинности и операцию отрицания (важнейшими здесь будут называться логические отношения между формулами, указанные в $D1 - D9$).

Учитывая вариант 2, для доказательства этой теоремы достаточно на данном базисе определить отношение логического следования. Однако для более подробного раскрытия аналитических связей в системе логических отношений между высказываниями целесообразно это сделать, исходя из варианта 1 как содержательно более развернутого и прозрачного.

Поскольку в определениях $D1 - D9$ (см. вариант 1) в качестве базисных использовались только отношения совместимости (несовместимости) по истинности, совместимости (несовместимости) по ложности и логического следования (неследования), то для доказательства теоремы 1 достаточно на указанном в ней базисе определить отношения совместимости (несовместимости) по ложности и логического следования (неследования).

$D1.1.$ Формулы A и B совместимы по ложности, е.т.е. их отрицания ($\neg A$ и $\neg B$) совместимы по истинности.

$D1.2.$ Формулы A и B несовместимы по ложности, е.т.е. их отрицания ($\neg A$ и $\neg B$) несовместимы по истинности.

$D1.3.$ Из формулы A логически следует формула B , е.т.е. A и $\neg B$ несовместимы по истинности. Если A и $\neg B$ совместимы по истинности, то из A логически не следует B .

Вариант 4.

Теорема 2. Все важнейшие логические отношения можно определить, используя в качестве базиса только совместимость (несовместимость) по ложности и операцию отрицания.

Учитывая вариант 2, здесь, как и в предыдущем случае, для доказательства достаточно определить отношение логического следования; но по тем же соображениям доказательство осуществляется, исходя из варианта 1. Основываясь на варианте 1, для доказательства достаточно определить на указанном в теореме 2 базисе отношения совместимости (несовместимости) по истинности и логического следования (неследования).

$D2.1.$ Формулы A и B совместимы по истинности, е.т.е. их отрицания ($\neg A$ и $\neg B$) совместимы по ложности.

$D2.2.$ Формулы A и B несовместимы по истинности, е.т.е. их отрицания ($\neg A$ и $\neg B$) несовместимы по ложности.

$D2.3.$ Из формулы A логически следует формула B , е.т.е. $\neg A$ и B несовместимы по ложности. Если же $\neg A$ и B совместимы по ложности, то из A логически не следует B .

Вариант 5.

Теорема 3. Все важнейшие логические отношения между высказываниями можно определить, используя в качестве базиса только совместимость (несовместимость) по истинности и совместимость (несовместимость) по ложности. Учитывая теоремы 1 и 2, для доказательства достаточно определить операцию отрицания.

D3.1. Отрицание есть такая унарная операция, в результате применения которой к формуле образуется новая формула, несовместимая с исходной ни по истинности, ни по ложности. Существенно отметить, что эта дефиниция говорит о том, что использование отрицания в определении логических отношений фактически равносильно использованию отношения противоречия. Это значит, что, учитывая дефиниции *D1.3*, *D2.3* и *D3.1*, можно построить следующие определения отношения логического следования. Из формулы *A* логически следует формула *B*, е.т.е. формула *A* несовместима по истинности со всякой формулой, которая несовместима с формулой *B* ни по истинности, ни по ложности. Из формулы *A* логически следует формула *B*, е.т.е. формула *B* несовместима по ложности со всякой формулой, которая несовместима с формулой *A* ни по истинности, ни по ложности.

Варианты 1 и 5 могут считаться однородными по базису, поскольку в их базисе используются только логические отношения. Варианты же 2, 3, 4 в некотором роде «смешанные», так как их базис содержит логические отношения и логическую операцию (отрицание). «Смешанные» варианты можно преобразовать в однородные. Поскольку использование операции отрицания семантически равносильно использованию отношения противоречия (см. *D3.1*), то, заменив в базисе «смешанных» вариантов 2, 3, 4 эту операцию на отношение противоречия, можно получить аналогичные им однородные варианты (2.1), (3.1), (4.1).

Для аналитической систематизации логических отношений между высказываниями существенен вопрос о минимизации базиса их определимости. В связи с этим здесь предлагаются следующие новые варианты определимости данных отношений.

Вариант 6.

Теорема 4. Все важнейшие отношения между высказываниями могут быть определены на базе отношений совместимости (несовместимости) по истинности и противоречия. Учитывая исходный вариант, для доказательства достаточно определить совместимость (несовместимость) по ложности и логическое следование (неследование).

D4.1. Формулы *A* и *B* совместимы по ложности, е.т.е. формула, находящаяся в отношении противоречия с *A*, совместима по истинности с формулой, находящейся в отношении противоречия с *B*. В ином случае *A* и *B* несовместимы по ложности.

D4.2. Из формулы *A* логически следует формула *B*, е.т.е. формула *A* и формула, находящаяся в отношении противоречия с *B*, несовместимы по истинности. В ином случае из *A* логически не следует *B*.

Вариант 7.

Теорема 5. Все важнейшие отношения между высказываниями могут быть определены на базе отношений совместимости (несовместимости) по ложности и противоречия. Учитывая вариант 6, для доказательства достаточна следующая дефиниция.

D5.1. Формулы A и B совместимы по истинности, е.т.е. формула, находящаяся в отношении противоречия с A , совместима по ложности с формулой, находящейся в отношении противоречия с B . В ином случае A и B несовместимы по истинности.

На основании вариантов 6 и 7 можно минимизировать базис взаимоопределимости следующим образом.

Вариант 8.

Теорема 6. Все важнейшие отношения между высказываниями можно определить на базе отношений совместимости (несовместимости) по истинности и несовместимости по ложности. Учитывая вариант 6, для доказательства достаточно определить отношение противоречия. Легко видеть, что исходный базис позволяет сделать это обычным образом.

D6.1. Формулы A и B находятся в отношении противоречия, е.т.е. они несовместимы по истинности и несовместимы по ложности.

Вариант 9.

Теорема 7. Все важнейшие отношения между высказываниями можно определить на базе отношений совместимости (несовместимости) по ложности и несовместимости по истинности. Учитывая вариант 7, для доказательства достаточно определить отношение противоречия. Наличие в базисе отношений несовместимости по истинности и несовместимости по ложности дает возможность построить определение отношения противоречия, то есть воспроизвести дефиницию *D6.1*.

Из того что известно в опубликованной литературе о взаимосвязях логических отношений в классической логике высказываний, представленные здесь варианты 8 и 9 являются минимальными по базису. Интересно, что возможны два равноправных варианта минимизации базиса. Между этими вариантами имеется своеобразная симметрия. Один из аспектов этой симметричности состоит в том, что в обоих вариантах содержится в базисе общее ядро (несовместимость по истинности и несовместимость по ложности). К данному ядру в варианте 8 добавляется совместимость по истинности, а в варианте 9 – совместимость по ложности. Второй аспект симметричности можно узреть в том, что совместимости по истинности в одном из вариантов противостоит совместимость по ложности в другом; несовместимости по истинности (ложности) в одном варианте противостоит несовместимость по ложности (истинности) в другом.

Характеризуя логические отношения в классической логике, существенно отметить, что в данной теории нет несравнимых формул (соответственно, высказываний). Это одно из отличий классической логики от релевантной.

Отсутствие общей переменной, работающее как критерий несравнимости в релевантной логике, не может быть таковым в системах классической логики. Использование такого критерия в этих системах ведет к недоразумениям: например, табличный метод покажет, что формулы $A \rightarrow A$ и $B \rightarrow B$ логически эквивалентны (то есть утверждение об их эквивалентности $(A \rightarrow A) \equiv (B \rightarrow B)$ является законом логики), а отсутствие общей переменной будет говорить об их несравнимости. (Получится, что формулы логически эквивалентны и в то же время несравнимы. Это явный абсурд.)

Модальный статус логических отношений

Для дальнейшего уточнения статуса логических отношений в философско-методологическом познании существенно выявить и раскрыть их модальный характер.

Обычной экспликацией модальностей является определение их на основании законов соответствующей области знания. Раскрытие содержания логических отношений между формулами (высказываниями) в классической логике высказываний может быть проведено полностью в соответствии с этим подходом: во-первых, логические отношения определимы в данной теории на той же основе, тем же методом, что и законы логики; во-вторых, их можно определить непосредственно на базе законов логики.

Для обоснования первого утверждения достаточно сопоставить выявление законов логики и логических отношений табличным способом: установление статуса формулы как закона логики и логических отношений между формулами осуществляется единым методом – обзором всех семантических возможностей формул по истинностным значениям (рассмотрением результирующих столбиков (кортежей) значений).

Второе утверждение обосновывается следующими дефинициями.

D1. Формулы A и B совместимы по истинности, е.т.е. $\neg (A \wedge B)$ – не закон логики.

D2. Формулы A и B несовместимы по истинности, е.т.е. $\neg (A \wedge B)$ – закон логики.

D3. Формулы A и B совместимы по ложности, е.т.е. $A \vee B$ – не закон логики.

D4. Формулы A и B несовместимы по ложности, е.т.е. $A \vee B$ – закон логики.

D5. Из формулы A логически следует формула B , е.т.е. $A \rightarrow B$ – закон логики.

D6. Из формулы A логически не следует формула B , е.т.е. $A \rightarrow B$ – не закон логики.

D7. Формула A логически подчиняет формулу B , е.т.е. $A \rightarrow B$ – закон логики и $B \rightarrow A$ – не закон логики.

D8. Формулы A и B логически эквивалентны, е.т.е. $A \rightarrow B$ – закон логики и $B \rightarrow A$ – закон логики.

D9. Формулы A и B находятся в отношении противоречия, е.т.е. $\neg (A \wedge B)$ – закон логики и $A \vee B$ – закон логики.

D10. Формулы A и B находятся в отношении противоположности, е.т.е. $\neg(A \wedge B)$ – закон логики, $A \vee B$ – не закон логики, $A \rightarrow B$ – не закон логики и $B \rightarrow A$ – не закон логики.

D11. Формулы A и B находятся в отношении подпротивоположности, е.т.е. $A \vee B$ – закон логики, $\neg(A \wedge B)$ – не закон логики, $A \rightarrow B$ – не закон логики и $B \rightarrow A$ – не закон логики.

D12. Формулы A и B логически независимы, е.т.е. $\neg(A \wedge B)$ – не закон логики, $A \vee B$ – не закон логики, $A \rightarrow B$ – не закон логики и $B \rightarrow A$ – не закон логики.

Модальный статус логических отношений между формулами можно эксплицировать их непосредственной редукцией к модальностям, что осуществляется в следующих дефинициях.

D1.1. Формулы A и B совместимы по истинности, е.т.е. $\diamond(A \wedge B)$ ($\diamond$ – функтор возможности).

D2.1. Формулы A и B несовместимы по истинности, е.т.е. $\neg\diamond(A \wedge B)$.

D3.1. Формулы A и B совместимы по ложности, е.т.е. $\diamond(\neg A \wedge \neg B)$.

D4.1. Формулы A и B несовместимы по ложности, е.т.е. $\neg\diamond(\neg A \wedge \neg B)$.

D5.1. Из формулы A логически следует формула B , е.т.е. $\neg\diamond(A \wedge \neg B)$. (Это соответствует известному определению К. И. Льюисом «строгой» импликации.)

D6.1. Из формулы A логически не следует формула B , е.т.е. $\diamond(A \wedge \neg B)$.

D7.1. Формула A логически подчиняет формулу B , е.т.е. $\neg\diamond(A \wedge \neg B)$ и $\diamond(B \wedge \neg A)$.

D8.1. Формулы A и B логически эквивалентны, е.т.е. $\neg\diamond(A \wedge \neg B)$ и $\neg\diamond(B \wedge \neg A)$.

D9.1. Формулы A и B находятся в отношении противоречия, е.т.е. $\neg\diamond(A \wedge B)$ и $\neg\diamond(\neg A \wedge \neg B)$.

D10.1. Формулы A и B находятся в отношении противоположности, е.т.е. $\neg\diamond(A \wedge B)$, и $\diamond(\neg A \wedge \neg B)$, и $(\diamond(A \wedge \neg B) \wedge \diamond(B \wedge \neg A))$.

D11.1. Формулы A и B находятся в отношении подпротивоположности, е.т.е. $\diamond(A \wedge B)$, и $\neg\diamond(\neg A \wedge \neg B)$, и $(\diamond(A \wedge \neg B) \wedge \diamond(B \wedge \neg A))$.

D12.1. Формулы A и B логически независимы, е.т.е. $\diamond(A \wedge B)$, и $\diamond(\neg A \wedge \neg B)$, и $\diamond(A \wedge \neg B)$, и $\diamond(B \wedge \neg A)$. Интересно отметить, что, казалось бы, совсем слабое отношение логической независимости тоже имеет модальный статус; это отчетливо раскрывается в определяющей части данной дефиниции.

Используя взаимоопределимость модальностей необходимости и возможности ($\diamond A = Df \neg \square \neg A$ и $\square A = Df \neg \diamond \neg A$; $\square$ – функтор необходимости), определения логических отношений можно построить на базе модальности «необходимо». Например, дефиниция D1.1 перестраивается следующим образом.

D1.2. Формулы A и B совместимы по истинности, е.т.е. $\neg \square \neg(A \wedge B)$. На такой же основе перестраиваются и все другие определения.

Связь законов и логических отношений не «односторонняя»: не только логические отношения можно определить на базе законов логики, но и законы логики, а также все иные семантические типы формул классической логики высказываний существенным образом характеризуются с помощью логических отношений.

Все множество формул классической логики высказываний может быть исчерпывающим образом разделено на три непересекающихся класса, три базис-

ных¹ семантических типа формул: законы классической логики высказываний (выражаемые тождественно-истинными формулами); формулы, противоречащие законам логики (тождественно-ложные), и формулы, которые не выражают законов логики, но и не противоречат им (логически недетерминированные формулы, их истинностные значения не детерминированы их логическими формами). Формулы первых двух типов можно назвать логически детерминированными, поскольку их истинностные значения детерминированы их логической формой.

Используя логические отношения, можно однозначно охарактеризовать все три семантических типа формул. Закон классической логики высказываний есть формула, несовместимая по ложности ни с одной из формул этой теории (в том числе и сама с собой). Формула, противоречащая законам классической логики высказываний (тождественно-ложная), есть формула, несовместимая по истинности ни с одной из формул этой теории (в том числе и сама с собой). Логически недетерминированной является формула, совместимая с некоторыми формулами по истинности и с некоторыми по ложности.

В качестве кратких итогов можно отметить, что предложенное здесь раскрытие эпистемологического статуса логических отношений связано с выявлением логико-методологической значимости понятия логической формы, с экспликацией модальных характеристик логических отношений. Наряду с этим в работе строится комплекс систем логических отношений между высказываниями, раскрываются аналитические зависимости между данными отношениями и выявляются возможности минимизации базиса в этих системах.

Литература

1. Лукасевич, Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики / Я. Лукасевич. – М. : Изд-во иностран. лит., 1959. – 313 с.
2. Бочаров, В. А. Введение в логику / В. А. Бочаров, В. И. Маркин. – М. : ИД «Форум» : ИНФРА-М, 2008. – 560 с.
3. Ивлев, Ю. В. Логика / Ю. В. Ивлев. – М. : Наука, 1994. – 284 с.
4. Войшвилло, Е. К. Логика как часть теории познания и научной методологии : в 2 кн. / Е. К. Войшвилло, М. Г. Дегтярев. – М. : Наука, 1994. – Кн. 2. – 334 с.

EPISTEMOLOGICAL STATUS OF LOGICAL RELATIONS OF CLASSICAL PROPOSITIONAL LOGIC

V. I. PAVLYUKEVICH

Summary

The work reveals epistemological status of logical relations in classical logic. Theoretical and methodological significance of the logical form concept is clarified. There was done the analytical systematization of logical relations, during which there was built a number of variants of such systematization and the possibilities of basis minimization of such systems were implemented. A modal interpretation of logical relations is offered.

Дата поступления статьи в редакцию: 05.07.2015

---

¹ Эти три типа формул базисные, поскольку все иные семантические типы формул (верифицируемые, фальсифицируемые и т. п.) можно определить на их основе.

ХИМЕРЫ ХАЙТЕКА

Е. А. ЖУКОВА

Многозначность метафоры «химера» позволяет проиллюстрировать некоторые основные черты феномена Hi-Tech. Этот феномен возникает только тогда, когда сформировалась самоорганизующаяся система взаимодействий науки, технологической сферы и бизнеса. Высокие технологии (информационные технологии, нанотехнологии, биотехнологии) существуют и развиваются как самоподдерживающаяся сеть. Быстрый социокультурный эффект от воздействий Hi-Tech объясняется действием высоких социогуманитарных технологий (Hi-Hume), предназначенных для манипуляции сознанием (реклама, PR, управление персоналом и знаниями и др.).

В настоящее время словосочетание «высокие технологии» (от англ. high technology) и ряд других (High Tech, Hi-Tech, хайтек и т. п.) как синонимы широко используются не только в научной и профессиональной среде, но и в повседневной жизни современного человека. Тема хайтека стала модной, и это неслучайно. Уже общепризнано, что высокие технологии являются основой экономического благосостояния общества, политической независимости государства и комфортной жизни современного человека. Однако, несмотря на повседневность и обыденность всего того, что сегодня нами ассоциируется с хайтеком, остается большая непроясненность в том, что же такое высокие технологии и почему они оказывают такое значительное влияние на социум и человека.

Трудности, с которыми сталкивается исследователь хайтека, во многом обусловлены тем, что мы имеем дело не просто с какими-то особыми технологиями, а с очень сложным социокультурным феноменом Hi-Tech, с огромным количеством социальных и культурных взаимодействий и взаимосвязей, большая часть из которых либо не проявлена, либо проявлена частично, либо специально завуалирована. В то же время многие эффекты от воздействий Hi-Tech оказались неожиданными и непредсказуемыми. Все это можно объяснить тем, что, говоря о феномене Hi-Tech, следует вести речь о нелинейной динамике сложных самоорганизующихся систем, таких как наука, технологическая сфера, образование, бизнес, культура, причем сам феномен Hi-Tech возник только тогда, когда сформировалась самоорганизующаяся система взаимодействий науки, технологической сферы и бизнеса.

С нашей точки зрения, под высокими технологиями следует понимать не просто наукоемкие, многофункциональные, многоцелевые технологии, а только такие, которые способны вызвать цепную реакцию нововведений и ини-

цировать процессы самоорганизации социокультурных систем [1]. Базовыми для социокультурного феномена Hi-Tech являются нано-, био- и информационные технологии (ИТ), так как именно они стали основой не только большинства сложных современных технологий, в первую очередь космических и технологий военной сферы, где традиционно сосредоточены самые передовые, прорывные, критические технические нововведения, но и технологий массового производства.

Исследование истории становления высоких технологий [2] позволило установить, что, во-первых, системообразующими для феномена Hi-Tech выступают ИТ, во-вторых, социально-экономическая специфика (высокая наукоемкость, высокая скорость внедрения и ротации, структурная перестройка экономики, изменение процессов организации производства, методов управления и маркетинга) была определяющей только на этапе возникновения Hi-Tech (вторая треть XX в.). В настоящее время принципиальное отличие высоких технологий от других технологий основывается на инициируемых ими непредсказуемых эффектах самоорганизации социокультурных систем. Наиболее наглядным примером является Интернет. Объединение большого количества компьютеров, в первую очередь персональных, в единую глобальную сеть дало возможность изменить не только чисто технические способы вычислений и коммуникации, но и организацию бизнеса, проведение досуга и многое другое. Сегодня Интернет – это и инструмент для зарабатывания денег, и способ времяпрепровождения. Многие современные технологии используют Интернет как инструмент (технологии дистанционного обучения, электронной торговли и др.). Это примеры незапланированных при создании первых сетей эффектов самоорганизации, на базе которых начинают «прорастать» новые технологии. Мы имеем место с эффектом поризма. Подчеркнем, что эти социокультурные изменения не просто кардинальные, но и очень быстрые.

Методологической базой исследования нелинейной динамики Hi-Tech стал информационно-синергетический подход, разработанный И. В. Мелик-Гайказян для изучения нелинейной динамики сложных социокультурных систем [3]. В рамках этого подхода представлены концептуальные модели, позволившие проанализировать создание технологии как многостадийный процесс, выявить механизмы выбора высоких технологий в ситуации неустойчивых состояний, вскрыть механизмы воздействия Hi-Tech на социокультурные системы и человека, в том числе на науку и образование [1, 2, 4–6].

Для наглядной иллюстрации специфики хайтека обратимся к помощи метафоры. Существует такое многозначное слово «химера», которое неплохо отражает некоторые выявленные автором этой статьи основные свойства хайтека. Согласно словарю Т. Ф. Ефремовой, химера: 1) огнедышащее чудовище с львиной пастью, змеиным хвостом и козьим туловищем (в древнегреческой мифологии); скульптурное изображение фантастического чудовища (в средневековом искусстве); 2) морская рыба семейства химер, похожая на акулу

(с цилиндрическим туловищем, длинным хвостом и большими плавниками); 3) неосуществимая фантазия, несбыточная и странная мечта; 4) организм, получившийся в результате естественного или искусственного сращения тканей, принадлежащих разным организмам [7].

В первом значении слова «химера» сделан акцент на соединении того, что *изначально должно было существовать независимо*, и на том, что в результате этого соединения получилось некое «*чудовище*» (явно опасное, так как огнедышащее).

Как уже было отмечено, о возникновении самого феномена Hi-Tech можно вести речь только тогда, когда сформировалась *самоорганизующаяся система взаимодействий науки, технологической сферы и бизнеса*, то есть некая химера в первом смысле. Суть механизма взаимодействий фундаментальной науки, технологической сферы и бизнеса в том, что идеи Hi-Tech генерируются фундаментальным знанием, но отбор исследовательских программ осуществляется не научной элитой, а бизнес-элитой. Цель исследовательских разработок заключается не в установлении научной истины, а в создании продукта, отвечающего возможностям технологического развития социума, что ускоряет процессы формирования технауки, коммерциализации науки и деформации научного этоса [1, с. 9].

Как показывает анализ исторического развития, изначально ИТ, нано- и биотехнологии развивались достаточно автономно, однако уже к концу XX в. они также превратились в «химеру» – *в самоподдерживающуюся сеть*, в которой сети поддержки данных технологий тесно переплетены. Термин «сеть поддержки технологий» (TSN) предложен М. Желены [8], который полагает, что ядро любой технологии (аппаратное, программное, интеллектуальное обеспечение) функционирует как технология, только если оно встроено в сеть физических, информационных, социально-экономических связей, которые делают возможным и поддерживают надлежащее использование и функционирование данной технологии. Каждое уникальное технологическое ядро приводит к появлению особой TSN и к возникновению особого круга взаимоотношений между людьми: инициаторами, поставщиками и лицами, обеспечивающими поддержание необходимых потоков.

Специфика Hi-Tech в том, что они сами одновременно выступают и как технологическое ядро, и как часть сети поддержки для других высоких технологий. Для технологического развития характерна зависимость: чем сложнее технология, тем больше технологий она требует для своего обеспечения. Hi-Tech являются очень сложными технологиями, при этом продукты, произведенные на основе Hi-Tech, практически всегда становятся каким-либо звеном другого высокотехнологичного процесса и наблюдается тенденция исключения человека не только из процесса создания технологий, но даже и из сферы постановки задач. Например, без современных ИТ появление нанотехнологий было бы просто невозможно. Благодаря достижениям в нано-

технологиях и вычислительной технике стали реальностью генетические исследования и на их основе создание биотехнологий. А созданные на основе нанотехнологий новые материалы и элементная база значительно увеличили возможности ИТ.

Итак, Hi-Tech *взаимосвязаны между собой и взаимообуславливают друг друга*. Базовые технологии феномена Hi-Tech – ИТ, нано- и биотехнологии – *становятся основой развития самих себя*.

Мощь этих технологий огромна. Они привели к серьезным структурным изменениям во всех сферах постиндустриального общества. С развитием ИТ убыстряются ритмы и темпы жизни. Сформировались клип-культура, виртуальная экономика и глобализированный мир, что потребовало от человека переоценки ценностей и привело к разрушению традиционных оснований человеческого бытия. В свою очередь биотехнологии способствовали смене направления развития современного научно-технического прогресса, переориентируя его на человека и его потребности. Б. Г. Юдин подмечает, что «наука и технология приближаются к человеку не только извне, но и как бы изнутри, проектируя не только для него, но и его самого» [9, с. 590]. И все это происходит на фоне деформации научного этоса из-за соблазнов создавать хоть что, если за это хорошо заплатят.

Осознание *мощи высоких технологий* (чудовищ хайтека) сегодня перешло от фазы констатации несомых опасностей к фазе попыток предупреждения негативных последствий исходя из принципа предосторожности. Это проявляется в широком распространении биоэтики и гуманитарной экспертизы, возникновении общественного контроля за хайтеком на основе научной экспертизы.

В четвертом значении слова «химера» речь идет о *результате естественного или искусственного сращения* тканей, принадлежащих *разным* организмам.

Только технологии хайтека имеют дело с процессами и объектами, *которых нет в природе*. Создание таких объектов и есть Hi-Tech. Например, биотехнологии основаны на генной (генетической) инженерии, цель которой – создание биологических структур с заранее заданными и передающимися по наследству свойствами, не допускающими возможности их получения традиционными методами селекции. В нанотехнологиях, соединяя определенным образом отдельные атомы и молекулы, научились получать целый набор искусственно синтезированных неорганических и органических веществ, например кристаллов, полимеров и даже белковых молекул.

Hi-Tech поставили по-новому проблему соотношения понятий «естественное» и «искусственное», «человек» и «машина», «человек» и «технология». Раньше между данными понятиями существовала непроходимая грань, которая задавалась в том числе и принадлежностью человека к сфере естественного (природного), а машины и технологии – к сфере искусственного (культурного). Но появление био- и нанотехнологий, основанных на ИТ, заставляет переосмыслить отношения между человеком и машиной. С появлением

Ni-Tech начала размываться граница между человеком и машиной, между телом и технологией. Например, биотехнология, в отличие от других областей биологии и медицины, опирается не на внешние технологии (протезирование, инструментальная диагностика, хирургия), а на идею о том, что собственные процессы тела могут быть перепрограммированы на достижение нужных результатов [10, с. 82]. Благодаря успехам в биотехнологиях и микроэлектронике сегодня технически возможным становится создание киборгов, причем не только при необходимости протезирования органов человека, но и для их улучшения или создания принципиально новых. По сути, сам человек становится некой химерой.

Химерная идея нашла отражение и в таком направлении современного искусства, как *Argis Chimaera* (искусство химер), под которым понимается «область художественной деятельности, связанная с целенаправленным конструированием новых, не существующих в природе сочетаний генов, позволяющих получить организмы с наследуемыми заданными эстетическими свойствами» [11, с. 376].

Но особый интерес, с нашей точки зрения, представляет третье значение слова «химера» – неосуществимая *фантазия*, несбыточная и странная *мечта*.

Анализ процесса создания высоких технологий позволил установить причину значительного и быстрого эффекта от социокультурных воздействий Ni-Tech [1, 2]. Оказалось, что он вызывается высокими социогуманитарными технологиями – Ni-Hume. Их появление вызвано инновационной агрессивностью хайтека и растущей конкуренцией в высокотехнологичной сфере.

К числу Ni-Hume мы относим ряд современных маркетинговых и менеджерских технологий, сопровождающих Ni-Tech-производство (рекламу, PR, управление персоналом и знаниями и др.). Предназначенные для целенаправленного изменения как индивидуального, так и массового сознания Ni-Hume занимают особое место в ряду манипулятивных технологий [12]. Они ориентированы на целенаправленное формирование определенного поведения людей посредством управляемого воздействия на их ценностно-мотивационную сферу. В Ni-Hume человек рассматривается как социотехническая система, а его сознание – как технологический объект, которым можно управлять, задавая определенную программу действий. Становление Ni-Hume представляет собой процесс конвергенции социальных и информационных технологий («химера» в первом смысле). Мощь высоких социогуманитарных технологий настолько велика, что они способны «перепрограммировать» сознание человека. Именно Ni-Hume организуют сложную сеть взаимоотношений между производителями и потребителями хайтека.

Ni-Hume искусственно формируют еще не актуализированные потребности в новых продуктах хайтека. Если сначала основными потребителями Ni-Tech-продукции были промышленность, наука, военно-техническая сфера, то теперь эти продукты стали массовыми, относительно дешевыми и лег-

ко доступными в обществе потребления, в котором при достаточно высоком уровне жизни основные жизненно важные (первичные по А. Маслоу) потребности населения уже удовлетворены. При этом возникает необходимость не только создавать такие образы продуктов Hi-Tech, которые были бы доступны для понимания непрофессионалов, но и привлекательны для них, так как ввиду высокой наукоемкости принципы функционирования продуктов высоких технологий непонятны обывателю и поэтому такие продукты могут его пугать. Производители хайтека целенаправленно стремятся увеличить комфортность потребления, облегчая пользователю требования к используемым высокотехнологичным продуктам (например, делая пользовательские интерфейсы интуитивно понятными). Парадоксально, но чем современнее и сложнее технология, тем меньше физических и умственных усилий она требует от пользователя. Одновременно идут процессы постоянного усложнения как технологий производства используемых современным человеком предметов (бытовых и офисных устройств, производственного оборудования и др.), так и их структуры. Расширяются их функциональные возможности, причем часто за счет конвергенции различных технологий (опять химера в первом смысле). Например, в очках Google Glass соединяются технологии дополненной реальности, мобильной связи, Интернета, фото- и видеосъемки, голосового управления и др. [13].

До XX в. смысл потребления состоял в обладании вещью, но в современном обществе вещи превратились в знаки статуса. Становится важнее процесс приобретения новой вещи, чем обладание ею. Это отражает, например, Hi-Tech-лихорадка. Потребление становится ритуальным действием [14]. Акценты в маркетинге теперь ставятся на управление поведением потребителя и его желаниями, на удовлетворение символических (имиджевых), интеллектуальных и эмоциональных потребностей. Формируется «экономика впечатлений», ориентированная на ощущения потребителя [15] и его эмоции [16]. В организации маркетинговой деятельности компании широко применяются принципы успешной постановки впечатлений и театральные приемы [17]. В качестве товара начинает выступать в первую очередь знак. В обществе мечты [16] основным стратегическим сырьем являются мифы, истории и легенды, определяющее значение приобретает история, к которой прилагается физический продукт (товар). Стоимость товара формируется теперь не в конструкторском бюро или в производственных цехах, а в офисах маркетологов, то есть там, где создают Hi-Name.

В настоящее время огромные инвестиции идут в создание брендов, которые создают уникальный и привлекательный образ объекта потребления, а самим товарам придают более высокую стоимость. Используя механизмы мифологизации и мифологические пласты сознания, бренд формирует у потребителей устойчивые позитивные эмоции, долгосрочную лояльность, готовность платить более высокую цену. Бренды позволяют потребителю не поте-

ряться в хаосе «гигантского гипермаркета», выделяя из всех характеристик товара те, которые значимы для потребителя и облегчают понимание товара. Высокотехнологичные компании, как правило, удовлетворяют тот спрос, который сами и создают при раскрутке своих брендов.

Сегодня возможности прямой рекламы в продвижении брендов практически исчерпаны, что вынуждает создателей торговых марок искать новые возможности для их продвижения. Одна из таких возможностей видится в том, что бренд превращает марку, рассказывающую о свойствах товара, в очень реалистичную историю об идеальном, более лучшем, «чудесном» мире. Бренд создает, а покупатели потребляют такую версию реальности, которая стремится удовлетворить высшие (по А. Маслоу) потребности человека – *мечты, стремление к идеалу, самореализацию*. Например: «Сегодня очки Google Glass – это будущее, которое на наших глазах становится настоящим» [13].

Современные технологии манипуляции сознанием, и в том числе Hi-Nume, стали настолько совершенны, что позволяют вытеснить в человеке полученное от реального исторического опыта знание и заменить его искусственно сконструированным. Строится некий *иллюзорный, фантастический мир*, который человек воспринимает как настоящий. Реальная жизнь начинает восприниматься как достаточно неприятный сон. А те образы мира, которые навязываются человеку рекламой, пропагандой и СМИ, воспринимаются им как реальность [18].

И в заключение остановимся еще на оставшемся (втором) смысле слова «химера» – морская рыба семейства химер, *похожая* на акулу... Сделаем акцент на слове «похожая». Если Hi-Tech меняют существующую реальность, то Hi-Nume целенаправленно мифологизируют и искажают представления не только о Hi-Tech, но и о *технологиях, имитирующих Hi-Tech*.

Дело в том, что на самом деле настоящих высоких технологий намного меньше, чем нам о них говорят. Технология не может оставаться высокой все время. Она рано или поздно становится обычной, а затем традиционной технологией (в терминологии М. Желены) [8]. Высокие – это только те технологии, которые меняют сеть поддержки технологий. А большинство позиционируемых как Hi-Tech современных технологий уже не меняют сеть поддержки (например, новые модели сотовых телефонов или персональных компьютеров). Слоган «Hi-Tech» стал популярным и дорогим брендом, однако потребитель чаще всего представления не имеет о том, в чем же заключается технологическая новизна конкретного продукта. В связи с этим многие компании решают проблему высокотехнологичных новинок, выпуская совершенно непохожие внешне, то есть по дизайну и размеру, но имеющие идентичную техническую базу продукты. Эти продукты имеют практически одинаковую себестоимость, а значительному повышению их рыночной стоимости они обязаны исключительно Hi-Nume.

Итак, использование в данной статье многозначности метафоры «химера» дало возможность проиллюстрировать некоторые основные черты феномена

Ni-Tech. Этот феномен возникает только тогда, когда сформировалась самоорганизующаяся система взаимодействий науки, технологической сферы и бизнеса. Высокие технологии существуют и развиваются как самоподдерживающаяся сеть. Быстрый социокультурный эффект от воздействий Ni-Tech объясняется действием Ni-Nume, которые формируют мир иллюзий для потребителя. Далеко не все технологии, называемые Ni-Tech, могут быть отнесены к хайтеку. Так, часто мы имеем дело с его имитациями. И наконец, размывается грань между человеком и машиной: причем не только между телом и технологией, но и между сознанием и технологией.

По сути, перечисленные особенности не «лежат» на поверхности и могли быть раскрыты только благодаря применению информационно-синергетического подхода к изучению такого сложного социокультурного феномена, как Ni-Tech.

Литература

1. Жукова, Е. А. Ni-Tech: динамика взаимодействий науки, общества и технологий : автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.08 / Е. А. Жукова ; Томск. гос. пед. ун-т. – Томск, 2007. – 39 с.
2. Жукова, Е. А. Ni-Tech: феномен, функции, формы / Е. А. Жукова. – Томск : Изд-во Томск. гос. пед. ун-та, 2007. – 376 с.
3. Мелик-Гайказян, И. В. Информационные процессы и реальность / И. В. Мелик-Гайказян. – М. : Наука, Физматлит, 1998. – 192 с.
4. Жукова, Е. А. Проблема классификации высоких технологий / Е. А. Жукова // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. – 2008. – № 1. – С. 34–46.
5. Жукова, Е. А. Концептуальная модель нелинейной динамики науки: информационно-синергетический подход / Е. А. Жукова // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. – 2013. – № 9. – С. 197–206.
6. Жукова, Е. А. Вызов высоких технологий содержанию образования / Е. А. Жукова // Высш. образование в России. – 2008. – № 9. – С. 94–98.
7. Ефремова, Т. Ф. Значение слова «химера» [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова // Толковый словарь Ефремовой. – Режим доступа: http://www.efremova.info/word/ximera.html#U-709v1_vbE. – Дата доступа: 15.03.2015.
8. Желены, М. Управление высокими технологиями / М. Желены // Информационные технологии в бизнесе : энцикл. : пер. с англ. / под ред. М. Желены. – СПб. : Питер, 2002. – С. 81–89.
9. Юдин, Б. Г. Знание как социальный ресурс / Б. Г. Юдин // Вестн. Рос. акад. наук. – 2006. – Т. 76, № 7. – С. 587–595.
10. Такер, Ю. Комната ожидания Дарвина / Ю. Такер // Biomediale: Современное общество и геномная культура / сост. и общ. ред. Д. Булатова. – Калининград : КФ ГЦСИ, ФГУИПП «Янтар. сказ», 2004. – С. 74–85.
11. Булатов, Д. Искусство химер / Д. Булатов // Biomediale: Современное общество и геномная культура / сост. и общ. ред. Д. Булатова. – Калининград : КФ ГЦСИ, ФГУИПП «Янтар. сказ», 2004. – С. 374–391.
12. Жукова, Е. А. Человек в плену Ni-Nume / Е. А. Жукова // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. – 2007. – № 11. – С. 29–35.
13. Очки Google Glass [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.google-glass.com.ru>. – Дата доступа: 15.03.2015.
14. Торичко, Р. А. Реклама как мифологическая коммуникативная система : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Р. А. Торичко. – Барнаул, 2001. – 24 с.

15. Шмитт, Б. Бизнес в стиле шоу. Маркетинг в культуре впечатлений / Б. Шмитт, Д. Роджерс, К. Вроцос. – М. : Вильямс, 2005. – 400 с.
16. Йенсен, Р. Общество мечты. Как грядущий сдвиг от информации к воображению преобразит ваш бизнес / Р. Йенсен. – СПб. : Стокгольм. шк. экономики в Санкт-Петербурге, 2002. – 272 с.
17. Пайн, Д. Экономика впечатлений: работа – это театр, а каждый бизнес – сцена / Д. Пайн, Дж. Х. Гилмор. – М. ; СПб. ; К. : Вильямс, 2005. – 304 с.
18. Жукова, Е. А. Человек в мире Hi-Tech: новая иллюзия господства / Е. А. Жукова // Вестн. Сибир. ин-та бизнеса и информац. технологий. – 2013. – № 3. – С. 51–55.

CHIMERAS OF HIGH-TECH

Е. А. ZHUKOVA

Summary

The polysemy of the metaphor “Chimera” allows us to illustrate some of the main features of the phenomenon of Hi-Tech. This phenomenon occurs, when the self-organizing system of interactions science, technological sphere and business is formed. High technologies (information technology, nanotechnology, biotechnology) exist and develop as a self-sustaining network. Quick sociocultural effects of impacts Hi-Tech explained by the influence of High Socio-Humanitarian technologies (Hi-Hume), intended for the manipulation of consciousness (advertising, PR, personnel management and knowledge management, etc.).

Дата поступления статьи в редакцию: 25.03.2015

ИНТЕГРАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Т. А. КАПИТОНОВА

В статье анализируется как современное состояние дел, так и возможные перспективы в области исследований искусственного интеллекта, направленных на создание новой интегральной парадигмы искусственных интеллектуальных систем, объединяющей в себе пространственно-образные и знаково-логические методы обработки и анализа информации.

В последние годы все больше специалистов в области искусственного интеллекта поддерживают точку зрения о необходимости создания новой интегральной парадигмы искусственных интеллектуальных систем, объединяющей в себе образные и знаково-логические методы обработки и анализа информации [1–5]. Предполагается, что искомая парадигма должна быть ориентирована на осуществление глубинного синтеза абстрактно-логических и пространственно-образных методов обработки и анализа информации, что позволит исследователям выйти на новый технологический уровень реализации систем искусственного интеллекта. Говоря другими словами, новая парадигма должна включать в себя компьютерно адаптированные стратегии и механизмы как правополушарного, так и левополушарного типов мышления, а также широкий арсенал различных способов их взаимодействия, который в итоге и создает единство и целостность интеллектуальной системы.

В нашей работе мы будем исходить из предпосылки, что в основе человеческого механизма познания находится интегрированная система, в которой пространственно-образная и символично-логическая когнитивные компоненты слиты воедино. В операциональном плане подобная интегративность проявляется в виде быстрого переключения с образного представления на логический процесс мышления и обратно, или посменной передачи управления от одного полушария к другому. При этом левополушарный, то есть абстрактно-логический, тип мышления характеризуется следующими особенностями: используемая информация представлена в виде последовательности информационных единиц, основные типы операций вербализуемы, контролируемы сознанием и являются символично-логическими, а процедуры отличаются алгоритмическим характером.

В свою очередь правополушарный (пространственно-образный) тип мышления оперирует с целостными комплексами пространственно организованных «картин», информационные единицы которых неразрывно связаны меж-

ду собой системой разнородных отношений, а основные операции над данными комплексами отличаются ассоциативно-топологическим характером и не вербализуются.

Если между абстрактно-логическим типом мышления и возможностями искусственных интеллектуальных систем можно наблюдать заметную корреляцию [2, 5], то для моделирования многочисленных механизмов мышления правополушарного типа в искусственном интеллекте наработан весьма незначительный арсенал.

Большая часть проводимых сегодня исследований в области интеграции образной и знаково-логической компонент интеллектуальных систем сосредоточена в основном в рамках *гибридного подхода*. Его идеология постулирует, что только на основе синергетической комбинации нескольких компьютерных технологий (таких как системы, основанные на знаниях, коннекционистские модели, базы данных, генетические алгоритмы и т. п.) можно расширить спектр моделируемых когнитивных способностей искусственных систем. При этом гибридная система понимается как состоящая из двух или более интегрированных подсистем, каждая из которых может иметь различные языки представления и методы вывода. Предполагается, что использование методики гибридизации позволяет осуществить взаимную компенсацию недостатков и объединение преимуществ разных методологий, что зачастую и на практике приводит к удачным синергетическим эффектам.

Как правило, основой для реализации современных гибридных систем, сочетающих образные и символично-логические методы обработки информации, являются *нейросети*. В частности, примерами могут служить интегрированные нейробиологические [6], нейронечеткие [7], нейрооптические модели [1] и пр.

Так, в рамках *нейронечетких моделей*, основанных на использовании методологического аппарата нечеткой логики и теории нечетких множеств, объединяются такие аспекты интеллекта, как управление неопределенностью и обучение за счет представления нечетких продукционных моделей на базе обучаемых нейронных сетей. Стоит отметить, что аппарат нечеткой логики и теории нечетких множеств: нечеткая функция принадлежности объекта классу, особый язык описания признаков, нечеткие метки классификации – может быть использован как для работы с правдоподобными рассуждениями, так и для реализации образных представлений [8, 9]. В последнем случае его применение связано с известным когнитивным эффектом ассимиляции, то есть со способностью зрительного образного восприятия до определенной степени игнорировать имеющиеся отличия объектов. В соответствии с данным эффектом, «типичный образ» способен замещать множество «близких образов», что позволяет использовать нечеткие представления для моделирования образного мышления и на этой основе делать вывод о сходстве/различии образов.

В свою очередь, *нейрооптические* (или *псевдооптические*) *нейросетевые модели* предполагают объединение методологии коннекционизма с волновой

теорией. Их «псевдооптика» реализуется на информационном уровне: сигналы в нейронной сети распространяются по оптическим законам, а на входах нейронов происходит интерференция сигналов [10]. Соответственно, их значение для нашего исследования определяется предоставляемыми возможностями моделирования различных оптических эффектов, в том числе голографических. В гибридных интеллектуальных системах псевдооптические модели могут быть использованы для реализации процедуры идентификации, а также для воспроизведения голографического механизма ассоциативного припоминания.

Помимо разработки узкоспециализированных гибридных систем, исследователями проводится определенная работа и в области создания *моделей пространственно-образного мышления*, реализуемых в рамках символично-логической парадигмы обработки информации [2, 3]. Интерес исследователей к данной проблеме связан с тем обстоятельством, что понятийно-логическая система, хоть и в грубом приближении, но уже реализована в системах искусственного интеллекта, в то время как компьютерная система восприятия и образного мышления находится еще в зачаточном состоянии.

В целом можно выделить три основных подхода к формализации образа и его свойств, к которым сводится большинство представленных сегодня математических моделей образов.

Наиболее популярная математическая модель образа, предложенная Г. А. Голицыным, предполагает *использование плотностей вероятностей* [11]. В этом случае образ моделируется при помощи колоколообразного или холмообразного распределения (гиперхолм в n -мерном пространстве признаков) в противоположность понятию, которое математически представляется равномерным распределением (гиперплато в n -мерном пространстве). Как показывает в своей работе И. Б. Фоминых, использование вероятностной концепции как основы для математического моделирования образов является оправданным, так как позволяет в первом приближении моделировать такие свойства образов, как определенность, ассимиляция, кумулятивность, целостность, конкретность [4]. Некоторые авторы видоизменяют данную модель, используя для формализации образа плотности распределения возможностей, а также меры нечеткости или неточности [12].

Еще один вариант моделирования образного мышления связан с использованием синергетической методологии, в частности аппарата аттракторов. Для этого формируется динамическая система, аттракторами которой в конфигурационном пространстве выступают базисные паттерны распознавания (типичные картины-образы). Начальные параметры динамической системы, оказавшись в области притяжения одного из аттракторов, с течением времени станут трансформироваться, приближаясь к центру указанного аттрактора, что и будет означать распознавание образа.

Теоретическая модель подобной динамической системы впервые была предложена Дж. Хопфилдом и получила название спинового стекла [13]. В ней

ученый использовал функцию энергии, минимизация которой приводит динамическую систему распознавания к аттракторам, то есть к асимптотически устойчивым состояниям, соответствующим запомненным классам (образам). Таким образом, в рамках модели Дж. Хопфилда распознавание образов интерпретируется как процесс сходимости к аттрактору динамической системы, в области притяжения которого оказался входной образ. Здесь же стоит упомянуть и синергетическую модель распознавания образов, предложенную Г. Хакеном, в основе которой лежит аналогия между способностью системы формировать паттерны вследствие процессов самоорганизации и ее способностью распознавать их [14, 15].

Кроме того, в моделировании образной компоненты интеллекта могут использоваться и кластерные процедуры [5], то есть процедуры автоматического разбиения распознаваемых элементов на кластеры (компактные непересекающиеся подмножества) по принципу схожести: так, чтобы каждый кластер состоял из схожих объектов, а объекты разных кластеров существенно отличались.

В то же время стратегически важные исследования в области механизмов взаимодействия символично-логической и образной составляющих интеллекта весьма немногочисленны и находятся на начальной стадии разработки. В этом контексте стоит указать на возможности использования *мультиагентной технологии* как гипотетической стратегии для машинного синтеза разнополушарных механизмов мышления [16]. Данная технология позволяет работать с неполной, неопределенной и нечеткой информацией, характерной для образов, а также в ее рамки успешно вписывается процедура принятия решений на основе символических рассуждений, например метода сравнения по образцу.

Кратко рассмотрев имеющиеся варианты интеграции различных систем познания в машинном интеллекте, отметим, что доминирующую здесь тенденцию гибридизации можно считать синтетической только с очень большой натяжкой. Подобное объединение разных технологий под эгидой гибридного подхода представляется достаточно эклектичным образованием, нацеленным исключительно на решение конкретных прикладных задач и не претендующим на универсальность. Доминирование узкотехнического целевого принципа постановки задач и методов их решения, не нацеленных на воспроизведение природы моделируемого объекта, приводит к тому, что как концептуально-содержательный, так и формально-математический аппараты моделирования отличаются феноменологическим, экстенсивным характером, не обеспечивая перехода от явления к сущности на разных уровнях познания.

Тем не менее широкое распространение гибридных систем представляет собой определенный индикатор того, что мы находимся на пороге качественных изменений в области создания новых интеллектуальных систем, связанных с появлением синтетической парадигмы искусственного интеллекта.

Можно предположить с достаточной степенью обоснованности, что совместная реализация образной и знаково-логической систем познания в искус-

ственных системах приведет к значительному прогрессу в решении проблемы человеко-машинного взаимодействия, и прежде всего – в создании человеко-ориентированного интерфейса пользователя. Кроме того, появление новой синтетической парадигмы, учитывающей специфику образного мышления, интуиции и аналогии, позволит преодолеть принципиальные трудности в решении творческих задач информационно-интеллектуальными системами.

Оценивая перспективы дальнейших исследований в данной области, можно прогнозировать с большой долей уверенности, что в ближайшее десятилетие сохранится указанный тренд гибридизации, то есть значительная часть интеллектуальных систем, сочетающих символично-логическую и образную обработку информации, будет разрабатываться в рамках гибридного подхода. В то же время более динамичный характер приобретут исследования в области компьютерной реализации нейро- и когнитивных стратегий и механизмов пространственно-образного мышления. Также свое компьютерное модельное воплощение найдут и важные наработки нейрофизиологов и когнитивных психологов в области взаимодействия правополушарной и левополушарной стратегий мышления.

Соответственно, мы можем обозначить еще одну важную тенденцию. Доминирующая сегодня идеология функционального моделирования, отводящая принципам физической реализации когнитивной функции второстепенную роль и выдвигающая на первый план функциональные отношения в системе, будет постепенно дополняться/замещаться альтернативной идеологией, которая ставит во главу угла структуру системы как определяющую весь арсенал реализуемых системой когнитивных функций. Данная идеология в построении моделей когнитивных процессов будет делать акцент на имитации структуры, а также принципов представления и обработки информации биологическими нейронными сетями. Другими словами, взамен компьютерной метафоры при трактовке природы познавательных процессов возникает метафора работы мозга как ориентира для создания новых моделей вычислительных устройств.

И здесь мы сталкиваемся с одной довольно существенной проблемой: пытаясь воплотить в машинной модели морфологические, структурные и функциональные особенности биологических нейросетей, мы неизбежно получим чрезвычайно сложную для технической реализации вычислительную задачу. Редукция ее сложности потребует четкой расстановки приоритетов, то есть выделения существенных (и малосущественных) для данной задачи структурных и функциональных особенностей биологического прототипа. Сделать это можно, опираясь на достаточно хорошо разработанную теоретическую модель работы мозга, а также учитывая возможности, предоставляемые современными технологиями для моделирования [17]. Но здесь возникает еще одна сложность: сегодня существует относительно непротиворечивая система взглядов о принципах переработки информации в нейронных структурах;

в то же время говорить о наличии единой теории мозга, на основе которой можно было бы установить четкие приоритеты для построения нейроморфных моделей познавательных процессов, – пока преждевременно.

По этой причине дальнейший прогресс в сфере создания интегрального искусственного интеллекта предполагает диалектическое взаимодействие двух составляющих: 1) системного изучения особенностей моделируемого прототипа в рамках нейро- и когнитивных наук; 2) дальнейшего развития современных технологий для воплощения данных особенностей в ткань новых интеллектуальных систем.

Таким образом, идеология структурного моделирования будет оказывать значительное влияние на разработку интегральной парадигмы искусственного интеллекта, проявляя свои возможности не только в модельном осмыслении достижений нейро- и когнитивных наук, но и в ожидаемом технологическом продвижении вглубь моделируемой материи. Именно здесь, по нашему мнению, возможны те революционные прорывы в технологии и методологии искусственного интеллекта, в которых мы сейчас так остро нуждаемся.

Уже сегодня делаются первые, достаточно робкие, но важные попытки моделирования низших уровней информационно-энергетических и семантических взаимодействий, предполагающие органическое слияние информационных процессов с физическими. Здесь стоит указать на разработки в области молекулярных, ДНК-, квантовых компьютеров и т. п.

В частности, в основе молекулярных компьютеров, использующих вычислительные возможности органических молекул, лежит идея перехода от мертвых кристаллов к живым молекулярным носителям информации [18]. В рамках молекулярного моделирования находится и ДНК-компьютинг, вычисления в котором соответствуют различным реакциям между фрагментами ДНК.

В свою очередь исследования в области квантовых вычислений также идут вглубь материи, перенося акцент с нейроно-синапсовой схемы мозга на микротрубочковые управляющие процессы. Так, предполагается, что центральную роль в управлении изменением интенсивности синапсов и определении места размещения синаптических связей играет цитоскелет нейрона. Например, С. Хамероффом высказывается гипотеза, согласно которой микротрубочки (то есть составная часть цитоскелета нейрона, представляющая собой белковый полимер, составленный из тубулинов) могут действовать как клеточные автоматы, передавая и обрабатывая сложные сигналы в виде волн различных состояний электрической поляризации молекул тубулина [19].

Здесь уместно упомянуть также создание гибридных нейроквантовых моделей когнитивных процессов (например, квантовой ассоциативной памяти, распознавания образов), использующих возможности современной квантовой теории [20, 21]. В то же время данные модели ориентированы преимущественно на использование метода сплошного перебора вариантов. Постулирование такого вычислительно затратного алгоритма обработки информации в каче-

стве биологически правдоподобного не только предполагает высокую скорость работы и значительную информационную емкость мозга как квантового компьютера, но позволяет объяснить симультанный характер правополушарных процессов познания.

Как ожидается, смещение акцента в когнитивном моделировании с нейронного на нижележащие структурные уровни позволит в большей степени учесть субклеточный, квантовый и виртуальный уровни иерархической структуры мозга [19, 22, 23]. Возможно, данные модели выступят той технической базой, которая позволит нам перейти от интеллектуальных систем, основанных на информационно-сигнальном взаимодействии элементов, к интеллектуальным системам с базовыми информационно-энергетическими и семантическими взаимодействиями.

Литература

1. Кузнецов, О. П. Неклассические парадигмы в искусственном интеллекте / О. П. Кузнецов // Теория и системы управления. – 1995. – № 5. – С. 3–23.
2. Парадигмы искусственного интеллекта : круглый стол // Новости искусств. интеллекта. – 1998. – № 3. – С. 140–161.
3. Отражение образного мышления и интуиции специалиста в системах искусственного интеллекта : науч. семинар // Новости искусств. интеллекта. – 1998. – № 1. – С. 22–136.
4. Фоминых, И. Б. Интеграция логических и образных методов отражения информации в системах искусственного интеллекта / И. Б. Фоминых // Новости искусств. интеллекта. – 1998. – № 3. – С. 76–85.
5. Кобринский, Б. А. Символьно-образный подход в искусственном интеллекте / Б. А. Кобринский // Седьмая национальная конференция по искусственному интеллекту с междунар. уч. : сб. тр. – М., 2000. – Т. 2. – С. 601–608.
6. Keller, J. M. Neural network implementation of fuzzy logic / J. M. Keller, R. R. Yager, H. Tahani // Fuzzy Sets and Systems. – 1992. – Vol. 45, N 1. – P. 1–12.
7. Kosko, B. Neural Networks and Fuzzy Systems / B. Kosko. – Englewood Cliffs : Prentice Hall, 1992. – 449 p.
8. Заде, Л. А. Размытые множества и их применение в распознавании образов и кластер-анализе / Л. А. Заде // Классификация и кластер : сб. ст. / под ред. Д. В. Райзин. – М., 1980. – С. 240–271.
9. Вятчинин, Д. А. Нечеткие методы автоматической классификации / Д. А. Вятчинин. – М. : Технопринт, 2004. – 219 с.
10. Кузнецов, О. П. Быстрые процессы мозга и обработка образов / О. П. Кузнецов // Новости искусств. интеллекта. – 1998. – № 2. – С. 117–130.
11. Голицын, Г. А. Информация – поведение – творчество / Г. А. Голицын, В. М. Петров. – М. : Наука, 1991. – 224 с.
12. Тарасов, В. Б. О применении нечеткой математики в инженерной психологии / В. Б. Тарасов, А. П. Чернышев // Психол. журн. – 1981. – Т. 2, № 4. – С. 110–122.
13. Hopfield, J. J. Neural networks and physical systems with emergent collective computational abilities / J. J. Hopfield // Proc. Natl. Acad. Sci. USA. – 1982. – Vol. 79, N 4. – P. 2554–2558.
14. Haken, H. Synergetics in Pattern Recognition and Associative Action / H. Haken // Springer Series in Synergetics / ed. H. Haken. – Berlin ; Heidelberg, 1988. – P. 2–15.
15. Haken, H. Synergetics Computers and Cognition. A Top-Down Approach to Neural Nets / H. Haken. – Berlin ; Heidelberg : Springer-Verlag, 1991. – 300 p.
16. Wooldridge, M. Intelligence Agents: Theory and Practice / M. Wooldridge, N. Jennings // The Knowledge Engineering Review. – 1995. – Vol. 10, N 2. – P. 115–152.

17. Капитонова, Т. А. Нейросетевое моделирование в распознавании образов: философско-методологические аспекты / Т. А. Капитонова. – Минск : Беларус. наука, 2009. – 131 с.
18. Рамбиди, Н. Г. Нейрокомпьютеры и их применение. Биомолекулярные нейросетевые устройства / Н. Г. Рамбиди. – М. : ИПРЖР, 2002. – 224 с.
19. Hameroff, S. R. Ultimate computing. Biomolecular Consciousness and NanoTechnology / S. R. Hameroff. – N. Y. : Elsevier Science Publishers, 1987. – 357 p.
20. Вентура, Д. Квантовая ассоциативная память / Д. Вентура, Т. Мартинец // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. – 2002. – № 9/10. – С. 34–53.
21. Потапов, А. Б. Нелинейная динамика обработки информации в нейронных сетях / А. Б. Потапов, М. К. Али // Новое в синергетике: взгляд в третье тысячелетие : сб. ст. / сост. С. П. Курдюмов. – М., 2002. – С 367–426.
22. Perus, M. Multi-Level Synergetic Computation in Brain / M. Perus // Nonlinear Phenomena in Complex Systems. – 2001. – Vol. 4, N 2. – P. 157–193.
23. Hameroff, S. R. Quantum Coherence in Microtubulus: a Neural Basis for Emergent Consciousness? / S. R. Hameroff // J. Consciousn. Stud. – 1994. – Vol. 1, N 1. – P. 91–118.

**THE INTEGRATED PARADIGM IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE RESEARCH:
PROBLEMS AND PROSPECTS**

Т. А. КАПИТОНОВА

Summary

The article analyzes the current state of affairs, as well as possible prospects for artificial intelligence research aimed at the emergence of a new integral paradigm that combines symbolic and sub-symbolic approaches to processing and analyzing information.

Дата поступления статьи в редакцию: 24.04.2015

НОВАЯ ОНТОЛОГИЯ КВАНТОВЫХ СОСТОЯНИЙ В МОДЕЛИ РАССЛОЕННОГО ВРЕМЕНИ¹

А. Н. СПАСКОВ

В статье вводится новая онтологическая парадигма расслоенного времени. Она основывается на фундаментальном понятии хронального континуума, который может быть в двух квантовых состояниях: негативном (небытия) и позитивном (бытия). Согласно этой модели существование квантовых объектов проявляется как периодический процесс рождения и уничтожения материальной структуры объекта в дискретной последовательности хрональных слоев в соответствии с принципом неопределенности Гейзенберга. Исходя из этого представления вероятностная интерпретация волновой функции приобретает новый онтологический смысл – как статистическое распределение всевозможных квантовых состояний в хрональном расслоении.

Наша модель времени частично опирается на идею комплексного времени, которую М. Бунге предложил для описания спина элементарных частиц [1]. Кроме того, мы развиваем концепцию транзитивно-фазового времени Доббса и придаем ей новый физический смысл [2]. Этот подход во многом близок также к теории 2Т-времени Барса [3]. Но фундаментом предлагаемой интерпретации будет оригинальная авторская модель расслоенного хронального континуума.

Эта модель базируется на новом понятии хронального континуума, которое, согласно нашей гипотезе, определяет предельно фундаментальный уровень физической реальности.

Хрональный континуум – это потенциальная протяженность, имеющая размерность времени, которая изменяется в результате физического действия, производимого любым квантовым объектом, и может быть в двух квантовых состояниях. Исходное квантовое состояние, в котором не производилось никакого физического действия, назовем *негативным состоянием*, или состоянием «небытия».

Физическое действие квантовых объектов реализуется в хрональной протяженности и приводит к ее изменению и переходу из негативного в позитивное состояние (состояние «бытия»). Этот переход соответствует становлению или записи информации в хрональной протяженности. В случае если протяженность находится в позитивном состоянии «бытия», физическое действие будет обратным (противодействие) и приводит к восстановлению исходного

---

¹ Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г13Р-044 от 16.04.2013).

(негативного) состояния «небытия» хрональной протяженности (стиранию записанной информации).

Благодаря такому постулируемому нами свойству изменения квантового состояния хронального континуума в результате физического действия мы можем ввести соответствующее ему определение информации.

Информация – это мера многообразия, которое спонтанно генерируется, динамически проявляется в феноменальном мире в виде активного действия квантовых объектов и отображается в хрональном континууме как статическое квантовое состояние (запись квантовой информации).

В квантовом мире физическое действие квантовых объектов определяется постоянной Планка $\hbar$. Назовем свободную негативную хрональную протяженность *вакуумным состоянием*, а позитивную – *частицеподобным состоянием*. Таким образом, квантовое действие приводит к *рождению* и к *уничтожению* частиц, которое в квантовой теории поля описывается соответствующими операторами.

Случай заполнения вакуумного состояния эквивалентен записи информационной структуры квантовой частицы в хрональной протяженности и проявлению квантового действия S в физическом мире – *рождению частицы*.

$$S=ET=\hbar.$$

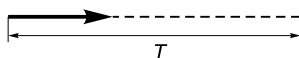

Рис. 1

Здесь E – полная энергия квантовой частицы, а T – период волны де-Бройля (рис. 1).

Аналогично мы можем определить обратное действие.

Уничтожение частицы – разрушение, в результате квантового действия, частицеподобного состояния хрональной протяженности (стирание информационной структуры) и возвращение ее в исходное, вакуумное состояние (рис. 2):

$$S=-ET.$$

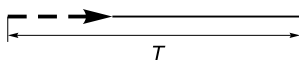

Рис. 2

В 1920-х годах возникли идеи Калуцы–Клейна о дополнительных пространственных измерениях, которые, как предполагалось, скомпактифицировались в пределах микромасштабов [4]. В дальнейшем в теоретическую физику начали проникать идеи математической теории расслоенных пространств, одним из достоинств которых является то, что дополнительные измерения не наблюдаемы в макропространстве [5].

Анализ новых геометрических идей, расширяющих представления о размерности, до сих пор осуществлялся лишь в приложении к пространственным измерениям. Между тем распространение этих идей в отношении времени представляет собой несомненный интерес и открывает новые возможности в описании внутренних движений элементарных частиц.

Так, М. Бунге считал, что движение частиц, обладающих спином, может быть описано с помощью представлений о двумерном, точнее комплексном, времени, состоящем из двух компонент: внешнего переменного времени t и внутреннего постоянного времени τ , которое относится к внутреннему движению частицы. Для электрона это внутреннее постоянное время характеризуется величиной порядка 10^{-21} с и может быть интерпретировано «как спиновая составляющая электрона» [6].

Гипотеза двумерного комплексного времени была предложена Х. Доббсом. В ней одно темпоральное измерение ученый называет «транзитивным временем», а другое – «фазовым временем». Доббс полагал, что физическим аналогом восприятия настоящего является соотношение неопределенности Гейзенберга, согласно которому состояния движения атомной системы должны рассматриваться как нечто целое, но в то же время они имеют внутреннюю структуру, охватывающую периодически повторяющиеся фазы. Ряд таких фаз, образуя единый период, должен быть взят вместе как сосуществующее целое, поэтому не имеет смысла спрашивать, в какое конкретное время присутствуют отдельные фазы [2].

В современных научных публикациях вновь возрождается интерес к гипотезе многомерного времени. Сравнительно недавно И. Барс предложил нетривиальную космологическую модель с двумерным временем [7]. В дальнейшем он получил непротиворечивое описание всех возможных фундаментальных взаимодействий частиц на языке физики $(d+2)$ -мерного пространства-времени с двумя временными измерениями [8]. Таким образом, появилась возможность объединения физических полей на основании многомерных симметрий нового типа [9]. В работе того же автора [10] установлено, что стандартная модель физики элементарных частиц является частным случаем физики с двумерным временем.

Кроме того, И. Барс развивает программу конструирования дуальных копий стандартной модели как различных голографических $(3+1)$ -мерных изображений одной и той же $4+2$ теории [11]. Суть предлагаемой им концепции заключается в том, что при введении двумерного времени обычные физические явления из мира $3+1$ измерений оказываются различными «тенями» явления в мире $4+2$ измерений [12].

В то же время Х. Чен предложил новую интерпретацию квантовой теории, в которой две дополнительные временные степени свободы вводятся как скрытые параметры. При этом квантовая физика отдельной частицы может, по мнению автора, интерпретироваться как поведение частицы в $(3+3)$ -мер-

ном пространстве-времени [13], что позднее получило еще более детальное развитие [14]. Относительно $3+3$ геометрии можно еще отметить возможность построения спектра масс барионов на основании геометрической модели гравитирующей массы [15].

Следует упомянуть также работу Ж. М. Ромеро и А. Замора, которые вводят две временные переменные в процессе разработки концепции некоммутативного пространства-времени Снайдера [16]. Представления с двумя временами используют также при разработке суперструнных теорий [17]. Этот же автор совместно с У. Чен Куо разработали вариант теории поля с двумя временными переменными на основе группы калибровочной симметрии $SP(2, R)$ [18].

В данной статье мы развиваем идею многомерного времени, используя гипотезу Калуцы–Клейна о компактификации дополнительных измерений и теорию расслоенных пространств в приложении ко времени. Следует обратить внимание, однако, на принципиальное отличие времени от пространства.

Во-первых, при введении дополнительных пространственных измерений, как бы это экзотически не выглядело, характер пространственных движений и способ их описаний остаются прежним. То есть, формально повышая число пространственных измерений, мы лишь усложняем описание движений в многомерных пространствах, но принцип описания остается прежним. А именно: при любом числе пространственных измерений движение физических объектов описывается как функциональная зависимость от соответствующего числа параметров состояния – пространственных координат тела в выбранной системе отсчета и лишь одного параметра движения, в качестве которого выбирается единое для всего пространства время.

Конечно, здесь остается проблема ненаблюдаемости и связанная с ней проблема наглядности. Первая проблема как раз и решается в гипотезе Калуцы–Клейна о компактификации до малых масштабов дополнительных пространственных измерений, откуда следует их ненаблюдаемость (непроявленность) в макромире. Проблема наглядности является трудной и непреодолимой для геометрического представления. Но она легко разрешается алгебраическими методами и для аналитического ума, оперирующего формулами, а не образами, не представляется трудной.

Физический смысл введения дополнительных пространственных измерений заключается в увеличении числа степеней свободы пространственных движений при неизменно одной степени свободы временного движения – временной длительности, единой для системы отсчета.

Но введение дополнительного временного параметра не имеет никакого физического смысла при функциональном способе описания пространственных движений. Поэтому при исследовании гипотезы многомерного времени мы можем пойти двумя путями.

Первый – это чисто формальное введение дополнительных временных измерений. В этом случае можно исследовать формальные особенности

уравнений движения и пространственно-временных симметрий, не заботясь об их физической интерпретации. Такой путь, например, используют при исследовании различных вариантов расширенной теории относительности [19]. В этом случае введение дополнительного временного измерения рассматривается лишь как изменение метрики единого пространства-времени и добавление в нее еще одной времениподобной координаты.

С этой точки зрения времениподобная координата отличается от пространственноподобной лишь знаком, с которым она входит в метрику. Это различие следует из способа определения интервала между событиями в пространстве-времени с псевдоевклидовой метрикой. Но по физическому содержанию времениподобная координата не отличается от пространственноподобной и имеет статическую природу. Это позволяет применить геометрический метод в описании времени, а также использовать алгебраический и теоретико-групповой подход в исследовании различных типов пространственно-временных симметрий.

Между тем факт трехмерности пространства и одномерности времени в макромире остается фундаментальным. При этом когда мы чисто формальным путем повышаем размерность, то для пространства это сделать легче, чем для времени. В самом деле, даже с математической точки зрения гораздо проще перейти от трех к четырем измерениям (в случае пространства), чем от одного к двум (в случае времени). Ведь при переходе к двумерной модели время приобретает совершенно новые свойства, чего не скажешь о пространстве.

Второй путь – это нахождение физического смысла дополнительному временному измерению. Мы полагаем, что с этого как раз и нужно начинать и лишь затем искать соответствующую математическую модель. Так как время имеет общепринятый физический смысл универсального параметра движения, то и введение независимого временного измерения будет иметь смысл лишь тогда, когда будет найдено независимое движение, присущее физическим объектам. Причем характер этого независимого движения должен принципиально отличаться от независимых степеней свободы.

Ведь когда И. Ньютон строил свою теорию механических движений, он ввел понятие абсолютного времени как независимый динамический параметр, относительно которого описываются все виды механических движений. В дальнейшем этот подход был распространен на все виды движений. Теория относительности в этом смысле не принесла ничего нового. Хотя в ней и используются два понятия времени – собственное время, измеряемое лабораторными часами, и световое время, измеряемое световыми волнами, но это по сути два способа измерения одного и того же времени. Заметим, что это время одно и то же по природе, хотя и различается способом измерения. В квантовой механике время остается все тем же параметром, измеряемым макроскопическими часами.

Однако если мы говорим о независимом движении, то это значит, что оно не связано ни с каким из наблюдаемых видов движения, так как все они кинематически изоморфны и взаимозаменяемы в том смысле, что могут быть использованы в качестве временного параметра. Мы считаем, что таким типом движений являются внутренние движения, связанные с внутренними динамическими процессами, присущими квантовым объектам. Эти движения принципиально ненаблюдаемы и относятся к скрытым параметрам. Именно эта принципиальная ненаблюдаемость и позволяет отнести их к независимому временному измерению.

Конечно, и обычное время является ненаблюдаемым в полной мере, так как мы способны непосредственно воспринимать лишь текущий момент настоящего времени, а прошлое и будущее времена доступны лишь нашей памяти и воображению. Но у нас все же есть наблюдаемое движение, которое мы воспринимаем с помощью органов чувств и измеряем с помощью часов. Заметим еще раз, что мы наблюдаем и измеряем лишь текущий момент динамического настоящего времени, а всю длительность в ее нераздельной целостности «прошлое – настоящее – будущее» восстанавливаем с помощью памяти и воображения.

Но в случае независимого временного измерения мы лишаемся возможности наблюдать и текущий момент настоящего времени. То есть это время становится абсолютно ненаблюдаемым. Возникает вопрос: для чего тогда его вводить, если оно ненаблюдаемо? Не будет ли это чисто умозрительной спекуляцией? Мы полагаем, что его необходимо вводить, если принять гипотезу внутренних динамических процессов, поддерживающих существование элементарных частиц. При этом мы с самого начала оговариваем, что это умозрительный путь построения математических моделей, которые невозможно непосредственно проверить эмпирически. Однако мы не первыми вступаем на этот путь и предлагаем гипотезу, которая при успешной разработке может стать альтернативой таким же «эмпирически невесомым» и интенсивно развиваемым сейчас теориям, как теории суперструн и квантовой петлевой гравитации. Все же у нас остается возможность проверить следствия этой модели и сравнить с предсказаниями других альтернативных теорий.

Все же у нас остается возможность проверить следствия этой модели и сравнить с предсказаниями других альтернативных теорий.

В качестве геометрической модели сложно структурированного многомерного времени рассмотрим *хрональный слой*, состоящий из циклически упорядоченных фаз внутреннего времени и заданный на *базе одномерного хронального континуума*, соответствующего внешнему линейному времени.

На рис. 3 момент внешнего линейного времени t_A является базой хронального слоя с радиусом t_0 . В хрональном слое время τ – это фазовое время,

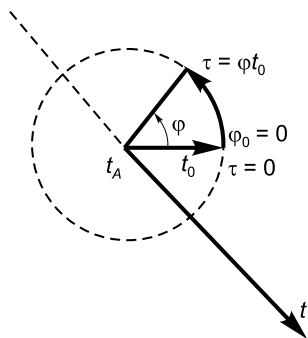

Рис. 3

имеющее значение $\tau = \varphi t_0$. Но все фазы временного слоя имеют одно и то же значение внешнего линейного времени, соответствующего базовому моменту t_A .

А это означает, что все моменты фазового времени одновременны во внешнем линейном времени. Таким образом, время в нашей модели характеризуется тремя независимыми параметрами.

Первый параметр – это положение на оси внешнего линейного времени текущего настоящего времени, соответствующее длительности, измеренной с помощью часов от момента, взятого за начало отсчета.

Второй параметр – это постоянный радиус t_0 данного хронального слоя. При этом величина t_0 произвольна для разных слоев, но внутри данного конкретного слоя остается постоянной.

Третий параметр – это величина фазового времени τ . Особенностью фазового времени является то, что это – периодически повторяющаяся величина. Это означает, что

$$\tau(\varphi) = \tau(\varphi + 2\pi n),$$

где n – произвольное натуральное число. Иначе говоря $\tau(\varphi)$ – это замкнутое обратимое время, в котором не имеет значения количество циклов n . Более того, само по себе понятие количества циклов не имеет смысла в фазовом времени, так как в нем нет необратимого времени как аддитивно возрастающей величины. Моменты фазового времени имеют только локальный порядок внутри одного цикла, и говорить о какой-то длительности, большей чем величина периода $T = 2\pi t_0$, не имеет смысла. Но даже внутри одного цикла понятие длительности не имеет смысла, так как направление фазового времени может произвольно меняться.

Таким образом, величина фазового времени τ – это не длительность в обычном смысле, принятая для необратимого линейного времени, а хрональная протяженность, ограничивающая некоторую фазовую траекторию внутри временного слоя. Поэтому это время точнее было бы назвать не фазовым и не циклическим, а расслоенным. По сути, расслоенное время – это двумерный хрональный континуум, в котором нет выделенного направления и временного порядка. Другими словами, это неупорядоченный изотропный континуум или некоторый аналог двумерного статического времени, подобного пространственной плоскости. Расслоенное время – это потенциальное время, которое содержит в себе множество возможных временных траекторий и множество возможных способов временной упорядоченности.

Это свойство расслоенного времени, постулируемое нами, позволяет по-новому интерпретировать волновую функцию. В копенгагенской интерпретации квантовой механики квадрат волновой функции имеет смысл вероятности распределения всевозможных наблюдаемых физических величин в фазовом пространстве.

Например, если мы говорим о положении квантовой частицы в обычном трехмерном пространстве, то она с разной степенью вероятности одновременно находится в разных точках пространства. Это свойство квантовых объектов парадоксально с точки зрения обычного одномерного представления времени. Для макроскопических тел это невозможно, так как одно и то же тело не может одновременно находиться в разных пространственных местах, иначе нарушался бы принцип самотождественности. Это – одно из свойств макроскопического времени, радикально отличающее его от пространства, потому что одно и то же тело может быть в одной и той же точке пространства, но в разные моменты времени. Часто этот аргумент приводят в качестве обоснования одномерности времени, но мы считаем, что нет никаких оснований абсолютизировать это свойство времени и распространять его на микромир.

Однако в квантовом мире это возможно, что порождает различные интерпретации квантовой механики. Самая радикальная из них – это реализация всевозможных траекторий в Мультиверсе Эверетта, которой соответствует модель ветвящегося времени.

В нашей модели смысл волновой функции объясняется естественным образом. Мы развиваем в данном случае интерпретацию Доббса, который впервые выделил транзитивное и фазовое свойства времени и предложил их связать с двумя независимыми временными измерениями [2].

Наш подход отличается тем, что вместо одного фазового параметра мы вводим два независимых параметра, характеризующих временной слой. Кроме того, если Доббс полагал, что в фазовом времени между двумя событиями может пройти какая угодно длительность и в то же время в транзитивном времени эти события будут одновременны, то мы определяем расслоенное время таким образом, что в нем не имеет смысла говорить о событиях и о длительности как о некоторой однозначно определенной протяженности между событиями.

В нашей интерпретации событие – это взаимодействие, в котором участвуют по крайней мере два квантовых объекта. До взаимодействия каждая из частиц находилась в собственном временном слое. При этом в один и тот же момент транзитивного времени частица может занимать множество различных положений в расслоенном времени аналогично тому, как в трехмерном пространстве частица может описывать круговые траектории в двумерной плоскости и иметь при этом одно положение в третьем измерении. Это позволяет интерпретировать вероятностное распределение квантовых состояний в один и тот же момент одномерного линейного времени как статистическое распределение всевозможных квантовых состояний в хронометрическом расслоении.

Если мы знаем только начальное и конечное положения частицы в пространстве, то мы ничего не можем сказать о ее промежуточных положениях, а значит, и о траектории ее движения, но можем найти перемещение, равное вектору, проведенному из начального в конечное положение. Для того чтобы знать траекторию, мы должны фиксировать все промежуточные положения.

Но фиксация – это временное событие и не имеет смысла говорить о разных событиях в один и тот же момент времени так же, как и об одном и том же событии в разные моменты времени. Таким образом, для наблюдения траектории и измерения пути нам необходимо, в отличие от измерения перемещения, независимый временной параметр.

Эту аналогию можно провести и для расслоенного времени. Для того чтобы определить траекторию и измерить путь в расслоенном времени, нам нужен независимый временной параметр. Такой параметр у нас есть – это внешнее транзитивное время, линейный порядок которого определяется последовательностью событий. Любое событие – это взаимодействие, в результате которого из всех возможных собственных состояний квантовых объектов проявляется лишь одно. При этом, согласно стандартной интерпретации, происходит редукция волновой функции, то есть все другие состояния просто исчезают.

В нашей модели, однако, эти состояния не исчезают, а остаются в прежнем хрональном расслоении, но взаимодействующие частицы сдвигаются в транзитивном времени и переходят в следующий хрональный слой. Таким образом, согласно нашей модели все состояния волновой функции сохраняются, но остаются в хрональном слое, который переходит в разряд прошедшего времени. Другими словами, прошлое время сохраняется в виде статической записи квантовых состояний, но эти состояния при этом теряют свои активные свойства и способность взаимодействовать.

На рис. 4 базовым моментам t_0, t_1, t_2 и t_3 внешнего линейного времени t соответствуют хрональные слои τ_0, τ_1, τ_2 и τ_3 . Эти слои отстоят друг от друга на величину статической хрональной протяженности $\Delta t_1, \Delta t_2$ и Δt_3 , что соответствует транзитивному сдвигу каждого слоя во внешнем линейном времени. Переход от одного хронального слоя к другому происходит мгновенно и дискретно, в соответствии с принципом неопределенности Гейзенберга:

$$\Delta t \cdot \Delta E \sim \hbar/2,$$

где Δt – промежуток времени, измеряемого лабораторными часами, ΔE – изменение энергии квантовой частицы, происшедшее за это время, $\hbar = h/2\pi$ – приведенная постоянная Планка.

При этом течение фазового времени происходит в хрональных слоях, что соответствует иллюзии непрерывного течения внешнего линейного времени. Но на самом деле, согласно нашей гипотезе, ход внешнего времени определяется последовательностью дискретных транзитивных сдвигов Δt_n .

Таким образом, геометрическая модель циклического времени, используемая для наглядного представления внутреннего ненаблюдаемого времени, основана на предположении о существовании фундаментальной временной

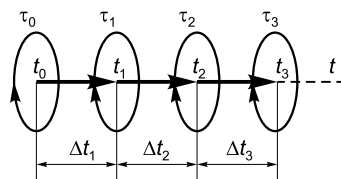

Рис. 4

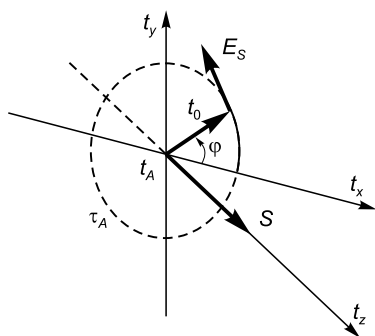

Рис. 5

протяженности, которая имеет статическую природу, подобную актуальному пространственному континууму, но существенно отличается от него своим потенциальным характером и способностью изменяться в результате физического действия. Так как эта протяженность может быть в двух квантовых состояниях – негативном или позитивном, – то мы получаем возможность ввести в квантовую физику понятие информации на предельно фундаментальном уровне, наряду со временем, энергией и действием. Это означает,

что мы постулируем существование некоторого элементарного аналога памяти, откуда следует предельно глубокая связь физических и информационных процессов на самом фундаментальном уровне материального мира.

На рис. 5 базовому моменту внешнего линейного времени t_A соответствуют ортонормированная система хрональных координат t_x, t_y, t_z и хрональный слой τ_A . В этом слое совершается квантовое действие, переводящее его из вакуумного состояния в частицеподобное, что соответствует рождению квантовой частицы в течение периода времени $T=2\pi t_0$. В течение следующего периода времени происходит обратное квантовое действие и хрональный слой возвращается в исходное вакуумное состояние. Таким образом, квантовое действие обладает динамической симметрией и инвариантно относительно поворота в хрональном слое на фазовый угол $\Delta\varphi=4\pi$. Действие, производимое квантовой частицей в хрональном слое, равно

$$S=4\pi t_0 E_S h,$$

где E_S – энергия квантовой частицы, производящая действие в хрональном слое. Это действие равно по величине планковскому кванту действия h .

Если в одномерном линейном времени энергия – это скаляр, то в случае многомерного времени она становится векторной величиной. В модели линейно-циклического времени расслоенное время имеет два измерения, соответствующие хрональному слою и радиус-вектору, соединяющему этот слой с базовым линейным временем. Таким образом, мы можем определить энергию как вектор, направленный по касательной к хрональному слою. Это позволяет определить спин как момент вектора энергии, который будет направлен перпендикулярно плоскости слоя и имеет две возможные и противоположные проекции на ось линейного времени, в соответствии с квантовомеханическим представлением о спине фермиона:

$$S=[E_S \cdot t_0]=\hbar/2.$$

На основе этих представлений мы предлагаем вариант построения модели внутренних движений элементарных частиц, в которой дополнительное временное измерение компактифицировано и образует циклический слой, базой которого является обычное линейное время. При этом вектор линейного времени определяется как аксиальный вектор, направление которого задается ориентацией циклического времени.

В рамках такой модели можно построить последовательную теорию спина. При этом спин мы определяем как момент вектора энергии, а дискретный набор спиновых проекций обусловлен двумя возможными проекциями фундаментального спина $S = \pm \frac{1}{2}$ на ось линейного времени. Подобное представление связывает внешнее линейное и одномерное время с внутренним циклическим временем. В данной интерпретации одномерность времени – это проявление причинно-следственного характера взаимодействия, который определяет линейный порядок последовательности событий. В то же время спин – это проявление внутреннего циклического и ненаблюдаемого времени. При этом его ненаблюдаемость означает, что оно не имеет протяженности во внешнем времени и его невозможно измерить как длительность и последовательность событий.

Кроме того, эту модель можно использовать при описании внутренних симметрий. Если обычный формализм изотопического спина основан на статической симметрии, то в данном подходе в основание статической симметрии полагается более фундаментальная динамическая симметрия. При этом группу внутренних симметрий можно интерпретировать как группу внутренних движений, включающих вращение в компактифицированном циклическом времени и колебания вдоль пространственной оси.

Обобщением этих представлений является концепция транзитивно-фазового времени, развиваемая нами, которая универсальна и применима для всех форм движения. При этом чем более простая форма движения рассматривается, тем более существенной в ее описании становится циклическая составляющая времени. И наоборот, для более сложных форм движения более существенной становится транзитивная составляющая времени [20].

Например, в мире элементарных частиц вообще отсутствуют транзитивные свойства времени. На этом основании многие исследователи считают, что в микромире нет временных отношений. Этот вывод был бы действительно справедлив, если ограничиваться пониманием времени как эволюционного параметра, характеризующего необратимые изменения. Но если придерживаться более универсального подхода, считая время параметром всякого движения, то для описания внутренних движений элементарных частиц вполне естественно придерживаться концепции циклического времени.

Согласно этой концепции инвариантное движение, являющееся фундаментом стабильного существования и тождественного воспроизводства систем, имеет циклическую временную упорядоченность, а фазовое время есть пара-

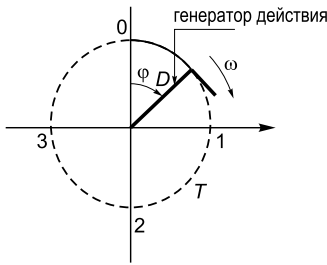

Рис. 6

метр этих движений. Необратимые же процессы, характерные для любых изменяющихся систем, имеют линейную временную упорядоченность. Транзитивное время здесь является эволюционным параметром всех изменений. При этом временной порядок определяется последовательностью взаимодействий с внешними системами, каждое из которых задает линейный сдвиг во времени.

Рассмотрим следующую модель хронального расслоения.

На рис. 6 изображен хрональный слой τ с четырьмя характерными фазами (0, 1, 2, 3). В начальной фазе $\varphi=0$ слой еще не заполнен и находится в исходном негативном состоянии, что соответствует пунктирной линии на рисунке. Для объяснения действия в хрональном слое мы вводим новое понятие «генератор действия», который обозначаем символом D . Генератор действия характеризуется тремя параметрами – угловой скоростью ω , радиусом t_0 хронального слоя и энергией квантовой частицы E_s , производящей действие в хрональном слое. Таким образом, генератор действия переводит хрональный слой в позитивное состояние «бытия», что соответствует записи информации и изображается сплошной линией на рис. 6. Полная запись информации в слое заканчивается по завершении цикла в 4-й фазе. В случае же если хрональный слой заполнен, действие генератора станет обратным. Это действие будет заключаться в переводе позитивного состояния слоя в негативное состояние «небытия», что эквивалентно стиранию записанной информации.

На основе этих представлений дадим определения следующих первичных понятий.

Элементарный квантовый объект – это неделимый на части целостный объект, который находится в состоянии постоянного самодвижения, имеющего субстанциальную природу и определяемого постоянной Планка.

Элементарный квантовый объект может быть точечным в пространстве, но иметь некоторую хрональную структуру во внутреннем хрональном пространстве.

Внутреннее хрональное пространство – это хрональное множество моментов, состоящее из хронального центра действия (база хронального расслоения), хронального радиуса действия и хронального слоя, в котором реализуется активность генератора действия.

Генератор действия – это субстанциальная причина самодвижения и существования квантового объекта, постоянно производящая действие в хрональном слое, что эквивалентно постоянному воспроизводству квантового объекта, его сохранению и неуничтожимости.

Генератор действия генерирует действие собственной энергии в собственном хрональном слое элементарного квантового объекта. Действие энергии

в хрональном слое приводит к изменению его квантового состояния и переводит из вакуумного (негативного) состояния в материальное (позитивное) и наоборот. Другими словами, генератор действия переводит хрональный слой в состояние бытия, что эквивалентно действию оператора рождения на вакуумное состояние в квантовой теории поля, или в обратное состояние небытия, что эквивалентно действию оператора уничтожения на частицеподобное состояние. Таким образом, генератор действия и порождает собственное фазовое время элементарного квантового объекта, соответствующее четырем внутренним фазам. Это внутреннее собственное время проявляется в виде периодической последовательности событий рождения и уничтожения элементарной частицы, что соответствует регенеративной модели, впервые предложенной Я. И. Френкелем [21].

Таким образом, квантовый объект обладает самоактивностью. А это означает, что его действие спонтанно и не обусловлено никакой внешней причиной. Но здесь все же нужно различать два рода внутренних причин движения.

Внутренняя причина первого рода может быть *необходимой*, когда генератор действия постоянно воспроизводит элементарный квантовый объект в инвариантной форме, что соответствует сохранению внутренней динамической симметрии с определенными квантовыми числами (например, сохранению спина, заряда, изотопического спина, барионного и лептонного заряда и т. п.).

И второй род – *спонтанная* внутренняя причина, продуцирующая произвольное изменение характера внутреннего движения элементарного квантового объекта, которое определяет внутреннюю динамическую симметрию, без всяких видимых внешних причин. Действие этого рода причины соответствует спонтанному нарушению симметрии и проявляется в различных процессах локальных взаимопревращений элементарных частиц, при сохранении глобальной симметрии квантовой системы и инвариантов движения.

Тем не менее в обоих этих случаях действует одна и та же беспричинная, или *субстанциальная*, причина, которая по-разному проявляется в процессах самодвижения, сохраняющих стабильное существование квантовых объектов, и в процессах взаимопревращения элементарных частиц при слабых и сильных взаимодействиях и в случае спонтанных флуктуаций вакуума при возникновении виртуальных частиц.

Кроме того, в микромире действует и внешняя причина, которая определяет характер взаимодействия двух квантовых объектов. Но эта причина имеет ту же природу и внешнее взаимодействие и, с нашей точки зрения, является на самом деле условием проявления внутренней субстанциальной причины.

Таким образом, субстанциальная причина порождает субстанциальное время. Это внутреннее, или собственное, время элементарного квантового объекта, которое мы называем *фазовым временем*. Оно порождается самоактивностью генератора действия в хрональном слое элементарного квантового объекта.

Особенностью фазового времени является то, что это внутреннее (собственное) время элементарной частицы. Это, по сути, скрытый параметр, который невозможно наблюдать и измерить внешними средствами. Это синхронное время, которое ортогонально диахронному внешнему времени, что эквивалентно независимому временному измерению. А это означает, что произвольная длительность фазового времени имеет нулевую протяженность во внешнем линейном времени. Таким образом, проявление во внешнем мире квантового объекта можно описать как мгновенное событие, что соответствует традиционным представлениям, но это событие может содержать внутри себя произвольную фазовую длительность собственного времени. Получается некоторый аналог «застывшего времени» при переходе от внешнего (транзитивного) времени к внутреннему (фазовому) времени, а сам переход можно назвать *горизонтом события*. Нечто подобное, а именно релятивистское замедление времени вплоть до остановки его течения, происходит на горизонте событий черной дыры. Возможно, такая аналогия поможет прояснить природу сингулярности в рамках квантовой теории гравитации.

В свою очередь силовая причина, которая проявляется при взаимодействии элементарных частиц, порождает причинно-следственный ход времени как последовательность событий-взаимодействий. Это время, которое представляет собой упорядоченную последовательность сдвигов во внешнем линейном времени, измеряемом лабораторными часами, мы называем *транзитивным временем*. Это время порождается трансляцией или отображением информационной структуры квантового объекта из одного хронального слоя в другой, отстоящий от него на статический промежуток времени, соответствующий принципу неопределенности Гейзенберга.

Таким образом, спонтанность, которая проявляется как случайный феномен, не детерминирована никакими внешними условиями и причинами, а необходимая причина скрыта внутри спонтанного квантового события (то есть является следствием внутренней свободы квантового объекта). Возможно, через эту внутреннюю степень свободы действует некая трансцендентная причина или субстанция, а из этого следует, что источник субстанциального действия находится вне пространства и времени. Следуя нашей геометрической модели, этот источник находится в особой точке – сингулярности, которая находится в центре хронального слоя. Можно сказать, что это момент-точка времени-пространства. А так как она особая и отстоит от хронального слоя на хрональный радиус t_0 , то, согласно топологическому определению размерности, она имеет нулевую размерность. Поэтому ее можно назвать нуль-временем и нуль-пространством.

Волновая функция содержит эйдетическую информацию о квантовом состоянии частицы. Это состояние имеет статистическую природу, то есть распределение всех возможных траекторий и положений частицы в расслоенном времени. Одна и та же частица может иметь одну координату в транзитивном

времени (это обычное макроскопическое время, измеряемое лабораторными часами), но при этом – разные координаты в расслоенном времени.

Это расслоенное время эквивалентно фазовому времени Доббса, в котором разным фазам амплитуды вероятности соответствуют разные хрональные координаты. Расслоенное время точнее было бы назвать хрональной плоскостью или хрональным слоем. Временная протяженность в этом слое не измеряется никаким физическим движением, производящим физическое действие.

К этим типам движения относится любое пространственное перемещение материальных объектов и вообще любое изменение материальных объектов, которое сопровождается физическим действием (описывается лагранжианом) и энергетическими процессами (обмен и превращение энергии). Но, возможно, существуют и иные типы движения – информационные, которые осуществляются в хрональных слоях.

Эти слои, согласно нашей гипотезе и математической модели расслоенного времени, имеют относительный порядок «раньше – позже» и абсолютный порядок «прошлое – настоящее – будущее». При этом слой настоящего времени находится в активном фазовом состоянии, что соответствует производимому в этом слое физическому действию. Слои прошлого, так же как и будущего времени находятся в пассивном фазовом состоянии, что означает отсутствие в этих слоях реальных материальных тел, производящих физическое действие.

Мы полагаем, что характер физического действия определяется принципом близкодействия. Этот принцип был впервые сформулирован М. Фарадеем для полевого взаимодействия электрических зарядов в пространстве. Если же его распространить на время, то такое близкодействие будет означать локальную временную связь между настоящим и ближайшим будущим временными слоями, что эквивалентно линейной причинно-следственной связи между физическими событиями.

Но вполне возможно, что в реальности существуют и другие типы временных связей, природы которых мы еще не знаем. В отличие от линейных и локальных связей, которые формируют структуру Вселенной на принципах близкодействия, эти связи должны иметь нелинейный и нелокальный характер. Мы полагаем, что между всеми хрональными слоями в физическом универсуме, какими бы промежутками статического диахронного времени они не были разделены, существует особая нелинейная и нелокальная информационная связь. Отсюда следует возможность мгновенного проникновения как в прошлое, так и в будущее. Это проникновение, однако, не противоречит принципу причинности, так как оно не производит никакого физического действия. А значит, и не порождает в физическом мире никакой причины, что исключает возникновение замкнутой причинной цепи событий.

В заключение следует сказать, что наш подход не противоречит экспериментальным фактам и квантовой теории. По сути, это альтернативный подход наряду с известными интерпретациями квантовой механики. Но в нашем случае

интерпретация не является самоцелью, а проявляется лишь как следствие новой онтологии более глубокого уровня. Этот путь позволяет, во-первых, переформулировать все известные квантовомеханические результаты на новом языке. Но самое ценное, с нашей точки зрения, это то, что такая научная программа открывает возможность понимания и объяснения квантовой теории, которую никто до сих пор не понимал, на более глубоких онтологических основаниях.

Важным результатом работы является то, что мы показали возможность определения квантовых состояний на основе новой онтологической парадигмы расслоенного времени. Она базируется на фундаментальном понятии хронального континуума, который может быть в двух квантовых состояниях: негативном (небытия) и позитивном (бытия). Переход из негативного состояния в позитивное и обратно осуществляется благодаря субстанциальному действию. Такой подход позволяет редуцировать все материальные процессы с физическим действием к информационным, в соответствии с тезисом Дж. Уилера «Все из бита». Основой существования квантовых объектов является субстанциальная активность генератора действия, который постоянно генерирует и воспроизводит квантовые объекты в последовательном ряду хрональных слоев, заданных на базе одномерного линейного времени. В соответствии с этой моделью существование квантовых объектов проявляется как периодический процесс рождения и уничтожения материальной структуры объекта в дискретной последовательности хрональных слоев согласно принципу неопределенности Гейзенберга. При этом течение времени осуществляется в хрональных слоях, а трансляция квантового объекта из одного слоя в последующий осуществляется мгновенно.

Модель расслоенного времени позволяет ввести понятие спина как момента вектора энергии в циклическом (фазовом) времени, заданном на базе линейного (транзитивного) времени. В соответствии с этой моделью вероятностная интерпретация волновой функции приобретает новый онтологический смысл в форме статистического распределения всевозможных квантовых состояний в хрональном расслоении. При этом редукция волновой функции при взаимодействии квантового объекта интерпретируется как переход одного активного состояния в последующий хрональный слой актуального настоящего времени и сохранение всех остальных пассивных квантовых состояний в виде статической записи в хрональном расслоении прошедшего времени.

Литература

1. Bunge, M. On Multi-Dimensional Time / M. Bunge // *The Brit. J. for the Philosophy of Sci.* – 1958. – Vol. 9, N 33. – P. 39.
2. Dobbs, H. A. C. The Relation between the Time of Psychology and the Time of Physics / H. A. C. Dobbs // *The Brit. J. for the Philosophy of Sci.* – 1951. – Vol. 2, N 6. – P. 122–141; Dobbs, H. A. C. The Relation between the Time of Psychology and the Time of Physics / H. A. C. Dobbs // *The Brit. J. for the Philosophy of Sci.* – 1951. – Vol. 2, N 7. – P. 177–192.

3. Bars, I. Gravity in 2T-Physics / I. Bars // *Phys. Rev.* – 2008. – Vol. D77. – Art. ID : 125027.
4. Chodos, A. Kaluza-Klein Theories: Overview / A. Chodos // *Comm. Nucl. and Part. Phys (Comm. Mod. Phys. Pt. A).* – 1984. – Vol. 13. – P. 171–181.
5. Coguereaux, R. Multi-dimensional Universes. Kaluza-Klein, Einstein Spaces and Symmetry Breaking / R. Coguereaux. – Marseil, 1983.
6. Bunge, M. A Picture of the Electron / M. Bunge // *Nuovo Cimento. Ser. X.* – 1955. – Vol. 1, N 6. – P. 977.
7. Bars, I. Theories with Two Times / I. Bars, C. Kounnas / *Phys. Lett. B.* – 1997. – Vol. 402. – P. 25–32.
8. Bars, I. Two-time physics with gravitational and gauge field backgrounds / I. Bars // *Phys. Rev. D.* – 2000. – Vol. 62, N 8. – P. 1–10.
9. Bars, I. Survey of two-time physics / I. Bars // *Classical and Quantum Gravity.* – 2001. – Vol. 18, N 16. – P. 3113–3130.
10. Bars, I. Standard model of particles and forces in the framework of two-time physics / I. Bars // *Phys. Rev. D.* – 2006. – Vol. 74. – ArtID 085019.
11. Bars, I. Dual field theories in (d-1)+1 emergent spacetimes from a unifying field theory in d+2 spacetime / I. Bars, S.-H. Chen, G. Quélin // *Phys. Rev. D.* – 2007. – Vol. 76. – Art. ID : 065016.
12. Bars, I. Gauge symmetry in phase space consequences for physics and space-time / I. Bars // *Intern. J. of Mod. Phys. A.* – 2010. – Vol. 25, N 29. – P. 5235–5252.
13. Chen, X. A New Interpretation of Quantum Theory – Time as Hidden Variable / X. Chen // *arXiv:quant-ph/9902037v3.* – 1999.
14. Chen, X. Three Dimensional Time Theory: to Unify the Principles of Basic Quantum Physics and Relativity / X. Chen // *arXiv:quant-ph/0510010.* – 2005.
15. Popov, N. A geometric model of gravitating mass formation and baryon mass spectrum / N. Popov, P. Roshchin // *Gravitation & Cosmology.* – 2001. – Vol. 7, N 1 (25). – P. 58.
16. Romero, J. M. Snyder noncommutative space-time from two-time physics / J. M. Romero, A. Zamora // *Phys. Rev. D.* – 2004. – N 10. – 105006/1–105006/5.
17. Bars, I. Twistor superstring in two-time physics / I. Bars // *Phys. Rev. D.* – 2004. – N 10. – 104022/1–104022/16.
18. Bars, I. Interacting Two-Time Physics Fild Theory With a BRST Gauge Invariant Action / I. Bars, Y.-C. Kuo // *arXiv:hep-th/0605267v3.* – 2006.
19. Recami, E. Special Relativity and Superluminal Motions: a Discussion of Some Recently Experiments / E. Recami, F. Fontana, R. Caravaglia // *Int. J. of Mod. Phys. A.* – 2000. – N 15. – P. 2793–2812.
20. Спасков, А. Н. Гипотеза независимости линейного и циклического временных измерений / А. Н. Спасков // *Философия науки.* – 2011. – № 4 (51). – С. 46–60.
21. Френкель, Я. И. Замечания к квантово-полевой теории материи / Я. И. Френкель // *Успехи физ. наук.* – 1950. – Т. 62, № 1. – С. 69–75.

NEW ONTOLOGICAL INTERPRETATION OF QUANTUM STATES IN THE FIBER TIME MODEL

A. N. SPASKOV

Summary

In the present article I introduce new ontological paradigm of bundle time based on the fundamental notion of temporal continuum, which could exist in two opposite states: the state of non-being (“negative state”) and the state of being (“positive state”). This model also implies that existence of quantum objects is revealed as periodic process of the object’s material structure creation and annihilation in a form of discrete sequence of temporal stalks, according to the Heisenberg’s uncertainty principle. According to this approach, the probabilistic interpretation of the wave function acquires a new ontological implication as statistical distribution of all possible quantum states in temporal bundle.

Дата поступления статьи в редакцию: 23.04.2015

СИНЕРГЕТИКА И ИСТОРИЯ МАТЕРИИ

А. В. КОЛЕСНИКОВ

В синергетическом понимании физическое время обретает черты историчности, неповторимости и событийности. Таким образом, можно говорить не просто о развитии материи, но об истории материи так, как если бы мы говорили об истории Древнего Рима или истории России. Неповторимость и событийность исторического процесса определяется участием в нем множества социальных атомов – неповторимых и уникальных личностей. Таким образом, можно предположить, что недавно осознанная в рамках синергетики неповторимость и событийность физических процессов также происходит из наличия уникальных свойств у мельчайших составных единиц материи – атомов. Носителем этих неповторимых свойств могут быть квантовые состояния микрообъектов, тесно ассоциируемые с понятием хаоса.

Современную научную картину мира без преувеличения можно назвать синергетической. Именно синергетика в настоящее время задает всем прочим наукам общий образец или парадигму рассмотрения большинства фундаментальных процессов и явлений в природе и обществе. В какой-то степени это можно рассматривать как возвращение к схематике древних космогонических мифов, но на новом витке диалектической спирали развития. В основе этой картины мира лежит хаос [1].

В большинстве дошедших до нас древних космогонических мифов многих народов мир возникает из хаоса, который ассоциировался у древних прежде всего с водной стихией – первичным океаном. Это весьма глубокая аналогия. Водная поверхность предельно изменчива и содержит в себе постоянно возникающие и исчезающие зачатки огромного количества не выраженных полностью, но обозначенных форм. Таким образом, в сознании древних первородный водный хаос – это творческое начало, вечная, но не определенная игра творческих сил природы.

Далее происходит нечто... и бесцельное кипение, игра формотворящих сил хаоса обретает некую направленность, форму и начинает рождать из своих недр застывающие, упорядоченные структуры нашего мира. По-видимому, это глубокий архетип человеческого сознания. Его следы можно найти даже в фантастических произведениях нашего времени. Среди которых одним из самых ярких, без сомнения, является живой океан, созданный фантазией выдающегося польского писателя и мыслителя С. Лема, визуализированный в дальнейшем гениальным режиссером А. Тарковским.

Все большее число конкретных наук приходит к именно таким существенным схемам развития и дальнейшей эволюции изучаемых ими объектов и яв-

лений на различных уровнях организации материи. Даже в современной космологии появляются идеи и гипотезы, в которых фигурирует хаос как первичное изначальное состояние Вселенной и своеобразный первородный океан, простирающийся за ее пределами [2].

Крупнейший физик и философ XX века И. Р. Пригожин одним из первых ученых-естественников сфокусировал внимание научного сообщества на совершенно меняющемся в современной научной картине мира понимании времени. Он отмечал, что время из просто физического параметра, числа, интервала или координаты превращается в уникальную неповторимую историчность: «Логика описания процессов, далеких от равновесия, – это уже не логика баланса, а повествовательная логика (если... то...). Когерентная деятельность диссипативной структуры сама по себе история, материей которой является взаимосочетание локальных событий и возникновение глобальной когерентной логики, интегрирующей многообразие этих локальных историй» [3, с. 9]. То есть развитие мира физической материи уже нельзя рассматривать как просто закономерный, воспроизводимый физический процесс. Развитие материи – это *история*, такая же неповторимая и событийная, как, например, история Древнего Рима или всей человеческой цивилизации. Это означает, что в истории развития материи, так же как и в истории развития человечества, наряду с закономерными причинно-следственными последовательностями, были свои неповторимые и совершенно уникальные поворотные точки, события, такие как, например, рождение Христа, деяния апостолов, убийство Григория Распутина, приход к власти в СССР Михаила Горбачева... В этом смысле И. Р. Пригожин отмечал, что физическое время, то есть время развития и эволюции материи, более не является инертным и независимым, но становится историчным, неповторимым и уникальным, начиная с великого события, которое мы именуем Большим Взрывом. Выводы ученого основывались прежде всего на новой парадигме нелинейной хаотической динамики, в которой строго детерминированные уравнения демонстрируют типичное историческое невоспроизводимое поведение. Иными словами, они уже не отображают единственный закон поведения динамической системы, а лишь какой-то из бесконечного множества возможных и часто качественно различных сценариев ее исторического развития.

Но что делает историческое время историчным? Ответом будет – личности, делающие эту историю. Личность Христа, апостола Павла, Григория Распутина, Михаила Горбачева... Собственно, не только известные личности делают историю. Историю делают просто личности. Во всех исторических событиях и процессах участвуют только конкретные человеческие «я», каждое из которых по своей сути уникально. В частности, один из уроков синергетики и сводится к тому, что всякое единичное, внешне незначительное событие, флуктуация могут повлечь за собой лавинообразно нарастающие макроскопические системные последствия, что призывает к ответ-

ственности всякую, в том числе и «малую», личность за глобальные судьбы всего мира в целом.

Еще Г. В. Ф. Гегель отмечал, что философия может строиться двумя различными способами от различных первичных понятий – «бытие» и «ничто», а также «я». В позитивных науках природа феномена «я» именно как научная проблема, как правило, не осознается, не рассматривается и даже не ставится. Но вместе с тем сами явления индивидуальности, субъективности существуют в природе, более того, играют в ней одну из важнейших ключевых ролей. Субъективность достигает своей высшей точки выраженности в высокоразвитых сложнейших материальных структурах – человеческих существах. При этом «я» – это я, а «вы» – это вы. Я почему-то живу именно сейчас, а Вы читаете эти строки. Но почему? Этот важнейший и кажущийся очевидным вопрос практически даже не ставится в рамках позитивной науки, а вместе с тем его постановка вполне правомочна и, более того, весьма актуальна [4]. Где прячется субъективность человеческого существа, мухи, амёбы, вируса? Есть ли эта субъективность или ее зачатки у камня, который именно сейчас и именно тут лежит на обочине дороги? А коль скоро синергетика и наука в целом пришла к осознанию историчности физического времени, то и вопрос о зачатках субъективности камня не является таким уж абсурдным, как может показаться на первый взгляд. Ведь что-то же делает развитие детерминированных динамических систем непредсказуемым в принципе и историчным по сути. Мы уже определили, что в случае человеческой истории это делает личность, индивидуальность и субъективность участвующих в историческом процессе человеческих существ. А что тогда делает историчным развитие физических систем, например непредсказуемость пляски языков пламени костра или неповторимое роение облачных масс на летнем небе?

Таким образом, следующим шагом, логически вытекающим из признания историчности физического времени, должно быть признание индивидуальности за частицами материи, которые участвуют в процессе непредсказуемой, историчной, наполненной уникальными событиями эволюционной истории материи, в том числе упомянутых пляски языков пламени или роения облаков на небе. Мы знаем, что строение материи иерархично. В современной синергетической терминологии его можно было бы даже определить как фрактальное. Мельчайшие элементы или частички вещества принято называть атомами. Исходя из сказанного следует предположить, что уже эти мельчайшие частички материи, или *атомы*, должны обладать *индивидуальностью*, так как многочисленные физические процессы с их участием носят характер исторического, неповторимого развития.

Сегодня мы знаем, что атомы на самом деле мало напоминают микроскопические пылинки, кубики, шарики или более сложные геометрически определенные формы. Известно, что они принципиально нелокальны. В микромире царствует квантовый хаос. Этот хаос, согласно чрезвычайно глубоко-

кой и креативной (но пока не подтвержденной) гипотезе российского физика В. Л. Янчилина (гипотеза сформулирована им при участии жены, также профессионального физика – Ф. С. Янчилиной), является фоном или историческим следом изначального, первородного, доселенского хаоса, который частично упорядочивается внутри нашей Вселенной на макроуровне влиянием всех ее масс и простирается за ее пределами, где это влияние заканчивается [5]. Именно совокупным гравитационным влиянием всей материи Вселенной создается привычная нам пространственная упорядоченность, которую мы воспринимаем как самоочевидную данность – трехмерное пространство. Этими же причинами порождается и столь же интуитивно очевидная для нас макроскопическая механика с ее инерцией, непрерывным движением и детерминированными траекториями.

Атомы пребывают на физической границе между хаосом, царящим на микроуровне материи, и порядком, характерным для мира макроскопических тел. Именно хаос как предельно индивидуализированная в своих деталях сущность и может быть причиной и источником индивидуальных свойств атомов и микрообъектов вообще (электронов, фотонов и т. д.). Квантовое состояние каждого из микрообъектов уникально. То есть каждый из них – вовсе не идентичный собрату голубой или красный шарик (как это иногда представляют в научно-популярных книжках и школьных учебниках), а оригинальный объект, в какой-то степени индивидуальность.

Понимаемая таким образом материя уже не предстает просто инертным веществом, вовлеченным лишь в воспроизводимые повторяющиеся физико-химические процессы, но творческой, в определенном смысле чувствующей субстанцией, каждая частичка которой уже носит в себе зачатки индивидуальности. При таком понимании исчезает пропасть между живой и неживой материей и становится понятна непрерывность всего ее строения снизу доверху, от мельчайших ее атомов и квантов до высокоразвитых разумных живых существ.

Наши знания о субатомном уровне организации материи еще в значительной степени базируются на представлениях об элементарных частицах и атомах как о совершенно обезличенных, идентичных в пределах своих классов сущностях, лишенных индивидуальности. А вместе с тем можно предположить, что и сами атомы, и субатомные объекты имеют систему не только общих свойств, присущих всем атомам данного типа, но и свойств сугубо индивидуальных, что позволило бы говорить об индивидуальной изменчивости и уникальности каждого из микрообъектов. Вполне возможно, что именно эти свойства структурных элементов субатомного и атомно-молекулярного уровней организации материи могут лежать в основе феномена индивидуальности и личной субъективности, проще говоря «я». Ведь упомянутая загадка, которую можно сформулировать кратко как «Почему “я” – это “я”?», представляет собой одну из величайших и совершенно неизученных тайн природы.

В связи с этим уместно напомнить некоторые рассуждения выдающегося мыслителя К. Э. Циолковского. «Когда атом, например, проникает в мозг че-

ловека, то он охватывается вибрациями и бомбардировкой электронов сложного организма – очага непрерывной и усиленной химической деятельности (мозга). Как граммофонная мембрана не может не отзываться на скачущий штифтик, который заставляет ее колебаться и издавать те или другие звуки, так и атом отзывается на деятельность мозга. Барабанная перепонка уха одна и та же, но она колеблется очень разнообразно, смотря по характеру колебаний окружающей ее среды. Так же и атом как будто один и тот же в неорганической и органической жизни, но радиация мозга или другого сложного очага химической деятельности, очевидно, изменяет его состояние. Оно и есть чувство жизни» [6, с. 86].

При всей кажущейся научной наивности этих рассуждений в них можно угадать глубокую и пророческую идею, которая уже в наши дни была абсолютно независимо сформулирована и высказана другим автором – В. Л. Янчилиным. «Я уверен в том, что протоны, нейтроны и электроны, из которых состоит живой организм, отличаются, и причем весьма существенно, от протонов, нейтронов и электронов, из которых состоит камень или, скажем, супермощный современный компьютер. И очень важно то, что это отличие – физическое. Электроны в организме человека отличаются физически от электронов в супермощном компьютере. Из-за этого отличия компьютеры никогда не научатся мыслить так, как мыслит человек. Из-за этого отличия мы никогда не сможем собрать в лаборатории копию человека или даже копию какого-нибудь более простого живого существа. Чем же электроны в живом организме физически отличаются от обычных электронов? Ответ очень простой. Электроны в живом организме отличаются от обычных электронов своим квантовым состоянием. Квантовое состояние электронов в живом организме невообразимо сложное. Настолько сложное, что мы никогда не сможем создать его в лаборатории» [7, с. 118]. Таким образом, логично предположить, что именно хаос, неясно бликующий на самом дне материи в нашей Вселенной, лежит в основе течения времени и является первоисточником и основой феномена особенности и единичности всякого элемента и события во Вселенной. Кажется весьма вероятной, красивой и креативной идея В. Л. Янчилина о том, что на самое дно, самый низкий уровень организации материи хаос загнала гравитация той самой материи, которая и породила привычный рациональный причинный трехмерный мир, а также сделала на каком-то этапе эволюции Вселенной возможным наше существование.

Осознание того, что зачатки индивидуальности присущи каждому атому Вселенной, заставляет иначе рассматривать и философски воспринимать всю материю вообще. В этом разрезе идеи панпсихизма, высказывавшиеся К. Э. Циолковским, представляются уже не столь сомнительными, а вся его космическая философия не выглядит столь экзотично и неправдоподобно, как может показаться с позиций традиционного научного подхода. Хаос, пронизывающий и протекающий сквозь структуры материи, придает ей динамику, событийность, делает ее эволюцию непредсказуемой и творческой...

Литература

1. Колесников, А. В. От хаоса к порядку сквозь активное время / А. В. Колесников // V International Interdisciplinary Symposium on the Methodology of Mathematical Modelling (МММ). – Варна, 1994. – С. 18–28.
2. Янчилин, В. Л. Неопределенность, гравитация, космос / В. Л. Янчилин. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 248 с.
3. Пригожин, И. Переоткрытие времени / И. Пригожин // Вопр. философии. – 1989. – № 8. – С. 3–19.
4. Колесников, А. В. О природе «я» и думающих машинах / А. В. Колесников // Полигнозис. – 2000. – № 4. – С. 138–140.
5. Янчилина, Ф. С. По ту сторону звезд. Что начинается там, где заканчивается Вселенная? / Ф. С. Янчилина. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 120 с.
6. Циолковский, К. Э. Космическая философия / К. Э. Циолковский. – М. : ИДЛи, 2004. – 496 с.
7. Янчилин, В. Л. Логика квантового мира и возникновение жизни на Земле / В. Л. Янчилин. – М. : Новый Центр, 2004. – 151 с.

SYNERGETICS AND HISTORY OF MATTER

A. V. KOLESNIKOV

Summary

In synergetic understanding the physical time acquires features of historicity, originality and event. Thus, we can speak not only of the evolution of matter, but about the history of the matter, as well as we talk about the history of Rome Empire or the history of Russia. The uniqueness of the historical process and the event is determined by the participation in these processes of social atoms – unique personalities. Thus, we can assume that the irreversibility of physical processes also stems from unique properties of the smallest units of matter components – atoms. Bearer of these unique quantum properties can be microscopic objects closely associated with the concept of chaos.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.09.2014

НАУЧНАЯ ТЕОРИЯ В СВЕТЕ ИНТЕРТЕОРЕТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

А. Л. КУИШ

В работе анализируется теоретическое знание и научная теория (ее сущность, роль и место в системе межтеоретических связей, структура, область описываемой действительности) в контексте связей научных теорий. Определяются направления исследования этих связей.

Теоретическое научное знание широко исследовалось как в отечественной, так и в зарубежной литературе по философии и методологии науки. Были затронуты самые разные его аспекты: роль и место в системе человеческого знания; его особенности по отношению к иным типам знания (философское, эстетическое, обыденное и др.), функции, структура, связь с описываемой действительностью. Изучались различные методологические подходы к его исследованию. Все это позволило создать спектр представлений, в которых отражены разные аспекты его сущности, структуры, функционирования, применения в практической деятельности. Вместе с тем некоторые из этих аспектов нуждаются в дальнейшем исследовании с целью углубления и развития представлений о них. Это такие, например, как система связей элементов теоретического знания (прежде всего это касается связей теорий) и область описываемой этим знанием действительности. Для их исследования требуется несколько по-иному взглянуть на теоретическое знание, выделить в нем те особенности, которые позволили бы сформировать соответствующую методологию. Эту проблему мы и планируем раскрыть в данной статье. Для этого обратимся к трудам ученых, методологов науки, посвященным исследованиям научно-теоретического знания с целью их изучения, анализа и составления представления о теоретическом знании и теории в обозначенном нами аспекте.

Проблемам теоретического знания и научной теории посвящены исследования известных ученых и методологов науки [1–4, 6, 8–14, 16 и др.]. В этих работах дан широкий спектр представлений об этих объектах. В нашей статье на основе указанных научных трудов сформируем обобщенное представление о проблемах теоретического знания и научной теории в контексте поставленных нами задач.

Одно из наиболее развернутых представлений о *теоретическом знании* содержится в трудах В. С. Степина (см., например, [13, 14]). Это понятие является наиболее общим в системе научного знания и обладает глубоким смыслом и большой содержательностью. В нем в системной форме содержатся основные знания о той или иной области научной деятельности. Это понятие характеризуется преобладанием рационального аспекта познавательной дея-

тельности над эмпирическим. При этом живое созерцание, чувственное познание здесь не устраняется, но как бы отходит на второй план.

Теоретическое знание включает в себя использование таких форм абстрактного мышления, как идеи, понятия, идеализированные объекты, проблемы, принципы, суждения, гипотезы, модели, закономерности, законы, представления и др. Оно отражает объекты, явления и процессы со стороны их универсальных внутренних связей и закономерностей функционирования. Немалую роль при этом играет рациональная обработка данных эмпирического знания, которая осуществляется с помощью понятий, умозаключений, законов, принципов, посредством методологического аппарата, включающего соответствующие подходы, методы, приемы и способы исследования.

С теоретическим знанием тесно связана *теоретическая деятельность*, в которой, наряду с построением и обоснованием теорий, важную роль играют также процессы обобщения эмпирических данных, абстрагирования и образования исходных понятий, определения понятий производных, выдвижения и обоснования гипотез, установления принципов и законов и другие виды рационального познания. Эффективное развитие теоретического знания во многом опирается на наличие в познавательной деятельности двух основных этапов (ступеней) – эмпирического и теоретического.

Наиболее развитым элементом теоретического знания является *теория*. Необходимость ее создания непосредственно связана с формированием, развитием, систематизацией и обобщением некоторой конкретной области научного знания. Цель ее создания хорошо представлена у Г. И. Рузавина: «Основная цель построения теории состоит в том, чтобы свести в единую систему все знания, накопленные в определенной области исследования... Существенное отличие теории от других форм рационального мышления, таких как понятие, суждение, гипотеза и закон, заключается в том, что она дает связное, цельное представление об изучаемой области действительности» [12, с. 20].

Акцентируем внимание на некоторых аспектах теории, касающихся нашего рассмотрения, таких как функции, истинность, структура, домен.

Место и роль теории в системе теоретического знания и в научно-познавательной деятельности наиболее полно позволяют отразить следующие функции:

синтетическая функция как объединение отдельных достоверных знаний о реальности в единую, целостную систему;

систематизирующая функция теории, позволяющая привести в систему знания о некоторой области действительности;

объяснительная функция как выявление причинных и иных зависимостей, многообразия связей явлений описываемой области, их существенных характеристик, законов происхождения и развития;

предсказательная функция, которая находит свое выражение в том, что на основании теоретических представлений о нынешнем состоянии извест-

ных явлений делаются выводы о существовании ранее неизвестных фактов, объектов или их свойств, связей между явлениями и т. п.;

практическая функция, отражающая конечное предназначение любой теории быть воплощенной в практику, исследовать и изменять реальность;

методологическая функция, когда на базе теории формулируются многообразные методы, способы и приемы исследовательской деятельности;

информативная функция теории, предоставляющая возможность получения необходимой информации об окружающем мире.

Следует определиться с классами теорий, к которым может относиться наш анализ. Для этого затронем проблему их классификации. Классифицируя теории, различные ученые делают акценты на те или иные их аспекты [12, 8, 1 и др.].

Попытаемся обобщить и представить в единой форме результаты этих исследований.

Научные теории можно разделить на *логико-математические* (формальные, абстрактные) теории, к которым следует отнести все математические теории и теории формальной логики, и *содержательные* (конкретные, фактуальные, описательные) теории, которые используют эмпирические методы исследования, больше опираются на факты, чем на умозрения. Сюда следует включить теории естественных и технических дисциплин, многие теории социальных и гуманитарных наук.

С логической точки зрения теории можно классифицировать как *дедуктивные* и *недедуктивные*. В математике и математическом естествознании все теоремы получаются с помощью дедукции из аксиом. В опытных науках дедукция используется в той мере, в какой в ней применяются математические методы. Однако существенно новые результаты в этих науках получают с помощью либо проблематической индукции, либо аналогии и некоторых других умозаключений, которые часто называют индуктивными в широком смысле слова.

По глубине проникновения в сущность исследуемых явлений теории делят на *феноменологические* (описательные) и *нефеноменологические* (объяснительные). На ранней стадии развития опытной науки в ней преобладают первые, описывая и систематизируя взаимосвязи между непосредственно наблюдаемыми свойствами явлений. Однако развитие научного знания характеризуется переходом от феноменологических теорий к нефеноменологическим. Примером такого перехода является смена классической термодинамики молекулярно-кинетической теорией. При этом выдвигаются гипотезы о внутреннем механизме происходящих процессов, вводятся абстрактные понятия, благодаря чему возможно более глубокое проникновение в сущность изучаемых явлений.

По характеру предсказаний, которые могут быть получены, теории можно определить как *динамические универсального характера (детерминистские)*, где предсказание имеет однозначный, достоверный характер, и *вероятностные*

теории статистической природы (стохастические, *индетерминистские*), в качестве основных законов которых выступают статистические законы, характеризующие поведение не каждого объекта в исследуемом классе явлений, а некоторое свойство или признак, присущий классу объектов в целом.

По степени развитости теории можно распределить следующим образом:

описательные;

математизированные (использующие аппарат и модели математики);

аксиоматические (дедуктивные);

логико-математические.

Основным классификационным признаком тут выступает степень математизации теорий (особенно естественнонаучных) и возрастающий уровень их абстрактности и сложности.

Можно еще, согласно А. Эйнштейну, выделять теории *фундаментальные* и *конструктивные*, что также является важным для нашего рассмотрения. Эти теории различаются по степени глубины и общности описываемых уровней природы [16].

Классифицируют также теории и по степени их математизации (возможности использования в их структуре и функционировании математического аппарата). Это является важным в наш информационный век, поскольку в современной науке резко возросло значение вычислительной математики, так как ответ на поставленную задачу часто требуется дать в числовой форме [19].

В связи с обозначенной классификацией возникает вопрос: к каким теориям может быть применима разрабатываемая методология выявления и исследования межтеоретических связей? Ответ на этот непростой вопрос можно дать следующий. В полной мере и в полном объеме могут быть в этом аспекте исследованы лишь развитые теории, поскольку они обладают более отчетливой структурой, развитым логико-математическим и понятийным аппаратами, их домены более точно определены. Однако и все остальные типы теорий могут быть исследованы настолько, насколько позволяют это сделать, с одной стороны, особенности их структуры, а с другой – возможности методологии. Поскольку методология разрабатывается в полном объеме (то есть по отношению к развитым теориям), то отдельные ее элементы могут быть неприменимы к иным классам теорий. Однако и в меньшей степени используемый методологический потенциал может быть вполне приемлем для того, чтобы достаточно адекватно исследовать их свойства, которые могут быть выражены в явной или неявной форме, выступать в большей или меньшей мере, быть более или менее точно определенными. То есть в любом случае такое исследование возможно и результативно при условии отчетливого представления о свойствах теории и адекватной адаптации методологического аппарата.

Проблема истинности теории в анализируемом нами контексте не является магистральной, но может оказаться полезной, так как касается многих ее аспектов.

Говоря об истинности теории, В. Гейзенберг писал, что научная теория должна быть непротиворечивой, обладать простотой, красотой, компактностью, целостностью и «окончательной завершенностью». Но наиболее сильный аргумент в пользу правильности теории – ее «многократное экспериментальное подтверждение» [4].

На критерии непротиворечивости (то есть не нарушать законы формальной логики) и фальсифицируемости, а также опытной экспериментальной подтверждаемости указывает К. Поппер [10].

О критериях истинности теории говорил А. Эйнштейн, который считал, что любая научная теория должна отвечать следующим критериям: а) не противоречить данным опыта, фактам; б) быть проверяемой на имеющемся опытном материале; в) отличаться «естественностью», то есть «логической простотой» предпосылок (основных понятий и основных соотношений между ними; г) содержать наиболее определенные утверждения: это означает, что из двух теорий с одинаково «простыми» основными положениями следует предпочесть ту, которая сильнее ограничивает возможные априорные качества систем; д) не являться логически произвольно выбранной среди приблизительно равноценных и аналогично построенных теорий (в таком случае она представляется наиболее ценной); е) отличаться изяществом и красотой, гармоничностью; ж) характеризоваться многообразием предметов, которые она связывает в целостную систему абстракций; з) иметь широкую область своего применения с учетом того, что в рамках применимости ее основных понятий она никогда не будет опровергнута; и) указывать путь создания новой, более общей теории, в рамках которой она сама остается предельным случаем [16, с. 139–143, 204].

Мнения, представленные выше, большей частью относятся к развитой теории. Для нашего же случая достаточно, чтобы теория с необходимой степенью адекватности описывала свою область реальности, была непротиворечивой, целостной, подтверждаемой.

Обратимся к анализу *структуры научной теории*. Эта задача является довольно сложной, что связано, прежде всего, с существованием различных классов теорий, их многообразием даже внутри этих классов. Поэтому на Западе после кризиса логического позитивизма в создании единой логической структуры теории (да и структуры самой науки) попытки структурирования научного знания часто оцениваются как бесперспективные. Превалируют исторический и описательный подходы к теориям. Однако с нашей точки зрения большинство теорий поддаются исследованию и их структуры могут быть выявлены.

В исследованиях структуры теории можно выделить несколько подходов: с позиций теоретических схем, с позиций составляющих теорию элементов и с позиций ее логической структуры.

Представим вначале позицию, основывающуюся на теоретической схеме как ключевом элементе теории. Эта точка зрения доминирует в трудах оте-

чественных методологов. В наиболее развитой форме ее можно обнаружить в работах В. С. Степина [13, 14]. Данный подход полезен нам для анализа теории в целом, а также ее связи с областью описываемой действительности. Он же необходим для анализа структуры связей теорий.

У основ создания теории находятся *идеальные* (иногда их называют *идеализированные*) *объекты*. Принято выделять по меньшей мере две основные их разновидности – эмпирические и теоретические. *Эмпирические объекты* представляют собой абстракции, фиксирующие признаки реальных объектов опыта. Они являются определенными схематизациями фрагментов реального мира. Любой признак, «носителем» которого является эмпирический объект, может быть найден у соответствующих ему реальных предметов (но не наоборот, так как эмпирический объект репрезентирует не все, а лишь некоторые признаки реальных предметов, абстрагированные из действительности в соответствии с задачами познания и практики). Эмпирические объекты составляют смысл таких терминов эмпирического языка, как, например, «маятник», «провод с током», «давление газа» и т. п.

Теоретические объекты, в отличие от эмпирических, являются идеализациями более высокого уровня. Они могут быть наделены не только признаками, которым соответствуют свойства и отношения реальных объектов, но и признаками, которыми не обладает ни один такой объект. Теоретические объекты образуют смысл следующих терминов: «точка», «идеальный газ», «абсолютно черное тело» и др. В логико-методологических исследованиях теоретические объекты называют иногда *теоретическими конструктами*, а также *абстрактными объектами*. Высказывания теоретического языка строятся относительно абстрактных объектов, связи и отношения которых образуют непосредственный смысл данных высказываний. Поэтому теоретические высказывания становятся утверждениями о процессах природы лишь в той мере, в какой отношения абстрактных объектов могут быть обоснованы как замещение тех или иных реальных свойств и связей действительности, выявленных в практике.

Теория, будучи системой абстрактных понятий и утверждений, представляет собой не непосредственное, а идеализированное отображение действительности. В процессе создания теории в ее основу закладывается определенная система представлений о реальности. Понятия и утверждения теории, в строгом смысле слова, описывают не свойства и отношения реальных явлений или объектов, а особенности поведения некоторой *идеализированной схемы*, которая, согласно Степину, представляет взаимосогласованную сеть абстрактных объектов, определяющую специфику данной теории. Эту сеть объектов, которая лежит у основания теории, он называет *фундаментальной теоретической схемой*. Исходные признаки ее абстрактных объектов и их главные отношения всегда характеризуют наиболее существенные черты исследуемой в теории предметной области действительности, однако не непо-

средственно, а через систему эмпирических объектов. Можно также сказать, что теоретические схемы имеют две неразрывно связанные между собой стороны: 1) они выступают как особая модель экспериментально-измерительной практики и 2) одновременно служат системным изображением предмета исследования, выражением сущностных связей исследуемой реальности.

Следует выделять, как указывает В. С. Степин, кроме фундаментальной теоретической схемы, также *частные теоретические схемы*, которые служат для описания более узких областей действительности (внутри области описываемой теорией), для функционирования конкретных объектов, процессов и явлений (опять же посредством частных эмпирических схем).

Еще одной важной составляющей теории является *математический формализм*. С одной стороны, уравнения вне связи с теоретической схемой являются только математическими формулами, но не выражениями для физических законов. Иначе говоря, уравнения не имеют физической интерпретации. Такую интерпретацию обеспечивает теоретическая схема, предварительно обоснованная в качестве идеализированной модели некоторой реальной области взаимодействий. С другой стороны, вне связи с уравнениями теоретическая схема дает недостаточное и абстрактное представление об изучаемой реальности. Богатство связей и отношений ее абстрактных объектов, посредством которых в теоретическом знании характеризуются процессы природы, выявляется благодаря уравнениям. Последние как бы развертывают содержание теоретической схемы наиболее простым способом и в наиболее полной форме. Одной из главных особенностей взаимодействия уравнений и теоретических схем заключается в том, что математические средства активно участвуют в самом создании абстрактных объектов теоретической схемы, определяют их признаки. Более того, абстрактные объекты вводятся так, чтобы обеспечить при теоретическом описании процессов природы использование определенных математических формализмов. То есть уместно говорить о своеобразном двухслойном каркасе, который образует основание физической теории: один слой составляет математический формализм, второй – фундаментальная теоретическая схема.

Таким образом, теории современной науки создаются не просто путем индуктивного обобщения опыта (хотя такой путь не исключается), а за счет первоначального движения в поле ранее созданных идеализированных объектов, которые используются в качестве средств конструирования гипотетических моделей новой области исследований. «Именно теоретическое исследование, основанное на относительно самостоятельном оперировании идеализированными объектами, способно открывать новые предметные области до того, как они начинают осваиваться практикой. Теоретизация выступает своеобразным индикатором развитой науки» [14, с. 704].

Обобщая, можно сказать, что структура теории, согласно этим представлениям, выглядит так:

эмпирический базис (эмпирическая схема по Степину) как непосредственно данная в опытах и экспериментах изучаемая действительность, выступающая в виде эмпирических объектов (конструктов);

теоретические схемы, построенные на основе теоретических объектов;

математический формализм, непосредственно связанный с теоретической схемой и выступающий как условие ее функционирования.

Представим теперь подход, который анализирует структуру теории с позиций входящих в нее элементов. Он нам необходим для непосредственного анализа структуры связей теорий. Обобщая исследования в этой области (см., например, [12, 1, 5, 17 и др.]), можно сказать, что структура теории включает в себя следующие элементы:

1) философские установки и представления, социокультурные и ценностные факторы;

2) методологические установки, подходы, принципы;

3) эмпирические предпосылки теории: ее основные факты, данные и результаты их простейшей логико-математической обработки;

4) система понятий, говоря более широко – язык теории;

5) модели и механизмы описываемых реальных объектов и явлений;

6) основные положения теории: принципы, аксиомы и постулаты;

7) регулярности, закономерности, законы;

8) логико-математический аппарат теории: система определенных правил, методов и способов доказательства, нацеленных на выяснение сущности, структуры, свойств изучаемых объектов, явлений и процессов;

9) система законов и утверждений, выведенных в качестве следствий из основных положений теории;

10) результаты применения аппарата теории к исследованию действительности.

Часто в структуре теории выделяют ее *концептуальное ядро* (или базис), понимаемое как взаимосвязь между основными объектами теоретической модели, которая выражается обычно с помощью фундаментальных законов и принципов теории, ее исходных понятий и допущений. В математических теориях в качестве концептуального ядра выступают основные понятия и аксиомы; в естественнонаучных – исходные понятия, допущения (гипотезы), основные законы и принципы [1].

Один из ключевых составных элементов теории – *закон*, который можно определить как связь между явлениями, процессами. Эта связь является:

а) объективной, так как присуща реальному миру, выражает реальные отношения вещей;

б) существенной, поскольку является отражением существенных связей в движении универсума;

в) необходимой, ибо, будучи тесно связанным с сущностью, закон действует и осуществляется с необходимостью в соответствующих условиях;

г) внутренней, так как отражает глубинные связи и зависимости данной предметной области;

д) повторяющейся, устойчивой, постоянной, так как является выражением постоянства определенного процесса, регулярности его протекания, одинаковости его действия в сходных условиях [5, 15].

Значительные результаты изучения структуры теорий были получены коллективом математиков, выступивших под псевдонимом Н. Бурбаки. Этот коллектив поставил целью представить все существующие математические теории как некоторые комбинации абстрактных структур, поскольку исходные понятия почти всех математических теорий можно выразить в терминах абстрактной теории множеств, а сами эти теории рассматривать как аксиоматически построенные системы. «Чтобы определить структуру задают одно или несколько отношений, в которых находятся его элементы, затем постулируют, что данное отношение (или данные отношения) удовлетворяют некоторым условиям (которые перечисляют и которые являются аксиомами рассматриваемой структуры). Построить аксиоматическую теорию данной структуры – это значит вывести логические следствия из аксиом структуры, отказавшись от каких-либо других предположений относительно рассматриваемых элементов (в частности от всяких гипотез относительно их природы)» [3, с. 10]. Несмотря на некоторую произвольность комбинаций абстрактных структур, лежащих у основ теории, для нас важным является строгая логическая выводимость утверждений теории, которая отражает ее логическую структуру.

Логическую структуру теории анализирует также А. И. Ракитов, но уже в отношении естественнонаучных теорий. Рассматривая механизм формирования понятий и моделей теории на основе эмпирического материала, он анализирует формирование ее логического формализма и исследует дальнейшее развитие теории с помощью понятийного и технического аппарата символической логики. Особое внимание при этом ученый уделяет объяснительному аспекту теории и ее способности к предвидению. При этом структура теории описывается с помощью аппарата логики [11].

Обратимся теперь к важному для нас вопросу – связи теории с областью описываемых ею явлений. Здесь следует оговориться, что если проанализированные ранее аспекты теорий в целом можно отнести ко всем классам научных теорий, то этот аспект касается только эмпирических теорий, то есть теорий, имеющих референты в реальности.

Скажем несколько слов о философской трактовке связи теории с реальностью. Теория является идеализированным инструментом субъекта в его познании действительности. Поэтому многое зависит от нашей трактовки взаимоотношений познающего субъекта с познаваемой им действительностью. Можно выделить два подхода к описанию теорией физической реальности: субъективистский и объективистский. *Субъективистская точка зрения* отражает, можно сказать, человеческий аспект познания мира. Она основывает-

ся на собственных переживаниях человека, особенностях его мировосприятия, его психики, социальных, ценностных, культурных и иных установках. Человек видит мир через призму, состоящую из комплекса этих вещей. При этом объективно существующая действительность или отходит на второй план, или даже не принимается в расчет.

Согласно *объективистской точке зрения* процесс развития знания – это процесс нашего постижения объективной реальности и построения ее адекватного образа в нашем сознании. Иными словами, в мире существует система связей и отношений, объектов, явлений и процессов, и наша задача – их постичь, создав в нашем сознании адекватный их образ, при этом наши субъективные особенности следует максимально вывести из восприятия или приспособить к нему, дабы они не искажали, по крайней мере существенно, воспринимаемую нами реальность.

Как правило, естествоиспытатели склоняются ко второй точке зрения. Во времена классической физики ее позиции были наиболее прочны. После появления теории относительности и квантовой механики эти позиции несколько поколебались. Произошло смещение, если говорить о средневзвешенной точке зрения, в сторону субъективизма. Особенно это ощущается в современной фундаментальной физике, где возможности математического аппарата широки, а экспериментальная проверка очень и очень ограничена. Тем не менее объективистская точка зрения остается в физике преобладающей.

Думается, что следует учитывать обе позиции. Необходимо признать наличие объективного мира, постигаемого субъектом, свойства сознания которого специфичны. При этом задача субъекта заключается в том, чтобы увидеть мир таким, каков он есть, но собственными глазами. То, что наше представление о реальности будут отличаться от нее самой или иных представлений, – результат особенностей нашего мировосприятия, недостаточности нашего знания и опыта, несовершенства нашей методологии, ограниченности наших познавательных возможностей, в конце концов наличия особенностей самого объекта исследования. Как бы там ни было, то представление, которое формируем мы, – это наше представление о реальности и из него следует исходить в процессе нашей деятельности, стараясь учитывать и исправлять при этом его возможное несовершенство.

Как уже указывалось, теория описывает сущность, свойства, поведение некоторых реальных систем, объектов и процессов. Однако, как показывает углубленное изучение предмета, они не выступают в качестве совокупности разрозненных фактов. Развитая теория содержит в себе сведения о причинных, генетических, структурных и функциональных взаимодействиях объектов действительности [18].

Говоря словами Г. И. Рузавина: «Теория представляет собой концептуальную систему, с помощью которой отображаются определенные закономерности функционирования и развития соответствующих реальных систем. Хотя поня-

тия и утверждения теории непосредственно описывают свойства ее идеализированной модели, тем не менее они в опосредованной форме, с той или иной степенью приближения отображают свойства и отношения реальных систем» [12, с. 15].

Сама по себе цельность теории указывает на то, что и описываемая ею реальность также обладает целостностью, связностью, упорядоченностью элементов, их определенной системной организацией. Возможности описания теории ограничены: она в состоянии описать только определенные классы объектов и их функционирование. Это указывает на то, что сфера описания теорией реальности также ограничена некоторой областью. Суммируя, теория описывает некоторую, определенным образом организованную область реального мира. Назовем ее *областью описываемой действительности*, которая также еще называется *домен*. Можно сказать, что теория представляет эту область в нашем сознании.

Интересным является то, что, с одной стороны, реальность определяет наши представления о ней, находя отражение в теоретических конструктах создаваемых нами теорий. Но с другой стороны, благодаря особенностям нашей познавательной деятельности мы сами видоизменяем реальность под себя: вначале в нашем сознании, когда создаем видоизмененный ее образ, а потом и в действительности, когда реализуем этот образ в процессе применения наших теоретических построений на практике. Это особенно заметно в современной физике, социально-гуманитарных науках. Что касается последних, то, создав некоторые теоретические построения в своем сознании, мы, реализуя их в деятельности, изменяем общество и человека в соответствии со своими представлениями. И очень важным при этом является вопрос насколько они, эти представления, конструктивны, адекватны, прогрессивны, поскольку если это не так, то таким в результате мы получим и окружающий нас социальный мир, как, впрочем, и самих себя.

Если обратиться к представлениям о структуре теории, то там указано, что наша связь с реальным миром опосредована. Она идет от математических формализмов и теоретических схем посредством теоретических, затем эмпирических объектов к самой действительности. Такова структура связи теории с доменом. Наличие такого ступенчатого передаточного механизма, конечно же, подразумевает потери информации о том, что на самом деле в этой действительности происходит. Именно для этого выявляются и описываются наиболее существенные, характерные свойства и объекты этой действительности и определяются ключевые закономерности ее функционирования. Сама же область действительности характеризуется наличием реальных объектов с их свойствами и взаимодействиями; размерами; константами, которые ее определяют; процессами, которые там протекают; закономерностями, которым подчиняется поведение объектов, и другими свойствами.

Области действительности имеют градацию. На это указывает как структура теории, так и система ее связей. Более подробно этот вопрос еще будет

исследован, но уже сейчас можно констатировать, что уровни действительности распределяются в соответствии со структурой описывающей их теории и теоретического знания в целом. На первичном уровне выступают объекты и их взаимодействия, процессы, в которые они включены, среда, в которой они функционируют. Все элементы этого уровня действительности находят отражение в теории в качестве понятий, моделей, механизмов взаимодействий, описываемых свойств, закономерностей. Это, можно так сказать, *локальные элементы действительности*. Например, это Луна (как объект описания механики), масса тела, постоянная Планка, скорость света и др.

Следующим уровнем действительности выступают подобласти области действительности, представленные в теории в качестве частных теоретических схем. Как правило, это системы взаимодействующих объектов, процессы, происходящие в них, и их взаимодействие со средой, законы функционирования объектов. Эти подобласти можно назвать *локальными областями действительности*. Если речь идет о механике, то примерами таких областей могут быть теоретические описания движения маятника, тела в поле центральных сил, механического осциллятора и др.

В качестве уровня, соответствующего теории, выступает *область действительности (домен)*, ею описываемая. Эта область, функционирующая как единая система, включает в себя и локальные объекты, и локальные области действительности. Эту область определяют некоторые параметры и границы, в ее рамках функционируют законы, которым подчиняются все объекты и системы. В качестве примера можно назвать области описания классической механики, классической электродинамики, акустики, оптики и др.

Но следует пойти еще дальше. Анализируя проблему исследования объективной реальности в аспекте связей теорий, мы обнаружим, что и в реальном мире существуют связи между областями действительности, описываемыми теориями. Это более широкие области действительности, которые можно назвать *предметными областями действительности*. Они функционируют на основе общих для всех областей действительности, описываемых теориями, включенными в них, принципов, в рамках общих для них законов и общих параметров [7].

В качестве примера можно привести механику как теоретическую систему, предметной областью действительности, которую она описывает, является механическое движение физических тел. В рамках этой предметной области существуют связанные друг с другом области действительности с различными типами механического движения: движение макротел с малыми скоростями, движение микрочастиц, движение тел с высокими скоростями (близкими к скорости света). Эти типы движения нашли свое отражение, соответственно, в таких теориях, как классическая механика, квантовая механика, специальная теория относительности. Подобное можно сказать об электродинамике, термодинамике и других теоретических системах, представляющих соответствующие предметные области действительности.

Существуют еще более широкие области действительности, которые по аналогии с классификацией теоретического знания, можно назвать *дисциплинарными областями действительности* и которые описываются, например, такими научными дисциплинами, как физика, химия, биология, психология и др. Однако они в настоящее наше рассмотрение не входят.

Изложенные в данной статье представления о теоретическом знании и теории можно использовать для исследования связей и отношений теорий науки. При этом контекст анализа будет иной, нежели в случае анализа теории самой по себе. Общефилософские представления о теории (ее функции, классификация, истинность) позволяют взглянуть на нее как бы со стороны, определить ее свойства как самостоятельного элемента научно-теоретического знания, позволяет «увидеть» теории в системе теоретического знания в качестве самостоятельных сущностей, способствует определению связей между ними. Связь теории и теоретического знания с областью описываемой ими действительности позволяет определить и классифицировать их отношения. Знание о структуре теории в обозначенных нами аспектах позволяет более точно, глубоко и конкретно исследовать их связи. Этим исследованиям планируется посвятить будущие работы.

Литература

1. Баженов, Л. Б. Структура и функции естественнонаучной теории / Л. Б. Баженов. – М. : Наука, 1978. – 233 с.
2. Бунге, М. Философия физики / М. Бунге. – М. : Прогресс, 1975. – 347 с.
3. Бурбаки, Н. Архитектура математики / Н. Бурбаки. – М. : Знание, 1973. – 32 с.
4. Гейзенберг, В. Шаги за горизонт : пер. с нем. / В. Гейзенберг ; сост. А. В. Ахутин ; общ. ред. и вступ. ст. Н. Ф. Овчинникова. – М. : Прогресс, 1987. – 366 с.
5. Григорьев, И. С. Характер физических законов / И. С. Григорьев // *Философия и жизнь*. – 2001. – № 1. – С. 29–44.
6. Дюгем, П. Физическая теория: ее цель и строение : пер. с фр. / П. Дюгем ; предисл. Э. Маха. – Изд. 2-е. – М. : Комкнига, 2007. – 328 с.
7. Куиш, А. Л. Принцип соответствия: история и современные интерпретации / А. Л. Куиш // *Науч. тр. РИВШ. Филос.-гуманитар. науки : сб. науч. ст. / под ред. В. Ф. Беркова*. – Минск : РИВШ, 2009. – Вып. 7 (12). – С. 311–317.
8. Ляпунов, А. А. О некоторых особенностях строения современного теоретического знания / А. А. Ляпунов // *Вопр. философии*. – 1966. – № 5. – С. 39–42.
9. Мостепаненко, М. В. Философия и физическая теория / М. В. Мостепаненко. – Л. : Наука, 1969. – 239 с.
10. Поппер, К. Логика и рост научного знания / К. Поппер ; под ред. А. А. Антонова. – М. : Прогресс, 2003. – 292 с.
11. Ракитов, А. И. Логическая структура научной теории / А. И. Ракитов // *Вопр. философии*. – 1966. – № 1. – С. 44–54.
12. Рузавин, Г. И. Научная теория: логико-методологический анализ / Г. И. Рузавин. – М. : Мысль, 1978. – 244 с.
13. Степин, В. С. Становление научной теории (Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики) / В. С. Степин. – Минск : Изд-во БГУ, 1976. – 319 с.
14. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.

Научная теория в свете интертеоретических связей

---

15. Фейнман, Р. Ф. Характер физических законов / Р. Ф. Фейнман. – М. : Мир, 1968. – 232 с.
16. Эйнштейн, А. Физика и реальность / А. Эйнштейн. – М. : Наука, 2000. – 359 с.
17. Hempel, C. G. Filozofia nauk przyrodniczych / C. G. Hempel. – Warszawa : Fundacja Aletheia, 2001. – 239 s.
18. Shapere, D. Scientific Theories and their Domains / D. Shapere // The Structure of Scientific Theories / ed. F. Suppe. – Urbana, IL : Univ. of Illinois Press, 1977. – P. 518–565.
19. Suppe, F. Theory Structure / F. Suppe // Current Research in Philosophy of Science / eds.: P. Asquith, H. Kyburg. – East Lansing, MI : Philosophy of Science Association, 1979. – P. 317–338.

SCIENTIFIC THEORY IN THE CONTEXT OF INTER-THEORETICAL RELATIONS

A. L. KUIISH

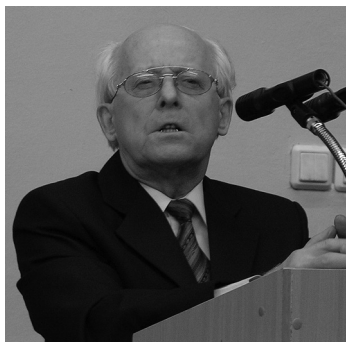
Summary

Theoretical knowledge and scientific theory (in the aspects of its essence, role and place in the system of scientific knowledge, structure and area of the described reality) in the context of relations of scientific theories are analyzed in the work. The directions of research of those relations are determined.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.05.2015

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПРОФЕССОРА Ю. А. ХАРИНА

Юрий Андреевич Харин, 85-летие со дня рождения которого отмечается в этом году, – незаурядная творческая личность, оставившая глубокий, яркий след в различных областях гуманитарной науки. Уже один тот факт, что, будучи заведующим кафедрой, он добился серьезного отношения к философии как дисциплине в техническом вузе и в течение чуть ли не трех десятилетий поддерживал ее высочайший теоретический уровень в стенах этого учебного заведения, говорит сам за себя. А на-

ряду с педагогической деятельностью Ю. А. Харин активно и плодотворно занимался научно-исследовательской работой, создал научную школу в области философии истории, стал организатором известных далеко за пределами Беларуси межкафедральных, республиканских и международных чтений в Минском радиотехническом институте (ныне Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники), посвященных выдающимся естествоиспытателям и мыслителям, проводил социологические исследования, разрабатывал концепцию социально-гуманитарного образования в Республике Беларусь, создавал учебные пособия для базовых и средних общеобразовательных школ, в течение десяти лет был главным редактором журнала «Чалавек. Грамадства. Свет», активно участвовал в работе советов по защите докторских диссертаций и экспертном совете Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, подготовил выдержавшее девять изданий учебное пособие по философии для студентов вузов, не один год возглавлял Государственную экзаменационную комиссию в Белорусском государственном университете и давал путевку в жизнь молодому поколению философов.

Остановимся на основных направлениях научного творчества Ю. А. Харина.

Несомненно, главной заслугой профессора Ю. А. Харина является то, что он избрал главным объектом своих научных разработок социальную теорию и создал в этой области научную школу, хотя реализовать данную цель было не так просто, как может показаться на первый взгляд. И вот почему. В своем первом фундаментальном произведении «Феноменология духа» Г. Гегель отмечал: «Самое легкое – обсуждать то, в чем есть содержательность и основательность, труднее – его постичь, самое трудное – то, что объединяет и то

и другое, – воспроизвести его»¹. С этим утверждением нельзя не согласиться. Действительно, воспроизвести в постигающем сознании реальность – задача не из легких. Но, пожалуй, самым трудным объектом для воспроизведения в человеческом мышлении является социальная реальность. Тут много причин объективного и субъективного плана. Социальный философ обязан собрать – пусть даже из «вторых рук» – огромное количество исторических фактов, соответствующим образом их систематизировать, а затем, следуя требованиям метода восхождения от чувственно-конкретного к абстрактному, «испарить» вещественную, а также субъективную составляющие собранных многочисленных фактов, уловить динамику и внутреннюю логику их развития, разработать соответствующую систему понятий и категорий для фиксации установленных объективных связей и отношений. Ведь «истинные мысли и научное проникновение можно приобрести только в работе понятия. Оно одно может породить ту всеобщность знания, которая есть не обыкновенная неопределенность и скудость здравого человеческого смысла, а развитое и совершенное познание...»² Помимо всего этого, как и «при анализе экономических форм», исследователю «нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции»³. Сама же абстракция, как и искусство оперировать понятиями, «не есть нечто врожденное и не дается вместе с обыденным, повседневным сознанием, а требует действительного мышления»⁴.

Не потому ли не так много ученых, которые посвятили свое творчество философско-теоретическому осмыслению человеческой истории?

Один из них – профессор Ю. А. Харин. Главной его заслугой является то, что он своими фундаментальными трудами внес существенный вклад в разработку методологических оснований исследования социума, развил учение о социальной диалектике, утвердив ее в качестве необходимого и важнейшего инструмента постижения сущности исторического процесса и современной эпохи.

Отношение к диалектике в СССР в 1920–1940-е годы никак нельзя назвать благосклонным, хотя именно в ту эпоху были изданы фундаментальные труды Г. Гегеля, К. Маркса, Ф. Энгельса, «Философские тетради» В. И. Ленина, позволившие философам системно исследовать историю и теорию диалектики. Безусловно, что-то в этой области было создано, но не в той мере, которая требовалась для формирования культуры философского мышления и мировоззрения ученых. Одной из причин сложившейся ситуации было то, что на-

---

¹ Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г. Г. Шпета ; отв. ред. М. Ф. Быкова. – М. : Наука, 2000. – С. 9.

² Там же. – С. 42–43.

³ Маркс К. Капитал // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения : в 50 т. – М. : Госполитиздат, 1960. – Т. 23. – С. 6.

⁴ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Там же : в 50 т. – М. : Госполитиздат, 1961. – Т. 20. – С. 14.

ряду с классической философской литературой в те годы вышла в свет особая работа под названием «О диалектическом и историческом материализме», представленная вскорости как «истина в последней инстанции», хотя диалектика в ней была изложена в упрощенном, а то и вовсе искаженном виде. Особенно не повезло в этой работе закону отрицания отрицания. Командно-административная модель общественной жизни, которая формировалась в ту пору, сложившиеся стереотипы мышления тоже не способствовали развитию и утверждению диалектики.

Системное исследование проблем диалектики и диалектической логики началось лишь с середины 1950-х годов. И одним из первых включился в эту работу, требующую фундаментальных теоретических знаний и напряженного умственного труда, аспирант Ленинградского государственного университета Ю. А. Харин. В 1957 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию «Закон отрицания отрицания в материалистической диалектике», восстановив тем самым философскую истину – право данного закона на свое существование наряду с двумя другими законами диалектики.

В дальнейшем теория диалектики не испытывала недостатка внимания ученых. Данной областью исследований занимались не только в Москве (Институт философии АН СССР), но и в Киеве, Минске, Тбилиси, Алма-Ате. Тем не менее и в эти годы, как и ранее, практически не разрабатывалась диалектика общественного развития: философы ограничились лишь масштабной дискуссией относительно сущности противоречий при социализме. Возникший пробел в области социально-философского знания необходимо было восполнить. Это актуальное направление научных исследований на многие годы стало главным для Ю. А. Харина.

В 1972 г. в издательстве Белорусского государственного университета вышла его монография «Диалектика социального отрицания», в которой была актуализирована данная проблематика, показано, что «определение того или иного общественного процесса как социального отрицания указывает на историческое место его в системе всех других общественных событий, на необходимость исследования закономерностей, целей, направленности этого социального действия»¹. В монографии раскрыта диалектическая сущность отрицания, представлен механизм функционирования закона отрицания отрицания в социуме, выявлена специфика «духовного отрицания», обоснована несовместимость диалектически трактуемого социального отрицания и нигилизма. Данное исследование стало важной вехой в разработке диалектики общественного развития.

Не останавливаясь на достигнутом, Юрий Андреевич поставил перед собой более масштабную цель – разработку социальной диалектики как таковой. Для достижения этой цели потребовались многие годы упорного труда. Ученый, как и некоторые другие советские философы той эпохи, например

---

¹ Харин Ю. А. Диалектика социального отрицания. – Минск : Изд-во БГУ, 1972. – С. 5.

П. В. Копнин, считал, что категории и законы диалектики длительное время разрабатывались преимущественно применительно к естествознанию. «Между тем, по существу, ни одна категория диалектического материализма не может развиваться и обогащаться новым содержанием и поэтому быть формой мышления без учета опыта познания истории и теории современного общества»¹, а поэтому «назрела постановка вопроса о развитии в рамках общего учения об объективной диалектике специальной теории – социальной диалектики»², которая «имеет свой относительно самостоятельный предмет анализа»³. Начинать этот масштабный научный проект пришлось с разработки понятийно-категориального аппарата.

В качестве возможных тем и категорий для дальнейшего исследования, которые-то и составляют предмет теории социальной диалектики, Ю. А. Харин выделял социальный субъект, социальный объект, социальную материю, социальную реальность, социальную действительность, социальное качество, социальное пространство, социальное время, социальное отношение, социальное действие, социальное явление, социальное изменение, социальный прогресс, социальное противоречие, социальную противоположность, социальное различие, социальное отрицание и др.⁴ Многие из означенных категорий получили разработку в работах ученого, отдельные из них были освещены в изданной под его редакцией в 1978 г. коллективной монографии «Категории социальной диалектики».

В 1980 г. под редакцией Юрия Андреевича опубликована вторая коллективная монография «Социальное действие». Ее авторы – вузовские и академические ученые – раскрыли понятие, структуру, виды, детерминанты и регуляцию социального действия; сущность и методологическую функцию социального взаимодействия; эпистемологическую и аксиологическую роль прогнозов в структуре социального действия; организационно-управленческую функцию прогнозов в социальном действии и другие вопросы. В книге представлен достаточно полный анализ таких видов социального действия, как производственное, политическое, управленческое, познавательное, моральное и религиозное. Результаты исследования позволили сделать обоснованный вывод о том, что на современном этапе развития теории «немыслимо адекватное воспроизведение и анализ социальной реальности без обращения в научном исследовании к мировоззренческо-методологическому потенциалу понятия социального действия как одной из важнейших категорий»⁵.

---

¹ Категории социальной диалектики : [сб. науч. тр.] / под ред. Ю. А. Харина. – Минск : Изд-во БГУ, 1978. – С. 14.

² Там же.

³ Там же. – С. 23.

⁴ Там же. – С. 26.

⁵ Социальное действие / Ю. А. Харин [и др.] ; под ред. Ю. А. Харина. – Минск : Наука и техника, 1980. – С. 250.

В 1985 г. увидела свет монография Ю. А. Харина «Марксистская социальная диалектика», в которой, по сути, подводился итог многолетнего труда автора в данной области философских исследований¹.

Созданный талантливым ученым фундаментальный теоретический задел послужил мощным импульсом для творческих исканий других авторов. Например, и в настоящее время внимание обществоведов направлено на различные аспекты социального времени, социального пространства и других социальных феноменов, у истоков исследования которых находился Ю. А. Харин.

Хотелось бы обратить внимание на то, что избранное когда-то Ю. А. Хариним направление теоретической деятельности – разработка категорий и законов социальной диалектики – не потеряло своей актуальности и в наши дни. Думается, нынешняя философская дисциплина под названием «социальная философия» не обладает, да и не стремится, к сожалению, обладать системой категорий, позволяющих теоретическому мышлению адекватно воспроизводить и логически осмысливать современные социальные процессы во всем их многообразии, а следовательно, она не в состоянии служить прочной теоретической основой выверенных социальных действий.

Важно отметить то, что к решению проблем социальной диалектики Юрий Андреевич активно подключал своих минских коллег, формировал научную философскую школу, хотя осуществить это вне стен академического института было очень непросто. Уже говорилось об изданных под его редакцией коллективных монографиях «Категории социальной диалектики» и «Социальное действие». В 1988 г. под редакцией Ю. А. Харина вышла еще одна коллективная монография – «Диалектика социальных процессов».

Таким образом, уже в первый период своей творческой деятельности ученый не только создал новое направление в философской науке, но и сформировал свою научную школу, получившую признание как в Беларуси, так и далеко за ее пределами.

Хотелось бы сказать еще об одном важном качестве Юрия Андреевича – его неумемной активности по защите философии и всего корпуса гуманитарных дисциплин. Работая на протяжении многих лет в ведущем техническом вузе Беларуси, он тем не менее не подпал под пресс технократического мышления, наоборот, всегда защищал философию и гуманитарную науку в целом. «Технократическое сознание, – указывал он, – исключает категории нравственности, совести, человеческого переживания и достоинства. Технократическому мышлению (проявляющемуся нередко не только в среде научной и технической интеллигенции, но и в деятельности многих полити-

---

¹ Харин Ю. А. Марксистская социальная диалектика. – Минск : Университетское, 1985. – 320 с.

ков и гуманитариев) свойствен взгляд на человека только как на обучаемый программируемый компонент и “винтик” системы, как на объект разнообразных манипуляций. Между тем многоаспектный философский анализ предполагает рассмотрение человека как самодеятельной и самоценной личности, субъекта культуры и свободы, носителя собственных целей и интересов»¹. Более того, техническому вузу он стремился придать (и придал) облик гуманитарно ориентированного учебного заведения: на базе института (в дальнейшем – университета) были проведены масштабные всесоюзные конференции по общественным наукам, круглые столы. Особой популярностью пользовались научные конференции, посвященные мировоззрению выдающихся ученых. Они проводились раз в два года, собирали огромную аудиторию докладчиков, выступающих и слушателей, служили эффективным инструментом единения «физиков» и «лириков». Благодаря такого рода форумам у многих естествоиспытателей постепенно трансформировались представления о философии и ее сущности, изменилась ее оценка, а следовательно, и отношение к ней. Философия представала не как схоластическое, абсолютно отстраненное от естествознания спекулятивное мышление, а как фундаментальная основа научной картины мира, вне уяснения и усвоения которой проблематично двигаться в своем интеллектуальном развитии ученым естественнонаучного профиля.

В годы так называемой перестройки началась спекулятивная атака на советскую философию. Ее обвинили во всех грехах, представили «догматической», «ортодоксальной», «схоластической». В наши дни, когда мы пришли в себя и научились отличать истину от лжи, с этими обвинениями в адрес философии никак нельзя согласиться. Подтверждением тому могут служить работы Ю. А. Харина и его коллег, выполненные под его руководством, представляющие собой сплав фундаментальных теоретических знаний, логики и высокой культуры философского мышления. Эти работы были востребованными, в ту пору они сыграли важную роль в формировании интеллектуально развитого, мыслящего человека. При оценке научных работ, в том числе работ из советского прошлого, надо подходить конкретно и уж тем более не руководствоваться политическими пристрастиями. Важно помнить и о том, что философия – это продукт конкретной исторической эпохи, а потому налет духа эпохи на стиль мышления и на саму философскую мысль неизбежен.

Современная эпоха оказалась не очень простой и для отдельного человека, и для мирового сообщества, и для философии как квинтэссенции интеллекта. Призванная быть источником света и разума нынешняя так называе-

---

¹ Философия : учеб. для студентов учреждений, обеспечивающих получение высш. образования / Ю. А. Харин [и др.] ; под общ. ред. Ю. А. Харина. – 8-е изд. – Минск : ТетраСистемс, 2006. – С. 9.

Философия истории в творчестве профессора Ю. А. Харина

мая постнеклассическая философия сама оказалась в кризисном состоянии и не осеняет мир глубокой, отточенной, логически выстроенной и выстраданной мыслью, как это было ранее. Но есть вечные законы бытия – законы диалектики и социальной диалектики. По закону отрицания отрицания философская мысль непременно возродится, преодолеет свое нынешнее неподлинное бытие, и вновь откроются думающим людям глубинные пласты ее многовековой мудрости, в приращение и утверждение которой внес весомый личный вклад доктор философских наук, профессор, заслуженный работник народного образования БССР Юрий Андреевич Харин.

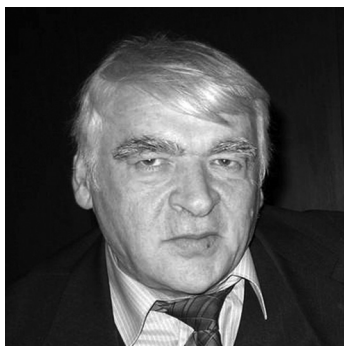
Крепкого Вам, Юрий Андреевич, здоровья, долголетия и благополучия!

*Т. И. Адуло, доктор философских наук,
профессор, заведующий Центром социально-философских
и антропологических исследований
Института философии НАН Беларуси*

В ПОИСКАХ ФИЛОСОФСКОЙ ИСТИНЫ

(к 75-летию Э. М. Сороко)

В июле 2015 г. исполнилось 75 лет известному и уважаемому белорусскому философу и ученому, доктору философских наук, доценту Эдуарду Максимовичу Сороко.

Э. М. Сороко родился 31 июля 1940 г. в Поднепровье, в стоящем на берегах живописной речки Березовка селе Слободка Александрийского сельского совета Шкловского района Могилевской области. Его отец, Максим Яковлевич, погиб в Курской битве во время Великой Отечественной войны. Среднюю школу наш юбиляр окончил в деревне Фашевка того же района, куда его мать, Анну Игнатъевну, перевели работать учительницей химии и биологии. После окончания средней школы молодой, полный жизненных планов юноша поступил в Таджикский государственный университет им. В. И. Ленина на физико-математический факультет, который успешно закончил в 1962 г. В то время в г. Душанбе проживали многие известные представители научной и педагогической элиты, сосланные туда из центральных городов СССР за различные политические и иные «провинности» и реабилитированные за отсутствием состава преступления. К тому же в столице Таджикской ССР одно время проживали некоторые юристы, антропологи, врачи, осужденные по известному развязанному в начале 1950-х годов «делу врачей». Эта творческая и интеллектуальная среда оказала большое влияние на духовное и интеллектуальное развитие молодого человека.

По окончании университета Эдуард Максимович работал в Ташкентском институте инженеров железнодорожного транспорта, на кафедре высшей математики. В 1965 г. молодой преподаватель вернулся в родную Беларусь, пройдя по объявленному Белорусским технологическим институтом им. С. М. Кирова конкурс, и приступил к работе на кафедре высшей математики этого вуза.

Однажды, прослушав лекцию по социологии, которую для сотрудников института читал доктор философских наук Георгий Петрович Давидюк, Эдуард Максимович был покорен обаянием этой науки. Начинающий ученый решил посвятить себя исследованиям в области гуманитаристики и поступил в аспирантуру Института философии АН БССР, где его научным руководителем стал Г. П. Давидюк. Однако плотно потрудиться над темой диссертационного исследования в первые годы учебы (с 1970 по 1972 г.) не получилось. Георгий Петрович поручил своему аспиранту разработать спецкурс

«Количественные методы в социологии» для философского факультета Белорусского государственного университета. При полном отсутствии литературы по этому профилю задача оказалась архисложной, и поглотила все время, отведенное для работы над диссертацией. Однако Э. М. Сороко справился с ней и впервые в СССР такой спецкурс на 80 аудиторных часов был им разработан.

Диссертацию на соискание степени кандидата философских наук Эдуард Максимович защитил в 1976 г. Докторскую же диссертацию на тему «Самоорганизация систем: проблемы меры и гармонии» он успешно защитил в 1991 г. С 1973 по 2004 г. он вел научно-исследовательскую работу в Институте философии НАН Беларуси, стал главным научным сотрудником Центра логико-методологических и междисциплинарных исследований. Эдуард Максимович занимал и руководящие должности – заведующего сектором проблем синергетики и системологии, заведующего Отделом философских проблем междисциплинарных исследований и системологии.

Научная и общественная деятельность талантливого ученого по достоинству оценена научным сообществом не только в нашей стране, но и за ее пределами. Э. М. Сороко является членом-корреспондентом Петровской академии наук и искусств (г. Санкт-Петербург), членом Почетного Консультативного совета Глобального Союза Гармонии, действительным членом Международного клуба Золотого Сечения (www.goldenmuseum.com) при Международной ассоциации симметрии. Американским биографическим институтом (FBI) он включен в 7-е издание Международного каталога лидеров, отличившихся выдающимся вкладом в современное общество.

Среди научных достижений Эдуарда Максимовича следует отметить разработку диалектико-синергетической концепции (DS-концепции) структурной гармонизации систем в природе и обществе и создание логико-концептуального, эпистемологического, методологического, методического и операционального ее оснащения. Руководствуясь идеей Иоанна Дамаскина о том, что сложное – это сложенное, на основе принципа кратных отношений и теории структур-аттракторов Э. М. Сороко заложил основы теории системного проектирования сложных самоорганизующихся распределенных неравновесных систем как многокомпонентных комплексов за пределами равновесия, показав при этом, что их динамическую устойчивость определяют обобщенные золотые сечения как объективные инварианты эволюции и самоорганизации систем, аттракторы фазовых состояний этих систем, в диалектико-философском смысле являющиеся узлами миры. Он аргументировал мысль, что на данном направлении исследований возможно создание единой основы для теоретико-методологического объединения микро- и макроквантовых систем в одно целое.

Наш уважаемый юбиляр отличается широким кругом научных интересов. Его интересуют культура и личность как локальные универсумы в масшта-

бах их собственного времени и собственного пространства; всеобщая теория гармонии (ОТГ), организационное проектирование и организационный дизайн на базе узловой линии мер – обобщенных золотых сечений; структурная и функциональная устойчивость сложных систем за пределами равновесия; биоиндикация жизненных сред путем энтропийного тестирования и диагностики нормы и патологии самоорганизующихся сложных системных формирований.

В рамках этих направлений ученым решался широкий спектр философских и общенаучных проблем: обобщенной теории и идеологии гармонии в социодинамике и эволюции общества; закона развития меры как закона степеней; системного качества вещей как главного императива жизни и движителя общественного прогресса; оснований гармонической миксеологии – науки о сложных составах и смесях, восходящей ко временам древних греков; синергетики – во множестве ее эпистемологических профилей.

Памятуя мудрую мысль Г. В. Ф. Гегеля, что теория резюмируется в методе, среди множества методов, которые естественно вытекают из разработок Э. М. Сороко, можно назвать следующие: методы обеспечения качественного состояния экономики как оптимального распределения ресурса и повышения ее эффективности; методы синергетики как глобального трансдисциплинарного эпистемологического проекта освоения и преобразования мира; метод создания новых критериев устойчивости больших сложных систем, в частности общества как суперорганизма; метод теоретического обоснования конструктивного действия динамического хаоса в процессе активизации функционирования систем; метод оценки достаточности числа взаимодействующих агентов (акторов, меронов) в системах как синергетических ансамблей, требующих оптимального ограниченного разнообразия; метод диагностики качества нормы и патологии (острая, глубокая, преднорма) самоорганизующейся («организмической») системы; метод канонически репрезентативной градации фаз сукцессии в динамике экологических систем и индикации фаз утраты биологического разнообразия при их деградации; метод компаративного отбора наиболее эффективных терапевтических схем при лечении человека и животных безотносительно к специфике нозологических форм; метод энтропийного тестирования и оценки качества (степени экологической жизнепригодности) среды на основе ее биоиндикации; метод устранения дисгармоничного административного деления страны на регионы, административные подразделения и коррекция его к гармоничным вариантам; метод скользящего окна в оценке степени гармонической заселенности территорий и их типологизации по данному критерию.

К заслугам Э. М. Сороко следует отнести открытие *закона структурной гармонии систем*, который он приводит в своей книге «Структурная гармония систем». Практическое использование этого закона может принести уже сейчас существенный выигрыш при решении многих технологических, эко-

В поисках философской истины

номических, экологических и других задач, в частности задач совершенствования технологии изготовления структурно сложных продуктов, контролирования биосферы и т. д.

Эдуардом Максимовичем Сороко опубликовано более 350 печатных работ, из них 8 монографий. Приведем основные его труды и издания, в которых ученый принимал участие:

- «Концепция уровней, отношение, структура» (Минск, 1978);
- «Структурная гармония систем» (Минск, 1984);
- «Управление развитием социально-экономических структур» (Минск, 1985);
- «В поисках скрытого порядка» (Владивосток, 1995);
- учебно-методическое пособие «Философия» (Минск, 2001);
- «Краткий энциклопедический словарь философских терминов» (Минск, 2005);
- «Золотые сечения, процессы самоорганизации и эволюции систем. Введение в общую теорию гармонии систем» (Москва, 2012);
- «Концепция развития социально-ориентированной гуманистической парадигмы системы образования» (Курск, 2014).

Эдуарда Максимовича любят коллеги. Его отличают такие качества, как добропорядочность, теплое отношение к людям, ответственность, оптимизм. Он является хорошим другом и товарищем, который всегда готов прийти на помощь в сложной ситуации.

Свой юбилей Эдуард Максимович Сороко встречает в расцвете творческих сил и полным энергии, новых идей и замыслов. Искренне пожелаем ему крепкого здоровья, много сил, вдохновения и новых свершений.

*А. Л. Куши, кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник Центра философско-методологических
и междисциплинарных исследований
Института философии НАН Беларуси*

НА ПУТИ К ГАРМОНИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ. ФИЛОСОФСКИЙ ДИАЛОГ УЧЕНЫХ И БОГОСЛОВОВ

Заметным событием в интеллектуальной жизни Беларуси стало проведение 14–15 мая 2015 г. Международной научной конференции «Святой князь Владимир и Крещение Руси: цивилизационный выбор восточнославянского мира». Форум был организован Институтом философии НАН Беларуси совместно с минскими духовными школами и прошел в гостеприимных залах семинарии при Свято-Успенском Жировичском монастыре.

Прежде чем перейти к итогам этого мероприятия, хотелось бы сказать несколько слов о стратегии сотрудничества академической философской школы с традиционными религиозными конфессиями в нашей стране. Она развивает взвешенный, методологически цельный подход к пониманию религиозных традиций и религиозного сознания как значимой части духовного наследия Беларуси и современной белорусской культуры, который был заложен трудами ученых-религиоведов и философов религии В. В. Дубровского, Е. С. Прокошиной, И. Ф. Рекуца, А. А. Чудниковой, Т. П. Короткой, А. И. Осипова и др. В последние годы исследования в области философии и социологии религии стали органичным компонентом трудов Института философии, посвященных духовно-нравственным аспектам национальной безопасности Беларуси, эволюции морального сознания, гармонизации и повышения управляемости социокультурного развития в масштабе страны, региона, интеграционно-го объединения¹. Разработки по этой проблематике востребованы не только в Республике Беларусь, но и за ее пределами, о чем говорят монографии и сборники, выпущенные в зарубежных научных центрах². И неслучайно именно в Минске, в стенах Института философии НАН Беларуси в апреле 2011 г. прошло учредительное мероприятие Евразийской континентальной ассоциации национальных центров религиоведческих и этнокультурных исследований.

Социальная проекция этой важной теоретико-методологической деятельности двояка. Это, с одной стороны, экспертная работа по профилю Уполномоченного по делам религий и национальностей Республики Беларусь,

---

¹ Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовно-нравственные проблемы / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии ; [О. А. Павловская [и др.] ; под ред. О. А. Павловской]. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 518 с.; Духовно-нравственные ценности в формировании современного человека / [О. А. Павловская [и др.] ; под ред. О. А. Павловской] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. навука, 2011. – 450 с.; Лазаревич А. А., Левяш И. Я. Беларусь: культурно-цивилизационный выбор / [науч. ред. И. Я. Левяш] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. навука, 2014. – 377 с.

² Вопросы религии и религиоведения. Вып. VII: Антология отечественного религиоведения: Религиоведение Беларуси : сб. / сост. и общ. ред. Н. А. Кутузовой, А. А. Лазаревича, В. В. Шмидта. – М. : ИД «МедиаПром», 2011. – Ч. 2: Очерки истории религиозно-философской мысли Беларуси (актуальные проблемы конца XX – начала XXI в.). – 567 с.; Napograniczu. Studia z filozofii religii / red. nauk.: W. Slomski, И. Михеева ; Bialorus. Acad. nauk w Minsku, Wyzsza Szkoła Finansow i Zarzadzania w Warszawie. – Warszawa : Wydaw. Nauk. Mega-Plast, 2011. – 563 s.

органов идеологической вертикали (в ней задействованы такие причастные к истории Института философии специалисты, как Н. А. Кутузова, В. В. Старостенко, В. А. Мартинович и др.), а с другой – регулярное проведение научных, научно-просветительских мероприятий совместно с религиозными учреждениями и конфессиональными объединениями. Большое общественное внимание вызвали: конференции «Христианство в исторической судьбе белорусского народа» на базе Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (2009), «Историко-культурное наследие татар-мусульман Беларуси: проблема сохранения и изучения» (2010), «Тенденции духовно-нравственного развития современного общества» (IV Довгирдовские чтения, 2013), «Религия и образование в светских обществах: опыт, проблемы, перспективы» (2014); круглые столы «Противодействие религиозному экстремизму в контексте национальной безопасности» (2009), «Традиции толерантности в сохранении свободы совести и вероисповедания» (2010), «Христианские ценности как фактор духовно-нравственного развития современного человека» (2011); а также семинары, публичные лекции и презентации. Как правило, такие мероприятия увенчиваются изданием сборника научных трудов. В стенах Института философии выступили представители крупнейших в Беларуси конфессий – православной, католической и мусульманской, активисты иудейских и протестантских общин, исследователи буддизма, зороастризма и других религиозных течений.

Особого внимания заслуживают мероприятия, организованные в русле Программы сотрудничества НАН Беларуси с Белорусской Православной Церковью, принятой в 2004 г. Их общей целью является содействие консолидации, моральному оздоровлению и развитию белорусского общества на основе тысячелетнего духовного опыта православия на белорусских землях, а также традиций философской, общественно-политической и религиозной мысли, практики образовательной и воспитательной деятельности, выстроенной в соответствии с идеалами духовного созерцания, человеколюбия, сострадания, бескорыстия и патриотизма, присущими мировоззренческой парадигме православия.

Православное христианство выступает системообразующим началом культурно-исторической традиции Беларуси. По мнению А. И. Осипова, эта традиция – «своеобразная память народа, необходимый способ фиксации, закрепления и селективного сохранения определенных значимых элементов социального опыта, прошедших отбор, выдержавших проверку временем. Это универсальный механизм трансляции внутренне структурированного и аксиологически нормированного опыта, который обеспечивает генетическую связь, устойчивую преемственность в культурно-историческом процессе, приобщение к которому – необходимое условие национальной, культурной и персональной идентичности»¹.

---

¹ Безопасность Беларуси в гуманитарной сфере: социокультурные и духовно-нравственные проблемы. – С. 278.

Характерно, что встречи ученых и деятелей Церкви за одним столом не несут характер богословской дискуссии, не апеллируют к сугубо внерациональным мотивам. Здесь, думается, удалось выработать очень удачный формат рационального диалога о роли и месте религии и Церкви в жизни современного общества, о механизмах сохранения традиций и ценностей, составляющих ядро культурной самобытности нации или локальной цивилизации, о путях защиты от эрозии духовных ценностей, о воспитании морально насыщенного критического самосознания – всего того, что принято обозначать как совесть, нравственный капитал личности. В этом диалоге наука и религия сходятся в метатеоретической установке на рассмотрение актуальных проблем человека и общества сквозь призму личного познавательного, исповедального, понимающего отношения к сверхличному, всеобщему. Религиозное сознание включает в себе своеобразную модель выхода за рамки субъективности при сохранении нравственно и эмоционально насыщенного восприятия и отношения к миру, чуждого «классическому» научному умозрению. «Сущностно сходными методологическими матрицами науки и религии, философии и богословия должны считаться те, в которых заложена неразрывная связь личного и внеличного. Пример подобной матрицы – описание мира с точки зрения творящего трансцендентального субъекта»¹. По этой причине религия и ее ценности выступают сегодня как источник и мотив новой философско-методологической проработки самых острых проблем, стоящих перед социальным знанием, историко-философскими и историко-культурными исследованиями.

Именно в этом формате в 2010 г. в Жировичах прошла Международная научно-практическая конференция «Духовно-нравственное воспитание на основе отечественных культурно-исторических и религиозных традиций и ценностей». Ее работа была посвящена оптимизации трехстороннего взаимодействия «государство – общество – Церковь» по вопросам разработки комплексной образовательно-воспитательной стратегии, соответствующей масштабу задач социально-экономического развития, научно-инновационного прогресса и их нравственного обеспечения. Состоялось обсуждение путей взаимодействия и синергии светской и религиозной культуры в истории Беларуси и восточнославянского региона, светских и религиозных аспектов формирования мировоззренческой культуры человека, роли христианских ценностей в упрочении нравственных основ семьи, укреплении физического и нравственного здоровья личности, а также теории и практики противодействия социальным девиациям и деструктивным культам.

Участники конференции отметили ее значимость для нашего общества, которая проявила себя не только в обсужденных и обоснованных рецептах образовательно-воспитательной практики, но и в создании особой интеллек-

---

¹ Студенко Т. С. Философия и религия: пример консенсуса. Диалог белорусских ученых и духовенства по этическим проблемам современности // Беларус. думка. – 2010. – № 9. – С. 95.

туальной атмосферы, помогающей преодолеть коммуникативные барьеры и понятийные несоответствия между представителями светской и религиозной ветви духовности: учеными и священнослужителями, молодыми исследователями и семинаристами, – устранить то, что помешало бы их совместной работе в будущем. «Дух толерантности и взаимного доверия – исходное начало, объединяющее обе стороны, равно озабоченные моральным кризисом в технизированном и глобализованном мире»¹.

В этом, как и в других упомянутых научно-религиозных форумах, принимали участие не только представители гуманитарного знания, но и «естественники». Понятно, что они смотрят на основы христианской доктрины и статус религиозного мировоззрения в интеллектуальной культуре под несколько иным углом. Но именно сочетание различных точек зрения и дает тот бинокулярный, стереоскопический эффект, который позволяет видеть социальные явления и процессы объемными: и в плоскости теории, и в ракурсе актуального воздействия на мораль, психологию и поступки людей.

Заложенная под сводами Жировичской обители традиция дала хороший резонанс. И в органах государственного управления, и в академических аудиториях говорилось о том, что она должна продолжаться и развиваться, охватывая различные аспекты социальной, экономической и культурной жизни, формирования национальной идентичности в «привязке» к ключевым сюжетам отечественной истории, памятникам философской и религиозной мысли. Именно в таком проблемном разрезе философия истории всегда идет рука об руку с философией религии, внося свою лепту в еще один фундаментальный теоретический конструкт – философию общественно-государственной идеологии и государственного строительства. Как указывает Л. Е. Земляков, «события прошедших веков, однажды закрепившись в “исторической памяти” нашего народа, заложили фундамент так называемого генетического кода нации, особого духовного строя и чувствования всего многонационального и поликонфессионального общества. Мировой исторический опыт и многовековое наследие белорусской государственности позволяет говорить о том, что зачастую именно религия становится структурным каркасом, главной организующей силой бытия общества и личности»².

Обратимся к последнему по времени мероприятию – конференции «Святой князь Владимир и Крещение Руси: цивилизационный выбор восточнославянского мира». Поводом для новой встречи послужила знаменательная

---

¹ Студенко Т. С. Философия и религия: пример консенсуса... – С. 92.

² Земляков Л. Е. Традиционные духовно-нравственные ценности – важнейшая составляющая идеологии белорусского государства // Духовно-нравственное воспитание на основе отечественных культурно-исторических и религиозных традиций и ценностей : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Жировичи, 27 мая 2010 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии, Беларус. Экзархат Моск. Патриархата Рус. Правосл. Церкви ; науч. ред. совет: М. В. Мясникович, Высокопреосвящ. Филарет [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2010. – С. 19.

дата – 1000-летие со дня преставления Крестителя Руси святого равноапостольного князя Владимира Святославовича. Но, как и было запланировано, проблемное поле конференции оказалось значительно шире. Ее целью стало философское осмысление путей цивилизационного развития Беларуси и восточнославянских государств в контексте вызовов современности. Достижение этой цели связано с раскрытием роли христианских ценностей и культурно-символического значения фигуры святого равноапостольного князя Владимира в истории восточнославянского региона; обоснованием статуса и задач философии истории в системе современного научного знания; обобщением опыта сотрудничества светских и церковных организаций в деле системной реконструкции, изучения, повышения воспитательного потенциала отечественного духовно-культурного наследия; разработкой приоритетных направлений сотрудничества Национальной академии наук Беларуси и Белорусской Православной Церкви в сфере историко-археологических, архивоведческих, социологических, искусствоведческих, религиозно-ведческих и других социально значимых исследований на среднесрочную перспективу.

В ходе конференции, участие в которой приняли Председатель Президиума Национальной академии наук Беларуси В. Г. Гусаков и Высокопреосвященнейший Павел, Митрополит Минский и Заславский, Патриарший Экзарх всея Беларуси, были раскрыты особенности интеллектуальной и духовной традиции восточнославянского региона, роль князя Владимира Святославовича в христианизации Восточной Европы и связанные с этим цивилизационные сдвиги, определившие судьбу этого обширного геокультурного пространства на последующее тысячелетие. В пленарных и секционных докладах затрагивались исторические обстоятельства принятия христианства на Руси с вниманием к личной истории и духовным исканиям князя-крестителя, а также исторические судьбы православия и его роль в этнонациогенезе белорусов, вопросы церковного единства и межконфессионального диалога, ценностные и методологические аспекты синтеза научной и религиозной картины мира.

Вновь прозвучали такие стержневые для современной гуманитаристики темы, как духовно-нравственный мир человека в социальных коллизиях; этика науки и актуальные задачи социогуманитарной экспертизы научно-технического прогресса; обновление форм и методов гуманитарного образования и гражданско-патриотического воспитания. Среди авторов докладов были академики НАН Беларуси Е. М. Бабосов и Д. И. Широков, члены-корреспонденты Л. Ф. Евменов, А. А. Коваленя и В. К. Савченко, известные в нашей стране ученые В. Н. Ватыль, В. Б. Еворовский, Л. Е. Земляков, И. В. Котляров, А. А. Лазаревич, А. И. Лойко, В. А. Максимович, В. А. Мартинович, М. А. Можейко, А. В. Слесарев, В. А. Теплова, Я. С. Яскевич, представители богословского знания, педагоги минских духовных школ протоиереи Владимир Башкиров, Сергей Гордун, Сергей Лепин, Александр Ро-

манчук и многие другие. Примечателен и страновой охват конференции: это Беларусь, Россия, Украина, Армения, Казахстан, Молдова.

Состоявшиеся дискуссии обнажили целый комплекс задач, связанных с развитием взаимодействия научно-образовательной среды и Церкви в социокультурных условиях современной Беларуси. Среди них – организация исторических, философско-методологических и социологических исследований в интересах Церкви и ее структур; сотрудничество в деле охраны и реставрации объектов культурного наследия; совместная работа по борьбе с социальными пороками, девиантным и зависимым поведением; преодоление негативных установок, угрожающих нравственной и демографической безопасности страны, кризиса семейных ценностей и межпоколенческих отношений; совершенствование учебно-воспитательного процесса с учетом эффективного и грамотного использования новейших информационно-коммуникационных средств и технологий, а также ряд других тем.

Думается, что деятельность Института философии и организуемые им мероприятия вносят весомый вклад в создание условий для более тесного сотрудничества органов государственной власти, институтов гражданского общества, ученых и служителей Церкви в разработке стратегии духовного оздоровления и развития социума. По мнению Митрополита Минского и Заславского Павла, «наша обязанность перед будущими поколениями – быть солидарными партнерами, а не жить в предрассудках друг о друге, разрушая хрупкую гармонию души, которая как чудо расцветает только там, где есть доверие, мир и любовь»¹.

Ушли в прошлое времена, когда наука и, в частности, гуманитарное знание ставились в зависимость от богословия. Минула и та, сравнительно недавняя эпоха, когда воинствующий позитивизм стремился вытеснить проблемы и истины веры за рамки духовной практики образованного человека. Отечественная интеллектуальная традиция XX века дает нам примеры, когда именно философия выступала заступницей богословия перед модернизирующимся обществом и государством, примеры чего видим, в частности, в русской религиозной философии.

Философия, как никакая другая сфера познания, бережно хранит, каталогизирует, исследует всю историю интеллектуального самоопределения человечества, все его духовные поиски, находки и ошибки. Именно в рамках философии складывается убеждение, что культура мышления редукционистского типа (такая, что делает упор лишь на техницистскую рациональность или, напротив, на субъективные проявления эмоций, переживаний, веры)

---

¹ Высокопреосвященный Павел. Православная Церковь в современном белорусском обществе: смысл образовательных инициатив // Религия и образование в светских обществах: опыт, проблемы, перспективы : материалы Междунар. науч. конф., г. Минск, 27–28 мая 2014 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск : Право и экономика, 2014. – С. 18.

На пути к гармонии интеллектуальной культуры. Философский диалог...

не удовлетворяет потребностям социума как многомерной системы, провоцирует социальные, экологические, духовные кризисы. Для нынешнего кризисного состояния актуальна та интеллектуальная культура, которая и позволит реконструировать духовную жизнь общества в ее полноте, наблюдать ее дисбалансы, прогнозировать ее состояния, реализовывать механизмы гармонизации и мягкого управления.

По мнению директора Института философии НАН Беларуси А. А. Лазаревича, «задача строительства сильного государства и устойчиво развивающегося, инновационно ориентированного общества должна решаться в опоре на веками проверенный комплекс ценностей, традиций и идеалов. Гармоничное сосуществование и развитие ценностей интеллектуальной и духовной сферы является важнейшим условием активизации человеческого потенциала, формирования инновационной культуры мышления и деятельности, толерантного отношения к другим традициям, культурам и вероисповеданиям»¹.

Диалог ученых и богословов, организуемый усилиями Института философии НАН Беларуси, безусловно, помогает решать эту задачу.

*С. А. Мякчило, магистр,
ученый секретарь Института философии НАН Беларуси*

---

¹ Лазаревич А. А. Наука и духовно-нравственные ценности в интеллектуальной культуре современного общества // Религия и образование в светских обществах: опыт, проблемы, перспективы... – С. 28.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- **Адуло Тадеуш Иванович**, доктор философских наук, профессор, Институт философии НАН Беларуси;
- **Жукова Елена Анатольевна**, доктор философских наук, профессор, Томский государственный педагогический университет, e-mail: km2_12@rambler.ru;
- **Земляков Леонид Евгеньевич**, доктор политических наук, профессор, Белорусский государственный университет;
- **Капитонова Татьяна Александровна**, кандидат философских наук, Институт философии НАН Беларуси;
- **Карако Петр Семенович**, доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный университет;
- **Кикель Павел Васильевич**, доктор философских наук, профессор, ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь»;
- **Колесников Андрей Витальевич**, кандидат философских наук, доцент, Академия управления при Президенте Республики Беларусь;
- **Крюков Валерий Михайлович** кандидат философских наук, доцент, e-mail: wmkgu@mail.ru;
- **Куиш Александр Леонтьевич**, кандидат философских наук, доцент, Институт философии НАН Беларуси;
- **Куксачёв Николай Николаевич**, аспирант, Институт философии НАН Беларуси;
- **Лазаревич Анатолий Аркадьевич**, кандидат философских наук, доцент, Институт философии НАН Беларуси;
- **Левко Анатолий Игнатьевич**, доктор философских наук, профессор, Институт философии НАН Беларуси;
- **Лойко Александр Иванович**, доктор философских наук, профессор, Белорусский национальный технический университет;
- **Максимович Валерий Александрович**, доктор филологических наук, доцент, Институт философии НАН Беларуси;
- **Мушинский Николай Иосифович**, кандидат философских наук, доцент, Белорусский национальный технический университет;
- **Мякчило Степан Антонович**, магистр, Институт философии НАН Беларуси;
- **Осипов Алексей Иванович**, доктор философских наук, профессор, Институт подготовки научных кадров НАН Беларуси;
- **Павлюкевич Вадим Иосифович**, магистр, Институт философии НАН Беларуси;
- **Плебанек Ольга Васильевна**, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов;

Сведения об авторах

- **Пунченко Олег Петрович**, доктор философских наук, профессор, Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова (Украина), e-mail: kaphedra.philos@onat.edu.ua;
- **Сороко Эдуард Максимович**, доктор философских наук, доцент, Институт философии НАН Беларуси;
- **Спасков Александр Николаевич**, кандидат философских наук, доцент, Институт философии НАН Беларуси;
- **Старжинский Валерий Павлович**, доктор философских наук, профессор, Белорусский национальный технический университет;
- **Титаренко Лариса Григорьевна**, доктор социологических наук, профессор, Белорусский государственный университет; e-mail: larissa@bsu.by;
- **Шерис Александр Владимирович**, кандидат политических наук, заместитель директора НП ООО «ОКБ ТСП»;
- **Яскевич Ядвига Станиславовна**, доктор философских наук, профессор, Институт социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия приглашает авторов к публикации в ежегодном сборнике научных трудов «Философские исследования»

Тематические приоритеты (рубрики):

- Проблемы онтологии и теории познания
- Философские проблемы социальной динамики
- Философско-антропологические исследования
- Аксиологические аспекты социального бытия
- Философские аспекты образования
- Философско-методологические проблемы науки и техники
- Метафилософские исследования
- Историко-философские исследования
- Философия культуры и религии
- Проблемы формирования экологической культуры
- Национальная философская мысль

Статьи, оформленные согласно указанным ниже требованиям, с рецензией и данными автора, принимаются на бумажном носителе по адресу: 220070, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2, каб. 810, Институт философии НАН Беларуси, а также по e-mail: journal@philosophy.by. Справки по телефону: 8-017 284 29 25.

Требования к оформлению работ

Объем печатного материала должен составлять от 0,4 до 0,8 п. л. (или 16 000–32 000 знаков с пробелами). Текст предоставляется на бумажном носителе, а также в формате Word для Windows, шрифт Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал одинарный, страницы не нумеруются; все поля – 2 см. Текст – с абзачным отступом 1,2 и выравниванием по ширине строки.

В начале статьи указывается УДК с выравниванием по левому краю. С красной строки с выравниванием по центру прописными буквами жирным шрифтом – название (не более двух строк). Инициалы и фамилия автора указываются через 1 интервал после названия прописными буквами курсивом с выравниванием по центру, затем через 1 интервал размещается резюме на русском языке, далее через 1 интервал печатается основной текст.

Список литературы приводится в конце текста после слова «Литература» (по центру) и оформляется в соответствии с «Образцами оформления библиографического описания в списке источников, приводимых в диссертации и автореферате» (Приказ Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 25.06.2014 № 159, <http://vak.org.by/index.php?go=Pages&in=view&id=272>). Ссылки на источник указываются в тексте в квадратных скобках: номер ис-

Информация для авторов

точника и номер страницы (например, [10, с. 795]); нумерация приводится в порядке цитирования или в алфавитном.

После списка литературы через 1 интервал следует название статьи по-английски прописными буквами с выравниванием по центру, затем через 1 интервал прописными буквами даются инициалы и фамилия автора по-английски (по паспорту), после чего через 1 интервал – резюме по-английски.

В конце через 1 интервал следуют данные автора: полностью фамилия, имя и отчество, ученая степень, звание, должность, место работы, адреса почтовый и электронный, контактный телефон.

К статье прилагается рецензия, заверенная учреждением рецензента.

Оргкомитет вправе отклонять материалы, не соответствующие тематике сборника, требованиям к научному уровню, объему, оформлению и корректуре.

Научное издание

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных трудов

Выпуск 2

Редактор *И. А. Старостина*
Художественный редактор *Д. А. Комлев*
Техническое редактирование
и компьютерная верстка *О. А. Толстой*

Подписано в печать 25.09.2015. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 24,05. Уч.-изд. л. 20,2. Тираж 150 экз. Заказ 176.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.